

СМЕНА

май
2000

Судно-гидрографический колледж

Г. Свирафов Роза и крест А. Блока

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак , поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Главный редактор*Михаил Кизилов***Редколлегия:****зам. главного редактора***Борис Данюшевский**Николай Левинев***зам. главного редактора***Сергей Попов***главный художник***Виталий Федоров***редактор отдела****литературы и искусства***Шамара Чинина*

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Смена 2000
май (1627)

Сдано в набор 14.3.2000.
Подписано к печати 17.4.2000.
Бумага газетная.
Печать офсетная.
Заказ № 934
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отмечено в типографии
ОАО ПЮ "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПЮ "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2000.

60 *Юрий Дружников*

**ТАНГО
С ПРЕЗИДЕНТОМ**

Рассказ

126 *Буало-Нарсежак*

КОЛДУНЫ

Детектив

236 *Аюп Мелконян*

**ПОЦЕЛУИ
ДЖУЛЬЕТТЫ**

Фантастический рассказ

Светлана

4 *Бестужева-Лада*

**МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ
НА ЛИНИИ ФРОНТА**

14 *Борис Сопельняк*

**УБИТЫЕ
БУДУТ ЖИТЬ**

48 *Николай Зуев*

**ШНИЦЕЛЬ
ПО-СПАРТАКОВСКИ**

Светлана

53 *Бестужева-Лада*

**"ПРОСТИ МНЕ
ТВОЮ ИЗМЕНУ..."**

255 *Галина Калинина*

О, МОИ ПРЕДКИ!

май '2000

В НОМЕРЕ:

стр. 98

стр. 108

26 *Любовь Русева*
НАДЕЖДА ФЛОТА

40 *Рамазан Рамазанов*
**ЭТЮД В ХОЛОДНЫХ
ТОНАХ**

98 *Михаил Боярский:*
**"ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ -
ЖЕНЩИНА"**

108 *Лилия Байрамова*
ПИССАРРО

210 *Геннадий Евграфов*
**РОЗА И КРЕСТ
АЛЕКСАНДРА БЛОКА**

223 *Валентин Курбатов*
**ДЕНЬ В СЕРЕДИНЕ
НЕДЕЛИ**

264 *Земфира:*
**"НИКОГДА НЕ БУДУ
ПЕТЬ "МУРКУ"**

стр. 264

11 *Владимир Кошелев*

Милдред Дэвис
**КОМНАТА
НАВЕРХУ**

История семьи Корвит основана на сложных взаимоотношениях сестер, одна из которых попадает в автокатастрофу, лишается былой красоты и сидит взаперти в «комнате наверху». Все знают, что она там, даже навещают время от времени и ждут ее выздоровления. Здесь и выходит на первый план детективная интрига, разгадать которую удастся инспектору Свендсену.

Лина Шархова
**ВОЗМЕЗДИЕ ИЛИ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

Наши дети — племя не только младое, но и всегда незнакомое, в силу возраста часто не способное разобраться, где добро, а где зло, часто не представляющее себе всех последствий своих поступков. В развитых странах издавна издают для детей специальные законы, есть специальные «детские» судьи. И называется это все ювенальной юстицией. О первых ростках ювенальной юстиции в Москве — очерк нашего корреспондента.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Э тот День Победы... Чем меньше остается в живых непосредственных участников действительно Великой и действительно Отечественной войны, тем труднее о ней писать журналистам. Все больше и больше это становится делом историков. Та война закончилась пятьдесят пять лет назад, после этого выросло уже, как минимум, два поколения. Для истории — миг. Для людей — целая жизнь.

Так вот, но Дню Победы захотелось мне написать о счастливой семье, начало жизни которой было положено как раз в дни войны, а сохранилась она до сих пор. Герои героями, но интересно ведь, что стало с людьми, полюбившими друг друга в те далекое и суровые годы. Ведь и тогда были не

только "военно-полевые романы" и "походно-полевые жены". Была, если можно так сказать, "нормальная" человеческая жизнь, счастливая любовь, заключались очень прочные браки.

Борис Андреевич и Зоя Васильевна согласились со мной встретиться сразу. Только никак не могли взять в толк, что интересного они могут рассказать о себе. Ну, познакомились, влюбились, поженились, родили и воспитали двух детей, теперь обожают своих трех внучат. И что?

А то, что на первый же вопрос, где встретились, ответ последовал вот такой:

— Познакомились в блокадном Ленинграде, в Семеновских назармах. Я там была старшей связисткой в роте связи, а Бо-

МЕДОВЫЙ НА ЛИНИИ

МЕСЯЦ ФРОНТА

ря — заместителем командира роты, политруком...

Познакомились-то в Ленинграде, а роман развивался уже непосредственно на передовой — линия фронта проходила в восьми-стах метрах от их землянок. Конечно, девушки-связистки жили отдельно, а замкомроты делил землянку еще с двумя офицерами. Вот в таких условиях расцвел и дал плоды не каной-нибудь скоротечный военно-полевой, а самый обычный роман, да еще со счастливым концом. А вернее — счастливым началом долгого-долгого совместного пути по жизни, который продолжается и по сей день.

Борис был призван в армию в октябре 1940 года, чуть ли не со школьной сумкой. В институте учиться не пришлось, потому что направили его в Ленинград, в Военно-политическое училище им. Энгельса.

Но на фронт, под Псков их отправили только в конце июля 1941-го. Там Борис Андреевич участвовал в своем первом бою, там впервые в жизни увидел немца и впервые в жизни заколол человека. Штыком, потому что на вооружении Красной Армии тогда были трехлинейные винтовки, а не автоматы Калашникова. И молодых солдат учили: "длинным колом и коротким колом". Учили так, что все произошло почти автоматически. Целью шли на немцев, те на них, и во ржи Борис увидел этого немца. Тот был с автоматом и пока с ним колупался, да еще, наверное, тоже впервые в жизни живого русского увидел, замешкался, Борис и вспомнил — "длинным колом".

— Причем и он упал, и я упал. Лежу и думаю: живой я или уби-

тый? Пошевелился — вроде живой. Вот штык из немца сразу никак вытащить не мог — всадил очень глубоко.

Отошли под самый Ленинград 6 сентября, а 8 сентября немцы сомкнули вокруг города кольцо блокады. В декабре 41-го года направили Бориса в 13-ю дивизию комиссаром лыжного батальона — в состав его входили в основном солдаты из Казахстана, которые никогда в жизни на лыжах не ходили, да и снег не все видели.

И когда началась атака под Пулковом, то выяснилось, что по мусульманским обычаям (а все солдаты были мусульмане) если кого-то убили, то над ним нужно немедленно прочесть поминальную молитву, причем для этого собраться всем вместе над телом. Когда немцы это обнаружили, то несколькими залпами из шестиствольного миномета накрыли почти весь батальон. Был тяжело ранен и Борис.

— Вытащила меня с того света моя школьная подруга, которая пошла на фронт медсестрой и случайно она оказалась в нужное время в нужном месте. Шура Шапошникова. А я и не знал, что она тоже в нашей дивизии. Мы с ней встретились уже после войны. А после госпиталя меня направили политруком в роту связи, в Семёновские назармы. А там старшей связисткой — Зоенька.

Зоя на войну пошла добровольцем. Бегала в райком комсомола, в военкомат, а ей везде отказывали. Наконец "сжалились": на фронт отправлялась очередная партия связисток, и Зою Васильевну включили в новую группу, которой предстояло обучение, и только после этого — театр бое-

вых действий. В Чебоксарах по сентябрь 1942 года обучалась на телеграфистку. 9 сентября их привезли в Ленинград — тогда уже блокадный. Переправляли ночью на баржах через Ладожское озеро. А потом на трамваях, которые все еще ходили, отвезли в Семёновские казармы. Здесь и произошла "роковая встреча", здесь и возникла любовь с первого взгляда.

Правда, Зоя Васильевна говорит, что ни о какой любви она тогда вообще не думала: не для того она рвалась на фронт, чтобы романы крутить. Она, как и все тогда, хотела защищать Родину. И я ей верю. Если бы было иначе, не было бы победных салютов 1945 года.

Но того, что Борис Андреевич понравился ей с первого взгляда, Зоя Васильевна не скрывает. Когда роту связистов знакомили с новым начальством, в зал, где выстроились девушки, вошли трое офицеров. А Зоя видела только одного — Борю. И очень огорчилась, когда узнала, что он не командир, а политрук. Поскольку по собственному, хоть и небольшому, опыту знала, что все политруки — трепачи. Правда, потом ее мнение изменилось: трепачом Борис Андреевич и смолоду не был. Но в этом она убедилась значительно позднее.

— Нас же как воспитывали: командир — это царь и Бог, и никаких других отношений с ним быть не может. Я просто права не имела позволить себе влюбиться.

— А я влюбился. И начал хитрить, придумывать предлоги, чтобы нам с ней встречаться. Например, оформлял с ней "Боевой листок".

Так начался этот фронтовой роман.

Вместе с другими девушками Зоя в свободное от учебы время вылавливала дрова из Невы, чтобы топить помещение, расчищала завалы после бомбежки и ждала, ждала отправки на фронт. Наконец пришло распоряжение передать роту связистов в 23-ю артиллерийскую дивизию РГК (резерв Главного командования). Из Семёновских казарм их перевели в укрепленный район — на Пулковские высоты. А потом дивизию перебросили через Неву и стали готовиться к прорыву блокады. Жили в землянках, так что быт был соответствующий. К тому же Зоя была девушкой строгих правил: к ней, как к некоторым другим связисткам, никто даже приставать не пытался. Они и с Борисом-то первый раз поцеловались уже на свадьбе.

Самое интересное заключалось в том, что решение жениться принял не Борис и уж, конечно, не Зоя, а...командир, некто Драпкин, который в декабре 1942 года с утра пораньше в лоб спросил старшую связистку Тонменинову (девичья фамилия Зои Васильевны):

— Тебе комиссар Николаев нравится?

Получив утвердительный ответ, твердо, по-командирски, сказал: женитесь. И Борису в тот же день посоветовал:

— Женись на Тонмениновой, лучшей жены тебе не найти.

Как в воду глядел. Закончилось это оригинальное сватовство тем, что командир издал приказ по роте о том, что замкомроты капитан Николаев и старшая связистка Тонменинова вступают в за-

конный брак. Им вырыли отдельную землянку, обшили ее брезентом. Свадьбу справили, всем по двойной порции спирта выдали. За что потом Борис Андреевич получил выговор от командира дивизии: на передовой, в 800 метрах от линии фронта, спаивает личный состав, чем подрывает боеспособность армии.

— И что, — не смогла я сдерживать своего любопытства, — первая брачная ночь у вас проходила под носом у немцев?

— А где же еще?

— Так ведь обстрелы, бомбежки...

— Ну и что? На войне все время стреляют. А любовь есть любовь, и отвлечь нас от нее ничто не могло.

Через месяц после свадьбы молодожены съездили в Ленинград и зарегистрировались в загсе — эти учреждения в городе работали. И там им выпала неслыханная удача: переночевать в доме у приятеля на двухспальной кровати. Им обоим было страшно интересно: как это все на кровати, а не на нарах получается. То, что район, где они ночевали, бомбили, их занимало крайне мало, поскольку к стрельбе и бомбежкам давно привыкли. Они и не слышали, что бомбили...

Ночь любви под бомбами... Представить себе такое — трудно, практически невозможно. Сейчас на улице не то что выстрел — выхлоп автомобильный произойдет, больше никто уже ничего не захочет, да и не сможет. А на войне, оказывается, как на войне.

А еще на войне, как всем известно, случается, убивают. Посему Борис Андреевич решил, что

Родину он будет защищать сам, а жена должна заниматься естественным женским делом: рожать детей. В феврале 1944 года Зоя Васильевна уехала к своим родителям в деревню. Там 24 июня 1944 года родилась старшая дочь, Тамара.

После войны дивизию Бориса Андреевича отвели в Кенигсберг, туда к нему и приехала вместе с дочкой Зоя Васильевна. Жилось им там, по единодушному мнению супругов Николаевых, еще труднее, чем на фронте. На фронте ведь все лишения и трудности как бы в порядке вещей, зато голова не болела о том, что есть, во что одеваться, где ночевать. А в мирное время, но в чужом, разоренном войной городе...

Потом Бориса Андреевича направили учиться в Москву, в Военно-политическую академию. Зоя Васильевна с Тамарой, конечно, поехали с ним. Денежное содержание, то есть стипендия слушателя академии — 600 рублей. За комнату в коммуналке — 300 рублей. На остальное живи, как сможешь. Работать Зоя Васильевна не могла — в Москве ей дали только временную прописку, с ней на работу не брали, получался вообще замкнутый круг. Но пережили и это, после академии уехали в Белоруссию, в гарнизон. Все налаживалось, в 1952 году, уже в Бобруйске, родился сын Саша. И вдруг...

— Через год меня, дурака, сагитировали: "Давай, мол, Борис, в стратегическую разведку". И вернулся я опять в Москву, теперь в Военно-дипломатическую академию. Опять снимали частное жилье. Выручал офицерский паек, которого хватало, правда, только

на полмесяца. А потом меня дернуло отстаивать права офицеров, и я "схватился" с начальником академии. Выступил на партийном активе Главного Разведуправления, разделал начальника под гром аплодисментов, вышел оттуда гоголем. А мне за подрыв единоначалия в Советской Армии объявили строгий выговор с предупреждением и вытурили с последнего курса академии снова в войска.

В 1956 году семья Николаевых отправилась в Слуцк, где у них было первое относительно нормальное жилье — финский домик. Но жили там недолго: через год перевели в Брест. Там, впрочем, тоже не задержались по очень интересной причине, о которой, улыбаясь, рассказал Борис Андреевич:

— В это время Хрущев как раз схлестнулся с Жуковым, и нужно было найти офицера, которого Жунов якобы избил. Я Жукова раз в жизни видел в Берлине, да и то издали. А мою кандидатуру преподнесли так, что, мол, это тот самый подполковник Николаев, который был избит Жуковым, выгнан из академии и оказался в войсках. Якобы за то, что критиковал жесткие порядки, введенные Жуковым в армии. А я об этих интригах — ни сном, ни духом, зато меня вызывают в Генеральный штаб и говорят:

— Поезжайте, срочно заканчивайте академию.

Так в 1957 году я снова очутился в Москве, а Зоя осталась с детьми в Бресте. Доокончил, так сказать, академию. Сину в резерве ГРУ. Месяц, другой, третий проходит. Никто меня не вызывает. Пошел я к начальству и попро-

сился обратно в войска — в Белорусский военный округ. И меня с радостью отправили обратно в Брест. Все ведь, наоборот, в Минск рвались, а я, так сказать, "встречным потоком"...

Поездила Зоя Васильевна с Борисом Андреевичем много, впрочем, как и большинство офицерских жен. И все те же проблемы: специальности никакой получить не удалось, до войны закончила только один курс биологического факультета ИГУ и ушла добровольцем на фронт. Потом, после войны, осилила три курса в педагогическом институте в Москве на заочном отделении. Так что и работала соответственно, если вообще хоть какую работу найти удавалось.

В 1966 году полковника Николаева перевели в ГДР, а в 1972 году — снова в Москву. Тут уже получили трехкомнатную квартиру на далекой тогда окраине. Зоя Васильевна до пенсии еще поработала старшим инспектором кадров Института неорганических материалов. И если у нее пенсия — как у всех, то у Бориса Андреевича пенсия побольше — военная.

Так что на жизнь они не жалуются: хватает и на еду, и на остальное, да еще умудряются помогать внучке Оле, которая учится в платном институте. Дочь с внучкой живут "за границей", в Минске. И хотя цены там, конечно, с московскими не сравнить, платное образование — все равно роскошь. Но Тамара и сама неплохо зарабатывает: окончила консерваторию по классу искусствоведения, защитила диссертацию, доцент, преподает, кроме консерватории, еще в двух инсти-

туда. Крутится, конечно, как белка в колесе, но не бедствует.

И сын Саша живет в Москве, женат, у него двое детей. Работает электросварщиком, зарабатывает неплохо, у родителей помощи не просит.

Еще несколько лет тому назад всей их семье очень помогал небольшой, но ухоженный участок под Ульяновском. Почему так далеко от Москвы? Да по жизни получилось. В Ульяновске живет брат Зои Васильевны, он и помог недорогой домик с хорошим участком купить и отремонтировать, баню поставить. Никогда раньше ни Зоя Васильевна, ни Борис Андреевич в земле не копались, строительством не увлеклись, а тут втянулись. И их огород прославился на все село.

По полгода там проводили, весь теплый, так сказать, период. И не только отдыхали, но еще и зарабатывали. Когда в 1990 году был "голодный бум", они выращивали на огороде по тонне лука — в тамошних местах он лучше всего растет. Картошку, конечно, тоже, но не в таких количествах. Тогда за килограмм лука в заготпункте платили по 50 копеек, получалась приличная сумма. В 1996 году вырастили 850 килограммов лука, чеснока, морковки, свеклы и все это продали в местное кафе...

Но тот домик с участком пришлось продать, точнее, поменять на участок под Москвой. Слишком далеко было ездить — уже не по силам. Хотя и дорогу на подмо-

говную "дачу" тоже отдыхом назвать трудно: метро, электричка, автобус. Впрочем... как у большинства россиян, не лучше и не хуже.

На мой вопрос, считает ли она себя счастливым человеком, Зоя Васильевна ответила:

— Я бы так не сказала. В общем-то я себя считаю несостоявшимся человеком: без образования, без диплома. Во мне что-то пропало, что могло бы пригодиться людям. Не знаю, что, но пропало. Хотя вы меня, наверное, про женское счастье спрашиваете? Тогда, конечно же, я счастлива! У меня прекрасный муж, замечательные дети, любимые внуки. У нас прекрасная семья. Где бы мы ни были, нас всегда считали образцовой семьей. Мне все женщины всегда завидовали. Наверное, мы действительно эти самые две половинки, которые друг друга нашли...

— По приказу начальства...

— Кто же знает, где и как найдешь свою половинку? — философствует Борис Андреевич. — У нас получилось вот так: может быть, и необычно, но на всю жизнь...

Они и сейчас очень красивая пара — Борис Андреевич и Зоя Васильевна. Хотя до шестидесятилетнего юбилея — бриллиантовой свадьбы — им осталось ждать меньше двух лет.

Уверена — дождется.

И тяжелее, чем на той войне, им уже не будет. ■

Владимир КОШЕЛЕВ

Посвящается воинам России

СИМВОЛ ВЕРЫ

*Себя сужу высокой мерой —
Той мерой мне святая Русь.
Святая Русь — мой символ веры,
И от него не отрекусь.
Я с ним оберегал державу,
Брал штурмом горный перевал.
По долгу чести, по уставу
Врагу знамена не сдавал.*

*А жизнь и смерть распорядились, —
Я снял армейский свой мундир.
Как часто мне до боли снились
Шинель, истертая до дыр,
Афган, друзей погибших лица,
Шитье по золоту погон...
Но перевернута страница —
Прощай, десантный батальон.*

*Свой путь я снова начинаю,
Коль так назначено судьбой.
Иду вперед. Не заплутаю
И не стушуюсь пред бедой.
Святая Русь — мой символ веры.
Хоть сам я грешный и простой,
Произведенный в офицеры
Отчизны честный рядовой.*

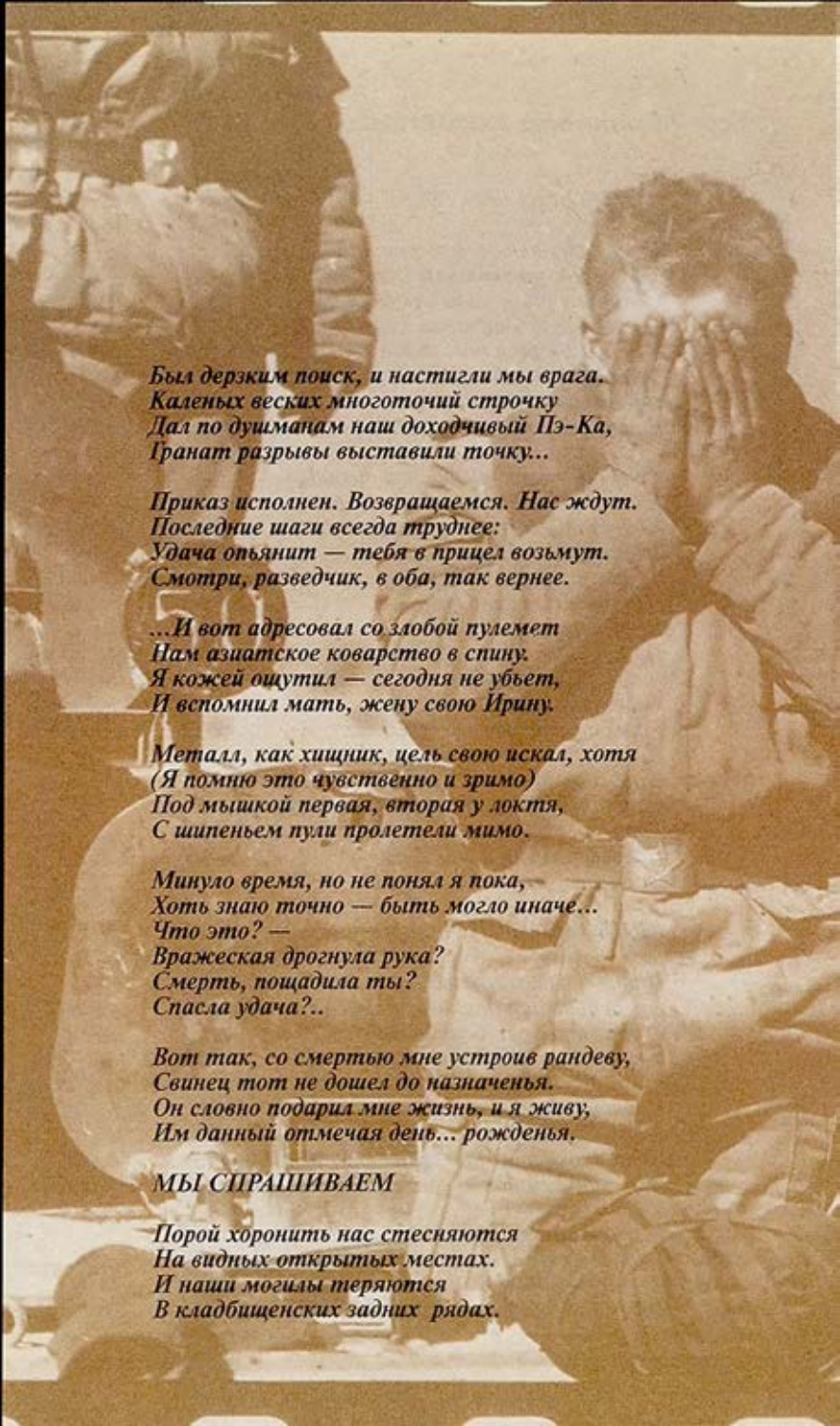
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*Патрон в патронник, автомат наперевес —
Нам снова дан приказ: "Вперед в разведку!"
Как орден, принял на цевье мой А-Ка-эС
Уже потом еще одну отметку...*

*Порой до боли вспоминаю этот бой,
Хотя он был и не из самых трудных.
Нещадно жарил нас сухой афганский зной,
И охлаждал поток предчувствий смутных.*

*Ведь там, где тихо Карубар течет река,
Уюжных старых кишлаков Герата,
За час до этого из нашего полка
Погибли прапорщик и два солдата.*

*Был дерзким поиск, и настигли мы врага.
Каленых веских многоточий строчку
Дал по душманам наш доходчивый Пэ-Ка,
Гранат разрывы выставили точку...*

*Приказ исполнен. Возвращаемся. Нас ждут.
Последние шаги всегда труднее:
Удача опьянит — тебя в прицел возьмут.
Смотри, разведчик, в оба, так вернее.*

*...И вот адресовал со злобой пулемет
Нам азиатское коварство в спину.
Я кожей ощутил — сегодня не убьет,
И вспомнил мать, жену свою Ирину.*

*Металл, как хищник, цель свою искал, хотя
(Я помню это чувственно и зримо)
Под мышкой первая, вторая у локтя,
С шипеньем пули пролетели мимо.*

*Минуло время, но не понял я пока,
Хоть знаю точно — быть могло иначе...
Что это? —
Вражеская дрогнула рука?
Смерть, пощадила ты?
Спасла удача?..*

*Вот так, со смертью мне устроив рандеву,
Свинец тот не дошел до назначенья.
Он словно подарил мне жизнь, и я живу,
Им данный отмечая день... рожденья.*

МЫ СПРАШИВАЕМ

*Порой хоронить нас стесняются
На видных открытых местах.
И наши могилы теряются
В кладбищенских задних рядах.*

Но мы, мы вас спросим, "стеснительных":
Что, наши теперь имена
И взглядов не стоят почтительных,
И ждет их забвенья стена?

Скажите, мы стали секретными,
Земле нас предали когда?
Ответьте, нам всем незаметными
Приказано быть навсегда?

Быть может, мы сами нескромные?
Вам это видней с высоты...
Что ж, прячьте в местечки укромные
Последние наши посты.

Но знайте, у трона предвечного
Мы скажем: "Исполнен приказ!"
Стыдиться?
Стыдиться нам нечего!
Но стыд остается за вас...

НЕ БЫЛ ОТДАН ПРИКАЗ

Не был отдан приказ: "Победить!"
Только, стиснувши зубы, стоять.
Приказали потом: "Отходить!"
Так за что нас тогда попрекать?

Мы исполнили долг и приказ,
Мы платили сполна по счетам.
Только дома не поняли нас,
Только душами мы еще там.

Там, где горы в коричневый цвет,
Где пустынь удушающий зной.
Так зачем этот гнусный навет,
Будто мы проиграли тот бой?

Мы вернулись с войны со щитом,
В цинк одев тех, кто был на щите.
Мы постигли афганский излом,
Мы — чужие в людской суете...

УБИТЬ БУДУТ ЖИТЬ

Все началось с телевизора. В конце февраля совершенно случайно увидел репортаж из Самарского окружного госпиталя. Наверняка он потряс не только меня, но и миллионы россиян. Напомню: речь шла о молодом солдате, которому чеченский снайпер попал в голову. Парнишка был жив, но потерял и память, и дар речи. "Кто он? — вопрошали с экрана. — Помогите опознать, тем более, что жетон на его шее сохранился, его номер Ф-636606".

Как я понял, обращение адресовалось прежде всего армейским чиновникам. Казалось бы, чего проще: полковник из Арбатского военного округа (так в обиходе называют здание Министерства обороны) нажимает на кнопку компьютера — и на экране чита-

ются фамилия, имя, номер части и город, откуда призывался солдат. Ан, нет! Оказывается, выделенных министерству миллиардов не хватает на то, чтобы более или менее грамотно организовать учет военнослужащих. Зачем же тогда ввели эти жетоны? Что это, дань моде, нелепое выполнение приказа или хорошо известная армейская бестолковость?

Шли дни, недели, а бравые полковники и паркетные генералы мямлили что-то несусветное, кивая друг на друга, но установить фамилию умирающего солдата не могли.

Тем временем на ноги поднялась вся Россия. В Самару ехали матери, бабушки, отцы и сестры... Первой солдатина опознала молодая женщина: она сказала, что это ее брат. Но через пару

Мэирбен Хутинаев.

дней, когда парнишка смог назвать свое имя, оказалось, что брата зовут иначе. Потом приехали еще две женщины: они заявили, что являются матерью и бабушкой и что фамилия Андрея — Писарев.

— Надо было видеть почерневшие от горя лица и сияющие от счастья глаза этих женщин, — рассказывает начальник госпиталя Владимир Молонов. — Ведь они уже смирились с потерей, мысленно его похоронили и чуть было не заказали заупокойную, а он, оказывается, жив. И мать, и бабушка не отходили от постели, все возможное и невозможное делали врачи, не смыкали глаз медсестры — и Андрюша заговорил.

— Заговорил?! — не поверил я. — Этого не может быть! Ведь если верить официальным сооб-

щениям, у него поврежден речевой отдел мозга.

— Не просто поврежден, а частично отсутствует — его пришлось удалить. Но в том-то и фокус, что Бог создал нас с большим запасом прочности: в случае необходимости один участок мозга может брать на себя функции другого, который по тем или иным причинам выбыл из строя.

— Можно посмотреть на парня? — с надеждой спросил я, зная, что Андрей, как говорят врачи, затяжелел и находится в реанимации.

— Можно, — после паузы проронил Владимир Афанасьевич. — Только чуть попозже: сейчас с ним работают врачи.

А теперь расскажу о том, как попал в Самарский окружной клинический Краснознаменный име-

ни 3-го Номинтерна госпиталь № 358. Некоторое время тому назад мне довелось побывать в печально известной Ростовской-на-Дону 124-й лаборатории, сотрудники которой занимаются идентификацией трупов погибших в Чечне воинов. Специалисты там работают уникальные, их девиз — "Могилы неизвестного солдата не должно быть", и вот в тот момент, когда к стене прикрепляли табличку под номером 603 — это значит, что они установили 603 имени практически не подлежащих опознанию тел, — один из экспертов сказал:

— Если бы не самарские хирурги, хлопот у нас было бы гораздо больше. Я видел, как они работают — ребят возвращают практически с того света.

Я запомнил эти слова. А потом был тот самый сюжет по телевидению о неизвестном солдате, находящемся в Самарском госпитале. Все сошлось — и я рванул в Самару.

Этот госпиталь — один из старейших в России, он основан в 1865 году. Сперва это был казачий лазарет на 50 коек, расположенный на территории мужского монастыря. Сейчас здесь 900 коек. Оборудование — сверхсовременное, врачи — экстра-класса, работать в его стенах — очень престижно, и специалисты сюда рвутся со всей России.

Чтобы закончить с цифрами, скажу, что с ноября прошлого года сюда поступило 600 раненых, 406 уже вылечили и вернули в строй, 6 человек все же потеряли, но у них были ранения, несовместимые с жизнью.

Все это мне рассказал начальник госпиталя. Я сидел в его ка-

бинете, что-то записывал в блокнот и, если так можно выразиться, в глубине души скрежетал зубами: Владимир Афанасьевич никак не мог сосредоточиться на беседе, чуть ли не ежеминутно ему приходилось хвататься за телефонную трубку. Сперва я делал вид, что эти разговоры меня не интересуют, но потом насторожился: уж очень странные он вел беседы. Кому-то он говорил: "Так точно! Стараемся. Нет. Да. Нет. Есть!" Кому-то: "Ну, что вы, милая, заходите! Рады будем видеть. Мы вас помним, скучаем, а выздоравливающие от ваших песен и ваших платьев вообще без ума".

Потом, вдруг, и стиль, и тональность резко менялись. "Ты еще живой? Ну, ты, в натуре, даешь! А то заходи, что надо отрежем, что не надо — пришьем. Капуста? Нужна, очень нужна. Крышу надо менять, вот зачем! Да нет, не в том смысле. Крышу надо менять на третьем корпусе, шиферную. Так что? Нет, говоришь, база-ра? Заметано, крыша за тобой".

А еще кому-то полковник Молоков втолковывал: "Только не апельсины! Извините, но от них у наших солдатиков уже понос. А вот варенье, огурчики, помидорчики — сколько угодно".

Заметив мое недоумение, Владимир Афанасьевич понимающе улыбнулся и в одну из пауз сказал:

— Так и напишите: нам помогает весь город! Как-то я выступил по местному телевидению и рассказал о наших трудностях. Что тут началось! Заводы перечисляют однодневную зарплату, школьники несут деньги, которые им дают на завтрак, артисты рвутся в наш клуб, чтобы спеть-сплясать, домохозяйки тащат свои соленья и ва-

ренья, бандиты и те весьма активно предлагают материальную помощь. И я никому не отказываю! Беру все, что дают. Во-первых, чтобы никого не обидеть и поддержать душевный порыв, а во-вторых, все это идет в дело, ведь ребят надо ставить на ноги и в прямом, и в переносном смысле слова, возвращая им нравственное здоровье. Все! — взглянул он на часы. — Я убежал. Срочное дело в городе. А вам я дам сопровождающего — и ходите, где хотите, смотрите все, что заблагорассудится.

Я тут же решил пойти в хирургическое отделение: очень хотелось поговорить с врачами, возвращающими ребят с того света. Но не успели мы сделать и десяти шагов, как наткнулись на группу женщин с огромными клетчатыми сумками.

— Никак челноки? — удивился я. — Как вы сюда попали?

— Какие там челноки?! — засмеялись дамы. — Скорая продовольственная помощь! Мы с завода имени Масленникова, поесть-попить принесли. Солдатики-то, поди, недоедают...

Заглянул в сумки — и просто диву дался, там помещался целый гастроном: колбасы, окорока, хвостатые рыбины, пачки печенья, банки с компотами, соленьями и вареньями.

— Завном, что ли, деньги-то дал? — спросил я.

— Какой там завном! — дружно возмутились они. — Сами нашли. Скинулись с полочки и что-то купили, а что-то — из своих холодильников.

— Излишки? Или от себя отрывали?

— А хоть бы и отрывали! — свернула глазами самая рос-

лая. — Они же кровь проливали, — кивнула она на хирургический корпус. — За нас. И каленками стали — тоже за нас. Так что же мы не обойдемся без банки варенья или батона колбасы?!

— Делиться излишками — сердца не надо, — подхватила другая. — А вот когда последним — совсем другое дело. Так куда нести-то? — обратилась она к сопровождающему меня майору.

— Вон в ту дверь, — показал он. — Там вас встретят. Спасибо, бабоньки. Большое спасибо!

Я заметил, что, пока мы беседовали с посланцами завода имени Масленникова, чуть в стороне остановилась чистенькая, аккуратненькая старушка. Она терпеливо ждала, когда мы закончим разговор, а потом очень вежливо спросила:

— Извините, пожалуйста, но, может быть, вы подскажите, к кому мне обратиться?

— А что случилось? Вы больны? Вам нужно к врачу? К какому именно? — с профессиональными интонациями поинтересовался майор.

— Больна? Конечно, больна, — лучисто улыбнулась старушка. — Кто в мои годы не болен? Но я не к врачу. Я... помочь. Вот, — протянула она тщательно сложенный целлофановый пакет и покраснела. — Чем могу...

Так как у майора руки были заняты, он попросил меня взять бабушкин пакет. Я взял, поблагодарил, но старушка не уходила.

— Вы посмотрите, может, что не так, — смущенно попросила она.

Я развернул пакет и... честное слово, какой-то предательский спазм стиснул горло: в голубова-

том целлофане лежали простынка, пододеяльник, наволочка и полотенце.

— Господи, Боже правый! — рвануло сердце. — Ведь бабулька явно копила деньги, чтобы купить этот комплект. Пальтецо-то на ней потертое и мех на воротнике вылез, обновить бы гардеробец. А она — простынку. Нет, пока на свете есть такие старушки, мы — живы, и никакими синкерсами нас не сломать!

— Годится? — еще более смущенно спросила она. — Вы не думайте, я этим не пользовалась, комплект прямо из магазина. Но я его как следует прогладила. Я знаю, в больницу иначе нельзя.

И тут произошло нечто непредвиденное: красивый, вышеченный майор сунул мне коробку, которую держал в руках, подхватил пакет с постельным бельем, низко поклонился старушке, взял ее маленькую, сморщенную руку и бережно поцеловал.

То ли от растерянности, то ли в ней проснулось что-то забытое, но она вся вспыхнула, мгновенно стала выше, гордо вскинула голову и... сделала книксен! Мы дружно рассмеялись, проводили бабульку до ворот и, ощущая небывалый душевный подъем, двинулись в хирургический корпус.

Фронтвички в белых халатах

Каждый, кто бывал в больницах, знает, что тишина — одна из главных составляющих этих учреждений. А тут — шум, гам, тарарам, цветы, песни, ахи, охи, поцелуи, слезы, шутки, смех! Причем врачи обнимают врачей, медсестры — раненых, раненые — кого придется. Мой майор тоже бро-

сился в толпу и вскоре все его лицо было в помаде.

— Что случилось? — прорвавшись к нему, крикнул я. — Свадьба? День рождения?

— Да нет, какая там свадьба. Наши вернулись! С войны! Пять месяцев в Чечне! Представляете, пять месяцев на передовой — и все живы. Ура-а! — закричал он. — Фронтвикам и фронтвичкам — ура-а!

— Ура-а! — подхватили перебинтованные солдаты и исхудавшие на фронтовых харчах врачи и медсестры.

А потом я распушил усы, пустил в ход все свое мужское обаяние и похитил двух самых симпатичных медсестер — сержанта Свету Широконову и старшего сержанта Люсю Губанову. Мы нашли свободный кабинет, заварили по чашке чая и уселись в укромном уголке.

— Так сколько все-таки вы там были? — уточнил я.

— Без малого пять месяцев, — пряча под диван стройные ножки, обутые в армейские бахилы, ответила Люся.

— Вернулись все?

— Нет, только одна треть, — прихлебывая чай, бросила Света.

— Как это? — поперхнулся я.

— Наш медицинский отряд состоял из 122 человек. Время от времени часть личного состава обновляется — только и всего. А живы, слава Богу, все. Хотя, были такие моменты, что... Ведь мы стояли в двухстах метрах от передовой. Операционная размещалась в полуразрушенном здании без крыши, а кое-где и без стен. Все наши пушки, все эти "Васильки", "Тюльпаны" и "Грады" палили чуть ли не над нашей головой. От-

ветный огонь, как вы понимаете, и по ним, и по нам. Особенно трудно было в Ханкале: грохот, вой, разрывы, взрывы. Музыка, прямо скажем, не для женских ушей.

— А в Грозном, — подхватила Люся, — сколько было ампутантов! Мы же операционные медсестры, так что вся кровь, боль и все страдания проходили через нас. Ленит на столе красивый молодой парень. Чтобы поддержать его жизненный тонус, флиртуем с ним напропалую — и вдруг, бац, взмах скальпеля и через мгновение он инвалид, без ноги или без руки. А то и хуже — прямо на столе умирает.

— И сколько таких парней прошло через ваши руки?

— Ой, не сосчитать, — вздохнула Света. — От 60 до 100 человек в сутки.

— В сутки?! — изумился я.

— А вы как думали! Того, что было на самом деле, по телевизору не показывали.

— Кстати, о телевизоре, — подхватил я. — Вы-то его смотрели?

— За все пять месяцев — ни разу, — усмехнулась Люся.

— Почему?

— А его в радиусе десяти километров не было.

— Ну, а газеты, письма, посылки?

— Газеты? Только "Красная звезда", да и то с двухнедельным опозданием. Письма? Только с оназией. О посылках и речи не было.

— Значит, служба тыла и ты, кого когда-то называли политработниками, самоустранились?

— Они на передовую не полезут, там могут и убить, — сжала губы Света.

— Ну, а быт хоть как-то был налажен? Платье вы хоть раз надевали?

— Какое там платье! — расхохотались девушки. — И помыться-то толком не могли, а ведь мы операционные медсестры — стерильной чистотой от нас должно разить за версту. Света, расскажи, как мы встречали Новый год, — попросила Люся.

— А что, встретили не хуже других. Елочку мы раздобыли, а вот украсили ее... шприцами, клизмами, пулями и осколками, извлеченными из тел солдат. Ну, а выпить — это не проблема, спирт всегда под рукой.

— И никто не догадался привезти бутылку шампанского и каких-нибудь стеклянных шариков?

— Чтобы догадаться, надо, чтобы этот "кто-то" был. А он, если и был, то сидел в глубоком тылу, — заметила Света.

— Представляю вашу обиду, девчата. Стыд, срам и позор! Мы-то думали, что медики в Чечне на вес золота, ведь от вас в самом прямом смысле слова зависит — жить раненому или не жить.

— Зависеть-то зависит, — подхватила Люся. — И ребят мы спасли многие сотни: некоторые еще долечиваются, а кое-кто уже вернулся в строй. Но... большим начальникам на нас просто наплевать. Впрочем, судите сами. Когда мы отвоевали и нас посадили в поезд, никому не дали ни сухого пайка, ни копейки денег. Двое суток сорок врачей и медсестер абсолютно голодными тряслись в поезде. Уже под самой Самарой у одного врача случайно нашлись сто рублей. И, знаете, что мы сделали: на все деньги купили сухарей и грызли их до самого дома.

— Тут-то хоть встретили, как положено?

— Еще бы! — вскинула голову Люся. — Да вы и сами видели. Тут нам рады, тут нас ждали, тут мы дома.

— А можно несколько некорректный вопрос? — извинившись, спросил я.

— Очень некорректный? — лукаво прищурилась Люся.

— Да нет, не очень.

— Тогда валяйте.

— У себя дома вы уже были?

— Да.

— А почему не переоделись? Почему вы не в платьях, а в куртках и джинсах?

— А действительно, почему? Я даже бахилы не сняла, — изумилась Люся.

— Отвыкли. Напрочь отвыкли, — ответила Света. — Мне даже в голову не пришло, что надо бы принять более женственный вид. Но мы это наверстаем, — звонко закончила она. — Получим свои фронтовые — и таких накупим нарядов, что все женихи будут наши.

Война — это эпидемия травм

Пожелав девушкам высоких блондинов и усатых брюнетов, я отправился во владения полковника Хутинаева. От Маирбена Александровича в самом прямом смысле слова зависит — жить его пациентам или не жить, ведь он руководит Центром анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии. Усадив меня в кресло и предложив по особенному, по-осетински сваренного кофе, Маирбек Александрович пылливо заглянул в мои глаза и, извинившись, спросил:

— Вы на войне бывали?

— Бывал. Афганистан плюс все горячие точки, которые были после этого.

— Значит, крови насмотрелись?

— И крови, и трупов, и боли, и слез...

— Поймите меня правильно. Я потому спрашиваю, что не все выдерживают вида попавших сюда солдат.

— Ничего, выдержу.

— Но у меня одно условие: фотографировать их нельзя. Сейчас они на грани жизни и смерти, а в эти мгновения человек далено не прекрасен. Вот когда ребята поправятся, я сам попрошу растиражировать их счастливые лица. Договорились?

Дождавшись, когда я не только утвердительно кивну, но и спрячу фотоаппарат, Маирбек Александрович сделал хороший глоток обжигающе крепкого кофе и с нескрываемой гордостью сказал:

— В нашем отделении жизнь и смерть идут бок о бок. Если люди умирают, то в этих стенах, если вынарабниваются, то тоже здесь. Судите сами. В первую чеченскую кампанию в наш госпиталь поступило 1900 раненых, из них 120 прошли через реанимацию. Раз реанимация, то человек на грани смерти, но мы из этих ста двадцати потеряли всего девять человек. Сейчас через мое отделение прошло 49 человек, спасти не удалось шестерых.

— Значит, медицина не все-сильна? — задал я наивный вопрос.

— Не все-сильна? — с нажимом переспросил доктор. — Это как считать. Мы, конечно, не боги, но то, что умеем теперь, лет десять назад никому и не снилось: вытаскиваем таких больных, на которых раньше махнули бы рукой. Взять хотя бы Мишу Никити-

Светлана Широбокова и Людмила Губанова.

на. Чеченский снайпер всадил в него четыре пули: была пробита печень, задет желудок и даже сердце. Казалось бы, не жилец. Но мы Мишу спасли. А лейтенант Ковалев! Он тоже стал жертвой снайпера: живот разворочен, печень разрушена. Ничего, напряглись, поработали — и лейтенант жив. А вот голова рядового Басканова. Смотрите, на снимке хорошо видно и входное, и выходное отверстия, иначе говоря, пуля прошла навывлет. От таких ранений умирают мгновенно, но на передовой ему оказали квалифицированную помощь, потом довезли до нас, а мы его поставили на ноги.

— Фантастика! — изумился я. — А Писарев? Андрюша Писарев, он тоже у вас?

— Конечно, у нас. Где же ему еще быть? А, впрочем, пойдете,

познакомлю, — решительно встал Маирбек Александрович.

Сперва он долго и подробно рассказывал об уникальной аппаратуре, без которой смерть чувствовала бы себя здесь полноправной хозяйкой, а потом пригласил в палату.

Андрюшу я узнал сразу. На высокой, специально сконструированной кровати лежал окутанный проводами парнишка. На голове — что-то вроде чепчика. А так — парень как парень.

— Здравствуй, Андрюша, — погладил его по плечу доктор. — Как себя чувствуешь?

Андрей приветливо улыбнулся и показал большой палец.

— Так и должно быть! А что ты сегодня ел?

— Пе... печ..., — старательно выговаривал Андрей.

— Печень? Молодец. А сон пил?

— Пи... и...

— Понял, пил. Тебя сегодня навещали?

Андрей утвердительно кивнул.

— Мама? Бабушка?

— Ба..ба-а-а...

— Отлично! Молодец! — похвалил его Маирбек Александрович. — Скоро ты будешь не только говорить, но и петь.

Андрей счастливо улыбнулся.

— Андрюша, ты только не то-ропись, — вступил в разговор и я. — Поправляйся не спеша, но так, чтобы накрепко и навсегда. Большой тебе привет от москвичей. Имей в виду, мы за тебя болеем не меньше, чем за "Спартак".

Андрей прямо-таки расплылся в благодарной улыбке, протянул свою исхудавшую руку и мы обменялись рукопожатием.

— Спа-а..., — тихо сказал он.

— Спасибо? — уточнил я.

Андрей отрицательно покачал головой.

— "Спартак"? — догадался я. — Ты тоже болеешь за "Спартак"?

Андрей утвердительно кивнул.

— Все, ребята, — вмешался в разговор донтор. — На сегодня хватит. А то я вас знаю, часами будете обсуждать, кто, кому и как забил.

Когда мы вышли из палаты, Маирбек Александрович победоносно вскинул руки и радостно воскликнул:

— Ну вот, а вы говорили!

— А что я говорил? Я ничего не говорил, — не понял я.

— Не вы, так другие. "Неизвестный солдат", "потерянное поколение", "жертвы сникерсов" — чего только не наболтали некоторые ваши коллеги. Чушь все это! Чушь и бред! Вы посмотрите, какие у

нас ребята, совсем молоденькие, только что от мамки, а сколько мужества, терпения, сколько жажды жизни! Нет, чтобы вы ни говорили...

— Да я молчу, — успел вставить я.

— Я не о вас лично, — отмахнулся доктор. — Нет, что бы они ни говорили, — с нажимом на слове "они", продолжал Маирбек Александрович, — никакого потеряннго поколения нет. И никакого чеченского или афганского синдрома тоже нет, — с еще большим нажимом добавил он. — Заявляю об этом со всей ответственностью, как врач. Синдрома нет, а есть распущенность и разнузданность, вызванная невостремованностью и недооценкой накующихся подвигов и заслуг.

— А кто Андрея оперировал? — перевел я разговор на другую тему. — Кто заставил его мозг работать?

— Доктор Сергеев. Пойдемте, познакомлю. Сергей Михайлович — совсем молодой человек, но нейрохирург — от Бога.

Майор Сергеев только что вернулся с операции. Он был бледен, необычайно чистые голубые глаза смотрели как-то отрешенно. А руки... Вы когда-нибудь видели руки нейрохирурга? Они куда более чуткие, трепетные и, не боюсь этого слова, нежные, нежели руки скрипача или пианиста. Ведь на кончиках пальцев нейрохирурга не отменно взятая нота, а тончайшие клетки мозга и, следовательно, жизнь.

— Писарева? Да, Писарева оперировал я, — подтвердил он. — Привезли его совсем плохим: левое полушарие разрушено, к тому же внутри находилось множество костных осколков. Приш-

лось убрать все негодное мозговое вещество и удалить осколки. Сознание к нему вернулось довольно быстро, но говорить он не мог, так как речевой центр был полностью разрушен. Многие считали, что Андрей никогда не заговорит, но я был иного мнения, ибо хорошо знал, что эти функции на себя возьмут другие участки мозга. Так оно и вышло: Андрей начал говорить.

— А много в отделении ребят с такого рода ранениями? — поинтересовался я.

— Есть и более тяжелые. Если хотите, я их покажу, но чуть попозже — сейчас у ребят обед.

— А куда чаще всего бьют чеченские снайперы?

— В голову. Но есть солдаты с тяжелыми ранениями позвоночника и спинного мозга. А вообще, среди чеченцев немало подонков, палачей и свихнувшихся маньяков! — неожиданно вспыхнул доктор Сергеев. — Ну, бьет снайпер в голову — попал, убил, и ладно. В конце концов, на войне, как на войне. Так нет же, этот негодяй бьет сперва в ногу. Попал и видит, что солдат пытается отползти в укрытие. Тогда он стреляет в руку. Снова попал. Солдатик уже не может ползти, но может перекачываться с боку на бок. Тогда этот борец за независимость бьет в позвоночник. Все, солдат обездвижен. И только после этого, в знак особой милости снайпер добивает его в голову. Но этот мерзавец не знает, что за спиной этого солдата — российские медики. Первая помощь на передовой, первая операция в Моздоне, а потом за дело беремся мы — и вырываем солдата из лап смерти. Так что эти убитые будут жить!

— Маирбен Александрович показал мне снимок со сквозным ранением в голову. Никогда не думал, что такого раненого можно спасти...

— Можно. И очень часто мы таких ребят спасаем. Но если быть откровенным, то есть за что спросить и с самих раненых. Дело в том, что если ранение сквозное, значит, били с близкого расстояния. А вот если пуля или осколок застряли в голове, значит, они были на излете. А раз так, то это значит, что если бы солдат был в каске, то до черепа смертельный металл не смог бы добраться. Это знают все, но все равно каску не носят: буквально все, получившие в голову пулю или осколок, были без каски.

— Ну и ну, — только и смог сказать я. — Но ведь это же не просто глупо, а смертельно опасно.

Переходить улицу на красный свет тоже опасно, однако каждый думает, что если кто и попадет под колеса, то только не он.

Тем временем обед закончился и мы пошли по палатам. Да, доктор Сергеев был прав, это зрелище не для слабонервных. У одного нет половины черепа и мозги открыты лишь тонкой кожей. У другого нет лица, у третьего... Нет, лучше об этом не буду, уж очень все это страшно. А вот о проблеме каски я с ребятами поговорил.

Мансим Ащеулов был снайпером, и сам получил пулю в голову и десятка два осколков в тело.

— За мной охотились, — рассказывает он. — Нервов я духам попортил, будь здоров. Но снайперам я был не по зубам, мне удавалось их опередить. Тогда меня накрыли из миномета, и только после этого вклеили в голову.

— Насквозь?

— Нет. Пуля застряла внутри черепа.

— Значит, наска могла бы спасти?

— Наска? Пожалуй.

— Так почему же ты был без наски?

— Да ну ее к черту! Тяжелая, неудобная, на голове болтается, как на корове седло.

— Вот именно! — подскочил еще один солдатик со шрамом через всю голову. — Она и сконструирована-то по-идиотски. Вот, смотрите, — схватил он шапку-ушанку. — Надел я шапку, а на нее наску. И что? Наска-то на манушке и ничего не прикрывает — ни лоб, ни висок, ни затылок.

— Верно... Но ведь есть подшлемник, — заметил я.

— Во-первых, далеко не у всех, а во-вторых, он довольно тонкий: зимой в нем холодно, а летом жарко.

— Вот так-то, — развел руками Сергей Михайлович. — Как их тут ругать? Ребята правы, наска нужна другая — другой формы и из другого материала.

Не скрою, на следующий день я побывал в одной из воинских частей и проверил утверждения раненых солдат: они оказались правы. В нашей наске и ходить-то неудобно, не то что бегать в атаки, сидеть в засадах и вести прицельный огонь.

Есть в Самарском госпитале еще одно отделение, которое без преувеличения можно назвать самым многочисленным и, если так можно выразиться, популярным. Руководит им очень известный врач полковник Федосеев. Как мне кажется, Михаил Михайлович является ярким представителем

когда-то распространенного, а теперь все реже встречающегося типа врача, который можно назвать чеховским: интеллигентен, энциклопедически образован, обаятелен, мягок в обращении и строг в делах. А чувство юмора! Единственное украшение его кабинета — скелет человека. И надо же так случиться, что садясь на стул, я задел руку скелета. Михаил Михайлович тут же привстал, коротко поклонился и виновато сказал:

— Извини, Вася, он нечаянно. Москвичи, они ведь несколько развязны, так что не суди его строго.

Я оглянулся. В кабинете, кроме нас, никого не было.

— Перед кем это вы извиняетесь? — недоуменно спросил я.

— Перед Васей, — кивнул доктор на скелет. — Он местный старожил и даже имеет имя, так что мы к нему относимся с почтением.

— Ладно, Вася, привет и будь здоров! — ни к селу, ни к городу брякнул я, пожав его костяные пальцы.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Михаил Михайлович. — Вот это по-нашему, по-травматологически. Между прочим, должен заметить, что из 406 вылеченных пациентов 105 прошли через наше отделение. Еще великий основатель военно-полевой хирургии Николай Иванович Пирогов когда-то сказал: "Война — это эпидемия травм". Так что сломанных ребер, рук и ног на войне великое множество. Порой мы из ничего, из каких-то мелких осколков собираем и сращиваем эти самые руки и ноги, возвращаем солдат к жизни, а зачастую и в строй.

Беседа была в полном разгаре, как вдруг на пороге появилась

довольно миловидная дама и строго сказала:

— Я пришла.

— Очень хорошо, — вскочил Михаил Михайлович. — Милости прошу. Сегодня мы вам освободили столовую.

— Кто это? — поинтересовался я. — Уж больно строга.

— Да нет, это ее маска, — отмахнулся доктор. — Очень милая и симпатичная женщина. Она — учитель математики. Один наш парнишка, Андрей Соломин, надумал поступать в институт, так вот она его готовит к экзаменам.

— Вот это да! — восхитился я. — А кто за это платит?

— Да вы что! — рассердился доктор. — Какие еще деньги?! Не вздумайте бранить при ней: поставит двойку по поведению. Математичка ходит по зову души, англичанка, мендт прочим, тоже. Но больше всех повезло Саше Денисову. У него проблема с подвижностью пальцев рук, так вот за него взялся преподаватель музыкальной школы: мало того, что Саша разработал пальцы, он так научился играть на гитаре, что просто заслушаешься.

Вот так, находясь в травматологическом отделении, я снова вышел на тему помощи попавшим в госпиталь солдатам. Нак этого удалось добиться, я не знаю, но вся Самара помогает раненым: кто несет простынку, кто продукты, кто делится своими знаниями.

Но больше всего меня поразило эпизод, свидетелем которого я стал в тот же вечер. В госпитальном клубе шел концерт. Старшеклассники одной из школ пели, плясали, шутили, словом, как могли, развлекали приковылявших в клуб солдат. Потом вдруг

наступила пауза и на сцене появился странно одетый верзила.

— Пацаны, — обратился он к залу. — Мы, заключенные колонии номер... ну, это вам не надо... Короче, мы скинулись и купили вам телевизор, — метнулся он за кулисы и выволон большущую коробку. — Куда поставить, решайте сами.

Раздались аплодисменты. Зэн обнажил десятка два золотых зубов и вскинул синюю от татуировок руку.

— Ша, ребята, это не все! У нас тоже есть самодеятельность, и сбачать наши пацаны могут не хуже этих, — кивнул он на присмивших школьников. — Но у нас такие статьи, что без конвою никак нельзя, а сцена у вас тесновата. Так что, давайте к нам! Накормим, напоим, короче, оттянетесь по первое число!

В зале снова захлопали.

— Вы не думайте, что в зоне одни дураки да подонки и мы ничего не понимаем. Еще как понимаем! Знайте, пацаны, что мы — за вас. А если кто обидит, вы только дайте знать...

И снова звонко пели школьники, дружно хлопали одетые в халаты солдаты, крутились около старшекласниц выздоравливающие, словом, жизнь шла своим чередом. А я заглянул в госпитальную церковь, поставил свечку в память тех, кого не удалось спасти, и совершенно искренне поблагодарил Всевышнего за то, что есть в нашей горемычной России такой прекрасный и душевно чуткий город Самара, жители которого чужую боль воспринимают как свою, умеют сострадать и тем самым оправдывают высокое звание Человека. ■

Любовь РУСЕВА

Надежда Флота

рисунок Геннадия Новожилова

29 февраля 1852 года в малом кабинете Зимнего дворца император Николай I принимал начальника штаба Черноморского флота Корнилова.

— Владимир Алексеевич, расскажите мне подробно о последнем годе жизни Михаила Петровича Лазарева, о его болезни, смерти, погребении.

Царь внимательно слушал Корнилова, задавая попутно уточняющие вопросы.

— Мне угодно, чтобы управление Черноморским флотом продолжалось совершенно так, как и шло при покойном адмирале.

Затем перешли к рассмотрению плана реконструкции баз флота. Рассматривая карты и схемы, император вникал во все мелочи, некоторые решения Корнилова одобрил, с некоторыми не согласился.

— У меня есть достойная замена Лазареву. — Император остался доволен аудиенцией. — Теперь я спокоен за будущность Черноморского флота.

Бесценная заслуга Лазарева перед Отечеством состояла в том, что он не только создал Черноморский флот, не уступавший английскому, но и воспитал особую касту моряков, фанатично любящих свое дело и Россию, касту, которая воспринималась современниками как особый рыцарский орден. Именно воспитанники Лазарева составили честь и славу российского флота, и между ними было несколько человек, равных которым не имел ни один флот мира.

Путь Корнилова к славе был тернист. Начало службы на флоте не предвещало того величия, которого он впоследствии достигнет. Воспитанному до 15 лет дома, Владимиру Алексеевичу пришлось туго в Морском кадетском корпусе. Первые шаги молодого офицера делались под опекой отца. Алексей Михайлович Корнилов, бывший морской офицер и участник войны со шведами, определил сына на шлюп "Смирный", отправлявшийся на Тихий океан для охранения русских торговцев. После возвращения по ходатайству отца мичмана перевели в гвардейский экипаж, но командир экипажа вскоре уволил его из-за отсутствия в офицере "достаточной для фронта бодрости". Алексей Михайлович, знакомый с адмиралом Сенявиным, просит взять сына в средиземноморскую экспедицию, и молодой Корнилов в 1827 году переводится в 12-й экипаж на корабль "Азов", которым командовал Лазарев.

На борт "Азова" Владимир Алексеевич вступил таким светским щеголем с устоявшимися петербургскими привычками и манерами. По образованию и уровню интеллекта Корнилов был выше многих своих товарищей. Это резко отличало его от сослуживцев и мешало сближению с ними. Молодой офицер привез с собой на корабль библиотеку, состоящую исключительно из легких французских романов. В службе он видел лишь тягостную необходимость, мечтал при этом сразиться с турками, но повседневная служебная лямка казалась ему бессмысленной.

Михаил Лазарев, приветливо встретивший молодого офицера, прислушивался к его мнению, внимательно за ним наблюдал. За наносным "скептицизмом" новичка Лазарев рассмотрел благородство характера, эрудицию, цепкий ум и редкие способности. Капитан понял, что из юноши может выйти толк. Но не тем, не тем была забита эта светлая голова. Не те привычки выработались в мичмане.

И Лазарев взялся за Корнилова. В свойственной ему манере воспитывать тех, кого он выделил, Михаил Петрович предельно строго стал относиться к мичману. Молодому офицеру не сходило с рук то, что другим прощалось. Служба у Лазарева резко отличалась от петербургской, он требовал от офицеров полной самоотдачи. Так служить Корнилову еще не приходилось. Окунуться с головой в будничную работу, жить только ею казалось ему невозможным. А Лазарев становился все требовательнее.

Если вначале Корнилов считал капитана человеком суровым, но безукоризненно справедливым, то вскоре стал находить, что тот пристрастен, придирается к мелочам, преследует его. Отношения стали тяжелыми. Это было совсем не то, чего хотел Лазарев, и он решил поговорить с Корниловым "по душам".

— Нельзя заниматься делом, в которое не веришь или которое не любишь. Желаете ли вы продолжать морскую службу?

— Желаю.

— Если так, то вам надо пересмотреть свои взгляды, отбросить все, что отделяет от общества товарищей-офицеров, сродниться с матросской массой. И надо учиться, учиться из книг, учиться на повседневном опыте службы. Вы считаете себя образованным? — Как офицер вы невежественны. Много читаете? — Это бесполезное чтение. Во французских романах офицер не найдет для себя ничего полезного.

Владимир Алексеевич был поражен: капитан детально знает его жизнь, его вкусы и взгляды. Он был смущен и подавлен. То, что еще недавно казалось томительными служебными мелочами, стало восприниматься как необходимая школа, условие победы в предстоящих сражениях.

Выйдя на палубу, Лазарев послал мичмана за книгами. Капитан пересмотрел один за другим французские томики и все выбросил за борт. Взамен он снабдил молодого офицера книгами из своей библиотеки.

Этот эпизод оказался переломным в жизни Корнилова, впоследствии он часто его вспоминал и рассказывал подчиненным, как воспитывал его любимый учитель. Владимир Алексеевич стал много читать специальной литературы, сблизился с офицерами. Служба осветилась для него новым смыслом. Он ждал одобрения от командира, но тот был сдержан, а на похвалу был более чем скуп. Тем не менее, Корнилов постоянно чувствовал твердое и дружественное руководство капитана. Лазарев в душе радовался успехам ученика, но ничем не выказывал своего одобрения и

не баловал наградами. За Наваринское сражение, например, Корнилов получил лишь орден Св. Анны 4-й степени. Подобным отношением к воспитанникам Михаил Петрович вырабатывал в них свой взгляд на службу — святой долг офицера отдавать всего себя защите Отечества, а за исполнение долга награды не полагаются.

Став главным командиром Черноморского флота и портов, Лазарев забирает к себе своих любимцев. В 1833 году он вызывает на Босфор, где находился с эскадрой, Корнилова и поручает ему ответственные работы. Вместе с лейтенантом Путятиным он составил описание укреплений Дарданелл и Босфора. Этот серьезный труд имел большое значение во время последовавшей затем войны с Турцией. Через год Лазарев назначает ученика командиром брига "Фемистокл". За недолгое время плавания Корнилов навел на корабле блестящий порядок и заслужил репутацию "лихого командира".

Михаил Петрович Лазарев продолжал зорко наблюдать за любимцем и готовить его в свои преемники.

На смену парусному флоту шел паровой. По достоинству оценив новые корабли и усмотрев за ними будущее, Лазарев отправляет Корнилова в Англию изучать новые суда и наблюдать за постройкой паровых для Черноморского флота. Вернувшись, Владимир Алексеевич пишет и издает книгу "Морская служба в Англии" — руководство для молодых офицеров, превосходно знакомившее с подробностями корабельного порядка и управления.

Лазарев, предполагая назначить Корнилова на ответственный пост начальника штаба Черноморского флота, подвергает своего ученика еще одному, последнему, серьезному испытанию — поручает разработать вновь составлявшиеся штаты. С этим титаническим трудом Корнилов блестяще справился. "Полезность штатов 1840 года — громадна, — пишет по этому поводу современник, — это лучшая справочная морская книга, и такого труда, вместе полезного и гигантского, нигде в мире не существует".

Корнилов явился достойным продолжателем дела учителя. Он очень ревниво относился к малейшему отступлению от правил, составленных Лазаревым, и негодовал, если замечал в ком-то хоть тень непочтения к учителю. Как-то один капитан нарушил правило поворота корабля, заведенное Лазаревым.

Корнилов немедленно стал сам распоряжаться.

— Благодарю вас, капитан, что вы меня заставили вновь командовать. Я вам объявляю, что на купеческой лайбе трудно найти такой беспорядок, какой я вижу на вашем военном фрегате!

Подобный случай, когда Владимир Алексеевич вмешивался в действия капитана, был нетипичным для него. К офицерам он относился не как строгий суровый начальник, а как старший опытный товарищ и наставник. На вахте и во время учений Корнилов никогда не вмешивался в приказания командиров, предоставляя им действовать самостоятельно. Но ни одна ошибка не ускользала от его зоркого глаза, и вечером в своей каюте он подробно обсу-

ждал с офицерами каждый промах, объяснял и указывал, как следует его избежать.

И к новичкам Корнилов тоже относился очень внимательно. Подобно Лазареву он заботился о самообразовании своих офицеров и с этой целью перевел с английского и французского языков учебную литературу по морскому делу, снабдил ее своими замечаниями и передал в офицерскую библиотеку на корабле.

Смерть Лазарева явилась тяжелым ударом для Корнилова. Он оказался в самом неопределенном и затруднительном положении. Разделяя всю ответственность управления Черноморским флотом с вице-адмиралом Берхом, Корнилов за пределами штаба не имел никакой власти. При Лазареве это было незаметно, но теперь грозило большими неприятными последствиями для него. Корнилов был честолюбив и не желал мириться с таким положением. Второстепенные роли были не для него.

И Корнилов развернул кипучую деятельность. Он работал над проектом нового "Морского устава", преобразовал Николаевское адмиралтейство, воплощал в жизнь проект Лазаревского адмиралтейства в Севастополе, неусыпно следил за постройкой новых кораблей. Корнилов постоянно проводил смотры флота, во время которых совершенствовался боевой порядок на судах. Действие команды на каждом корабле доводилось до автоматизма. В считанные минуты ставились, снимались и заменялись паруса, артиллеристы через 4 минуты после начала тревоги уже вели прицельный огонь. Артиллерия достигла при Корнилове высокого совершенства.

Михаил Петрович Лазарев создал Черноморский флот, который был на уровне лучших европейских флотов. Владимир Алексеевич Корнилов довел детище наставника до верха совершенства. Если у Лазарева многие суда считались образцами не только русского, но и всех флотов, то к 1854 году образцовых судов у нас не было: все были одинаковы, все были превосходны. Черноморский флот стал лучшим флотом в мире.

Международная обстановка между тем обострялась. В феврале 1853 года Корнилов сопровождает в Стамбул князя Меншикова, который был послан чрезвычайным послом к турецкому султану. Владимир Алексеевич снова изучил укрепления Дарданелл и Босфора, отметил изменения, которые произошли с 1833 года. Он отправляется в Пирей осматривать стоявшие на рейде русские корабли. Вернувшись в Константинополь, где переговоры затянулись, Корнилов убедился, что дело кончится войной, и спешит в Севастополь. Начинается серьезная подготовка к предстоящей кампании. Адмирал ежедневно проводит морские маневры, пополняет артиллерию на судах. Вскоре возвращается князь Меншиков с известием о разрыве дипломатических отношений с Турцией. Корнилов немедленно приводит все порты и суда Черного моря в боевую готовность. В этот период деятельность Корнилова поражает своей масштабностью даже его приближенных.

4 октября турецкий султан объявил войну России. Война началась в трудной для России обстановке. Наместник на Кавказе князь Воронцов опасался, что если турки, поддержанные Англией и Францией, окажут своевременную помощь грозному движению Шамиля, Кавказ будет потерян для России и станет добычей союзников, которых выбить оттуда потом будет трудно. В связи с этим первоочередной задачей флота становилось обеспечение быстрой переброски войск на Кавказ. Черноморцы успешно справились с этим, что способствовало разгрому турецких войск. Другая задача была — обезвредить турецкий флот. Корнилов немедленно начал крейсерство между Севастополем и Босфором.

18 ноября отважный русский генерал Бебутов нарушил планы турецкого главнокомандующего Абди-паши и предотвратил опасность, угрожавшую Армении и Грузии. Абди-паша, собрав большие силы, рассчитывал одним ударом смять русские отряды, прикрывавшие границу Закавказья, и выйти на подступы к Тифлису с юга. Шамиль обещал ему прорваться туда же с северо-востока через Кахетию. Бебутов сам перешел границу с 10-тысячным войском и напал на 36-тысячный турецкий лагерь у селения Башкадырklar. Противник был разгромлен и бежал.

Через 12 дней под Синопом Нахимов уничтожает турецкий флот. Эта победа вызвала настоящую бурю в Европе. Черноморский флот был приговорен к смерти. Франция, и особенно Англия, усмотрели в нем угрозу своим притязаниям на всемирное господство над морями.

— Настало время вымести с моря прочь русский флаг!

— Мы идем защищать право христиан, свободу морей и наше справедливое влияние на Средиземном море! — сыпал трескучими фразами Наполеон III.

В мировой прессе началась антирусская кампания. “Для Европы предпочтительнее слабая и безобидная Турция, чем всемогущая и деспотическая Россия!” — кричали на все лады английские и французские газеты. Общественное мнение было взвинчено. “Большая война” объявлена.

Союзники решили ударить по главной базе Черноморского флота — Севастополю. Они высадили 62-тысячный десант на незащищенный берег Евпатории. 1 сентября 1854 года в виду Севастополя в облаках дыма показалась армада. Корнилов с Нахимовым с вышки Морской библиотеки в подзорные трубы наблюдали за движением соединенного вражеского флота. Подсчитать корабли не было возможности. Позже стало известно, что союзный флот насчитывал более 360 выпелов. На севастопольском рейде стояли 14 кораблей, 7 фрегатов, 1 корвет, 2 брига и 11 парусов.

Несмотря на превосходство сил противника, Корнилов настаивал на активных действиях флота. Меншиков запретил морские операции. В эти сентябрьские дни, когда перед грозными обстоятельствами даже самые мужественные сердца колебались, Владимир Алексеевич бросил вызов этим обстоятельствам, взял на

себя борьбу с ними. “Только в таких случаях резко выходит вперед личность великого человека, — писал капитан-лейтенант И.Ф.Лихачев. — Быстротою соображения и деятельностью заметить недостаток времени, изобретательностью ума — недостаточность средств, увлекательным примером и красноречивым словом вселяя во всех геройские чувства, одушевлением восполнить малочисленность войска — все эти качества и способности полководца и великого человека с блеском явил тогда Корнилов. И если он говорил войскам: “Отступления не будет” и войска ему верили и готовились умирать, то не менее в тылу все средства, какие можно было принять в случае неудачи, были обдуманы и подготовлены...”

Адмирал положил начало обороне Севастополя, вдохнув энергию и веру в окружающих, которые почти утратили веру в возможность защиты неукрепленного города одним гарнизоном против соединенных армий союзников. Со свойственной ему несокрушимой энергией Владимир Алексеевич принялся за дело: день и ночь свозили орудия и снаряды с кораблей, заготавливались склады и депо, устраивались средства сообщения и доставки; запасы из мест, еще не занятых противником, забирались в город; формировались вновь и вооружались команды. Адмирал организовал 4 десантных и 2 резервных батальона. Он предвидел, что неприятель легко может стать с тыла Константиновской батареи и безнаказанно бомбить рейд, поэтому приказал построить на высокой скале к северу от батареи оборонительную башню “Мартелло”. Впоследствии эта башня наносила такой вред врагам, что они прозвали ее “осой”. Укрепления, возведенные Корниловым, придали Севастополю такой грозный вид с моря, что союзники сочли более удобным напасть на город с суши.

Отъезжая к войскам, князь Меншиков приказал затопить при входе в бухту суда, чтобы защитить Севастополь с моря. Корнилов должен был собственными руками уничтожить флот, который он довел до совершенства и которым справедливо гордился. Мог ли он решиться на такую жестокую меру! Запрудить порт и запереться в нем безвыходно, тем самым признать свое бессилие и отказаться от звания моряка! А это звание было так дорого черноморцам! Потопить эти прекрасные корабли, гордость русских моряков, в волнах родного порта ... Такое действие походило на самоубийство!

Корнилов не возразил князю, но собрал у себя на квартире совет из флагманов и командиров судов, которым сообщил о приказе Меншикова и предложил свой план действия.

— Наша армия отступила к Севастополю, и есть основания опасаться, что неприятель займет южные Бельбекские высоты. Действуя оттуда на эскадру Нахимова, он может сбить ее с позиций. В таком случае облегчится неприятелю вход на рейд и геройское сопротивление не спасет Черноморский флот от гибели и позорного плена. Поэтому предлагаю выйти в море и атаковать вра-

га, столпившегося у Лукулла. При счастье можно разметать неприятельскую армаду, а при неудаче — избежать позорного плена. Мы взорвем сцепившиеся с нами корабли на воздух. Таким образом, спасая честь русского флага, моряки защитят свою грудь и родной порт, ибо союзный флот, обессиленный гибелью большей части кораблей, не дерзнет атаковать сильные приморские батареи Севастополя, а без содействия флота союзные войска будут бессильны. Наши же войска могут укрепиться в Севастополе и продержаться до прибытия подкреплений.

Один из капитанов предложил потопить старейшие суда. При упоминании имен кораблей у многих на глазах навернулись слезы. Корнилов с негодованием отверг это предложение и закончил совещание словами:

— Готовьтесь к выходу. Будет дан сигнал, кому что делать.

Распустив совет, адмирал явился к Меншикову и сообщил ему свой проект. Он объяснял главнокомандующему выгоды боя под самым огнем наших укреплений, говорил, что даже в случае поражения русский флот, благодаря этому огню, всегда успеет укрыться от неприятеля в Севастопольской бухте, и что поврежденные в бою суда так же пригодны для подводной преграды, как и целые.

— Затопить фарватер, — повторил приказ Меншиков.

— Я этого не сделаю.

— Ну так поезжайте в Николаев к месту своего служения! Позвать ко мне вице-адмирала Станюковича! — разгневался главнокомандующий.

— Остановитесь, князь! То, к чему вы меня принуждаете, — самоубийство. Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелями, — невозможно! Я готов повиноваться!

Грустный поднялся Владимир Алексеевич на площадку Морской библиотеки. Отсюда видны были, как на ладони, рейд, взморье и весь город. Вскоре по его приказу над библиотекой взвился русский флаг — сигнал о том, что решение топить принято бесповоротно.

Тяжело было героям Наварина и Синопа расставаться с морской деятельностью для исполнения сухопутной службы. Еще мучительнее было им пускаться ко дну эти грозные громады, заменившие им родной очаг, эти прославленные корабли, для чести и славы которых каждый готов был пожертвовать жизнью.

С рассветом 11 сентября на месте, которое занимали корабли “Сизополь”, “Варна” и “Силистрия”, плавали обломки рангоута. Скоро последовали за своими товарищами “Уриил” и “Селафил”. Около 8 часов утра волны поглотили “Флору”. Но корабль “Три святителя” сопротивлялся около пяти часов. Вода лилась в отверстия, прорубленные в подводной части корабля, но он погружался так медленно, словно не хотел принимать смерть от своих. Моряки с ужасом глядели на эту сцену, многие плакали.

— Видно, три святителя охраняют его! — говорили они.

— Пароходу “Громоносцу” бросить ядра в подводную часть “Трех святителей”! — лицо Корнилова было мокро от слез.

Выстрелы ускорили агонию несчастного корабля, он заметался по волнам, словно умирающий на своем одре. Моряки плакали уже навзрыд. Когда волны расступились и поглотили корабль, Корнилов обратился к окружающим его морякам.

— Москва горела, а Русь от этого не погибла! Напротив, встала сильнее. Бог милостив! Конечно, он и теперь готовит верному ему народу русскому такую же участь.

Покидая Севастополь с войсками, Меншиков поручил Южную сторону города Нахимову, а Северную, откуда ожидали нападения противника, — Корнилову. Отсутствие единого командующего могло иметь самые вредные последствия. Но Корнилов и Нахимов действовали единодушно. Северная сторона почти не была укреплена, и адмирал в случае штурма был уверен в поражении.

— Отступление с Северной стороны невозможно. Мы все тут ляжем. Смерть меня не страшит, но быть взяту в плен — это ужасно!

Если бы союзники атаковали Севастополь немедленно после перехода ими Черной речки, то, несмотря на воодушевление русских войск и готовность сражаться до последнего, отстоять город было бы невозможно. И вот эта нерасторопность врага и позволила превратить совершенно незащищенный город в неприступную крепость. В Севастополе находился инженер, имя которого станет широко известно в Европе и сделается предметом национальной гордости в России. “Матросы и Эдуард Иванович Тотлебен суть живые огады Крыма. Нельзя им надивиться!” — говорили севастопольцы.

Тотлебена, так же как и Корнилова, не смутило то, что времени у него нет, что в ближайшие дни враг может пойти на штурм. “Сколько суток или часов отпущено, столько и будем строить укрепления”, — сказал он Корнилову.

“Гений одного побудил гений другого. Тотлебен взялся искусством помочь мужеству и несокрушимой отваге севастопольцев. Закипела сверхъестественная деятельность. Кто имел только силы — работал словом и делом. Все жители, не говоря про войско, принялись за работу. Перо Тотлебена едва успевало чертить укрепления, а севастопольцы не уставали осуществлять его идеи”, — писал в записках Алабин.

Оборона города воздвигалась не по дням, а по часам. Круглосуточно несколько тысяч человек были заняты на земляных работах, батареи росли и покрывались сотнями орудий.

Вокруг Малахова кургана работало 2000 человек, но этого было недостаточно, и Корнилов приказал бить в набат. Со всех сторон повалил перепуганный народ.

— Что случилось?

— Ступайте на Малахов курган, там всем дело есть.

Толпа хлынула на укрепления, закипела работа днем и ночью при фонарях. Добровольцев явилось до 6000 человек. Все лоша-

ди, телеги — все на Малахов курган. Одну батарею целиком устроили женщины — потом ее звали “бабьей”. Для ускорения работ отряжалось поочередно по 1000 человек матросов. К ним в подмогу Корнилов приказал освободить арестантов — он знал, что в ту минуту, когда Отечество в опасности, русский человек способен забыть свои интересы и самого себя.

Когда неприятель подошел к городу с южной стороны, он был поражен. Союзников встретил почти сплошной ряд земляных укреплений, покрытых орудиями самого большого калибра, и все это росло и продолжало усиливаться на его глазах. Русский инженер своим искусством в кратчайший срок на глазах врага превратил совершенно незащищенный город в неприступную крепость. К Севастополю подступила 62-тысячная армия союзников, гарнизон оборонявшихся насчитывал 15000 человек.

Необходимо было поддержать и вдохновить гарнизон на защиту. Особенно волновался Владимир Алексеевич за пехоту, которая не была приучена к крупной артиллерии. 15 сентября Корнилов, одетый в блестящую генерал-адъютантскую форму, окруженный свитой, осматривал войска.

— Царь надеется, что мы отстоим Севастополь; да нам и некуда отступать: позади нас море, впереди неприятель. Князь Меншиков обманул и обошел его, и когда неприятель нас атакует, то наша армия ударит на него с тыла. Помни же — не верь отступлению. Пусть музыканты забудут играть ретираду, тот изменник, кто протрубит ретираду... И если я сам прикажу отступать — коли меня!.. — Корнилов повторял эти слова каждому батальону.

5 октября был днем крещения Севастополя огнем и железом. Этот первый день бомбардировки города стал последним днем в жизни легендарного вице-адмирала Корнилова. Накануне в его небольшой квартире собрались флагманы и штаб-офицеры для докладов и получения последних распоряжений. Назавтра ожидалась первая бомбардировка города и возможно — штурм. Время подходило к полуночи.

— Завтра будет жаркий день, англичане употребят все средства, чтобы произвести полный эффект, я опасаясь за большую потерю от непривычки; впрочем, наши молодцы скоро устроятся — без урока же сделать ничего нельзя, а жаль, многие из нас завтра слягут.

— Владимир Алексеевич, государь приказал, чтобы вы береглись, — напомнил капитан-лейтенант Попов.

— Не время теперь думать о безопасности. Если завтра меня где-нибудь не увидят, то что обо мне подумают?

В 6.30 тишина была разорвана оглушительным громом осадной артиллерии союзников. Русские батареи дружно ответили. Воздух сгустился от дыма, солнце обозначалось бледным месяцем. Севастополь опоясался двумя огненными кольцами: одно составляли наши укрепления, другое посылало смерть осажденному городу.

С первой канонадой Корнилов поскакал в центр нашей позиции. Приближенные едва попевали за ним. На 4-м бастионе было особенно жарко: он оказался под перекрестным огнем вражеских и наших батарей. Здесь встречались французские ядра с английскими бомбами. Кроме того, через него же летели русские бомбы с двух батарей, расположенных за бараками.

Корнилов переходил от орудия к орудию по всему бастиону, вдохновлял каждого человека. Спокойно и строго было его лицо, легкая улыбка едва заметно играла на устах, глаза — эти удивительные, умные и проницательные глаза — светились ярче обыкновенного, щеки пылали. Владимир Алексеевич высоко держал голову, сухощавый и несколько согнутый стан его выпрямился: он весь как будто сделался выше ростом. “Я никогда не видел человека прекраснее его в эти минуты”, — писал один из очевидцев.

С 4-го бастиона Корнилов поспешил на 5-й. Здесь раненный Нахимов, утирая кровь с лица, распоряжался как на корабле. Адмиралы поднялись на банкет, откуда долго наблюдали за разрушениями, которые производила русская артиллерия на позициях противника. Вокруг флагманов лопались бомбы, свистели ядра, обдавая землей и кровью убитых. Видя, какой смертельной опасности подвергаются любимцы флота, к Корнилову подошел капитан-лейтенант Ильинский.

— Ваше превосходительство, зачем вы ездите по бастионам? Вы доказываете тем, что вы в нас не уверены; я вас прошу уехать отсюда, я вам ручаюсь — я исполню свой долг.

— А зачем вы хотите помешать мне исполнить свой долг? Мой долг видеть всех.

Посетив 6-й бастион, Корнилов вернулся домой, где наскоро выпил стакан чая и дописал последние строки письма к жене.

— Ваше высокопревосходительство, у нас везде благополучно, — с Малахова кургана вернулся барон Криднер. — Истомин просит вас не приезжать на курган.

— Едем на левый фланг. — Корнилов знал, что Малахову кургану сегодня особенно достанется.

— Ваше превосходительство, посмотрите канонаду с террасы над крышею дома, — пытался задержать адмирала Попов.

— Капитан, поспешите принять меры к безостановочному снабжению батарей зарядами и снарядами. Я боюсь, что никаких средств не достанет для такой канонады, — приказал адмирал Попову, спускаясь с террасы.

— Уж коль вы непременно желаете ехать на Малахов курган, то ехать надо через Госпитальную слободку, — посоветовал начальник артиллерии капитан Ергомышев.

— Владимир Алексеевич, — к адмиралу подъехал флигель-адъютант императора, — Государь просил меня передать вам, что если суждено Севастополю погибнуть, то его императорское величество одного просит у Бога для себя и России, чтобы Он сохранил

вас. Прошу вас, покиньте позиции, я уверен, что все выполнят свой долг.

— Хотя я совершенно убежден, что каждый исполнит свой долг, как честь и обстоятельства требуют, но в такой торжественный день я имею душевную потребность видеть наших героев на поле их отличия.

Адмирал поскакал вдоль траншей. “Живо помню: мне было весело ехать рядом с ним, слушать его замечания о намерениях неприятеля и видеть, что ядра роют вокруг нас землю и пули свистят мимо нас; я верил тогда в его счастливую звезду, и мне казалось невозможным, чтобы ангел смерти коснулся его так скоро”, — писал Жандром.

Когда они стали подниматься по западной покатости Малахова кургана, моряки встретили адмирала громким “ура!”

Корнилов был прав: ему действительно надо было показаться войскам, которые принимали его с энтузиазмом, именно поэтому адъютанты, в отличие от других офицеров, не особенно настаивали на его возвращении домой. “Мы знали, какое влияние производило в последнее время на войска его появление, — писал Жандром, — и находили необходимым одушевить солдат, не привыкших к огромным корабельным снарядам”.

На Малаховом кургане был настоящий ад: Истомина колотили три английские батареи. Прислуге пришлось оставить орудия на верхней площадке, но контр-адмирал успешно отстреливался из своих земляных батарей.

— Ваше превосходительство, пора бы возвратиться, — обратился к Корнилову Жандром.

— Постойте, мы поедем еще к Бутырскому и Бородинскому полкам, а потом госпитальной дорогой домой.

Было 11.30. Корнилов направился к лошадям, но не успел сделать и трех шагов, как ядро оторвало ему левую ногу у самого живота. Кровь адмирала брызнула на грудь Жандрома, который едва успел подхватить голову раненого. Окружающие офицеры подняли Владимира Алексеевича на руки и положили между орудиями.

— Отстаивайте же Севастополь, — произнес Корнилов и потерял сознание.

На перевязочном пункте Владимир Алексеевич пришел в себя, причастился святых тайн.

— Скажи моим сыновьям, — обратился он к священнику, — чтобы они служили верно царю и Отечеству.

Офицеры не решались переложить адмирала на носилки, опасаясь причинить страдания. Заметив это, Корнилов собрал последние силы, и сам перевернулся в носилки через раздробленную ногу. Владимира Алексеевича перенесли в госпиталь, где и нашел его капитан-лейтенант Попов, ставший свидетелем последних минут адмирала.

— Не плачьте, Попов, — утешал офицера Корнилов, — рана моя не так опасна. Бог милостив, я еще переживу поражение англичан.

Несмотря на хладнокровие, невыносимые боли заставляли Корнилова часто вскрикивать. Тем не менее, адмирал продолжал распоряжаться. Отдав последние приказания Попову, он взял офицера обеими руками за голову.

— Кланяйтесь всем, скажите, как приятно, сладко умирать, когда совесть чиста. Благослови, Господи, Россию и государя, спаси Севастополь и флот.

Через несколько минут в комнату вбежал Истомин, он успокоил умирающего относительно дел на кургане.

— Я уверен, что рана ваша не смертельна, — выразил надежду контр-адмирал.

— Нет, туда, туда, к Михаилу Петровичу.

— Благословите меня, Владимир Алексеевич.

Получив благословение, Истомин бросился Корнилову на шею. Рыдая, он выбежал из комнаты и поскакал на бастион.

— Владимир Алексеевич, не желаете ли послать в Николаев курьера к жене, чтоб она приехала, — осторожно спросил Попов.

Корнилов понял настоящую цель вопроса офицера и пожал ему руку.

— Неужели вы меня не знаете? Смерть для меня не страшна; я не из тех людей, от которых надо скрывать ее. Передайте мое благословение жене и детям. Кланяйтесь князю и скажите ему, что у меня остаются дети.

За дверьми раздался шум.

— Что там такое?

— Лейтенант Львов принес известие, что английские батареи сбиты и осталось только два орудия.

— Ура! Ура! — крикнул из последних сил Владимир Алексеевич и умер.

Вечером 6-го числа все суда спустили флаги. Среди тяжело грохота пушек, треска разрывавшихся бомб и свиста ядер неслышно двигалась погребальная процессия: два батальона и 4 полевых орудия. Путь освещался факелами и полетами бомб. Моряки не плакали, их охватило оцепенение. Хоронили блестящую надежду Черноморского флота, хоронили Корнилова, так много сделавшего за столь короткое время и от которого в будущем ожидали еще большего. Гроб Владимира Алексеевича поставили рядом с гробом Михаила Петровича Лазарева. Корнилов навеки соединился в склепе со своим учителем.

Сегодня при входе в севастопольскую бухту далеко с моря виден памятник незабвенному учителю черноморцев — Михаилу Петровичу Лазареву. А на вершине Малахова кургана на фоне лазурного неба вырисовывается силуэт памятника его любимцу и преемнику — Владимиру Алексеевичу Корнилову. На камне высечены его последние слова, сказанные на этом месте: "Отстаивайте же Севастополь!"

— Алиса, как по вашему мнению, актуальна ли сегодня пословица о том, что по одежде встречают, а по уму провожают?..

— Еще как актуальна... Но, мне кажется, не стоит забывать и другую пословицу: "Бедность — не порок, а большое свинство". стыдно быть одетым плохо, неаккуратно и немодно. Конечно, мода меняется чересчур быстро и подчас

ЭТО Д В

предъявляет чрезмерные требования, а по-сему так сложно бывает угнаться за ней... Но все же недопустимо

Имя молодого московского модельера Алисы ТОЛКАЧЕВОЙ стало самым звучным и популярным в среде музыкальной богемы. Достаточно сказать, что новые образы ведущих российских эстрадных исполнителей Анжелики Варум, Влада Сташевского, Ларисы Долиной, Азизы, Валерия Леонтьева и многих других придуманы именно ею. Приехав из Киева в Москву, она долгое время пребывала в роли "гадкого утенка". Но упорство и любовь к своей профессии достойно наградили Алису, сделав ее самым модным модельером. Сегодня те, кто брезгливо отводил от нее взгляд и обзывал "обычной тусовщицей", ищут встречи и дружбы с ней. Алиса не злопамятна и лишь с грустью констатирует: Бог всем судья.

одеваться небрежно, это главное условие, чтобы хорошо выглядеть. Если раньше одежда передавалась из поколения в поколение, то сейчас это исключено в принципе. В лучшем случае, все отдается в "секонд хэнд". Забавно, но сегодня отношение к одежде такое же, как к продуктам питания — свежее-несвежее. Что же касается "проводов по уму или одежке", то все зависит, в какой компании или обществе вы находитесь. Если взять московскую тусовку, то здесь и встречают, а тем более провожают исключительно по одежке.

— Многие мировые знаменитости, да и отечественные тоже, утверждают: мы не носим модного, а лишь то,

лекции "Теримиссо" продемонстрировала Анжелика Варум. Тут кроется небольшая хитрость. Ее личность заране привлекает пристальное внимание, а то, что на

что нравится и удобно...

— Чуть! Это всего лишь бравада. Любая знаменитость внимательно следит за ходом мировой моды, потому как знает, что при появлении в свете, первое, на что публика обратит внимание — одежда.

— Порой "звезды" становятся своего рода "заложниками" одного нутюрье, носят одежду только из коллекции "своего" мастера. Видимо, происходит взаимовыгодное сотрудничество.

— Безусловно. Для модельера, одежду которого носит популярная "звезда", — это ходячая реклама. Предположим, большую часть моей последней кол-

лекции, удостоивается внимания вдвойне. И мне приятно, что мою любимую коллекцию взялась показывать популярная певица Варум.

— Варум можно смело назвать лицом фирмы Алисы Толкачевой?

— Да! Анжелика первая исполнительница, с которой я захотела работать. Я чувствую ее и ее песни и знаю, какой образ предпочтительнее для нее сегодня.

ЖОЛОДНИК

— Как рождается мода от Толкачевой?

— Совершенно спонтанно и неожиданно. Мой близкий человек подарил мне недавно антиварное бисерное украшение в коричневой гамме с сиреневым отблеском. Этот подарок и стал причиной рождения "Теримиссо".

— Судя по названию вашей коллекции, вы — сладстена?

— Действительно, "Теримиссо" в переводе с итальянского — сладость в шоколаде. Я люблю зефир в шоколаде, горький шоколад и леденцы на палочке. Скорее всего детское воспоминание о чем-то необыкновенно вкусном.

— Как вы выбираете эстрадных звезд на роль своей модели?

— В первую очередь, внимательно изучаю музыкальный материал, чтобы родился

образ, который я впоследствии предлагаю певцам. В принципе, "жертву" выбираю сама, потому что чувствую человека, особенно когда он идет вразрез с тем, чем поет, и поэтому предлагаю свой вариант будущего образа и, как правило, он всегда оправдывает себя. А бывает и так, что материал певца меня не "цепляет", и из всего альбома артиста может понравиться лишь одна песня. Но и этого хватает, чтобы родился новый образ. Конечно, и личное общение, что тоже немаловажно. Я творческий человек, а не машина.

— Алиса, ваше предложение всегда принимается безоговорочно?

— Самое главное, чтобы мне доверяли. Я прислушиваюсь к своим эмоциям, которые рождаются во мне в процессе общения с человеком. Как правило, всегда попадаю в десятку. Конечно, бывают ситуации, когда начинают перебивать меня и предлагать свои варианты костюмов. С такими артистами я прощаюсь быстро и предлагаю им обратиться в ближайшее ателье. Я очень быстро сработалась с Ларисой Долиной, которая полностью поверила мне и моим эскизам. И очень смело пошла на эксперимент с белым цветом, а ведь он считается самым коварным. Но влюбленность ассоциируется с чем-то светлым и ясным, и Лариса гордо заявила публике, что она находится в состоянии влюбленности и счастлива, как никогда.

— С кем легче работать: с мужчинами или женщинами?

— Наверное, с женщинами. Они веселее, в отличие от мужчин менее консервативны, любят экспериментировать. А вот мужчины обычно жестко требуют уложиться в предложенные ими рамки. Что, кстати, и к лучшему, так как это мобилизует фантазию и разогревает азарт.

— Мода настолько сиюминутна, что угнаться за ней — целое искусство. Назалось бы, придумано все, что можно придумать, но фантазия модельеров пульсирует так учащенно, что порой задумываешься, а возможен ли конец моде?

— Никогда! Новое время рождает новые краски, линии и оттенки. Слово круговорот воды в природе, так же все бесконечно. Каждый раз, сделав новую коллекцию, я говорю, что все, исчерпалась. Ан нет, проходит время, и появляется масса новых идей. Взять хотя бы тот же бисер или брючки с прозрачным видом сзади — такого я не видела ни у кого, хотя просматривала много модных изданий. Значит, для фантазии всегда есть безграничные просторы.

— Ваши костюмы не предназначены для повседневного ношения. А вы делаете что-то для массового потребителя, так называемое прет-а-порте?

— Я пыталась делать, но поняла, что свой товар мне необходимо продать, а на "повседневке" много не заработаешь. Думаю, что в будущем приступлю к массовому "производству" одежды для всех.

— Расскажите, почему вас отстранили от участия на Неделе Высокой моды в Москве. Ведь это был хороший шанс заявить о себе публике.

— Я в жуткой обиде на организаторов Недели, потому что "зарубили" работу, которую я готовила полгода. Специально летала за тканями в Америку и Францию, и мои ткани совершенно не повторяются.

Я лишь опоздала на репетицию всего на полчаса, причем не по своей вине — попала в пробку. И несмотря на то, что я была заявлена в программе, специально "на меня" пришла публика, причем многие друзья прилетели из других

стран посмотреть мою коллекцию, — меня сняли с выступления... Безумное количество цветов, которые привозили машины мне домой, я воспринимала как траурные венки, настолько была сильна обида. Многие артисты приезжали до поназа в гримерную, "забывали" себе костюмы из моей новой коллекции, и не увидев их на подиуме, обрывали мой телефон.

— Вы не пытались "внедрить" в свои коллекции элементы русской моды?

— Пока нет моды на русский стиль, нет необходимости его эксплуатировать. Сейчас модны Восток и Япония, причем во всем. Может быть, завтра наступит время всего русского, вот тогда и возмусь...

— Вы в самом начале карьеры делали ставку именно на

звезд, считая этот путь наиболее легким и быстрым в достижении успеха?

— Можно сказать и так. Но скорее всего я просто хотела представить людей, которые на виду, более достойными, красивыми и модными. Ведь на них смотрят, их изучают, на них равняются. Я всегда искала какой-то "изюм", вытаскивала его и выставляла напоказ.

— Как складывался ваш путь к модельному бизнесу?

— Я закончила специальную художественную школу и институт, образование в любой профессии обязательно. Должна сказать спасибо моей маме, которая, будучи геологом, таскала меня по всяким музеям и концертам, прививая чувство красоты. Позже стала работать модельером в Доме моделей, затем на трикотаж-

ной фабрике "Киевлянка". Потом организовала свою студию рисования при дворце пионеров, где занимались дети с четырех лет и старше.

Пять лет назад я приехала с эскизами своих моделей в Москву по совету друзей, обещавших "золотые горы". Думала, заработаю денег и назад, в Киев. Прошел месяц, второй, третий — никаких сдвигов. Деньги стали заканчиваться. Поначалу жила у родственников, потом поняла, что становлюсь обузой. Живя в столице, я познакомилась с семьей Исаевых — Костей и Аней. Если бы не Аня Исаева, я бы сломалась. Она мой идей-

ный вдохновитель, единственный червивый делая; гда подменя и зывала книсуать. Большое ей спасибо.

Съехав от родственников, я сняла квартиру, но тех денег, что у меня оставались, на жизнь не хватало. Попросить у мамы не могла, потому что, уезжая из Киева, я обещала ей

единственный человек, пове в то, что я она все- стегивала при- не

приехать уже известной, и было стыдно признаться, что сижу в Москве ни с чем.

— Вы свободно рассказываете о всех тяготах в жизни, хотя на самом деле многие "звезды" слагают легенды о своем творческом пути...

— Не могу лгать и не люблю лгунов. И не стесняюсь своего прошлого, потому что именно оно подарило мне сегодняшнее настоящее.

— Вы — терпеливый человек?

— Да, вероятно, это меня и спасло. Я не понимала, почему все так сложно, почему люди настолько черствы и циничны. Сегодня я уже другая, и все невзгоды сделали меня более твердой и уверенной, я по-прежнему не утратила способности сопереживать и верить людям. Конечно, для женщины плохо, когда она становится жестче, прагматичнее, а уж для художника это и вовсе трагедия. Я же не делаю танки, пулеметы, я делаю красоту, и очень важно, когда вокруг аура любви и доброжелательности.

— Как же произошел прорыв в тусовку?

— В Москве я посещала всякие презентации и светские мероприятия, но была ужасной "мышной-норушкой". Забивалась в угол и смотрела на происходящее оттуда. Однажды на "Песне года" мой друг Борис

Краснов представил меня коммерческому директору "АРСа" Борису Крутоголову, который и познакомил меня со многими артистами.

— Когда вы получили первую "пощечину"?

— После сольных концертов Варум, где все костюмы были мои, а в прессе сообщили, что певица выступала в нарядах, привезенных ею из Парижа. У меня началась истерика! Позже я выяснила, что так было задумано: не дробить ее имя "ассистентами и режиссерами", а чтобы звучало только одно имя Варум.

— Сольники Варум стали, по сути, точкой отсчета вашей карьеры...

— Да, но прежде был "костюм дворянина" ведущего "Русского лото" Михаила Борисова. Но знакомство с Варум действительно "выбросило" меня на звездный берег, где я развернула свою деятельность. Мною заинтересовались, со мною пытались связаться, мое имя стало часто упоминаться в тусовке. Посыпались заказы от наших "звезд". Я сначала растерялась, но, слава Богу, головокружения не было.

— Почему-то вы так и не "охватили" свою землячку — Наташу Королеву?

— Наташа больше работает с Юдашкиным. Какие-то этические нормы нашей работы порой не позволяют вмешиваться. Артисты, особенно артистки, очень болезненно реагируют, когда "общий композитор" или "общий модельер".

— Алиса, какие новые тенденции в моде ожидают нас весной-летом 2000-го?

— Категорически уходит металл и серебро, на смену им приходят мягкое золото и оттенки песка, идет полным ходом пас-

тель и нежность. Очень характерны мягкие салатные цвета, холодная лимонная гамма. Присутствуют также "зебринная" тема, которая пришла на смену "тигру". Ближе к лету будут модны все оттенки шоколада и карамели — холодная сирень, зелень, сероватые хани. Что касается аксессуаров, то чем избыльнее, тем стильнее. Даже на деловом костюме. Теперь об обуви: это культ открытой ноги, как у женщин, так и у мужчин. Отдельно о брюках: босяцкие, широкие на завязках. Весной и летом будут преобладать легкие, воздушные ткани, которые держат форму. Войдут в моду яркие тона лаков, причем минимум блеска. Но самое главное — не смешивать стили и не пытаться экспериментировать. Если говорить о макияже, то он подразумевает некую внешнюю странность, с которой можно достичь посредством холодного зеленого и белого перламутра. Очень модными покажутся малиновые стрелки на глазах в сочетании с перламутрово-белыми румянами. Губы же можно "облачить" в зеленую или сиреневую помаду, покрыть влажным блеском, который может подарить эффект сексуальности. Весна-лето ознаменуется однотонностью бровей и волос. Для этого специально осветляют и "подгоняют" брови под цвет волос. Подчеркнутые скулы отойдут в прошлое, обильный покрес ресниц тоже не будет считаться модным. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Фото

**А. Ломохова, Р. Рощупкина,
В. Бурькина, Н. Горелова**

Ни у одной матери в мире нет в семье стесни футболистов, как у Анны Павловны Чуркиной. Она — шеф-повар столовой на спартаковской базе в подмосковной Тарасовке. Игроки сборной России по футболу и московского «Спартака» обращаются к ней с уважением по имени-отчеству, а тренер команды Вячеслав Грозный всегда называет мамой. В прошлом году футбольная мама вышла на пенсию, но продолжает заниматься своим главным делом — вкусно кормить семьдесят человек — столько футболистов ежедневно приходят в ее столовую. И мне посчастливилось отведать щей Анны Павловны, после чего захотелось расспросить эту замечательную женщину о ее жизни.

— Анна Павловна, как же это вы стали стряпухой, да еще в лучшем футбольном клубе страны?

— А по чистой случайности. В 1958 году приехала из Рязанской области к моей старшей сестре Марии, она жила и работала в подмосковном Калининграде, сейчас — Королеве. Сначала стала работать в совхозе, что в Тарасовке, Пушкинского района. Отсюда меня направили учиться на повара в Орехово-Зуево. Два года постигала искусство варить кашу и супы. Потом трудилась в совхозной столовой. Однажды увидела объявление, что на спортивную базу требуется повар, пошла, меня и приняли на работу с испытательным сроком.

— Помните, кто тогда был главным в «Спартаке»?

— А как же! Никита Павлович Симонян. Помню даже его слова:

Николай ЗУЕВ

ШНИЦЕЛЬ ПО- СПАРТАКОВ- СКИ

"Аня нам подходит".

Так 20 июля 1962 года я попала на спортивную базу "Спартак" и столовая стала для меня местом, куда я спешила ежедневно для того, чтобы кормить десятки людей. Правда, тогда здесь тренировались не только футболисты, но и легкоатлеты, штангисты, борцы, словом, спортсмены по многим видам спорта. Здесь мне довелось кормить таких мастеров клюшки, как Шадрина и Якушева, Старшинова и братьев Майоровых.

— И все-таки, Анна Павловна, поваром ведь, как и ученым, не рождаются, это ведь особое искусство — вкусно кормить людей...

— А мне с детства нравилось стряпать. Я кашеварить любила даже больше, чем делать урони. Знаете, я появилась на свет во время войны, в эвакуации. Отец на войне стал инвалидом, с трудом переставлял ногу, но работал, не покладая рук. Ведь семье надо было кормить, а у меня были три сестры и брат. Мама работала в колхозе. И я к труду была при-

учена сызмальства. Да и как я могла сидеть, сложа руки, когда видела, как отец на костылях старался делать все, чтобы мы росли не голодными. Он завел пасенку, и хотя пчелы меня здорово кусали, я плакала, но помогала отцу. Словом, с пяти лет знала, что такое крестьянский труд не на словах, а на деле. Родители держали корову, овец, поросенка — за всей этой живностью мне приходилось ухаживать.

— Небось, и огород был не как сейчас у дачников — 6 соток?

— Огород был огромный, около сорока соток. Копала грядки, сажала картофель, овощи, зелень. Потом мне нравилось из этого что-нибудь приготовить. Мама меня хвалила и в пример ставила. Я даже хлеб пекла в печи. Он у меня получался на славу — пышный и румяный. Отец меня за нухарство очень хвалил. Однажды, помню, даже сказал, что добрый повар стоит доктора. Я с этим согласна.

— Спортсмены, всем известно, народ привередливый, как же вам удается готовить еду так, чтобы все были довольны?

Фото автора

— Да секрета тут большого нет — просто надо готовить вкусно и питательно. Всегда помню, какие наставления давал мне Константин Бесков: "Аня, для футболистов надо готовить по-особому. Запомни, что им нельзя делать блюда, где много соли и острых приправ. Старайся готовить так, чтобы они по возможности поменьше потребляли влагу, ведь это потом снахнется на игре". Сегодня моим главным помощником является врач команды Юрий Васильнов. Вместе с ним мы и "колдуем" над меню для спартановцев.

— Колдуй - не колдуй, но питание спортсменов — дело специфическое...

— Конечно, и прежде всего оно должно соответствовать величине энергетических затрат. В пище должны содержаться в необходимом количестве все основные питательные вещества. Спортсмены ведь, в отличие от обычных едоков, нуждаются не только в более высококалорийном питании, но и в относительно большем содержании в рационе белков и углеводов. Еда футболистов должна быть легкоусвояемой и разнообразной и не превышать по весу 3,5 килограммов в сутки.

— Анна Павловна, раскройте секрет — как на протяжении суток распределяется рацион футболистов?

— Особой тайны тут никакой нет. Если тренировки и соревнования проходят утром, то завтрак должен содержать 30 процентов суточной калорийности пайна, обед — 35, полдник — 5, а ужин — до 30 процентов. При проведении тренировок и сорев-

нований в вечернее время калорийность завтрака следует увеличить до 35 процентов, обеда — соответственно уменьшить. Играть натощак нельзя — это приводит к снижению работоспособности. После игры есть лучше всего через полчаса, так как активная мышечная деятельность угнетает выделение пищеварительных соков и пища хуже усваивается.

— Хлопотное это дело — готовить на целую ораву футболистов...

— Обычно приходится готовить как минимум человек на сорок. Но проблема в том, что у каждого игрока есть свои любимые

блюда, и не учитывать этого нельзя. Я и все наши повара знаем, например, что Виктор Булатов не любит блины с черной икрой, а предпочитает красную. Андрей Тихонов без ума от котлет, антрекотов, шницелей, тефтелей. Особенно ему нравится наше фирменное блюдо — шницель по-министерски. Дмитрий Ананко не меньше футбола любит курицу, готов ее есть хоть каждый день. Дмитрий Хлестов предпочитает манароны с тертым сыром. Нравится русская кухня даже бразильцам. Так, наш "Максимна" — Луис Робсон просто балдеет от щей, борщей, курицы и антрекотов. Нередко дарит мне цветы и конфеты, а не-

давно предложил во время отпуска посетить Бразилию, где живут его мама и невеста.

— Тренеры более требовательны к пище, чем игроки?

— Ничего подобного. Неприхотлив в еде даже главный тренер спартановцев Олег Романцев. Специально для него мы ничего не готовим — Олег Иванович питается с общей кухни. Для него нет ничего вкуснее щей и котлет, а сидит он за одним столом с Вячеславом Грозным, Валерием Жилевым и Юрием Васильковым. Кстати, у Олега Ивановича здорово готовит жена Наталья, так недавно "отец команды" меня немало удивил, когда на всю страну за-

Игроки сборной России по футболу (слева направо)

Дмитрий Аленичев, Валерий Карпин, Александр Мостовой, Андрей Тихонов.

явил, что у меня пироги получаются лучше, чем у его супруги.

— Вы всех игроков любите одинаково или кого-то все же выделяете?

— Для меня все футболисты "Спартана" как дети родные, но к одному игроку у меня, скажу честно, особые чувства — к Феде Черенкову. Может, потому, что он вырос у меня на глазах в детском

спортивном лагере в Тарасовке. Помню, в детстве мальчишки всегда играли на компот и многие потом просили у меня добавки, а он никогда не просил. Однажды я у него спросила, мол, почему все добавки просят, а ты нет. На что Федя ответил: "А мне стыдно!" Вот за это его откровение я и полюбила его чуток больше других.

— Ну, хорошо, любовь любовью, а наоборот — не хотелось когда-нибудь взять поварешку и треснуть кого-то по башке?

— Хотелось! Однажды меня крепко обидели журналисты, которые написали, будто бы я, когда ездила с командой в Англию, а было это несколько лет назад, носила водку и закуску в номер Романцеву. Говорят, слух этот пустил Сергей Нирьянов, заметка потом появилась в английской прессе и была перепечатана некоторыми московскими газетами. С того времени отношусь к журналистам с опасной. Так что сколько мяса за месяц футболисты съедят — я вам не скажу! Да это ведь и не главное. Для меня важнее, чтобы ребята уходили из столовой сытыми и с хорошим настроением, ведь от этого во многом зависит их игра на поле. Недаром же говорят: как полопаешь, так и потопашешь.

— А еще в старину на Руси говорили, мол, повар в поварне, что волк в овчарне...

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

“ПРОСТИ МНЕ
ТВОЮ
ИЗМЕНУ...”

Как любит говорить один мой знакомый, “я уже так давно живу в этой системе ценностей, что где-то даже состарился в ней”. Вот и я живу уже так давно, что меня в принципе очень трудно чем-либо удивить. Когда позвонила приятельница с сообщением, что наша с ней общая подруга Галина рассталась с мужем, я ничуть этому не удивилась. Каждый может развестись — хоть сразу после золотой свадьбы, хоть на следующий день после бракосочетания. Дело, как говорится, житейское и медициной отнюдь не возбраняется. Скорее всего, как всегда, не сошлись характерами.

А оназалось — по рассказу другой моей приятельницы, — что характеры тут были вовсе даже и ни при чем: развод состоялся из-за супружеской измены. И снова я не удивилась: с кем не бывало, под кем сани не подламывались, кто с коня не падал? Все совершенно банально: Галину, оназывается, застиг муж на месте преступления. Господи, да на эту тему уже, кажется, и анекдотов в приличном обществе не рассказывают! Занимательности сюжету не добавили и красочные подробности гнева обманутого супруга, тем более, что счастливым соперником оназался его занадьчный друг. Ну и что?

И все-таки я немало удивилась, когда узнала **все** подробности. Не альковные — Боже сохрани! Морально, так сказать, этические. Но все по порядку.

Когда-то я знала Галину довольно хорошо, мы даже приятельствовали. Галина в нашем кругу считалась примерной женой и образцовой хозяйкой дома, успешно сочетавшей эти прекрасные качества с

удачной карьерой преподавателя немецкого языка в институте. Потом, как говорится, жизнь развела: встречались крайне редко, звонили друг другу лишь по делу. Конечно, с возрастом люди меняются, и вполне возможно, что сдержанная, суховатая Галина, привыкшая всегда добиваться своего, стала "роковой женщиной". Или — во что вообще с трудом верилось — жертвой роковой страсти.

Потому что ничего рокового ни в Галине, ни в ее муже Александре не было. Он — инженер, она, как уже говорилось, преподаватель. Двухкомнатная квартира не вызвала особой зависти, поскольку находилась, мягко говоря,даленовато от благ цивилизации: полчаса автобусом от конечной станции метро. Остальное, правда, было на уровне — мебель из Италии, ковры из Бельгии, два телевизора "итс э Сони", ну, и так далее. Многие из нас им завидовали, но тут же успокаивали себя: детей-то нет, расходов, стало быть, меньше, так что все естественно.

Детей же не было не потому, что их не хотели, а потому, что как-то "не заводились". Нет — и не надо. Галина даже слегка конетничала этим обстоятельством, говорила, что вообще лишена материнского инстинкта. А для Саши важным было только то, что волновало Галю — Галчонок.

Последнее слово в этом семейном союзе всегда было за ней. Чуть ли не во время медового месяца она твердо заявила: никаких совместных отпусков! Иначе можно осточертеть друг другу задолго до первого мало-мальски весомого юбилея. Так что отдыхали супруги врозь, то есть Галина ездила на курорты, а Саша тосновал без нее в

городе, занимаясь чем-нибудь для приработка в семейный бюджет. Со временем он, правда, признал, что жена, как всегда, оказалась права: из отпуска она всегда возвращалась в отличной форме и превосходном настроении. Соскучившийся муж и пренрасно отдохнувшая жена... Многие завидовали.

Кстати, никакой особенной красотой Галина никогда не блистала. И фигура средняя, и лицо так себе. Но вот уж действительно: не родись красивой... К тому же было в ней что-то зданое, неуловимое. То, что у нас называют "изюминкой", а у французов — "тараканом". Плюс — священнодействие в уходе за собственной драгоценной персоной. Думаю, именно ей принадлежит идея крылатой фразы из рекламы: "Ведь я этого достойна!"

Так что в поклонниках — ни до, ни после свадьбы — недостатка не наблюдалось. Саша, кстати, не ревновал: ему раз и навсегда было сказано: "Если любишь — должен верить". Он и верил. "Раз Галчонок сказала..." Да в общем, дальше легкого флирта дело никогда и не заходило. Или... умело скрывалось?

Мы над Сашей подсмеивались, потому что своего обожания — собственной жены, вот чудак! — он и не скрывал. "Галчонок просила...", "Галчонок хочет...", "Галчонок этого не любит..." — так начинались, продолжались и заканчивались почти все его рассказы о счастливой семейной жизни. Счастливой без навыков: он был совершенно счастлив и, похоже, этим гордился.

Выходит, идиллия закончилась? Если верить слухам, Саша

застукал свою Галочку "на горячем". Неужели позазал, кто в доме хозяин? Ситуация, повторюсь, банальная, но эти роли не подходили ни Галине — рассудительной, осторожной, не склонной к романтике и сантиментам, ни Саше — фантастическому добряку. Любопытно...

Сама Галина мне звонила чрезвычайно редко и всегда по делу. На сей раз "по делу" позвонила я, благо предлога и искать особенно не надо было: кому-то из знакомых потребовался репетитор по немецкому языку, а у Галины связи в этой среде были широчайшие. Конечно, я осведомилась об Алесандре: могла же я, в конце концов, быть не в курсе их супружеских развлечений.

— Уехал на Север и сидит там в какой-то шахте, — удовлетворила Галина мое любопытство. — Нет, кажется, в домне.

С техникой Галина "на ты" никогда не была.

— А я живу одна и совершенно счастлива. Так вот о репетиторе...

Мне деликатно указали желательные рамки беседы. Деликатно, но достаточно твердо. И я проглотила все имевшиеся вопросы, хотя, видит Бог, это было нелегко.

С тем большим изумлением услышала я почти год спустя голос Галины на своем автоответчике. Она просила связаться с ней, и я эту просьбу выполнила, хотя некоторое время и терялась в догадках относительно того, зачем я ей могла понадобиться. При личном разговоре Галина была как всегда сдержанна, чтобы не сказать — суховата, и говорила почти ультимативно:

— Если хочешь поговорить, приезжай завтра, у меня свободный вечер. Если нет, то нет, я уез-

жаю. Надолго. Возможно, навсегда. Так что смотри сама.

— Поговорить — о чем? — осторожно осведомилась я.

На том конце трубки раздался короткий смешок.

— Не валяй дурочку. Вы же все умираете от любопытства, как будто я не знаю. Теперь могу рассказать. Тебе.

Я, признаюсь, болтлива, когда речь идет о моих собственных делах, но чужие секреты хранить умела всегда. Поэтому меня такое доверие не удивило. Удивило то, что при встрече Галина отнюдь не потребовала моего молчания. Наоборот, была согласна, чтобы ее историю узнало как можно больше народу. Впрочем, эта загадка вскоре получила свое разъяснение. Как и все остальное.

— Да, все верно — на первый взгляд. Как в старом, добром анекдоте: муж раньше времени вернулся из командировки. Согласна, даже не смешно. Но ведь надо знать Сашку! Он, с его idiotской деликатностью, сразу домой не поехал, потому что позвонил из аэропорта, а дома никто трубку не берет. Нету меня. И направился он к своему занадьчному другу Володе. Чтобы, значит, в комфорте дожидаться, пока я объявлюсь, а главное — не поставить меня в неловкое положение, поскольку не смог заранее предупредить, что день приезда переносится...

Володя, между прочим, убежденный холостяк. Звонит Сашка в дверь, открывает ему дружок... в одних трусинах и без особой радости на лице. А на вешалке в коридоре мое пальто. У Сашки челюсть так и отвисла, а Вовик не нашел ничего умнее, чем сказать:

— Ты не думай, старик... Я тебе все объясню. Заходи на кухню. Сейчас оденусь — и все путем объясню.

Тот, конечно, зашел... И ведь когда звонок раздался, я Володе сказала: "Не открывай!" Как чувствовала. К себе никогда никого я домой не приглашала даже чаю выпить, а уж Володьку-то, когда у нас с ним все началось, тем более. Хотя знала, что Сашка неожиданно не придет и даже с работы без звонка не придет. Очень он боялся оказаться не вовремя, нестати. Ну, и что в результате? Это же надо — так напоротся! Заметь, я себя виноватой не считаю: вольно ж ему было тащиться неизвестно куда, вместо того, чтобы домой поехать, как все нормальные люди делают. Уж там-то он точно никого бы не застал.

Когда я услышала Сашкин голос в прихожей, то даже не испугалась. Вовин-то всегда из себя таного опытного мужика корчил! Мол, он из любой ситуации найдет достойный выход, с ним, мол, нигде не страшно, он и каратэ знает, и дзюдо, и дзю-после... Трепач первостатейный, как и все мужики. Ну, открыл дверь сдуру, так придумал бы что-нибудь. А он его зайти пригласил. Как же, друзья закадычные! Просто зла не хватает!

Потом вообще был полный отпад. Мой любовничек приглашает моего муженька на кухню, быстро натягивает портни, достает из бара бутылку — и идет объясняться. А я лежу и не знаю, что делать: хоть в окно выпрыгивай. Так ведь с шестнадцатого этажа страшновато. Ногу сломать можно.

В общем, лежу и прислушиваюсь: когда там драна начнется. Сашка-то тихий-тихий, но росту в

нем под два метра и весит почти центнер. Володька со всеми своими приемами просто мелочь перед ним. Слушаю, слушаю — тихо. Встала, оделась, вышла в коридор. Дверь в кухню закрыта была, но неплотно. И слышу, как они там ворнуют. Обсуждают за бутылкой, с кем мне лучше будет. Муженек клянется, что ради моего счастья готов меня лучшему другу отдать, а тот в ответ вякает, что мужская дружба — превыше всего, и ради него он готов любовью пожертвовать.

Мне все ясно стало. Вошла на кухню, отвесила обоим по морде и ушла. Домой.

Дальше события развивались следующим образом. Когда на другой день Саша все-таки решился приехать к себе домой, то оказалось, что попасть в квартиру нет никакой возможности: замок там стоял уже новый. На телефонные звонки Галина не отвечала, дверь не открывала, хотя свет в окне горел, а за дверью слышались шаги и музыка.. Пришлось срочно вызывать на помощь Володю. Вдвоем они до глубокой ночи пытались уговорить Галину сменить гнев на милость и обсудить положение...

Добились только одного: дверь, наконец, открылась на длину цепочки и на лестничную площадку выехали два чемодана. С вещами Александра.

Месяц он прожил у Володи, безуспешно пытаясь объясниться с супругой. Писал ей слезные письма, умолял простить его(!), обещал все, что угодно, лишь бы все стало по-прежнему. Галина не реагировала на его эпистолы, по телефону беседовать не хотела — сразу швыряла трубку, а если Саше удавалось подкараулить ее возле ра-

боты, то проходила мимо с ледяным лицом. А через месяц сама прислала письмо на адрес Володи, поскольку адресовано оно было обоим друзьям. То есть одна сторона "треугольника" писала двум другим.

Вкратце смысл был такой: немедленный развод, одновременно обмен квартиры на что угодно — и чтобы она больше не слышала ни об одном из друзей. Ни о каком прощении речи быть не может и вообще они оба ей глубоко противны. Точна!

— Конечно, ничего у меня с этим ультиматумом не вышло. Хотя я надеялась, что Сашка сделает и на сей раз по-моему. Ведь у него характера не было совершенно. Скажешь: "Саша, пол грязный" — тут же вымоет. Скажешь, что унин невкусный — или другой состряпает, или помчится что-нибудь покупать. Все ахают, какая я замечательная хозяйка — он молчит, хотя я дома практически не занималась, все он.

Мне даже интересно иногда было: до какого предела мужик может позволить собой командовать. И скучно — даже изменять не хотелось. Тут должен быть риск, азарт, фантазия. А Сашка даже лишний раз спросить боялся: где я была. Совру что-нибудь на скорую руку — он уже счастлив, всему верит. Да на его месте нормальный мужик меня бы отделал, как Бог черепаха. Или бросил. Или выгнал. А пришлось мне его выгонять, потому что сам бы нипочем не ушел.

Он и разводиться долго не хотел. Просто уехал на Север, а оттуда такие письма слал — по ним индийские фильмы снимать можно. Сплошные розовые сопли на глицерине. И жить-то он без меня не мо-

жет, и сам во всем виноват: не сумел дать мне того, чего я заслуживаю, что мне нужно было... Мне-мня, сю-сю-сю... Конечно, виноват! Прежде всего, нужно было, чтобы он перестал называть меня этими дурацкими собачьими кличками: "Ниса", "Нутя", "лапнин"... брр! Чтобы хоть раз в жизни куланом по столу грохнул: "Талина, наного черта на телефоне повесилась, я жрать хочу!" Нет. Я им командовала, как Бобином, а он мне руни лизал и хвостом вилял. Противно.

И с Володей я роман закрутила со скуки. И еще потому, что он из себя супермена строил: "Женщина — это ошибка природы, без мужчины обречена на мучительную гибель..." Глейбой чертов! Через месяц поняла, что он по сути такая же тряпка, как мой благоверный. Всего боялся: начальства, соседей, мужа моего. И очень ему неловно было, что он своему ближайшему другу рога наставляет. Интересно было: заговорю с ним о Сашке, нарочно начну жаловаться, а этот дружок крутится, как карась на сковородке. И возразить мне боится, и слушать неприятно... Нет, если природа и ошиблась, то с мушиками...

Знаешь, я этот год прожила одна совершенно. Хорошо: никто под ногами не путается, в глаза не заглядывает, на мое невнимание к нему, маленькому, не жалуется. А недавно Сашка сдался: прислал-таки уверенность на развод в его отсутствие.

— Тебе это так необходимо — официальный развод? — удивилась я. — Детей у вас нет, замуж ты, как я понимаю, не собираешься...

Галина посмотрела на меня с неподдельным интересом:

— А если, представь себе, собираюсь?

— Ты? За ного?

— За мужчину. Настоящего.

— Где ты его взяла, настоящего-то? — "С твоим-то характером?" — добавила я мысленно.

— На международной выставке, — исчерпывающе объяснила Галина и кан-то очень развеселилась. — Да нет, он не экспонатом был, а демонстрировал товары своей фирмы. Оправы для очков, что-то там еще. Ну и познакомилась. А потом он снова приехал в Россию и сразу мне позвонил.

До меня медленно стала доходить суть.

— Иностранец?

— Ага, немец.

— А почему ты решила, что он настоящий мучкина?

— Знаешь, как чукчи говорят: "сюствую". И мне очень нравится, как он на меня смотрит. Как на вещь!

Я не нашлась что сказать, хотя обычно таких трудностей в общении у меня не возникает. Бедный Сашка! Как он смотрел на Галину! Черт нас все-таки разберет, женщин.

— Да и потом я многим рисковала, когда Сашку выгнала. Не молоденькая, не красавица, не кинозвезда. Все хорошо, конечно, что хорошо кончается, но... Нет, лучше уж до смерти одной прожить, чем с такими размазнями, как Сашка или его дружка. Я все правильно сделала.

— Дай Бог тебе счастья, — пожалала я плечами. — Людей посмотришь, российскую женщину достойно представишь за пределами Родины. Да и Сашка наконец сможет вернуться в свою квартиру и попытаться быть счастливым. Со-

рок пять для мужчины — не возраст. Еще и дети могут быть.

Галина посмотрела на меня со снисходительной жалостью:

— Сюда он ни в коем случае не вернется. Во-первых, потому что эта квартира ему нужна только в "наборе" со мной. А во-вторых, потому что я ее продала. Гюнтер человек состоятельный, но и жену хочет взять не нищую. По их меркам шестьдесят тысяч марок, конечно, не деньги, но все-таки приданое.

— А Саша?

— А что Саша? Мне он и с квартирой не нужен. На те деньги, что он мне ежемесячно посылает, я все это время жила совсем неплохо. А уеду к Гюнтеру — буду жить еще лучше. Правда, покрутиться придется, у них жена — тоже профессия, но дело того стоит. Нет, я очень довольна, как все получилось. Я еще не старая, а там люди долго живут. И интересно.

— А Саша?

— Что ты заладила: Саша, Саша... Ты еще спроси: а Володя? Каждый получает то, что заслуживает, я так считаю. Не переживай, Сашка наслаждается своей судьбой, уж я-то его хорошо знаю. До сих пор мне каждую неделю письма шлет. Полюбуйся, какое послание приложил к согласию на развод.

И она протянула мне густо исписанный листок.

"Талчонок, милая моя, злая, упрямая, непризная, любимая девочка!"

Посылаю тебе то, о чем ты просила, но для меня все это не имеет никакого значения. Для меня все остается по-прежнему. Если тебе будет плохо, если тебя

кто-нибудь обидит — только дай знать. Я приеду, куда угодно, и сделаю все, что ты захочешь. Только не вычернивай меня из своей жизни, пиши хоть иногда. Хотя бы открытки: жива, здорова, счастлива.

Хотя бы позвони мне один раз! Дай услышать твой голос! Не тот, холодный, наким ты отвечаешь на мои звонки: "Вас не слышно, перезвоните". А тот, наким ты когда-то со мной разговаривала, если я звонил тебе из командировки. Помнишь, ты отвечала мне: "Все нормально, подробности при личной встрече". Помнишь?

Я живу только тобой и для тебя. В тебе смысл моей жизни. Я счастлив тем, что ты есть на этом свете. И, наверное, счастлива...

...Я жду звонка, письма, я тебя жду. Всегда. Я люблю тебя. Прости меня за все, родная моя, радость моя, единственная моя..."

Я подняла глаза от письма: передо мной сидела обычная женщина средних лет с обычной внешностью. На сказочную принцессу она никак не тянула, на роковую женщину — тем более. Но письмо было написано именно ей. А не вам, не мне и не той, которая заклиняет в песнях: "Позвони мне, позвони...", "Приходи, когда захочешь", "Не отменяются, любя...", "Сколько мне ждать, ну, сколько мне ждать?"

— Да не нужно мне все это, — покачала плечами Галина, по-видимому, угадав ход моих мыслей. — Надоело. Я же говорила: мя-мя, сю-сю-сю...

— Галина, а если Гюнтер тебе надоест, куда ты его выгонять будешь? Говорят, немцы пьют меньше наших, а соображают лучше.

Ему изменять не собираешься? С азартом и риском?

— Там видно будет. Гюнтер хоть не сюсюкает. Но, знаешь, если мужику наставляють рога, он сам в этом виноват. Никогда не прошу Сашне, что мне пришлось ему изменить. И что у нас детей не было. Может, я из-за этого наная-то ущербная...

Ничего себе, заявление! Я вторично потеряла дар речи.

— А что ты думаешь? — с запалом продолжила Галина. — Был бы ребенок, на мой ляд мне любовник сдался? Для Сашки я была его ребенком, других он не хотел. А дети подрастают и уходят от родителей. Вот и я ушла... Хочешь об этом написать? Напиши. Меня уже здесь не будет, так что, как говорится, не влияет. Может, Сашка прочтет. Тогда поймет, почему я его выгнала. И открытку не надо будет писать...

И она улыбнулась по-западному, одними зубами. Глаза в этом процессе не участвовали.

Вы спросите, ну и нанова же мораль? Отвечу честно — не знаю.

Первое, что приходит в голову, — любимое изречение моего мужа: "Бабу надо бить, она от этого мягче становится". Но на практике мы эту замечательную теорию проверить не удосужились.

Второе: "Семья без детей — не семья". В большинстве случаев она с треском разлетается, налеча тех, кто оказывается на пути осколков. Но на практике семьи с детьми разваливаются ничуть не реже.

Третье. "Имущему — дается, у неимущего — отнимется". Это, кажется, Евангелие.

Больше ничего в голову не приходит.

Юрий ДРУЖНИКОВ

Танго с президентом

1

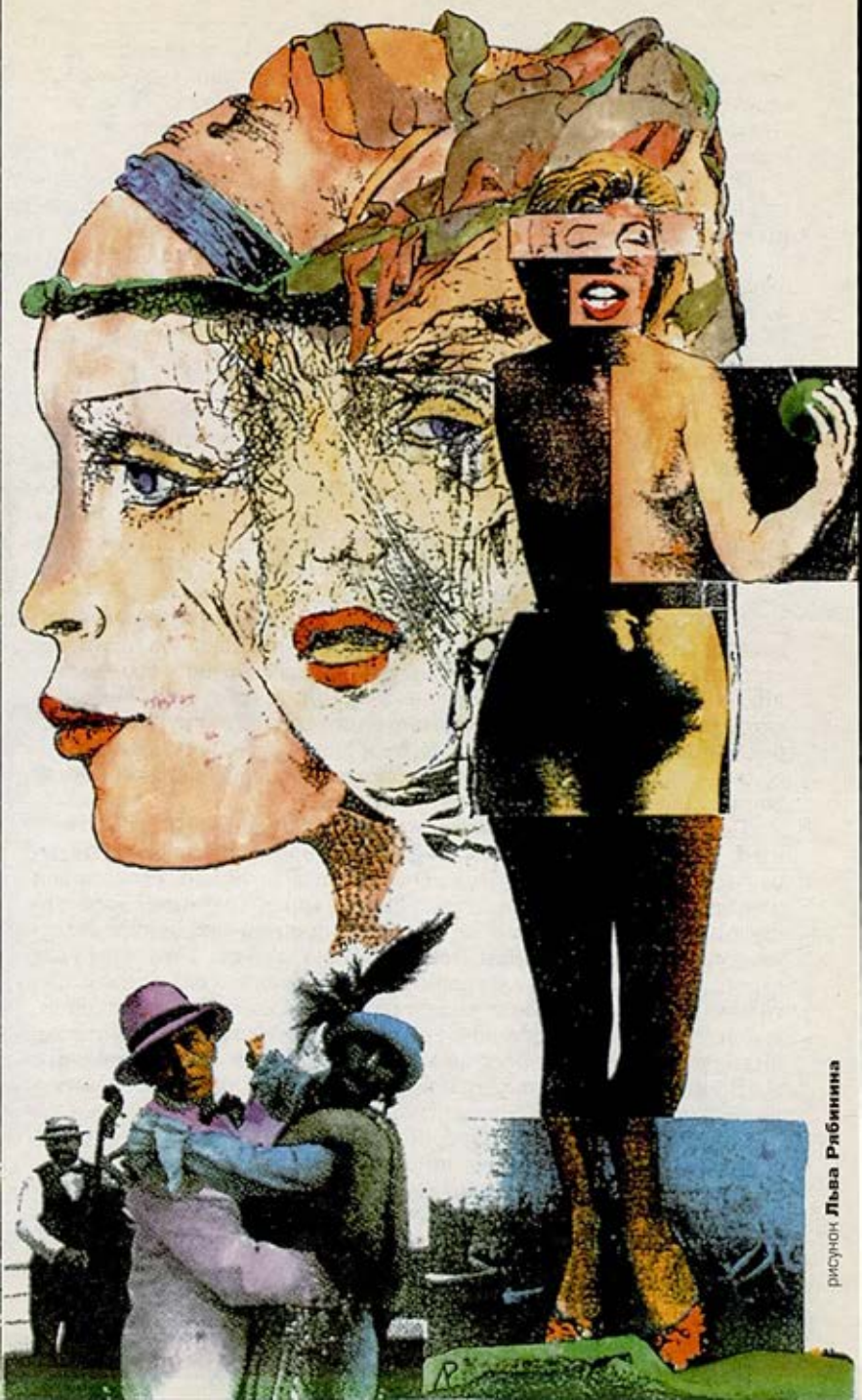
Отчитав лекцию о романах Тургенева, я побрел из класса в офис, прячась в тени деревьев от жутких ультрафиолетовых лучей. Была в разгаре весенняя четверть. Горло мое, осипшее, несмотря на прицепляемый к галстуку микрофон, требовало теплой жидкости. Остановился купить стаканчик кофе и по дороге сосал его через трубочку, когда кто-то затопал сзади, догоняя меня, и сильно хлопнул по плечу.

Это оказался коллега с кафедры англоязычной литературы, профессор Пит Хейтер. В прошлой четверти его лекция следовала за моей, и, ожидая, пока я закруглюсь, он маячил в дверном окошке, тычась носом в стекло. Теперь мы читали в одно время в соседних аудиториях. Кличка его у студентов — Дятел. Он и вправду похож на птицу: поджарый, с длинным носом, и, когда говорит, слегка раскачивается, будто хочет клюнуть вас в плечо. Не то чтобы я удивился его фамильярности (в Америке скоро и студенты будут похлопывать профессоров по плечу), — странно было, что это сделал он, человек в футляре, чопорный, отстраненный от всеобщей суеты, никому не близкий, проводящий время за чтением архивных бумаг и микрофишей в библиотеке от открытия до закрытия. Он и питается для экономии времени в студенческой забегаловке на восемьсот посадочных мест, куда он всегда попадает восьмьсот первым и стоит в очереди.

Биограф и комментатор Эрнеста Хемингуэя, Пит Хейтер в молодости изъездил абсолютно все места, где знаменитый писатель точно или по слухам жил либо бывал. Об одном выдающемся открытии профессора Хейтера в области хемингуэведоведения американские газеты писали как о сенсации.

Открытие Пит сделал возле городка Петоски, в штате Мичиган. Молодой Хемингуэй жил в тех местах на озере Валун в летнем коттедже “Уиндемеа” у своих родителей. Там он написал книгу рассказов о хулиганистом Нике Адамсе, очень похожем на самого рассказчика. Там же, между ловлей рыбы и игрой в теннис, обхаживал Айрин Голдстейн, самую красивую девочку го-

родка, с которой у него ничего не получилось. Но если верить добытому профессором Хейтером в доме для престарелых у самой старушки Айрин письму к ней пятидесятилетнего Большого Дядьки Эрни, как Хем называл себя, писатель любил ее всю жизнь.

Писем Хемингуэя по всему миру раскидано немало, и им никто не удивляется. Сенсацией стал электрический столб, найденный Хейтером, у которого знаменитый писатель первый раз женился. К столбу этому газетер Хем, одетый по-фронтовому в униформу итальянского Красного Креста времен Первой мировой войны, прижал свою другую подругу Хадли Ричардсон. Обхватив ее вместе со столбом, Хемингуэй сообщил ей, что был ранен на войне 227 раз пулями и шрапнелью в разные места, а теперь ранен ею в самое сердце, поцеловал и сделал предложение. К сожалению, мемориальной доски на столбе все еще нету, хотя Хейтер пробивает ее у тамошних местных властей лет десять, и никто не сказал ему "нет". На двери туалета с очком во дворе коттеджа его родителей висит табличка: "Здесь сиживал Эрнест Хемингуэй". А на его, так сказать, брачном столбе — ничего нет! Уже и столб-то, который обнимал классик, рухнул, электрики поставили новый, бетонный, который никогда не сгниет. И все давно "за", а дело не сдвигается.

Ну а если более серьезно, то Хейтер написал три книги и сто двенадцать статей, предисловий и комментариев, охватив все стороны жизни классика. Наверняка профессор знал об этом великом охотнике, любителе кошек, пьянице, бабнике и Нобелевском лауреате, а также о его многочисленных подругах и четырех женах — Хадли, Полин, Марте и Мэри — больше, чем сам бородач Хем знал о себе. При этом биограф был абсолютной противоположностью знаменитому писателю.

Все, кто только хотел знать, знали, что худощавый и высоченный, как уличный фонарь, Хейтер, которому шестьдесят четыре — убежденный холостяк. Отчего он всю жизнь сторонился женщин, оставалось загадкой. Даже с хорошенькими секретаршами, которые с каждым входящим общаются так, будто сию секунду, прямо на рабочем месте, готовы на все, Пит контактил строго по делу, отводя слегка косящие глаза на экран ближайшего компьютера. Как обо всех закоренелых холостяках, предпочитающих и на работе беседовать больше с мужчинами, о Пите ходили разные слухи, в основном, насчет его голубой ориентации.

В университете у нас, да и вообще в Калифорнии, если уместно об этом помянуть, принадлежность к данной группе людей дает, коли человек это демонстрирует, даже некоторые преимущества: голос меньшинств сегодня сильнее голоса толпы, и Америка такие голоса слушает охотно. Если же человек не выпячивает свои гомосексуальные склонности, то это никого не колышет. Даже за спиной говорят осторожно, чтобы случайно не обидеть человека. Так вот, в применении к профессору Хейтеру все это со-

вершено не бросалось в глаза. В его аскетическом равнодушии к мирским страстям наличествовало нечто не просто академическое, но и почти монашеское.

Теперь, хлопнув меня по плечу, Хейтер, по кровям напористый ирландец, улыбнулся, как мне показалось, немного смущенно.

— Послушай, коллега, — сказал он с неестественной для него простоватостью, — перекрещиваемся с тобой в каких-то дурацких комитетах и на собраниях, а почему мы ни разу не поланчевали вместе?

Не зная, что ответить, я пожал плечами. В самом деле, почему?

— Это всегда поправимо, — промямлил я.

— Вот! И я так думаю! — обрадовался он, словно боялся, что я откажу. — В даунтауне открылось симпатичное местечко, где хозяин кормит, по крайней мере, поначалу очень даже ничего, ресторанчик “The Mustard Seed”. Посидим. Растолкуешь мне хотя бы, что за бардак происходит в России, а то я ничего не понимаю. Давай сегодня, а? Может, прямо сейчас?

О совместном ланче (русские словари упрямо пишут “ленч”, но никто в мире так не говорит), зная, как все заняты, у нас принято договариваться заранее, хотя бы за неделю. Чего вдруг ему приспичило? Российские проблемы никогда Пита не волновали, а если теперь он, прослышав что-то, заинтересовался, то проще для него открыть “Нью-Йорк Таймс”. У меня дел по уши на кафедре, а дома лежат три неоконченных рукописи. Но если ланч отложить, Хейтер обидится.

Короче, сговорились, что через час он за мной заедет.

2

Явился он минут через сорок и ждал, опершись о дверной косяк. У меня ушло некоторое время, чтобы развязаться с приемом студентов, и мы отправились пешком в даунтаун (хотя по-русски, конечно же, надо сказать “в центр города”, но это все равно даунтаун). По дороге говорили о ничтожном, даже о погоде. Я его не торопил, полагая, что он сам раскроет причину срочной совместной трапезы, но невольно пытался догадаться, чего ему от меня столь спешно понадобилось. Скорей всего, поддержка при голосовании в академическом сенате — за или против какого-нибудь нововведения. Или рекомендация для его аспиранта. А может, захотел издать в России перевод своей биографии Хемингуэя?

В “The Mustard Seed”, что значит “Горчичное семечко”, нас посадили лицом к лицу за маленький столик у камина. В нем лежали натуральные дрова, но холода давно прошли, камин до осени не понадобится.

— Бутылку мексиканской “Короны” и салат “Цезарь” с итальянской заправкой, — решительно потребовал Пит. — А ты не хочешь пивка?

— Бутылку “Saint-Paul Girls”, — заказал я официанту.

Велев подать мне, кроме этого миннесотского пива, чашку бостонского протертого супа из креветок и кальмара и салат с тунцом, я спросил Пита — просто так спросил, чтобы не молчать:

— Чего слышно у вас на кафедре? Деньги опять урезали?

Официант поставил нам по бутылке с пивом. Хейтер налил себе, сразу отпил полбокала и вытер салфеткой рот.

— Дьявол ее заberi, кафедру! Гори она синим пламенем!.. Вот что я хотел спросить...

Он глянул на меня, как мне показалось, испытующе, все еще сомневаясь, можно ли мне доверять, и отвел глаза в сторону, на дрова в камине. Мне показалось, что из-за нервничания правый глаз у него стал косить чуть больше.

— Это строго между нами, ладно? — Пит отхлебнул еще пива. — У тебя в классе в конце прошлой четверти замечена одна симпатичная студентка. После она исчезла. Как ее зовут?

Я прикусил губу. Разговаривать на эту тему по ряду не вполне понятных причин у нас не принято. Администрация университета периодически настойчиво предупреждает в конфиденциальных письмах, что флирт на работе вообще, а особенно между теми, кто учит и теми, кто учится, крайне опасен для вашей карьеры. Кампания против сексуальных домогательств перешла все разумные границы. Не так глянете на студентку, а она, обиженная низкой оценкой, заявит в суд, что вы ее домогались; она-де оказалась морально устойчивой, и плохая оценка — месть за ее несговорчивость. И пойдет тяжба... Но в данном случае даже не в этом дело. Убеденный, я бы сказал, легендарный холостяк, Пит Хейтер обратил свой отстраненный взор на мою студентку, а у него самого в классе их полсотни, — вот от чего можно вдвойне отупить. Однако пришлось сделать вид, что все так и должно быть. Придумывая ответ, я помолчал.

— Какая из них? — наконец выговорил я. — В моем классе не одна, а все симпатичные.

Пит, похоже, решил, что мне из, так сказать, политико-административных соображений не хочется назвать ему имя.

— Значит, не хочешь сказать... Ты что, сам на нее глаз положил? — ревниво спросил он.

Факт, что Пит, по своей монастырской наивности, думает, будто весь мир просто не может не влюбиться в какую-то девочку, на которую он обратил внимание, тоже настораживал, хотя бы своей дикой серьезностью. От безостановочного гуляки Хемингуэя преданный ему до мозга костей биограф в смысле жизненного опыта ничего не перенял.

— Нет же, нет! — поспешил успокоить его я, поняв, что не отшутиться. — При чем тут мои симпатии? Просто класс большой. Как хоть она выглядит?

— Не прикидывайся! Ты прекрасно знаешь, о ком я...

— Клянусь, понятия не имею! Какие-нибудь приметы?

— Э-э-э, особо благородная леди, статная, с бусами на шее. У нее такой европейский вид... Конечно, уже не девушка, но еще оч-чень ничего.

Тут до меня дошло. Значит, стоя в коридоре и глядя через дверное стекло внутрь, когда я затягивал лекции, он-таки разглядел, что она не девушка.

— Это, вероятнее всего, Лилия Бурбон.

— Лилия Бурбон? Примечательное имя. Она француженка?

— Что-то вроде того... В переносном значе...

Он меня перебил:

— Лилия!.. Цветок благоуханный. Да еще Бурбон... Она что, королевского рода?

— Не на сто процентов. Но муж ее был действительно родовитым.

— Был? Значит, сейчас она не замужем, твоя студентка?

— Да она вовсе не студентка!

— А кто же?

— Просто приходила пару раз на мои лекции. Она тебе... всерьез нужна?

— “Нужна” без проверки слишком опережающе сказано, — задумчиво проговорил Пит. — Хотя... в ее профиле есть некий необъяснимый магнетизм. Ты не почувствовал?

Та-ак! Вот и еще один субъект намагнитился. Не от фаса этой женщины, а от профиля, но это его забота.

Еще один, потому что совсем недавно чиновник на пенсии из Сакраменто Кен Стемп, восьмидесяти четырех лет от роду, влюбился без ума в приезжую русскую молодящуюся красотку, поступил в университет, чтобы срочно освоить русский язык, сидел у меня на лекциях, но спустя несколько часов после свадьбы скончался от инфаркта — следствия нервных и физических перегрузок, связанных с напряженной подготовкой к первой брачной ночи на своей яхте “Лилия”. А его подруга, стремительно ставшая вдовой, Лилия Бурбон, почетная поэтесса советской эпохи, лауреат Сталинских и Ленинских премий, до этого успела пожить в Германии, Канаде, а теперь, по-видимому, благополучно осела у нас на Калифорнийщине и больше на моем горизонте не возникала.

И вот, как теперь выясняется, мой покойный студент Кен Стемп, который пристал к ней наверняка далеко не первым (при мне Лилия вспоминала, что ее любовниками были едва ли не все поэты Серебряного века), но оказался и не последним, обвороченным этой примечательной особой. Кен женился и умер, Пит, конечно, на четверть века моложе, но... Как бы вы поступили на моем месте? Сказать моему коллеге, что его любимой девушке девяносто шесть лет и она ровесница Хемингуэя? Или промолчать? В конце-то концов, какое мое дело? И впрямь, стало быть, есть в Лилии Бурбон нечто мистическое, божественное, или, наоборот, дьявольское, некая аура, что ли, попав в которую мужчины (уж

не знаю, все или только специфические) готовы потерять независимость, падают перед ней на колени или, стилем попроще, пристают, как мухи к липучке. Любая женщина не отказалась бы от такой сверхъестественной способности обольщать, но далеко не всем это дано.

— Знаешь, что меня в ней больше всего поразило? — перебил мои мысли Пит.

— Конечно, интересно, что именно.

— Ее спина! — в восторге выпалил он. — Прямая, как редвуд. Редвуд, то есть красное дерево, растет у нас в Северной Калифорнии везде. Кажется, это разновидность секвойи, эдакая гигантская елка, вечнозеленая и постоянно осыпающая засохшие ветки. Значит, Питу понравилась в профиль ее спина. Спина так спина... Почему бы и нет? Каждый находит в женщине что-то, вдохновляющее больше, чем другие части ее тела или души. Сравнение женской спины с деревом, предложенное Хейтером, оставлю на суд читателей.

Нам принесли еду, я отломил кусочек горячего хлеба и сосредоточился на супе.

— Если она не студентка, — продолжал наседать на меня Пит, — так кто же она, твоя таинственная слушательница?

Его патетика несколько раздражала.

— Она недавняя эмигрантка из России.

— О! Русская?! — Пит вдруг изменился в лице.

— А что, разве это меняет дело?

Спросил я потому, что о наших в Сакраменто сейчас пишут в местных газетах всякое, и отнюдь не всегда только хорошее. Отечественное ворье, наркоманы и алкоголики вполне успешно прибывают в Штаты по тем же каналам, что и порядочные эмигранты. Молодые бездельники угоняют машины, получают сроки. Один совершил убийство, удрал в Украину, сейчас посажен там, не без подсказки американской полиции. Читал в газете, что трое здесь сидят за использование в магазине чужой кредитной карточки. По-прежнему в эту страну легко впускают настрадавшихся баптистов и пятидесятников, но многие, получив письма родственников, что деньги тут дают бесплатно, таковыми прикидываются. Дошло до того, что в американских консульствах в Москве и Киеве перед тем, как выдать визу, открывают Библию и устраивают маленький экзамен. Но и он не спасает положения.

— Выходит, она русская! — медленно повторил Пит. — *Большой театр...* Как же, видел "Swan Lake" в Метрополитен Опера... *Тшайковски...*

Упомянув "Лебединое озеро" и Чайковского, он бесспорно потряс меня своей эрудицией. Но как это связано с Лилией Бурбон?

— Не думаю, что она имеет хоть какое-нибудь отношение к Большому...

— Но уж наверняка, — возразил он, — она умеет готовить этот, как его, *борич-шч-шши...*

Невольно я глянул на него с некоторым изумлением, ибо он тут же принялся объяснять:

— Это такой суп из капусты и свеклы, пальчики оближешь. Один раз я ел в русском ресторане в Сан-Франциско. Я абсолютно уверен: русская леди умеет варить *борщ-шч-шшиш!*

— Может, и умеет, но не поручусь, — сказал я. — А тебе нужен повар?

— Почему — повар? Я и сам неплохо готовлю... У меня, если хочешь знать, целая библиотека кулинарных книг со всего мира. Видишь ли, я подбираю *парт-нер-шу*.

Конечно, он подбирает партнершу. Кого же еще?

Пит спросил:

— А она любит Хемингуэя?

Перестав есть, я уставился на него.

— При чем тут Хемингуэй?

— Как же мне с ней познакомиться? В России, я слышал, старик Хем очень популярен. Может, пригласишь ее на мою лекцию?

— Если найду...

— Придумай что-нибудь, чтобы наши пути скрестились.

В возбуждении Пит так и не притронулся к салату.

Выйдя из ресторанчика, мы разошлись в разные стороны.

Вдруг он меня окликнул:

— Послушай, а сердце у нее здоровое?

Он что, коня выбирает? Так ведь я не ветеринар... Дьявол его забери, этого Хейтера, с его заскоками!

— Это следует узнать у ее доктора. Если он раскроет врачебную тайну. Ты хочешь, чтобы она тебе родила?

Наконец-то он хохотнул, махнул мне рукой и зашагал прочь. Вопросов, связанных с Россией, в которой Пит Хейтер ни хемингуэя не понимает, как я и предполагал, затронуто не было.

Кто бы мог подумать, что Дятел так загорится. А себя мне стало жалко. И без того я непрерывно ворчу, что всякие глупости отрывают меня от письменного стола. Вот теперь еще Хейтер требует внимания. Пригласить ее на его лекции, когда она не понимает английского? Впрочем, дело не в Хемингуэе... Итак, первый раз в жизни мне предстояло заделаться сводником.

3

Найти Лилию оказалось не очень сложно. Русских в Сакраменто живет теперь больше шестидесяти пяти тысяч, и канал местных теленовостей недавно гордо сообщил, что столица Калифорнии становится Little Moscow. Это, конечно, глупость, ибо пятидесятники и баптисты рвутся сюда из Сибири и Украины. Однако же многие эмигранты знают многих, селятся поближе друг к другу. А мало-мальски заметные личности вообще на виду — не один, так другой их знает.

Короче говоря, вашему слуге покорному, а теперь сватье бабе Бабарихе, приходилось позвонить Лилии Бурбон. Этому не свойственному мне занятию я всячески противился, и поручение Пята Хейтера легло на мою жену. Lillie Burbon просто значилась в телефонной книге Сакраменто. После нескольких дежурных фраз о самочувствии и трудностях эмигрантской жизни Лера сформулировала цель звонка:

— Вы, Лилия, просили моего мужа подыскать вам друга. Вроде бы такой человек объявился. И он хотел бы с вами познакомиться. Конечно, все неопределенно, но вдруг получится...

— Он чей знакомый? — уточнила мадам Бурбон. — Ваш или вашего мужа?

Установив, что это знакомый мой, Лилия захотела говорить именно со мной, и, как я ни сопротивлялся, все равно пришлось взять трубку. Казалось бы, чего ей проще: ответить "да", встретиться с ним самой и решить. Или сказать "нет" и не встречаться. Так сделала бы любая женщина, но не эта. Лилия спросила:

— Он белый или черный?

— Белый, даже не загорелый...

Вопросы задавались разнообразными, она переспрашивала по несколько раз, пока не добивалась объемного ответа. После допросов в известной организации, имевших место в моей московской части жизни, так меня больше никто не допрашивал. К счастью, на этот раз — не обо мне. Но я недостаточно знал Хейтера, чтобы удовлетворить любознательность Лилии. И увертывался от вопросов точь-в-точь, как в той самой организации.

— Опишите, как он выглядит.

— Нормально...

— Он достигает моего интеллектуального уровня?

— Мне представляется, конкурентоспособен.

— Это уже кое-что... А хорошо воспитан?

— Вполне.

— Сколько ему лет? Мне надо, чтобы было не более шестидесяти.

— Но ведь... — вырвалось у меня, и я заткнулся.

Фантастическая женщина: самой-то ей девяносто шесть.

— Знаю, что вы хотите сказать! — голос ее посуровел. — Черт меня дернул вам проговориться. Надеюсь, вы ничего не разгласили? Имейте в виду: теперь мне пятьдесят девять лет. Запомнили? Пятьдесят девять и ни копейки больше!

— Но, Лилия, извините меня за нескромность. Каким образом?

— Вы же слышали, что мексиканцы этим занимаются. Мы с моим шофером сгоняли в Мексику, в Тихуану, знаете?

Еще бы я не знал Тихуану... Сувениры друзьям мы там иногда покупаем. Это пару часов от Лос-Анджелеса на юг по пятой автотрассе. Без остановки пересекаете контрольные пункты на границе. Никого в окошечках на выезде нет. Минута — и вы в Мекси-

ке. Тихуана — ядовито раскрашенный (почему-то они там любят стены, вымазанные синим и оранжевым) грязный городишко спекулянтов и держателей борделей.

Смуглые женщины младших возрастов, возможно, и несовершеннолетние, стоят у ресторанчиков и магазинов. Если вы один, показывают вам глазами на занавешенные красными шторами окна второго этажа. Зовут к себе дешевые халтурщики-автомеханики, такого же класса зубные врачи, и везде шныряют уила-дилеры, а по-русски шахер-махеры, предлагая услуги в любой области, но тяготеют к фарцовке. Назад в Штаты на машине с американским номером въехать несложно. Дорога расширяется рядов на двадцать. На будках висят плакатики: "Покажите водительские права". Первый раз, остановившись, я спросил американского полицейского:

— Показать права?

Он устало посмотрел на меня:

— Ну, покажите, если вам хочется.

С тех пор больше не показываю...

— Так что вы, Лилия, делали в Тихуане?

— Как что? Справила себе за скромную цену новую дату рождения. Теперь мне пятьдесят девять. Все чисто!

— И много с вас взяли, если не секрет?

— О! Мексиканцы — настоящие мужчины! "Мадам, — сказал мне Родриго, зубной врач, которого мне порекомендовали знакомые русские из Сан-Диего, — вы так хорошо выглядите, что вам я все сделаю за пятьдесят процентов".

— Сделаю что? — не понял я. — Зубы?

— Причем тут зубы? Новое свидетельство о рождении.

Зная, что у нее нелады с английским, я спросил:

— А на каком языке он вам это сказал?

— На русском, конечно! По-испански я так же хорошо понимаю, как по-английски. Сперва он объяснил, что закончил медицинский институт то ли в Омске, то ли в Томске. Потом захохотал и уточнил, что он учился в Омске-Томске делать секс со студентками мединститута, а диплом русского врача нарисовал потом себе сам в Тихуане, и теперь лечит зубы и улучшает документы.

— "Сделаю за пятьдесят процентов"... а от чего? — попытался понять я.

— Как от чего? — Лилия умолкла, соображая. — Видимо, от какой-то принятой у них суммы... Но вы меня отвлекаете от сути дела. Так что, собственно, представляет из себя этот мой жених?

— Вообще-то он еще не жених...

Она это проигнорировала.

— А по-русски он хорошо говорит?

Вспомнилось, как она возмущалась, что ее покойный муж Кен Стемп не выучил русского языка до того, как с ней встретился, и как она издевалась над его акцентом.

— Говорит! — уверенно заявил я. — Он знает четыре слова: “Большой театр”, “борщи” и “Чайковский”.

— Вы серьезно или шутите? — после паузы спросила она.

Я не ответил. Но, видимо, что-то в ней в этой области сдвинулось. Проблема застряла на том, что в Америке по непонятной и возмущающей Лилию Бурбон причине, несмотря на ее приезд, продолжали говорить по-английски. На осознание этой суровой истины у нее ушло много времени. Может быть, впервые в жизни здесь она почувствовала сопротивление материала: на ее родной язык американский народ упорно не переходил. И теперь она, поняв безысходность ситуации, поразмыслив и поколебавшись, прибавила безо всякой иронии:

— Четыре слова — это уже кое-что... Кстати, он знает, что я знаменитый русский поэт?

— Думаю, пока не знает.

— Почему вы его сразу не просветили? Я прежде всего поэт, и только потом — женщина! А где он живет?

Я засмеялся:

— Большею частью в университетской библиотеке.

— Чем же он занимается?

— Он профессор современной американской литературы.

— Хм... И знает слово “борщ”, но пусть не рассчитывает, что я буду для него готовить.

— Поведайте об этом ему самому, если возникнет необходимость, ладно? А пока могу я передать ему привет от вас? Например, сказать, что вы не против встречи...

— Зачем?

— Ну, как жест доброй воли...

— Не вздумайте! Чего доброго он решит, что я легко согласилась, а это совершенно неприемлемая линия поведения. Мужчины мыслят, как ослы. Морковку перед ними надо всегда держать на расстоянии. Вот что: мы с ним встретимся совершенно случайно. Значит, так, запоминайте...

И она расписала по телефону весь сценарий и мою роль. Таким образом, голову мне ломать не пришлось. Да я бы так и не придумал. Мне предписывалось действовать в строгих рамках инструкции.

4

В конце рабочего дня, когда уже смеркалось, я пришел в университетскую библиотеку. Оставалось два часа до ее закрытия, экзамены далеко. И в залах посетители почти не встречались. Я взял на полках в Славянском отделе несколько книг, выбрал стол неподалеку от выхода, накинул на спинку соседнего стула пиджак, уселся и стал перелистывать страницы, делая кое-какие выписки. Это, по крайней мере, не пустая трата времени. Но сколько мне предстояло сидеть, оставалось совершенно неясным, и я злился на Лилию, а еще больше на самого себя, что дал себя втя-

нуть в какую-то нелепую историю, нужную мне, как волку жилетка.

Не пролистал я и сотни страниц, как кто-то сзади больно шлепнул меня по плечу.

— Боже, какое счастье, что я тебя встретил! Ты позарез нужен!..

— Явился согнувшийся пополам Пит Хейтер.

— Что случилось? — Я согласно инструкции удивился.

Нос его стучался мне в самое ухо, лицо покраснелось, глаза, всегда смотрящие в разных направлениях, нежно меня обегали. Почему он не делает простую операцию, чтобы не косить?

— Она здесь! — прошептал он, хотя вокруг никого не было.

— Кто?

— Да Лилия!

— Прости, я сразу не соображу. О ком ты?

— Господи, твоя студентка с красивой спиной! Или не студентка. Все равно... Оказывается, она работает над большим проектом и тоже читает микрофиши в архиве... Как только я ее заметил, еще днем, сразу пересел за проектор рядом с ней. Мы с ней полдня провели вместе как товарищи по оружию.

— А я-то тут при чем?

— Собственно, я бежал в отдел словарей, чтобы взять англо-русский, и тут тебя увидел. Сегодня мне везет! Ты не поможешь? Я не все понимаю, что она говорит. А это принципиально важно.

Он нервно сжимал и разжимал пальцы.

— Послушай, Пит, я, собственно, уже заканчиваю. Жена приходит домой через полчаса, и мы будем обедать...

Возможно, я переигрывал, войдя в роль, но он не замечал.

— Пойдем со мной, пожалуйста! — просил он. — Это много времени не займет.

Пришлось тяжело и медленно вздохнуть, надеть пиджак, и мы вошли в лифт.

— Видишь, тебе не пришлось трудиться, чтобы нас познакомиться, — гордо изрек Пит. — Я сам все осуществил!

Пересекая подвал, я кивнул сидевшей за стойкой Лукреции, пухлой негритянке, библиографу отдела фотокопий и микрофишей, и она помахала мне рукой. В полутьме читального зала я не сразу узнал Лилию. А когда Пит подвел меня к ней, не мог не оценить ее вкус. Тело ее обтягивали изящные узкие белоснежные брючки в крапинку, ярко-красная кофточка, подчеркивающая не маленькую грудь и, конечно, бусы, обмотанные вокруг шеи в немыслимое количество рядов. В этих бусах таилось что-то древнеегипетское, а заодно скрывались морщины. Сидела она, ничуть не горбясь, — в самом деле, редвуд.

— Я почти уверен, что вы знакомы, — сияя, проговорил Пит, приняв своего рода дипломатическую позу.

— Ах, какой неожиданный и приятный meeting! — артистически произнесла Лилия, очаровательно улыбаясь и протягивая

мне руку. — Мы с вами не виделись for a long time! Оказывается, вы с Питом friends...

Процент вкраплений английского у нее повысился.

— Конечно! — патетически воскликнул Пит, опять в возбуждении хлопнув меня по плечу. — Мы не только коллеги, но и старые друзья. И оба, если вы разрешите, будем вашими друзьями. Мне хотелось бы реализовать счастливую возможность, Лилия, и сказать вам, что вы напоминаете сказочную принцессу. В вас есть скрытая страсть.

Вот для чего я ему срочно понадобился! Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А спину ее, прямую как редвуд, он что, игнорирует?

Поскольку Пит сообщил это ей, а она смотрела в недоумении, я перевел. Лилия сделала вид, что удивилась, но осталась довольна комплиментом. Она коротко взглянула на него и тут же потупила черные глаза, или, если настаиваете, черные очи. Ее накрашенные щеки (то, что моя нью-йоркская знакомая называет "нарисуем свежий деревенский воздух") порозовели еще больше.

— Неужели вы это разглядели? Далеко не каждому мужчине это удается...

И я опять перевел. Ее длинные, как опахала, фиолетовые ресницы, густо накрашенные или, скорее, приклеенные, хлопали, прикрывая тайные взгляды, которые она на него бросала.

Пит, подумалось мне, сейчас взлетит и будет парить под потолком. Но этого не произошло. Он остался на паркетном полу, только поклонился, качнувшись на пятках, и его длинный нос чуть не задел стоявший рядом проектор.

Из библиотеки мы вышли втроем. Пит выяснил, что у Лилии нет машины, и вызвался отвезти ее домой. Она ответила, что у нее имеется личный шофер, которому надо позвонить, и он за ней приедет. Но прибавила игриво:

— Если настаиваете — подчиняюсь...

На парковке, перед тем как разойтись по машинам, Лилия мне подмигнула, и стало жаль Пита, хотя никто его на аркане к ней не приводил. Усаживая ее, он промурлыкал заботливо:

— Я подвину сиденье, чтобы было комфортно вашей великолепной спине.

То-то же! Слава Богу, про спину не забыл.

Опять я перевел, и Лилия удовлетворенно кивнула, выгнув спину, как кошечка, которую гладят.

— Эмигрантам в Америке сложновато, — с сочувствием продолжал Пит. — Мы-то все родились за рулем...

— Конечно, я бы тоже хотела водить сар, — вдруг размечталась Лилия и надула губы, как обиженный ребенок. — Что я, глупее американок?

Семя попало в благодатную почву. Пит немедленно вызвался научить ее этому нехитрому занятию.

— Для меня не может быть большего удовольствия! — с излишним пафосом воскликнул он.

Тут и повод для сближения, подумал я. Перевел ей сказанное этим чертовым хемингуэведом, ушел к своей “тойоте”, захлопнул дверцу и вырулил на улицу.

5

Вот уж не думал, что события будут развиваться с такой скоростью.

Через пару недель мы с Питом оказались рядом в комитете по рассмотрению студенческих петиций. Раз в месяц собирается группа профессоров и рассматривает жалобы студентов на низкие оценки. Если есть документы, что некто не сумел сдать экзамен, например, из-за серьезной болезни или смерти близких, оценка отдается на пересмотр преподавателю. Чаще же студенты жалуются, что профессор не принял к сведению их участие в бейсбольном матче или опоздание на экзамен из-за дорожной пробки. В перерыве заседания, когда принесли чай, Пит сообщил мне на ухо, что Лилия под его чутким руководством уже учится водить машину.

— Она делает колоссальные успехи, — сказал он, мысля позитивно, как большинство американцев. — Только пока еще не всегда ровно держит руль. Машина у нее вихляет задом, как проститутка на Монмартре. Из-за языкового барьера мне не удается ей это толком объяснить, а язык жестов не всегда доходчив. Прошу тебя, окажи мне маленькую услугу, сядь с ней рядом и объясни, как держать руль.

К вечеру мы встретились на парковке возле университетского драмтеатра. Площадка почти опустела. Солнце уходило за горы, и бледные тени деревьев удлиннились. Лилия мне подмигнула, села за руль белой питовской “хонды”, а я — рядом. Пит разместился сзади, уложив свои длинные ноги поперек машины. Нажав кнопку, он подвинул вперед ее сиденье. Лилия решительно завела мотор, и “хонда” двинулась по проезду вокруг парковки. “Главное — научиться останавливаться”, — всплыл в памяти завет бывшего московского таксиста, который учил вашего покорного слугу вождению лет сорок назад в тихих переулках возле Садового кольца.

— Видишь? — Пит клюнул своим длинным носом в мое ухо. — Мы неплохо едем, а?

Все же он нервничал. “Хонда” действительно двигалась вперед, но вихляла то влево, то вправо.

— Ну как? — спросила Лилия, глядя на меня с торжеством жокея, победившего в заезде.

— Смотрите на дорогу, — осторожно заметил я. — И, если вам нужен мой совет, не крутите руль туда-сюда. Машина сама едет прямо, если ей не мешать.

— Сама? — переспросила она, крепче вцепившись в руль.

— Сама... Только подправляйте немного...

У нас наметилось некое тревожное ускорение. Оно стало быстро расти.

— Не спешите! — гавкнул сзади Пит. — Учитесь ездить медленно...

В другой ситуации я бы расхохотался, услышав этот интернациональный совет. Но не теперь.

— Она же сама разгоняется, — возразила Лилия.

— Жмите на тормоз! — крикнул я. — Быстрой!

— А где тормоз? Нога что-то не может его нащупать...

Лилия навалилась грудью на руль. Мы мчались вокруг парковки, по кругу.

— Brake! Brake! — просипел Пит.

— Тормоз! — крикнул я, одновременно тщетно пытаюсь своей ногой сдвинуть ее ступню, мертво приросшую к газу, влево, к тормозу.

Лилия словно окаменела. Мне никак не удавалось исхитриться своей рукой подправить руль, в который она вцепилась намертво, как в спасательный круг. "Хонда" стремительно неслась вперед, к единственной машине, оставшейся на огромной парковке. Вокруг было полно свободного места, но Лилия рулила прямо на этот вишневый "бьюик".

Наконец Пит, просунув руку между передними сиденьями, сообразил рвануть ручной тормоз. Немного накренившись на один бок, мы врубились в заднее крыло "бьюика", сдвинув его в сторону, что смягчило удар. Капот перед нашими носами заскрипел и нехотя открылся. Я глянул на Пита: он побледнел, капельки пота стекли со лба и висели на бровях. Наверное, я выглядел не лучше.

— Никогда не думала, что американский автомобиль — такое тупое животное. Тупей мужчины. — Сев на своего любимого конька, Лилия посмотрела на меня. — Только последнее не переводите.

— "Хонда"-то — автомобиль японский. — В Пите не к месту проснулась национальная гордость.

— Все равно тупой! Не может даже понять, что мне надо — тормозить или ехать...

Мы медленно приходили в себя. Лилия все еще сидела, вцепившись в руль. Пит нагнулся, вытащил из бардачка телефон, набрал 911 и назвал номер нашей парковочной площадки.

— Вероятно, — сказал он, — в вашем случае, Лилия, действительно удобнее иметь шофера. Я, конечно, тоже готов вас подвозить всегда. Когда у меня есть время...

Подъехал университетский полицейский, такой же худой и длинноволосый, как Пит. Страж порядка глянул на разбитый переклад, покачал головой и пожал нам руки.

— Жарко сегодня, — успокоил он. — От этого всё...

Полицейский стал заполнять бумаги. Лилия вдруг заплакала. Пит стал ее утешать.

— Страховка все оплатит...

Степень его нежности возросла.

А я молчал и наслаждался тем, что мы все трое остались целы. Там, рядом с "бьюиком", рос огромный дуб лет трехсот от роду. Об этом дереве даже писала местная газета, что на его нижних ветвях двести лет назад вешали преступников. В отличие от "бьюика" дуб от удара с места бы не сдвинулся.

6

Шут их знает, что между Питом и Лилией происходило, но однажды Хейтер подсел ко мне за столик в студенческой забегаловке. Между двумя лекциями я торопливо жевал пиццу, запивая ее кофе-латте. Я всегда его там пью: в нем мало кофе, зато много взбитого обезжиренного молока.

— Конечно, не мое дело вмешиваться в твою программу, — сказал Пит, пластмассовой ложкой прихлебывая чили — мексиканский бобовый суп с острым кайенским перцем. — Но чисто по-приятельски... Почему ты противишься расширению своей программы?

— В каком смысле?

— У тебя есть обзорный курс двадцатого века. А самая выдающаяся русская поэтесса современности остается неупомянутой.

Вторжение в чужие планы преподавания — нахальство беспрецедентное. Никто никогда этого не делает: ни деканы, ни канцлер университета. Тот факт, что Пит об этом заговорил, доказывал, до какой степени он подпал под влияние. Разумеется, сразу стало ясно, о ком речь.

— И ты туда же! — возмутился я. — Да кто тебе сказал, что она "самая", черт побери?! Она?

— Она, — невозмутимо признался Пит. — Ее именем скоро назовут библиотеку в Москве. Кстати, это свидетельство того, что она быстро осваивается в Америке. Мы говорим: "Blowing one's own horn". Дуйте в свою дудку. И Лилия надувает щеки изо всех сил.

— Ты, Пит, знаешь хоть одно ее стихотворение?

— Пока нет, но...

— Хочешь, я тебе почитаю, что помню с детства. Мы все это наизусть долбили в школе. Вот послушай:

Хочу воспеть тебя, социализм!

Где рифму взять под праздничное слово?

И рифма эта будет — коммунизм.

Я хоть сейчас туда лететь готова.

Разумеется, пришлось перевести это Питу экспромтом на английский, и получилось не столь эффектно. Но я старался не отступать от оригинала и продемонстрировать весь блеск сего шедевра.

— Нравится? — спросил я, дав ему возможность осмыслить текст.

— Неплохо! — хладнокровно парировал Пит. — Поэт видит себя птицей, летящей в завтра... Между прочим, старина Хем тоже считался леваком и обнимался с Фиделем Кастро, не так ли? Что из того? Никто, кроме русских и вьетнамцев, сегодня не воспринимает эти идеи со страхом. Леваки придают жизни некий аромат.

— Аромат или запах?

— Ладно, запах. Разница какая?

— Такая, что на практике, как видишь, она прилетела туда, где совсем другой аромат!

— Как сказать... У нас эти идеи еще не апробированы.

Не хватало только их тут апробировать. Куда ж я тогда опять эмигрирую? Объясняться бесполезно.

— Иди ты, Пит, знаешь, куда?!

— Куда? — со спокойным любопытством спросил он.

— К Хемингуэю.

Он понял это буквально.

— О'кей! Лилия, хотя она молода душой, — принялся рассуждать он, — из того же потерянного поколения, что и дядюшка Хем.

— Это интересная мысль, — сказал я.

— Да, мне едва стукнуло двадцать, когда меня с Хемом познакомили. Я мечтал стать известным журналистом, как он. Но когда я его видел, он всегда икал, накачанный виски, и нес несусветную чушь насчет всемирного братства, которое он, как и такой же бородатый Маркс, представлял себе в виде общности жен для себя и единомышленников. Теперь я понимаю: то было недовольство жестокостью и лицемерием окружающей жизни.

— Что-то я не улавливаю связи, Пит. При чем тут Лилия?

— Сейчас поймешь... Как и Хем, перед лицом жестокого мира Лилия стойко сохраняет свое достоинство. Она мне пожаловалась, что в обиде на весь земной шар. А может, на всю вселенную.

— В обиде? Но за что?!

— Она считалась крупнейшим поэтом Советского Союза, а ее даже не выдвигали на Нобелевскую премию! Разумеется, она в хорошей группе, ибо ни Толстой, ни Набоков не получили премии. Но ей еще не поздно. У меня был один знакомый в Нобелевском комитете: он лично жал руку Хемингуэю при вручении ему премии в 54-м, и я его потом интервьюировал. Попытаюсь узнать, жив ли он. Лилия мне говорит, что все ее тело проникнуто и кипит творческими замыслами. В архиве Хемингуэя до сих пор остается ненапечатанное. Может, и у нее найдется, что опубликовать в Америке?

— Опубликуй сперва всего Хемингуэя, Пит, — сказал я.

— Некогда мне Хемом заниматься, — ответил он. — И вообще, этот рыболов-забуддыга мне осточертел!..

Для методиста Хейтера это — парадоксальное заявление. Неужели он перенял логику своей русской подруги? Может, он теперь займется изучением ее советского творчества и станет ее биографом? Усталый актер Евстигнеев печально произносил: “Что меня удивляет, так это люди”.

7

Лилия позвонила и сказала, что ей необходимо со мной встретиться.

— Случилось что-нибудь?

— Это не телефонный разговор.

Боже мой! Здесь, в Америке, где даже международные мафиози в открытую нагло болтают по телефону о поставках наркотиков для целых континентов и по телефону заказывают убийства, мадам Бурбон считает, что ее проблемы в трубку высказать нельзя. Может, нечто пострашней наркотиков и террора?

Открыв дверь офиса, она строго на меня посмотрела и после паузы прямо с порога агрессивно спросила:

— С какой целью вы меня с ним познакомили?

Я смутился. В самом деле, с какой целью знакомится мужчина с женщиной? Можно предположить, что цели оказываются разными. Можно также предположить, что чаще всего они знакомятся именно потому, что он мужчина, а она женщина. Хотя, конечно, могут быть и другие варианты.

— Ваш друг меня обесчестил, — заявила она с упреком, пригвоздив меня взглядом к креслу, будто ее честь отнял не Хейтер, а я.

— Во-первых, он не друг, а коллега, — на всякий случай уточнил я, чтобы не быть втянутым в качестве свидетеля в очередной скандал с сексуальным домогательством. — Во-вторых, Пит — человек интеллигентный, то есть порядочный.

Хотелось поёрничать, мол, публика кричит: “Давай подробностей!”. Но удержался, просто спросил:

— Что же он натворил, этот нахал?

— Он спросил, здоровое ли у меня сердце.

— А чего в этом криминального?

— Сердце у меня хоть куда, но это бесстыдство — спрашивать женщину о ее органах.

— Пит спросил из вежливости...

— Да вы что! С корыстной целью. Он пригласил меня в клуб на танцы.

— Куда?

— Не прикидывайтесь, будто не знаете! Это спланированная провокация. Ведь он маньяк, тангер!

— Кто?

— Тангер! Без танго жить не может...

— Неужели? Не замечал, хотя знаком с ним двенадцать лет — с тех пор, как перебрался в Америку...

— А вы, мужчины, — усмехнулась она, — ничего вокруг себя не замечаете. Но вы ему, конечно же, разболтали, что я в первой молодости танцевала с Айседорой Дункан и что любовник у нас имелся один на двоих, Сергей Есенин? И что...

— Помилуйте, ничего такого я ему не говорил! Он вас увидел, влюбился, как мальчик, и просил с вами познакомиться. Вот и все.

— Плохо! Сразу следовало рассказать! А то выходит, что ему все равно, в кого влюбляться...

Логика этой женщины восхищала.

— Мне казалось, он профессор литературы, а вы поэтесса, или, если желаете, поэт...

— Поэт? Я, прежде всего женщина, потом уже кто-либо еще!

— Но раньше вы утверждали обратное...

— Голуба моя, как вы не можете понять?! Это же так просто: все зависит от конкретных обстоятельств.

Теперь Лилия уселась в кресло, вынула из сумочки зеркальце и убедилась, что все оформление, нанесенное на ее лицо, в порядке.

— А как прорезался ваш поэтический дар?

Спросил я не потому, что мне интересно, а просто, чтобы смени-ть тему.

— Мне надо было выразить себя, — успокаиваясь, сказала она. — Я стала интересоваться поэзией, поскольку вскоре после революции запретили стриптиз. Не дай вам Бог попасть в такое время! Мой первый муж Андрей Бурбон был типичный буржуа, совершенно не приспособленный к пролетарской жизни. Я ввела его в литературу... Вы о нем слышали?..

— Нет, — сразу ответил я, чтобы не уличить ее в неправдочке, хотя мы с ее первым мужем вместе пили.

И многие знали, что за великую поэтессу Лилию Бурбон, по крайней мере, до их развода, писал он, французский дворянин и бывший подданный Его Императорского Величества, русский поэт мсье Бурбон, которого тогда перестали печатать. Лилия обладала способностью все ставить с ног на голову.

— Вы пустили мою жизнь наперекосяк, — сказала она, помолчав. — Самое ужасное, что из-за вас я втянулась, тряхнула стариной и — танцую-таки с Питом аргентинское танго! Наша пара заявлена, он уже уплатил вступительный взнос, и мы готовимся к соревнованиям в Буэнос-Айресе. Слышали, конечно? Это на приз Южной Америки.

— Конечно, слышал! — Я старался не сфальшивить в тоне.

Выходит, не возмущаться она пришла, а сообщить о своей победе.

— Кости хрустят, но и он не мальчик, — продолжала она. — Ложусь в постель мертвая, без надежды, что завтра встану, а утром постепенно оживаю. Нашла прекрасную японскую массажистку. Массаж до — танцую — и массаж после. Только дорого, сволочь, дерет.

— За все надо платить, — посочувствовал я. — Вы осилите, уверен...

— Да, молодой человек, я опять нашла себя в танце. Моя поэзия теперь выливается в танго. Мне скоро снова будет восемнадцать лет...

Вдруг она посмотрела на меня с подозрением:

— Вы думаете, я не могла писать лучше Цветаевой? Но приходилось притворяться. Кто не притворялся, тот плохо кончил. А я... погодите, я еще создам шедевры, от которых закачаетесь. Но сейчас у меня на уме только танго...

Господи, думал я по дороге домой, как великолепно устроен человек. Только что она стояла у гроба мужа, соображая, как лучше выжить в непонятной ей стране, как самой удержаться на грани смерти, как найти новую опору. Кто бы мог подумать, что подвернется Пит с его неожиданным хобби. А сегодня непредсказуемая Лилия уже переливает свою советскую поэзию в аргентинское танго и делает это в Америке с присущей ей энергией. Погодите, такая женщина еще выйдет замуж за какого-нибудь великого американского поэта, и тот будет за нее писать. Тогда вы увидите ее танцы не в русской, но в мировой литературе!

8

Сватовство оказывалось несколько странным. Заглянув в аудиторию, где заканчивал лекцию Хейтер, и подождав, пока он отпустит студентов, я спросил его о цели знакомства с Лилией прямо.

— Это правда, — отвечивал Пит. — Я тебе сразу сказал: мне нужна партнерша. Имелось в виду мое хобби. Вот уже тридцать лет я член клуба тангеров.

— Стало быть, ты — танцовщик?

— А чего тебя так удивило? Танго, коллега, — это драма, которая продолжается несколько минут. В танго, если хочешь, спрессована вся история человеческой любви — от первобытных инстинктов до цивилизации. В танго уникальная смесь нежности, печали, безысходности и любви, подлинные человеческие страсти. Поверь, посильней, чем в литературе... Танго — это взаимоотношения полов более красочные, чем в жизни. Два тела гармонично сливаются в одно, склеить их в движении и музыке — большое искусство. Притом, заметь, все напоказ, как если бы ты с женой спал на тротуаре Бродвея в Нью-Йорке.

— Кто бы мог подумать, что ты...

— Шесть раз ездил я в Аргентину повышать квалификацию и выступать... У меня есть дипломы...

— И никто не знает?

— Просто я не афишировал в университете. Но это серьезно, может быть, даже серьезней, чем Хемингуэй. Он меня кормит, а танго — чистый энтузиазм. Следовательно, старикашка Хем —

средство, а танго — цель. Так вот, предстоят важные соревнования, а моя бывшая партнерша забеременела.

— Поздравляю!

— Не говори глупости! Не от меня. Мне срочно потребовалась подходящая тангерка с внутренней страстью. Я имею в виду танец, ибо интимные отношения, коллега, мешают в тренинге. Главное, чтобы была стройная спина. Спина на судей производит магическое впечатление. И я ее нашел!

Стало ясно, что мне придется опять пересмотреть свое понимание американской натуры, хотя столько лет прожито в Америке.

— Как же вы общаетесь, если нет ни языка, ни интима?

— Язык движений в танго универсален, старина. Музыка в переводе также не нуждается. Жест, прикосновение объясняют все лучше любого языка.

Значит, они перешли в первобытное состояние: общаются жёстами. Пит между тем пристально посмотрел на меня. Казалось, глаза его вдруг перестали косить.

— Скажи, пожалуйста. — Он, видимо, колебался, спросить ли. — Я сознаю, что это крайне невежливо, но... Сколько все же ей лет?

Опять я растерялся: сказать или соврать? Стыдно обманывать коллегу. Решился сообщить правду, как Моника Левински под присягой.

— Прости, но ей девяносто шесть.

Пит застыл с широко раскрытым ртом, в который влез бы гамбургер целиком. Слезы выступили от напряжения.

— Она сказала, что моложе меня. Но мне шестьдесят четыре. По возрасту мы проходим на соревнованиях в группе пожилых. Как же мне теперь? Выходит, я гожусь ей во внуки...

— Послушай, Пит, найди другую партнершу, только и делов...

— Но я же ей обещал! И подходящая спина на дороге не валяется. К тому же... В общем, я ее... уже люблю.

— Ты ж говорил, что это мешает... А как твой прагматизм?

— Мне показалось, что она... Не мог я ее обидеть и не ответить взаимностью...

В этом Пит являл собой настоящего американца.

Глаза его наполнились слезами. Я стоял рядом, не зная, как его утешить.

— Все будет нормально, Пит. Само собой как-то образуется. Она в молодости, говорят, была великолепна и сейчас в отличной форме. Сам знаешь, какая спина...

Пит глянул на меня с надеждой, будто от меня зависело ее омолодить.

— А вы с женой, — спросил он, — не хотите к нам присоединиться?

Класс наполнился студентами для следующей лекции. Мелкой рысью, на ходу приветливо улыбаясь и раскланиваясь, вбе-

жал аккуратно прилизанный Мао-Санг, профессор китайской литературы, и требовалось освободить для него аудиторию.

Дома за обедом мы с женой обсудили идею Хейтера. Живем однообразно, без развлечений, мало двигаемся. На физические упражнения нет ни сил, ни желания.

— Почему бы не попробовать танцевать танго? — загорелась Лера. — Да еще аргентинское...

— Только не для соревнований, естественно! — испугался я. — Никаких Буэнос-Айресов! Тангомания не для меня. Просто попробовать, и все.

Мы решили присоединиться к тангерам. Из чистого любопытства.

9

Перебравшись в восьмидесятые годы на американский континент, в штат Техас, я вскоре выяснил, что тут танцуют охотно и весело, и реализуется это на honky-tonk.

Приятели затащили нас однажды на хонки-тонк под загадочным названием "Broken spoke", что значит "Сломанная спица", и нам там очень понравилось. Хонки-тонк тот был на окраине Остина, столицы Техаса, — простенький, можно сказать, деревенский дом барачной внешности, снаружи и внутри украшенный гирляндами лампочек и цветов, с огромной парковкой. На стене — тележное колесо с той самой сломанной спицей. Билеты дешевые. Вдоль стен скамьи из простых досок. На возвышении оркестр: разбитое пианино, две гитары, контрабас, ударник. Мелодии большей частью знакомые. Разыгрывались призы. Периодически выбегала пожилая вульгарноватая особа и, шевеля могучими, как теплоход, бедрами, пела. Порой оркестранты сами пробовали осыпшие голоса, и им охотно аплодировала добрая сотня гостей.

Запахи духов и пота, разгоняемые кондиционером, казалось, исходят одинаково от всех. Тут тусовалась публика всех возрастов: от пятнадцатилетних, рано созревших прыщавых девиц, рванувших в материных нарядах из дома в поисках приключений, до потерявших силуэты старух с голубыми волосами. Мужчины в ковбойских шляпах, некоторые в роскошных, отделанных орнаментом сапогах из страусиной кожи, цена которых приближается к тысяче долларов. Среди танцоров много ged песк'ов, то есть людей с красными шеями, — очевидное доказательство их физического труда под палящим солнцем. Часть из них — явно недавние иммигранты из Мексики, бедствующие, обычно готовые на любую работу. Что днем заработали, то вечером протанцовывают и пропивают. Они в одежде с гаражных распродаж, но чистые и тщательно выбритые. Женщины в ярких юбках, развевающихся в движении, открывая то, что вам видеть не положено. Танцуют до полуночи, одни с роздыхом, другие без.

Теперь, вспомнив хонки-тонк, я подумал, что Пит пригласит нас на что-то аналогичное. Но там танцуют фокстрот, свинг, вальс, тустеп и что-то еще, а вот танго — нет. Берите классом выше. Танго звучит в другом месте, особом.

Вне сомнения, глупо идти в классы аргентинского танго, где практикуются фанатики вроде Пита. Разве что заплатить по три доллара за входной билет — поглазеть на азартных умельцев. Люди одинокие обоих полов, которые не танцуют, заглядывают туда потолкаться между танцами среди тангеров в надежде с кем-нибудь познакомиться. Но мы с Лерой твердо решили сами попробовать танцевать, поэтому Пит нашел для нас выход.

— Вам нужна milonga, — сказал он.

Милонга так милонга... Не переспрашивая, мы согласились и тут же получили соответствующие наставления по части одежды. Пришлось надеть черный костюм, как на похороны.

— Имейте в виду, что туфли должны быть только на кожаной подошве, — выдал последнее распоряжение Хейтер по телефону.

Он заехал за нами на своей белой “хонде”, которую уже отремонтировали. Механики содрали кучу денег со страховой компании, которая, конечно же, в свою очередь, увеличила страховые взносы Пита. Полчаса ушло, чтобы подобрать Лилию. Она вышла из квартиры во всем великолепии вечернего туалета. На груди, как орден, сверкала громадная брошь — золотая морская звезда. Лилия замерла у машины на несколько секунд, дав нам возможность убедиться в ее неотразимости, и мы вчетвером отправились на милонгу. По дороге Пит разговорился.

— Знаете, что такое танго? Танго — это дуэль.

— Как так? — не понял я.

— Соцсоревнование, — выхватив из контекста знакомое слово “дуэль”, пояснила Лилия по-русски.

— Танцевали двое мужчин, соперники одной женщины. — Пит вышел в левый ряд и прибавил газу. — Выходили в круг и соревновались: кто красивее, кто лучше, кто сильнее. Проигравший даже падал на землю, изображая смерть. Потом шла танцевать женщина, и мужчина брал ее в руки.

Где-то я читал, что танго родилось в борделях Буэнос-Айреса, когда в конце прошлого века переселенцы из Европы и Африки рванулись в Южную Америку искать счастья. В заливе Рио де ля Плата корабли выбрасывали их тысячами. Может, были и дуэли, ведь озверевшие от долгого плавания люди искали себе партнерш, а лучший способ для знакомства, чем танго, придумать трудно.

В самом деле, вы оглядываете зал и выбираете любую женщину, даже ту, которая занята. Приклеиваетесь, сводя к нулю трудный процесс сближения, да еще сразу ощупываете ее, и, если чувствуете, что она не подходит, приглашаете следующую, пока не остановитесь на той, которая годится. Само слово “танго”, говорят, идет от латинского “tangere”, что значит “касаться, тро-

гать". И еще по-испански "tangible" — "осязаемый, ощутимый". Тангомания перекинулась в Штаты, когда хозяева отелей стали устраивать танцы в лобби. Число желающих снимать номера сразу увеличилось. Европе танго понадобилось в Первую мировую войну по тем же причинам, что и везде: солдатам и офицерам — для осзания.

— Конечно, теперь дуэль — смешно, — сказал Пит.

Лилия всю дорогу больше молчала, хотя обычно ее трудно остановить.

Школа аргентинского танго в Сакраменто распахивает двери для дилетантов по пятницам в восемь вечера. При входе надо положить наличные, и толстый, как бочка с пивом, контролер в накрахмаленной рубашке с бабочкой каждому ставит на руку коричневый штамп "Уплачено \$ 15". Если потом надо выйти провериться или покурить, то возвращаясь, ласково суешь под нос контролеру кулак. По расписанию первый час называется "неформальный класс", за которым следуют танцы до середины ночи.

Вокруг нас в небольшом и довольно уютном зале публика оказалась солидной. Возраст средний и пожилой. Дамы одеты по моделям из дорогого модного магазина "Saks Fifth Avenue". На их фоне Лилии явно трудней было казаться такой эффектной, как в одиночестве вне сравнения. Джентльмены передвигались плавно, торжественно, элегантно. Парадная одежда у обоих полов создавала настрой предстоящего торжества. Милонга — это вам не хонки-тонк для простолюдинов, где танцуют что угодно. Здесь клуб для избранных, посвященных в особую тайную миссию.

Так не танцевал я со школьной поры, когда вдруг объявили кружок танцев. То была мужская московская школа, в которую на занятия к нам приводили прямо противоположный пол в коричневых платьях и белых фартуках. При виде этих созданий с другой планеты некое томление начиналось в груди и растекалось по всему телу. Мы каменели и переставали драться. Когда их усаживали на стулья вдоль стены в актовом зале, глаза мои перебегали, не в силах остановиться, от одних стиснутых коленок в капроновых чулках, тогда только появившихся, к другим. Коленки источали некие волны, создавали вокруг себя ауру, делали тебя их рабом настолько, что едва приблизишься к ним на расстояние протянутой руки, начнешь заикаться.

Преподавательницу взяли из соседнего хореографического училища. Память сохранила ее ядовито-фиолетовые волосы, гренадерские черные усы, а главное, незабываемое мужское имя и женское отчество: Вадима Вандовна.

— Мальчики, постройтесь в ряд! — командовала она. — Ровнее! Еще ровнее! Теперь начинайте медленно двигаться в направлении девочек. Не хватайте их, они не стулья! Не сближаться, вы не для этого сюда пришли! Дистанция между грудью и бюстом десять сантиметров... Учтите, буду замерять линейкой!

За расстроенным роялем сидела сморщенная старушка-таперша. Казалось, у нее не хватит сил нажать на клавиши, однако по команде Вадимы Вандовны она начинала играть, то и дело морщась от фальшивых звуков... Ненавижу себя за воспоминания, всегда глуповатые и всегда вылезающие некстати.

Началась милонга без эффекта. Вытолкнув нас с Лерой на середину зала, Пит с Лилией скромно уселись в углу. Час мы послушно переставляли ноги под руководством полнозодой, но при этом весьма изящной в движениях инструкторши миссис Мартинец, чем-то (возможно, хриплым баском) похожей на мемуарную Вадиму Вандовну, только исключительно любезной и без линейки. Сперва милонга шла без музыки, под хлопки высоко поднятых над головой ладоней миссис Мартинец. Скакать спустя полвека мне стало немного трудней и томления в груди от вида женских коленок, открывающихся несравненно выше, чем в московской школе сталинских времен, почему-то стало меньше.

Заработал бар. У стойки я чувствовал себя значительно уверенней, чем на площадке. После дозы виски с содовой тонус присутствующих существенно поднялся. Теперь заиграл маленький оркестрик. Два элегантных бразильца с ярко расписанными бандонеонами вышли вперед. Один из них, широко разведя меха своей гармошки, повел рыдающую мелодию и вдруг, почти целуя микрофон, запел великолепным тенором на смеси испанского с английским:

Я вас, мадам, желаю стра-а-а-астно-о-о!

Гор-р-рит пожар-р-р в моей гр-р-руди-и-и.

Но вас любить весьма опа-а-а-асно.

Где ваше счастье?

Где наше счастье?!

О, где ты, сча-а-а-астье?!..

Оно — как летние до-ожди.

Разумеется, перевод мой примерный, но звучит это одинаково в любой стране, где существует культ танго. Да и сама, извините за выражение, идея, проникающая глубоко в мозг, поверьте, та же. Трудно придумать что-либо пошлее, но страсть немного пародировалась, да и насчет дождей — суровый реализм: они в наших местах заканчиваются в апреле, а начинаются в ноябре. Тенор выдавал куплет за куплетом, и мы, публика, находились в ауре танго.

Все на всех здесь обращали внимание, изучали друг друга, и в этом один из смыслов мероприятия, называемого милонгой: тусовка тангеров с любовно-сексуальной начинкой. Народу немного, на площадке всегда оставалось свободное пространство, и разглядывать каждую особь и каждую пару удавалось со всех ракурсов, что называется, насквозь. Наконец-то я увидел моего коллегу профессора Хейгера с Лилией в процессе священнодействия.

Трудно иметь более неподходящую для танцев фигуру, но мужчина, в отличие от женщины, не хочет или не может себя видеть. Пит и в танце раскачивался, как дятел, каждый раз ударяя партнершу носом в темя. Может, в Буэнос-Айресе так и надо, а я ничего не понимаю? Он говорил, что шесть раз принимал там участие в соревнованиях, а я случайно узнал от Лилии, что всегда он шел вне конкурса и просто платил за право участвовать. Но кавалером он являл себя галантным, всячески старался помочь своей партнерше продемонстрировать ее вызывающую женственность, и этого нельзя было не оценить.

Лилия в его руках извивалась почти грациозно и почти воздушно. Занятия балетом в юности остаются на всю жизнь. Та самая спина, которая не ускользнула от внимания тангера Пита Хейтера, безупречна. Не буду кривить душой: девочкой она, несмотря на все ухищрения, не выглядела, но танго получалось у нее очень даже неплохо.

После нескольких выходов на площадку Пит по-прежнему улыбался, но подустал. Он присел к нам за стойку бара, отдуваясь, как паровоз. Лилия смотрела на него с некоторым презрением, но может, это мне только показалось. Глаза ее сверкали, полные огня, лишь грудь подымалась и опускалась часто. Она его уморила, а сама хоть бы что...

В это время оркестр заиграл марш, в центре площадки начало происходить какое-то действие, и внимание публики обратилось туда.

— Что там? — спросила Лера бармена.

— У нас новый босс, — усмехнулся бармен, ловко взбалтывая коктейль.

Оказалось, празднуется день рождения хозяина заведения. Сам он сошел слегка вразвалочку со сцены в черном смокинге, лакированных туфлях, широкой мексиканской шляпе и при бабочке, — пышущий здоровьем добрый молодец, совершенно не гармонирующий со всем происходящим. Ему поставили стул, и он уселся посреди зала в широком кольце зрителей.

В круг из публики незаметно просочилась девица, которая стала изображать перед хозяином танец живота. И в танце начала постепенно скидывать с себя одежду. Каждую снятую деталь туалета она бросала сидящему на стуле имениннику. Тот демонстрировал публике эту деталь, целовал ее и опускал на пол. После очередной снятой вещицы часть публики яростно аплодировала, поощряя девицу к дальнейшим подвигам, а другая часть удивленно и даже с возмущением перешептывалась. Музыканты принялись играть быстрее.

— Так это же стриптиз! — вдруг воскликнула Лилия с изумлением.

— А что же еще? — отреагировал Пит. — Но зачем? Так здесь не принято. У нас не хонки-тонк! Это там нанимают профессио-

нальную стриптизерку за полсотни долларов, чтобы потешить публику. А здесь милонга! Небось, сам хозяин и привел девочку.

Раздевшись и повертевшись перед именинником, красotka прыгнула к нему на колени, обняв за шею, а затем вскочила, подхватила с полу одежду и, ловко просочившись сквозь толпу, исчезла в двери за сценой.

— Ну и что в ней привлекательного? — спросила Лилия.

— Да в общем, ничего, — согласился Пит, осторожно обнял Лилию и обратился к нам. — Целомудрие моей girl-friend оскорблено.

Лилия пожалала плечами.

— Я бы этой девочке показала, — шепнула мне Лилия по-русски, — как надо делать настоящий стриптиз. Да Пит меня не поймет...

Она засмеялась, но вдруг отвела от себя его пальцы, потому что к ней навстречу, протянув вперед руки, спешил хозяин заведения.

— Мадам, какое счастье вас здесь встретить! — с театральным пафосом произнес он на довольно хорошем русском языке, хотя и с акцентом.

— Родриго! — воскликнула Лилия. — Я вас издали не узнала, молодой человек. Будете богатым!

— Как же, знаю эту русскую поговорку, — отвечивал он.

Они обнялись и поцеловались, как закадычные друзья, и Лилия нас познакомила.

— Вот тот самый гениальный Родриго из Тихуаны, о котором я рассказывала, помните?

— Гениальный — это ты немножко преувеличиваешь, детка. — Он легко перешел на "ты".

— Он очаровашка, не правда ли? — пришла в восторг Лилия.

— Здорово! — сказал мне Родриго вполне по-нашенски, будто мы с ним уже не раз выпивали, и оглядел с ног до головы Пита. — Как видите, теперь я владелец этого заведения. Приятель получил заем в банке, выкупил для меня под процент эту школу танго у двух танцоров из Сан-Франциско, и я нанял их преподавателями.

На вид Родриго было лет двадцать восемь. А может, тридцать, не больше. Волосы до плеч, как у Паганини, и длинные усы, обтекающие с обеих сторон большой рот. Шляпа с огромными полями, загнутыми по бокам, подвязана под квадратной челюстью тесемками так, что щеки выступают вперед. Сразу вспомнилось, что рассказывала Лилия.

В пограничном с Калифорнией мексиканском городке Тихуане, где топчутся сомнительные личности со всего американского континента, этот мексиканец подрабатывал дантистом. Он поддельвал в бумагах Лилии возраст, а теперь, оказывается, стал в Сакраменто владельцем танцевальной собственности, хотя и не на свое имя. В Россию Родриго попал из мексиканской глубинки,

где отец его держит ферму спортивных лошадей. До шестнадцати лет парень оставался неграмотным и не держал в руках ни одной книжки. Папа купил ему свидетельство об окончании средней школы. Родриго с приятелем решил путешествовать по миру: других посмотреть и себя показать. Застрял он в одной шестой части суши — то ли в Омске, то ли в Томске, где вроде бы слегка поучился в медицинском институте.

— В России не соскучишься! — Родриго не без удовольствия принялся за воспоминания. — Тогда еще существовал Советский Союз. Мне хотелось им понравиться, и я назвался троцкистом. Троцкий-то — знаменитость не только в Мексике, но и (как это называется?) строитель коммунизма в России! А они почему-то испугались, стали меня допрашивать, даже грозили посадить.

Он захохотал.

— Еще бы! — усмехнулся я. — Они испугались, что вы с вашими троцкистами втянете их в строительство коммунизма во всем мире, и им стало жалко денег.

— Значит, я правильно сделал, сказав им, что на самом деле я больше люблю танцевать и плевал на коммунизм? Почему же они привезли меня в аэропорт и отправили в Париж? Нет, русские — странные господа! Они думают, что 1917-й год — это их революция. А для всего человечества это год Великой революции Танго, охватившей весь мир.

За словом в карман Родриго не лез. На довольно бойком английском он весело рассказывал, как недавно к нему пришла, а точнее, приехала женщина средних лет и изъявила желание изучать танго. Она сидела в инвалидной коляске. Родриго не хотел ее брать, но есть федеральный закон: нельзя отказывать гражданам в правах на том основании, что они инвалиды, и она пожаловалась в какую-то общественную организацию. Пришлось зачислить ее в класс. На уроках она пыталась ритмично кататься под музыку вперед и назад. Но на том проблема прав человека не кончилась. Когда перешли от изучения элементов непосредственно к самим танцам, кавалерам следовало приглашать дам. А ее никто не приглашал. Теперь эта любительница танцев подала в суд за дискриминацию. Судья вынес решение: владелец заведения обязан сам, раз он имеет такую ученицу, приглашать ее и танцевать с ней.

— Вы только подумайте, — жаловался Родриго. — По постановлению кретина-судьи я обязан, держась за поручни коляски, танцевать танго с этой идиоткой, то есть дергать коляску туда-сюда.

— Как романтично! — воскликнула Лилия.

— Да лучше я найму для этого бугая за пять долларов в час... А сейчас ты будешь танцевать со мной, детка! И мы будем это делать без всякой коляски.

Тут усматривался обидный намек на возраст Лилии, но она этого не заметила или предпочла не заметить. Тем более что Род-

риго пригласил ее тоном, не терпящим возражений, и рывкнул тенору с бандонеоном в руках:

— Франциско! Давай кумпарситу!!

Франциско кивнул музыкантам и плавно растянул бандонеон, издав некий прерывистый трагический сигнал. Другой бандонеонист продолжил этот сигнал на более высокой ноте и оборвал. После мертвой короткой паузы к ним присоединилась скрипка, запела флейта, аккорды рояля задали ритм. Публика расступилась, отдавая площадку хозяину и его даме.

Признаться, там было на что посмотреть: здоровенный и при этом, как оказалось, в танце весьма грациозный Родриго и худая, но прямая, как редвуд, Лилия слились, будто давным-давно они танцуют вместе. Дистанции между ее бюстом и его грудью не оставалось никакой, я это сразу заметил. Реальный возраст Лилии куда-то улетучился, остатки былого задора без сомнения выплеснулись наружу. Сексуальные па не раз вызывали дружные аплодисменты: она ухитрялась поднять ногу так, что платье ее задиралось до пояса, а каблук упирался ему в копчик.

Откуда-то появился фотограф со старомодной камерой и стал их щелкать с разных сторон в надежде, что шикарная леди раскошелится. Хотя кондиционеры изо всех сил гнали холодный воздух, температура на милонге заметно повысилась. Возможно, энергия этих двух танцующих согревала воздух.

Пит прислонился к стене, желваки двигались на его щеках.

— Она великолепна, Пит! — прошептал я, чтобы не молчать.

— Может, и великолепна, — отреагировал он, — но не со мной.

Вид у него был кислый. Он сгорбился и еще больше стал похож на дятла.

После танца Родриго галантно подвел к нам Лилию. Щеки ее пылали. Она сияла.

— Ах, как он танцует! — громко, чтобы слышал Родриго, воскликнула она. — Он лучший тангер Сакраменто, настоящая звезда! Его бы взяли в Голливуд, да ему это не надо.

Если вы хотите заполучить мужчину тепленьким, как-то раньше объясняла она, его надо утопить в лести. Он размякает и становится готовым на все. Теперь она демонстрировала эту тактику в действии.

Родриго захохотал.

— Как договорились, детка! — многозначительно бросил он ей, подмигнув и удалился.

Лилия понизила голос и, глядя вслед Родриго, сказала Лере:

— Такой мальчик омолаживает женщин. У него опыт по обучению диких лошадей, так что со мной ему справиться легко.

Пит предложил Лилии потанцевать с ним, но она посмотрела на него с недоумением и, хлопнув приклеенными ресницами, заявила, что устала. А когда Родриго опять направился к ней, усталость ее как рукой сняло.

— Женщины бывают двух типов, — многозначительно прошептала она. — Одни возмущаются, когда мужчины к ним пристают, другие возмущаются, когда к ним не пристают. Я отношусь ко второй категории, и поэтому живу так долго.

— Давай еще попляшем, детка, — обратился к ней Родриго, приблизившись вплотную.

Судя по всему, прозвище Лилии понравилось. Она наградила Родриго обворожительной улыбкой и положила руку ему на плечо.

Они снова танцевали. Поскольку он был хозяином заведения, музыканты из кожи лезли вон. Бандонеон трагически рыдал в руках Франсиско. Родриго с Лилией опять вернулись к нам. На них лился летний дождь счастья. Пит выглядел растерянным. То есть я хочу сказать, что всем стало ясно: Лилия утекает между его пальцев и перетекает в объятия Родриго.

— Видите, моя поэзия трансформируется в танго, — стараясь скрыть тяжелое дыхание, подмигнула нам с Лерой Лилия. — Погодите, обо мне еще заговорят.

— Пит сказал, что ваше имя присваивают библиотеке в Москве.

— Это я решила, что пора присвоить, а в Москве еще не знают...

Пит сидел хмурый, пришибленный и нервно то сжимал, то разжимал пальцы. Потом стукнул кулаком по столу и стал уговаривать меня еще выпить. Сперва я отмахнулся от него, как от назойливой мухи, но мне потом стало жалко его, и я кивнул. Мы заказали кувшин маргариты с колотым льдом, выпили по бокалу.

— Это у меня второй раз, — пробурчал он.

— Что? — не понял я.

— Второй раз меня бросает партнерша. Двадцать семь лет назад в Буэнос-Айресе женщина, которую я любил, ушла с каким-то инженером из Германии. В четыре утра я сидел один в ресторане в порту, пил черный кофе и поклялся себе, что я никогда не женюсь.

Что ему сказать? Мы выпили еще по бокалу маргариты. Остальные шесть или семь порций ушли из кувшина в Пита. Осталось на донышке. Я подумал, что все-таки изучение Хемингуэя не прошло для Хейтера даром. Сегодня его биограф имеет шанс переплюнуть главного алкаша Америки. Пит долго молчал, а потом сказал заплетающимся языком:

— Т-ты в-виноват!

— Я?! Но в чем?

— З-зачем ты м-меня познакомил с этой п-пиковой дамой?

Он наклонил кувшин с остатками маргариты, подождал, пока последний кусочек льда рухнет в бокал, допил, слизал соль, прилипшую к кромке кувшина, и посмотрел на меня как-то странно. Глаза его стали косить еще больше.

— Вызови его на дуэль, — предложил я.

— Но д-дуэли запрещены!

Сто раз себе твердил: хорошо и долго подумай, прежде чем советовать что-либо не очень серьезное американцу.

— Take it easy, Пит! Будь на твоём месте Большой Дядька Эр-ни, он бы пришел в восторг от проделок такого существа, как Лилия.

— Ещё бы! Они с Хемингуэем смотрелись бы прекрасной парой... Но он говорил, что любит свою работу больше, чем любую женщину или что-либо ещё, а я так не могу. Знаешь, как он сам себя однажды назвал в письме к подруге? “Хорошим сукиным сыном, жизнь которого подлежит жестокой критике”. Я хотел бы оказаться такой талантливой дрянью, но не получается.

— То есть ты мечтаешь стать сукиным сыном? Так это проще пареной репы!

— Откуда ты знаешь, что просто? Ты пробовал?..

В пьяном виде он стал более удачливым полемистом. Лилия стояла посреди зала с Родриго. В перерыве между двумя танцами фотограф уже поднес им готовые фото. Оживленно их обсуждая, они шептались, периодически поглаживая и похлопывая друг друга по разным частям тела, и обоим было чрезвычайно весело. Стараясь не глядеть в их сторону, Пит нетвердой походкой отправился в туалет. Когда он вернулся, Лилия, держа под руку Родриго, стояла с нами.

— Как же так? — растерялся Пит, до которого дошла очередь посмотреть фотографию Родриго с Лилией, и вдруг глухо выдал из себя то, что не следовало произносить ни при каких обстоятельствах. — Ведь ты — моя партнерша!

Он сделал ударение на слове “моя”.

— Застегни ширинку, — вдруг сказала она ему простую русскую фразу.

Родриго, поняв, захохотал.

— Что она сказала? — конечно же не понял Пит.

— Переведите ему, — попросила Лилия. — Он настоящий профессор: всегда забывает застегнуть ширинку.

Ни за что не поверил бы, если бы сам не оказался свидетелем происходящего. В тот вечер Лилия Бурбон бросила верного, как пес, Пита Хейтера. За полночь мы разбрелись по полутемной парковке в поисках машин, и Родриго увез Лилию в своем спортивном “корветте”.

Как Пит, пьяный в доску, добрался после милогги до дому, избежав полиции, не знаю. Сейчас с этим строго: надевают наручники и в тюрьму. А утром звони адвокату. Меня привезла Лера и в гараже не могла разбудить, я проспал на заднем сиденье.

Утром, издали заметив Пита, вяло бредущего между старых вязов на лекцию, я потащился в аудиторию кружным путем.

С того дня и по сейчас, между прочим, каждый месяц я получаю по почте одинаковые компьютерные приглашения снова посетить милоггу в школе аргентинского танго. На фотографии Ли-

лия, танцующая с хозяином. Она смотрит ему в глаза с собачьей преданностью; ее высоченный тонкий каблук упирается ему в копчик. Реклама гарантирует романтические приключения и вполне доступный адюльтер. Только вот пойти некогда.

10

Лера работает в клинике “Джей стрит”, расположенной в даунтауне Сакраменто. Там лечатся не только американцы, но и много эмигрантов всех сортов, особенно русских, поэтому и персонал нанимают, владеющий так называемыми этническими языками, чтобы не держать переводчиков. Больным, у которых проблемы с английским, сам Бог велел обращаться туда, тем более что микроавтобус клиники заезжает за пациентами домой и отвозит после приема.

Лилия появилась в клинике первый раз и начала с конфликта, ибо когда заполняли историю болезни, назвала себя почему-то Марией Переделкиной. Но необходимо показать карточку медицинской страховки, и в карточке она значилась Лилией Бурбон. Может, она и вправду в первой молодости участвовала в революции, как написано в некоторых ее советских биографиях? Что если конспирации ее обучал лично Ленин? Ведь интимной подругой его Лилия, коли поверить ее собственным рассказам, одно время пребывала — между Инессой Арманд и его первым инсультом. Вождь, как она со стыдом вспоминает, перенапрягся.

На посторонние темы врачам с больными в клинике разговаривать по понятной причине некогда, однако согласно правилам, доктор сперва должен установить с пациентом некий психологический контакт, задав дежурный вопрос о жизни. Малознакомые люди ведут себя по анекдоту армянского радио: “Кто такой зануда? — Человек, который на вопрос “как дела?” начинает рассказывать”.

— Как ваши дела? — спросила Лера. — Как Пит?

И Лилию прорвало. Она запаматовала, зачем пришла.

— Ах, милочка, мы с вами не видались с той самой милонги... Да, дорогая! Пит подставил мне плечо, чтобы я вошла в мир танго, но на этом его функция, увы, закончилась. Со мной надо говорить о любви, а не о Хемингуэе. Жениться он так и не собрался, а я с некоторых пор предпочитаю, чтобы на мне женились, а не просто так. Поэтому, когда Родриго пригласил меня прокатиться с ним на Гавайские острова, я, конечно, согласилась, полагая, что намерения у него серьезные.

— Но он вроде бы совсем мальчик! — воскликнула Лера.

— А я — девочка! — заявила Лилия. — В Гонолулу мы провели волшебную неделю в дорогом отеле с видом на океан с двадцать девятого этажа. Я даже чуть не попробовала заняться серфингом: там для этого лучшие в мире волны. Только страх сломать шейку бедра меня остановил. Несмотря на свое простецкое происхождение, кавалер мой был галантен, почти

как французский аристократ. Боже праведный, какой это был кайф! Ничего подобного у меня в жизни ни с кем не было. Какие ночные рестораны с танцами, какие дни в постели! Он даже ухитрился это делать в океане. И какая взаимная страсть... Он тоже говорил, что впервые в жизни у него такая страсть...

— Очень рада за вас. — Лера глянула на часы и попыталась приступить к делу. — Так что у вас болит?

— Погодите, милочка. Это еще не все. Обратю в Сакраменто мы прилетели ночью, нашли на парковке его “корветт”, он привез меня к дому и внес мой чемодан. Я думала, он останется, а он сказал: “А теперь рассчитаемся. Это недорого, мадам: 150 долларов за раз, или 300 за ночь. Я работал шесть суток”.

Меня будто молния ударила. Так растерялась, что чуть не сняла парик. Не могла сказать ни слова, думала, сознание потеряю. И надо было потерять. Но прежде, чем ответить, я как всегда досчитала в уме до десяти и спросила его:

— А день отъезда и приезда считается за один день?

— За два, мадам, — нагло ответил он. — Плюс все расходы на тур, включая авиабилеты, номер в отеле и рестораны за нас двоих. Итого, ты мне должна четыре тысячи сто долларов, можно чеком, но лучше наличными.

Мерзавец учтиво поклонился и ждал. Я поколебалась, посмотрела в его бесстыжие глаза и врезала ему пощечину. Конечно, он мог меня убить. Но вот настоящий мужчина: он не пошевелился даже.

— Это садизм, Лилия, — хладнокровно отметил он. — По таксе вдвое дороже, а если еще ударишь, то будет втрое.

Я сказала ему, что деньги он получит, когда я буду в гробу в белых тапочках. Родриго сверкнул глазами и захохотал:

— Успокойся, детка! Я по-шу-тил. Благородный мексиканец с женщиной денег не берет. Наоборот! Предлагаю тебе заработать. В соседнем штате Невада мне светит приобрести массажный кабинет. Осталось только оформить, и мне нужно подставное лицо — у меня же нет американского статуса, а у тебя есть! Ты будешь его владелицей, о’кей? А может... Может, поработаешь в нем, куколка?

Это я — куколка... Вы понимаете, что такое массажный кабинет в Неваде, где послаблений больше, чем в Калифорнии? Он же подделывал мои документы и знает, сколько мне лет.

— Ведь я не настолько молода, чтобы...

— Ты еще оч-чень ничего, — отвечал он. — Сделаю тебе шикарную рекламу: “Бодрящаяся бабушка с девяностошестилетним опытом, бывшая русская поэтесса, умеет то, чего не умеет никто из ныне живущих”. Наверняка найдутся любители остренького.

Как вам нравится этот хам? Конечно, я это отвергла! Тогда Родриго опять захохотал:

— Не волнуйся! Я опять по-шутил... Уже наняты девочки из России. Тот человек из КГБ, который меня опекал и боролся с троцкизмом в Омске, помог. Он везет девочек сюда, и ты с твоим отличным русским будешь в этом массажном кабинете менеджером...

— То есть как — бандершей? — неосторожно уточнила Лера.

— Фу! Зачем так вульгарно? Просто уезжаю в Неваду в длительную командировку. А что? Иногда, милочка, приходится временно становиться дрянью, чтобы выйти сухой из воды.

В общем, дорогой читатель, как говорил один мой знакомый шизофреник, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Теперь я вспомнил: Пит Хейтер, когда Лилия первый раз танцевала с Родриго на милонге, спросил меня, знаю ли я французское слово "арптер".

— К чему ты? — удивился я. — Это значит "наживлять на крючок".

— Это стиль танго, который они танцуют, — криво усмехнулся Пит. — Танго-апатэ в двадцатые годы было популярным. Су-тенер танцует с проституткой, наживляя ее на крючок, то есть вымогая у нее процент за покровительство.

— И что же? — не понял я.

— Да ничего...

Пит махнул рукой и пошел к стойке бара.

Но это я сейчас так, к слову.

— Так что же у вас болит? — стараясь скрыть нетерпение, спросила Лера, ибо все сроки, отведенные на одного пациента, давно прошли, и в приемной выросла очередь, как в поликлиниках некоторых других стран.

Только теперь Лилия наконец объяснила цель своего визита. Она пришла в клинику лечиться от гонореи, которой душа-человек Родриго с ней поделился.

Вот уж поистине бесславный конец славного поколения, скажете вы. Однако не будем спешить со скоропалительными выводами.

11

К нам приехали друзья из Австралии, и в праздник Благодарения я повез их показать знаменитое горное озеро Тахо, которое от нас в трех часах езды.

Шоссе поднимается по краям отвесных скал, и злые языки говорят, что это самая плохая и самая рискованная дорога в Штатах. Красота неписанная в любое время года, но особенно опасно на крутых поворотах над пропастями, когда идет снег. На колеса надо надевать цепи, хотя и это не всегда страхует от неприятностей. А вообще, Тахо — самое голубое и самое чистое озеро в мире, — так утверждает моя бывшая студентка Каролин, директор проекта по охране от загрязнения этого уникального сокровища природы. Западная половина Тахо находится в Калифорнии, а

восточная — в штате Невада. За границей, о которой сообщает надпись на другой стороне улицы и больше ничего, то есть в Неваде, в отличие от Калифорнии, разрешены казино и прочие увеселительные заведения. Парковка бесплатная, отель недорогой в расчете на то, что денежки вы оставите чуть позже, когда начнете играть.

Гости мои из Австралии получили совет бывалых ветеранов в казино: отложите в карман определенную сумму, которую вы готовы проиграть, и, если она исчезнет, уходите сразу. Как известно, новичкам везет. Запускаете однодолларовый жетон, а из машины вдруг вываливается долларов двадцать пять. Путем нехитрых расчетов вы соображаете, что если опустить в машину один за другим каждый из выигранных двадцати пяти и получить на этот каждый еще двадцать пять, то будет некая сумма. Тут-то и происходит заминка. Игральный автомат берет так же охотно, как и вначале, но выдает более скупо или не выдает вообще. А выиграть очень хочется. Самое лучшее — взять себя за уши и вынести отсюда на солнечный берег озера. В противном случае втянетесь и...

Казино гудело, огни переливались всеми цветами радуги. Яркие рулетки вращались, завлекая рискнуть. Карты мелькали, раскидываясь веерами на зеленых столах. Наши австралийские гости разбрелись по залам, благо было на что поглазеть: от полуголых официанток до диковинных машин, обещавших миллион, только купи жетон и опусти. Сам я уже давно не играю по простой причине: когда бы я ни попробовал, через пять минут остаюсь без цента. Ну хоть бы для смеха что-нибудь выиграть... Никогда!

Тут в проходе между игральными автоматами мне попалась на глаза небольшая группа явных туристов. Их было шестеро, все девушки, наверное, студентки. Впрочем, для студенток слишком вызывающе одеты. Когда они поравнялись со мной, я услышал русскую речь, а следом, позади них, раздавался окрик:

— Все! Уходим, девочки, немедленно...

Строгий у них гид, подумал я и через мгновение ее узнал. Группу догоняла Лилия Бурбон собственной персоной. Она шагала в полосатом костюмчике, чем-то напоминающем арестантскую одежду из американских боевиков и, конечно, с невероятным количеством бус, намотанных на шею от груди до ушей.

— Вот уж не думала, что вы способны тут оказаться, — пропела Лилия так, будто ее собственное присутствие в казино само собой разумелось. — Девочки, подождите-ка меня у лифта! И чтоб не разбредаться!

Молодые ее сотрудницы нехотя подчинились и стайкой, то и дело стреляя глазами по сторонам и останавливаясь, двинулись к выходу. А Лилия сразу взяла быка за рога:

— Значит, и вы равнодушны к возможности разбогатеть?

— В принципе было бы неплохо, — согласился я.

Мы долго с ней не виделись. Теперь сразу вспомнилось, как Пит Хейтер некоторое время назад, в разгар его спаривания с партнершей Лилией, посреди рабочего дня пришел без звонка ко мне в офис.

— Как быть, коллега? — спрашивал он. — Я повез ее познакомиться с известным тангером в городке Саус Лейк Тахо, чтобы тот поглядел ее спину в процессе танца и дал ей полезные советы, а она исчезла в казино и пристрастилась к игральным автоматам.

Лилия стала таскать Пита в казино чуть ли не каждый уик-энд.

— Она не понимает, что я бедный университетский профессор, — жаловался он. — Счет в банке сильно похудел, а ей хоть бы что...

— Еще бы! Не ее банковский счет.

Чего он от меня хотел? Откуда мне знать, как быть в таких случаях.

— А что русские? — Пит почему-то оглянулся, не слышит ли кто. — Все такие азартные игроки, как Лилия?

Как следовало ему ответить?

— Может, ей вступить в Общество спасения от азартных игр? — предложил я ему тогда.

Теперь Лилия девочек из массажного кабинета сюда привела.

Сказать, что она помолодела, было бы преувеличением, но что не постарела, в этом я вам клянусь: время для нас с вами еще пока идет, а для нее вообще остановилось, — вот в чем ее преимущество. Пит, при всей прямолобости и некоторых дебилизмах, прав. Лилия действительно редвуд: вечнозеленая, перемены климата не боится и будет жить триста лет, пока ее не спилят. Да и мусорная, как редвуд.

— У нас сегодня выходной, — сказала Лилия, — и я привела сюда девочек, которых Родриго выписал из России. Малышки приехали подработать, но им же надо развлечься... Боже, какой интеллектуальный примитив! Всему их надо учить.

— Стало быть, освоились с должностью? — спросил я.

— Я освоилась с Родриго. Вы что думаете, я всерьез не могла от него избавиться? Да я бы его в каталажку упекла, и он бы не пикнул. Но, во-первых, моя любовь к нему не исчерпалась. А во-вторых, мне было интересно, как в его массажном кабинете поставлено дело. Он настоящий новый мексиканец. Он сказал мне по секрету, что его мечта — приобрести в Неваде казино и заработать столько, чтобы купить должность президента в какой-нибудь латиноамериканской стране. Там, говорит, ему пригодится опыт Троцкого. Если доживу, буду у него министром культуры. Или основоположницей соцреализма. А что? Скоро я перебираюсь обратно в Сакраменто, в его школу танго. Буду там менеджером.

— Все-таки милонга вас к себе тянет?

— Еще как! Я же должна репетировать к своему столетию.

— Будете танцевать танго?

— Разумеется. И знаете с кем? С президентом Соединенных Штатов... Мои стихи в СССР слушала вся страна, а мое танго будет смотреть по CNN весь мир. Я буду первой в мире столетней танцовщицей и войду в книгу рекордов Гиннеса.

— Президент вас пригласил в Белый дом?

— Нет еще. Но никуда не денется!

Вот оно что: выходит, Лилия Бурбон уже танцует с президентом, а президент еще об этом и не подозревает.

— Когда же это состоится?

— Через четыре месяца.

— Как четыре месяца?! Еще недавно вы говорили, что вам девяносто шесть и осталось четыре года!

— Ну и что? Время бежит быстро.

— Но не год же за месяц!

Лилия посмотрела на меня с сожалением.

— Мало ли чего я говорила раньше! Ну, было девяносто шесть. Ради Пита я сделала себе пятьдесят девять, но он меня обесчестил. Поматросил и не женился. Не ждать же мне четыре года до своего столетия! Я радикально пересмотрела свой возраст, да и вообще взгляды на это. Запомните раз и навсегда: женщине всегда должно быть столько лет, сколько ей лично в данный момент нужно. В цивилизованной стране это право женщины должно быть записано в Конституции. И Родриго со мной полностью согласен. Когда он будет президентом...

— В какой стране?

— Этого он еще не знает... У меня скопилось много свидетельств с разными датами рождения, но все не то, что сейчас мне надо. Я опять пошла в Службу натурализации, а они отказались менять. Тогда я обратилась к конгрессмену и устроила такой скандал, что исправили. Теперь мне через четыре месяца будет ровно сто, и с этим ненадолго придется смириться...

Она вынула зеленую карточку американского иммигранта, улыбнулась, показав свои изумительные фарфоровые зубы. Но улыбнулась, как мне показалось, немного стеснительно, чего я за ней никогда не замечал.

— Вот видите, мне теперь девяносто девять лет и восемь месяцев. В Сакраменто буду репетировать кумпарситу. Ведь если не считать упражнений с Питом, я не танцевала лет восемьдесят. Да и ему нужно время, чтобы подучиться.

— Кому? — не понял я.

— Биллу. Надеюсь, у него найдется переводчик? А если нет, пускай срочно учит русский. Сегодня же напишу в Вашингтон, какие "па" кумпарситы он обязан выучить со своими помощниками, чтобы в паре со мной смотреться пристойно. Надеюсь, за это время еще один импичмент ему не пришлют.

— Если не появится новая Моника Левински...

— Сопливая дешевка! — вдруг взорвалась Лилия, аж кровь прилила к ее лицу. — Да если захочу, я и сейчас уведу Клинтон от Хилари. Мужчины — слабый пол, обыграть любого из них мне ничего не стоит. Но учитывая будущее президентство моего дружка Родриго в Латинской Америке, мне пригодится только политический контакт с президентом США...

От услышанного у меня горло пересохло, как после полутора-часовой лекции. С подноса проходящей официантки я взял чашечку кофе и отглотнул. Стало легче. Мне захотелось сказать Лилии что-нибудь теплое:

— Чем больше я знаю вас, тем сильнее мое удивление. Вы воспитательная женщина!

Заявил я это совершенно искренне и ласково коснулся ее плеча.

— Ха! Разумеется! Думаете, вы первый открыли эту Америку?

— Конечно, нет. А вы не хотели бы написать бестселлер “Секреты побед над мужчинами”? Американская публика о-бо-жа-ет такого рода книги. У вас будет миллионный тираж.

— Рассказать мои секреты всем?! — возмутилась она. — Да вы что?! Недооцениваете вы меня, дружок. Во второй молодости я стала более эгоистичной. Эгоист, как говорится, — человек, который любит себя больше, чем другие эгоисты. Вслух я говорю глупости. А секреты побед над мужчинами — как марка моих духов: они уйдут из жизни вместе со мной. Впрочем, в тот мир я пока не собираюсь. Между нами, планы у меня вполне жизнеспособные... Знаете, конечно, что недавно космонавт Джон Гленн, которому семьдесят с чем-то, летал в космос? Мальчишка! Я решила при встрече потребовать у президента, чтобы он позвонил, кому надо.

— Насчет чего?

— Естественно, чтобы меня подняли в космос.

— Вам и на земле неплохо. На небо еще успеете, сами говорите.

— Вы-то успеете. А мне во избежание недоразумений надо спешить. ■

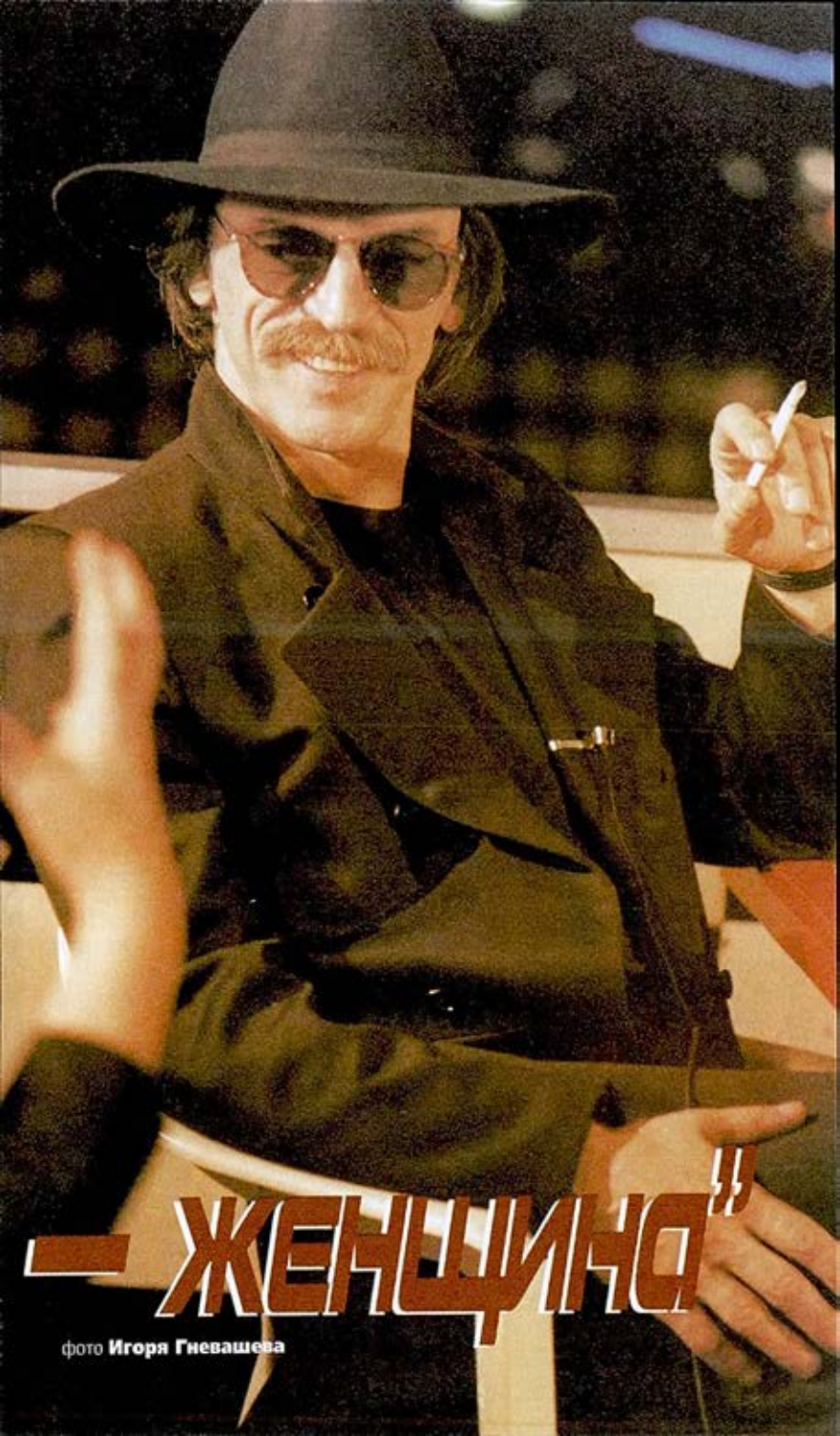
**По признанию
Михаила Боярского,
он никогда не боролся
за место под солнцем,
просто судьбе
было угодно,
чтобы он стал
популярным артистом.
Хотя родители-актеры
всячески старались
отвести сына
от этой профессии.**

— Они отдали меня в музыкальное училище при Ленинградской консерватории, чтобы я стал музыкантом, считали, что пианист — более или менее независимая профессия: ты один с инструментом и ни с кем не связан. Но к восьмому классу я настолько намучился с этим черным сундуком, что был готов заниматься чем угодно, только не фортепьяно. И рванул учиться актерской профессии, не подозревая, что для овладения ею может не хватить всей жизни —

Михаил БОЯРСКИЙ:

“ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

— ЖЕНЩИНА

фото Игоря Гневашева

ведь чем больше человек знает, тем больше ему хочется познать. К счастью, тогда родители махнули на меня рукой, мол, поступай как знаешь... Но в том была воля Божья, что я попал в коллектив театра Ленсовета, где не нужно было бесконечно доказывать, что ты артист, имеющий право на существование. И я с упоением вкалывал по 24 часа в сутки, играя в театре, снимаясь одновременно в пяти фильмах, в телеспектаклях и участвуя во всех капустниках...

— На сцене вы всегда в черном. У вас темный цвет волос и достаточно смуглый цвет кожи. Вы выбрали черный имидж, потому что и по внутреннему содержанию считаете себя "темным человеком"?

— Вы меня озадачили. Хотя... если брать в расчет массу всего, что во мне намешано, — светлого все-таки мало. Я бы обрисовал свое нутро так: чистый поток воды, протекая по илистому руслу, силой своего течения и бурления всерьез взбаламутил это русло... Вот если бы все осело, может, я и стал бы светлым и чистым. А пока — увы... Мне даже кажется, что того покоя, который просветлит мою жизнь, никогда уже не будет. Но я способен различать в жизни и светлые, радостные тона. Особенно, если это касается моих детей и творчества.

— В моем представлении, вы всегда были человеком плещущей через край энергии, крепким, сильным мужчиной, готовым горы своротить... И вдруг узнаю, что вы месяцами проводите в больнице под капельницей. Что же случилось? Как вы умудри-

лись надорвать свой организм? А может, с детства были болезненным мальчиком и всегда скрывали свои недуги под маской актерства и лицедейства?

— Нет, в детстве я был достаточно крепким парнем. А вот с того периода, как вступил в самостоятельную взрослую жизнь, начались бессонные ночи, беспорядочное питание, нервные перегрузки, и в результате — целый букет серьезных заболеваний да еще и автомобильные аварии, многочисленные переломы, после которых меня буквально по частям собирали и склеивали заново... Но пока, слава Богу, держусь. Как бывает в машинах: сначала сыплются некоторые узлы, их меняют, потом что-то бьется, мнется — тоже меняют, перекрашивают, но машина все еще едет... Вот и у меня так же. Пока машина скрипит, но едет...

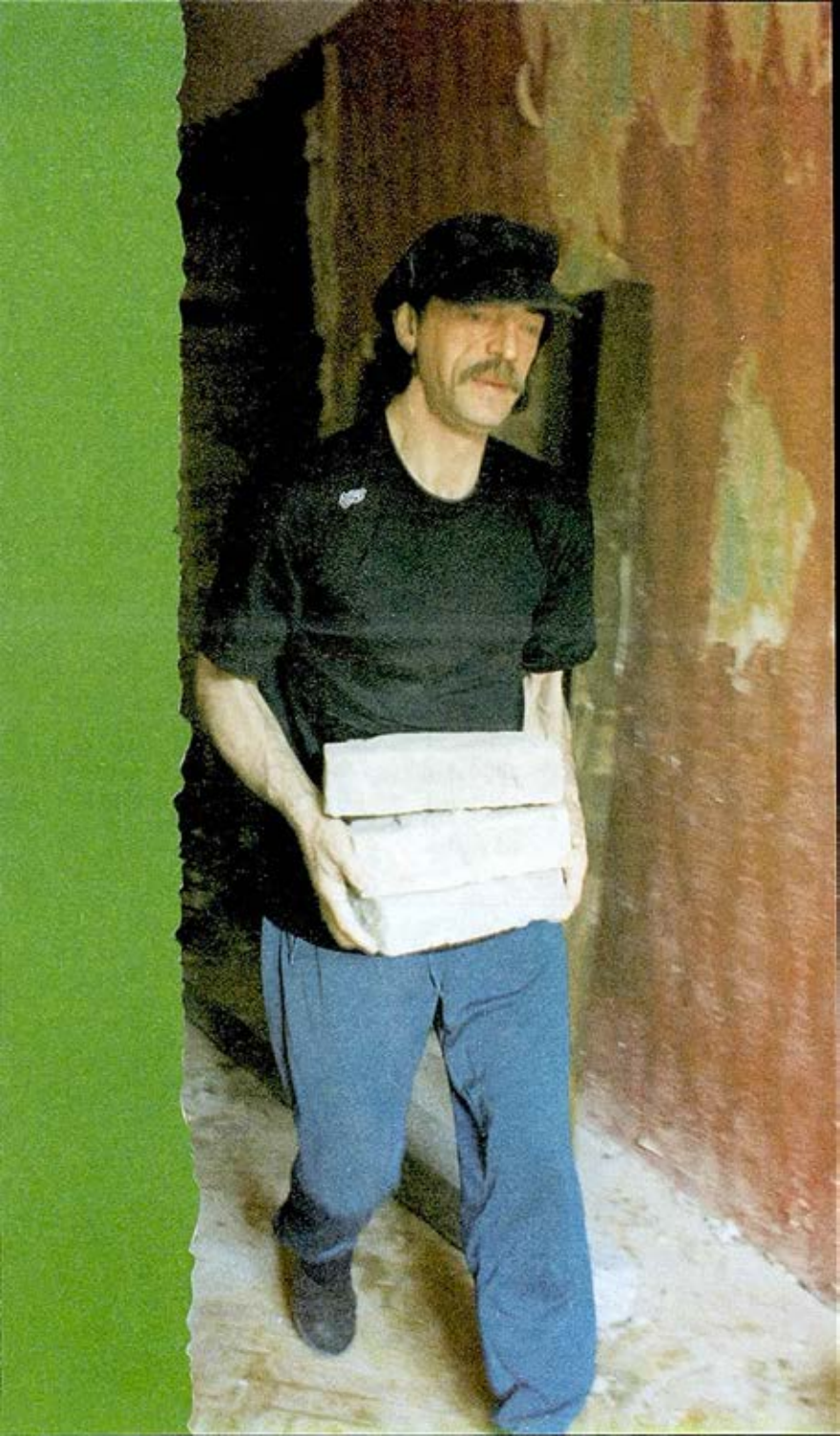
— А как вам удается справляться с тем, чтобы меньше пить или меньше курить — это же безумно сложно?

— Да. Но я либо вообще не пью или не курю, либо пью до тех пор, пока из ушей не польется. Как европейцы пьют — не для меня. Это баловство.

— Вы говорили, что работа, сцена вас спасают от болезней. Может, на самом деле творчество — некая магия, волшебство?

— Когда я сильно усталый — играю лучше, потому что нет лишних эмоций, меньше размахиваю руками и вожу по сторонам глазами... Делаю только то необходимое, что нужно для данной ситуации. Но всякая магия — лишь сотая доля того, что называется ремеслом. Ремесло — это поденный, кропотли-

вый, скучный, нудный, изнуряющий труд, овладев которым ты сам подчас и становишься тем магом и волшебником. А если еще присутствует и творческое наитие — публичка забывает обо всем на свете. И происходят истинные чудеса!

— Вы азартны?

— Только по отношению к женщинам! Они для меня представляют особый интерес.

— И поклонницы?

— О, нет. Как только я узнаю, что женщина является моей поклонницей, она перестает быть для меня интересной. Важно, чтобы я сам заинтересовался... И не важно, внешностью я увлекся или внутренним содержанием — моя задача добиться отклика в ее сердце. И вот этот процесс, эта игра — очень для меня интересны, ведь каждый раз все происходит по-новому. Только для того, чтобы заманить женщину в постель, рецепты могут быть довольно банальны. А чтобы добиться какого-то интеллектуального влечения с ее стороны в ответ на твое — дело посложнее. Хотя во всем есть своя прелесть — и в платонической любви, и в страстных сексуальных отношениях...

— Психологи считают, что мужчина ищет себе в супруги женщину, которая в чем-то похожа или напоминает его мать. Насколько Лариса, ваша жена, похожа на вашу маму?

— Она не похожа вообще! Мне кажется, что на мать не может быть похожа ни одна другая женщина. Я был очень сильно привязан к своей маме. Особенно после ее смерти, когда стал оценивать и понимать, что она

для меня значила. И сколько раз меня спасала, буквально с того света вытаскивала. Да только и делала, что заботилась о моем здоровье... А с супругой все по-другому. У нас в семье буйная, бурная жизнь: утром — развод, вечером — свадьба...

— А вы помните ваше знакомство с Ларисой, чем она вас очаровала?

— Конкретно первая встреча, когда мы с ней встретились, не имела никакого значения. Она тоже актриса, и мы работали вместе в одном театре. Но со временем я стал ощущать к ней какое-то особое влечение. И вот тогда разглядел, насколько она хрупкая, беспомощная, беззащитная и абсолютно безо всякого стержня (как в теле, так и в характере). Чему я немало удивился. Потому что был совершенно противоположного склада. И это пробудило во мне такое странное чувство... Образно говоря, я могу взять ее на ладошку и по своему желанию либо согреть и приласкать, либо прихлопнуть и раздавить... И я выбрал первое. И все годы, что мы вместе, старался согреть ее и уберечь. Видимо, это в нашем союзе больше всего меня и привлекало. В наших отношениях я чувствовал себя более мощным и жизненно ей необходимым. Поскольку мир, в котором мы живем, достаточно груб и коварен.

— И вы сделали ей предложение?

— Не-ет... Никогого предложения я не делал. Мы просто долго были вместе. Но потом она стала наемать, что пора бы узаконить наши отношения. Для женщины это всегда почему-то

особенно важно. Я же, наоборот, всячески держался за свободу и при моем образе жизни совершенно не представлял себя женатым человеком. Когда же все свершилось, понял, что страхи были напрасными: это не больно, не страшно и на свободе моей никак не отразилось. Зато жена довольна, и дети растут...

— А почему такое предубеждение к браку? Был неудачный опыт?

— Всерьез нет. Хотя в раннем детстве у меня был страстный роман с моей соседкой. Сильный до такой степени, что я на полном серьезе прощался с родителями и навсегда уходил из дома, чтобы жить с ней... Ох, как я безумно ревновал ее ко всему на свете! Мне хотелось совершать какие-то значительные поступки, типа вскочить на подножку уходящего трамвая или умчаться в дальние страны...

Правда, потом верх над любовью взяли мальчишеские забавы: всякие ножи, пистолеты, стрелы, луки и тамагавки... Но затем снова вернулись дела сердечные. Причем сначала все внимание было обращено на старшекласниц и молодых учительниц. Мы торопились скорее повзрослеть, чтобы представлять для девушек и женщин какой-то интерес как мужчины. И тогда пошли в ход сигареты, взрослые прически, стильная одежда, — чтобы все вокруг поняли, что ты уже не гадкий утенок, а вполне оформившийся мужчина. Друг перед дружкой мы гордо похвалились своими похождениями в пренебрежительных тонах, хотя за всем этим скрывались трусость, страх и желание как мож-

но быстрее преодолеть мучительный барьер в общении с девушкой. Потом все преграды рассыпались сами собой на первых же школьных вечерах, танцах, при первых разговорах и поцелуях... И уже к институту мы стали вполне зрелыми, незакомплексованными мужинами, которых интересовали в основном женщины и немного учеба. И было абсолютно наплевать на одежду, на марку машины, на деньги... Самые счастливые годы, когда было все равно, кто тобой руководит в стране, сколько кто зарабатывает. Главное, чтобы женщина была в твоей жизни... У кого женщины нет, тот начинает заниматься политикой, конъюнктурой, рейтингами — ищет во всем этом самоутверждения и славы, чтобы хоть как-то реализовать себя. Когда же человек счастлив и влюблен, ему хочется скрыться от всех, а не выставлять себя напоказ...

— Вы всегда так трогательно отзываетесь о своей маме — наверное, она была удивительным человеком?..

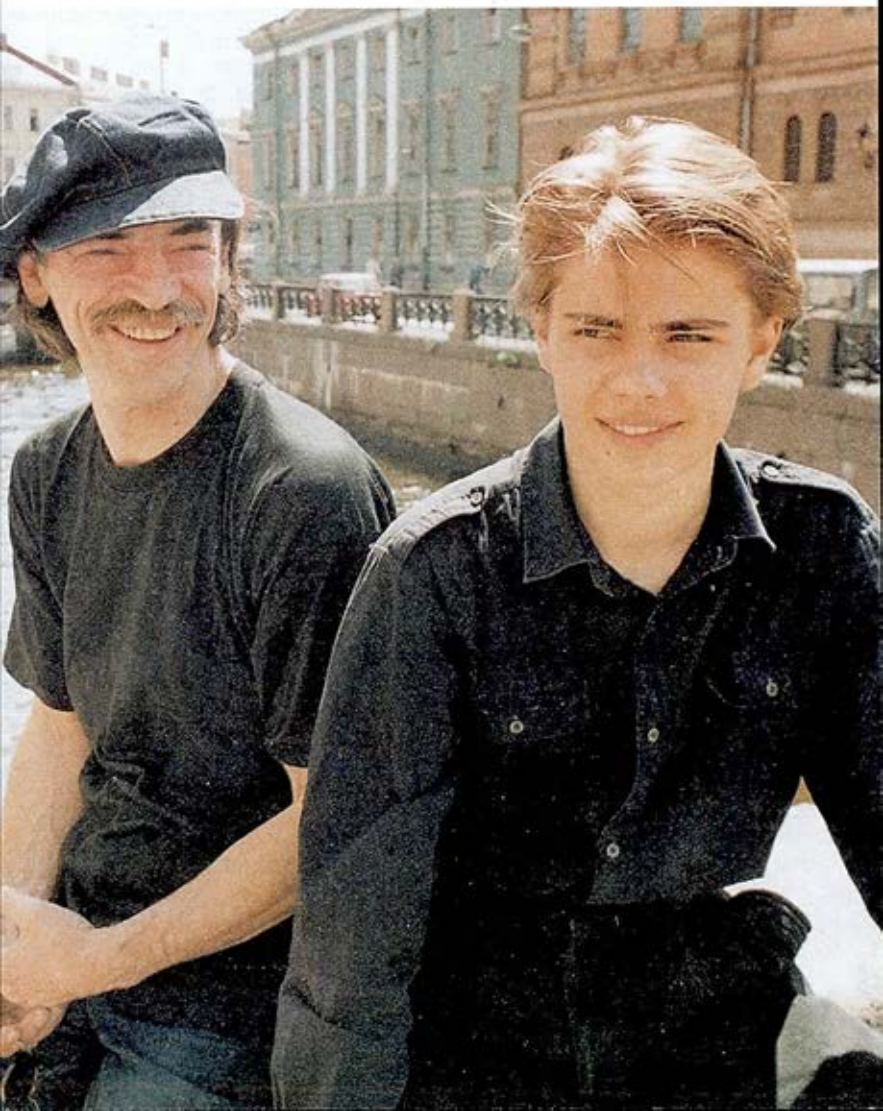
— Самым удивительным на свете! Знаете, как она меня чувствовала! Вот однажды был такой случай. Я в очередной раз лежал в реанимации, и вдруг в пять часов утра мама позвонила моему другу и говорит: "Давай быстро собирайся, заезжай за мной, едем к Мише в больницу — он умирает!.." И несмотря на то, что приятель жил в другом конце города он забрал маму и приехал с ней ко мне. Она долго стучала в двери, чтобы разбудить спящий персонал, пробила ко мне в реанимацию, разбудив всех и там. Все решили,

что она с ума сошла, но когда подошли ко мне, увидели, что давление у меня почти на нуле. И тут же все зашевелились, хотели сразу делать операцию, но надо было для начала каким-то образом поднять давление. И до операции тогда дело не дошло. Помню, подошла во время этой ката-

васии ко мне молоденькая сестричка, добрая такая девушка, лет двадцати, и говорит: "Твое последнее желание? Один черт — тебе не выжить..." И я сказал, чтобы дала пивна попить. И уж не знаю, где она тогда раздобыла ту бутылку пива, но потом выяснилось, что это

было единственное, что мне категорически запрещалось в тот момент. Я вылакал бутылку пива, закрыл глаза и одиннадцать дней находился без сознания. Но вынарабнался. Кстати, это не единственный случай, когда мама меня вытаскивала с того света. И всегда каким-то образом чувствовала на расстоянии, когда мне хорошо, а когда плохо.

— А вы чувствовали так свою мать?

— Увы, нет. И даже сейчас, когда мамы нет в живых, умерла в 92-м году, она продолжает хранить меня. И в трудные минуты я мысленно обращаюсь за помощью именно к ней.

— Насколько мне известно, вы — Нозерог по гороскопу. А мужчины этого знака всегда стремятся сделать свой дом, семью крепостью, создать уют, благоустроенность, как внешнюю, так и внутреннюю?

— Вероятно, я неправильный Нозерог, потому что никогда не занимался своим бытом и домом всерьез. Дачу выстроил только потому, что в свое время хотел обладать полным джентльменским набором: квартира, машина, дача, собана, видеомэгнитофон, телевизор, кожаная мебель... Когда же все расставили по своим местам, понял, что мне ничего не нужно, а все только мешает и раздражает. Я вообще не люблю быть привязанным к одному месту. Как хорошо в гостинице: пришел, ушел, все чисто, постель застелена, и ничего лишнего... А дома — сплошные заботы: то сломалось, то привези-отвези, машины постоянно из строя выходят. Хотя нужны они мне лишь для того, чтобы отвез-

ти детей на учебу или на праздники-соревнования... Вот дети — да, это для меня вопрос серьезный! Правда, Сережа уже взрослый парень, 16 лет, а вот с Лизой — ей 10, еще нужно много заниматься.

— А правда, что папы больше любят дочек?

— Правда. Но только здесь слово "любят" не совсем подходит, потому что любят всех своих детей одинаково. А вот внимания и заботы больше отдают дочкам — это уж точно. Потому что она — маленькая женщина. И с ней можно и поласковее быть, и посюсюкаться подольше. С сыном ведь важны мужские отношения... Да что там говорить, я просто таю, когда разговариваю со своей дочкой. И мы можем подолгу чиринать с ней, а какие могут быть чиринанья с сыном?!

— Почему же тогда так важно для отцов, чтобы первым родился парень?.. Кстати, вы помните свое состояние, когда ждали первенца?

— Еще бы! Я несколько часов кряду просто висел на телефонном аппарате, атакуя родильный дом вопросами. И когда узнал, что у меня родился сын, с того момента я уже ничего не помню. Мне только рассказывали потом, что со мною было. А была нормальная реакция на то, что родился наследник.

— А что, если не секрет, с вами происходило?

— Да какой там секрет, если об этом весь Питер знает! Я ведь выпивал тогда чуть ли не со всем городом, праздную рождение сына! Причем, сам развезжал по Ленинграду и посетил со своей

радостной вестью всех своих друзей и знакомых.

— А как вы смотрите на то, что вскоре ваша любимица Лиза вырастет и уйдет к другому мужчине?

— Буду рад, главное только, чтобы мужчина попался хороший. Конечно, если она будет сильно влюблена — я даже вмешиваться не стану. Ведь любовь в жизни — самое главное. Единственное, чему надо будет дочку как-то научить, чтоб влюбилась в порядочного человека. Впрочем, как тут предугадываешь, велика роль везения и случая!..

— Вы уже больше 20 лет вместе с Ларисой. Что для вас осталось главным в ваших отношениях?

— Мне кажется, способность постоянно находить друг в друге что-то новое. Иначе можно зачахнуть, а для этого надо постоянно что-то придумывать...

— Что же вам нужно придумывать, если вы часто уезжаете на гастроли?

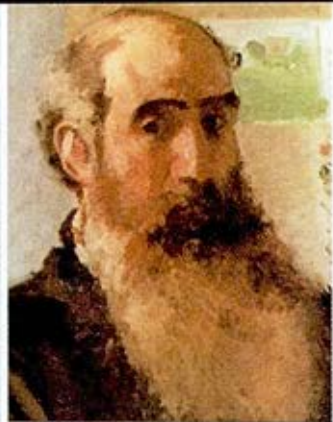
— Так встречи всегда приятнее после расставания. Еще нужно постоянно придумывать какие-то преграды, ведь чем больше трудностей на пути к любимому человеку, тем радостнее встречи и приятнее общение. Правда, несколько теряется естественность. Хотя по-актерски можно и сыграть.

— И дома вам часто приходится играть?

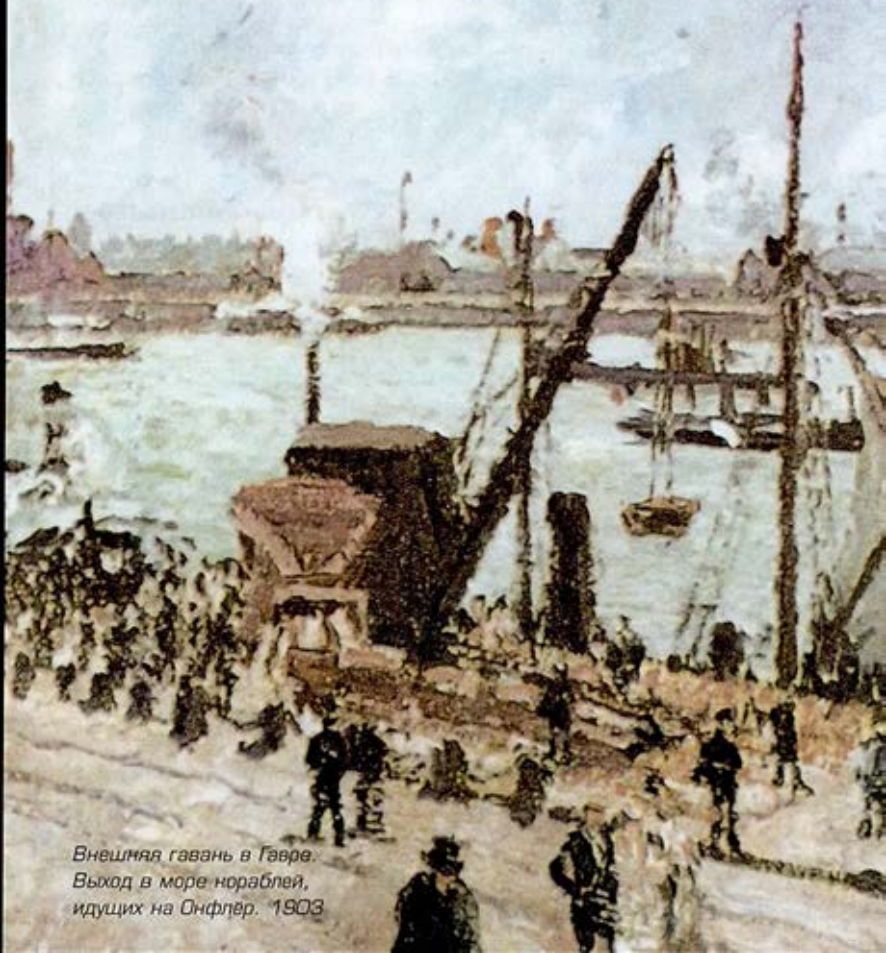
— К счастью, нет, наши семейные буйства помогают избежать любого застоя. Я бы даже сказал, что чаще мы миримся и ссоримся, чем уезжаем-приезжаем. И это здорово: важно не дать друг другу заскучать! ■

Беседу вела

Татьяна АЛЕКСЕЕВА.

ПИС

*Внешняя гавань в Гавре.
Выход в море кораблей,
идуших на Онфлер. 1903*

сарро

Лилия БАЙРАМОВА

Из всей плеяды знаменитых художников-импрессионистов Писсарро, пожалуй, наименее известен широкой публике. И это объяснимо. Его не привлекал, как многих импрессионистов, мир современного человека во всем его движении и многообразии, он не писал больших жанровых картин, наполненных толпами людей, красивыми женщинами — всегда веселыми и кокетливыми, в блестящих нарядах. Писсарро предпочитал шумному и говорливому городу тихие сельские пейзажи и скромные ви-

ды провинциальной Франции. Внешним эффектам и откровенной декоративности предпочитал интимность собственного переживания, потаенный разговор с природой. Разумеется, для беглого и невнимательного зрителя его картины могут показаться слишком скромными и незатейливыми, но тому, кто умеет чувствовать, кто еще не разучился вглядываться в природу и вслушиваться в нее, — небольшие полотна Писсарро откроют немало драгоценного и подлинного...

К сожалению, о жизни этого великого художника известно не так уж много. Он разделил судьбу тех живописцев, которых при жизни общество не замечало, не любило или же травило и мучило. Разумеется, при таком отношении никому и в голову не приходило интересоваться жизнью художника, собирать сведения о нем. Так произошло и с Писсарро, хотя кое-что и сохранилось.

Камиль Писсарро, в отличие от большинства импрессионистов, не был коренным французом. Место его рождения достаточно экзотично — маленький скалистый островок Сент-Тома неподалеку от Пуэрто-Рико. Родился он 10 июля 1830 года в еврейской семье, глава которой занимался мелкой торговлей скобяными товарами. Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, родители, следуя традиции, отправили сына во Францию обучаться премудростям науки, и там он, очевидно, пристрастился к рисованию. Во всяком случае, сохранились сведения, что директор колледжа покровительствовал его увлечению искусством.

Однако, вернувшись домой, Писсарро вынужден был торговать вместе с отцом в скобяной лавке. Впрочем, искусства он никогда не оставлял и каждую минуту использовал для рисования. В частности, когда отец посылал его в порт следить за разгрузкой товаров, юноша брал с собою альбом и вместо сухих цифр и отчетов заносил туда наброски и зарисовки матросов. Такая неопределенная жизнь тянулась в течение пяти лет и продолжалась бы не-

Портрет Феликса.

Сенокос в Зранны, 1901.

известно сколько, если б не счастливый случай, помогший ему определиться.

Однажды в порту рисующего Писсарро заметил молодой датчанин, художник, приехавший из Копенгагена, чтобы запечатлеть в пейзажах красоты и достопримечательности Южной Америки. Вероятно, что-то в рисунках Писсарро ему понравилось, потому что он посоветовал юноше заниматься искусством. И вот — дотоле медлительный и послушный Писсарро неожиданно бросает все и уезжает вместе с художником в Венесуэлу, в Каракас. Домой он возвратился спустя два года с твердым намерением посвятить всю жизнь искусству. Отец не перечил, просто поставил условие, чтобы тот продолжил свое образование в Париже и непременно в мастерской какой-нибудь знаменитости. Двадцатилетний Писсарро уехал в Париж и больше домой уже не вернулся.

Проделав утомительное путешествие на корабле, приехав из дикого южного захолустья, Писсарро как раз подоспел к открытию знаменитейшей Всемирной выставки в Париже. Грандиозное событие! Все лучшее, созданное современным искусством, представили здесь на обозрение французского зрителя. Картин было несметное количество, около пяти тысяч, они висели в несколько рядов, плотно прижатые друг к другу, и в этой пестрой мешанине оказалось практически невозможно выбрать что-нибудь стоящее. Но абсолютно точный, безупречный вкус Писсарро из этого хаоса выудил не что-то банальное и общепризнанное, а скромные картинки почти никому не известного тогда Коро. Эта верность глаза и природное чутье определили всю дальнейшую судьбу Писсарро. Он обратился к добрейшему папаше Коро, чтобы тот поучил его живописи.

Коро радушно принял молодого человека, как принимал, впрочем, всех, но в ученики не взял, потому что не брал никого, зато дал ценный совет: “Первые две вещи, которые следует изучать, — это форма и валёры”. Пришлось Писсарро идти учиться к другим мастерам.

Как и все начинающие, он попал в парижскую Школу изящных искусств. Скучная и нудная, она отличалась тем же казенным душком, царившим тогда во всех официальных школах мира. Честному и искреннему Писсарро казенщина быстро наскучила, и он переместился работать в “академию” Сюиса, оказавшуюся вовсе и не академией, а приятным заведением, где бывший натурщик Сюис давал возможность художникам писать с натуры. Здесь не было ни экзаменов, ни занятий, а была просто свобода делать все, что тебе заблагорассудится. Когда-то сюда ходил молодой Курбе, потом Мане, теперь стал захаживать Писсарро, тут он свел знакомство с Клодом Моне, тоже приехавшим недавно из провинции, из Гавра.

Имелись в Париже и места неформальных встреч, всяческие пивные, забегаловки и кафе. Там собиралась по вечерам парижская богема и не только расслаблялась да сидела в тепле, но и го-

ворила о наболевшем, насущном. Именно в этих дешевых кафе вчерашние отщепенцы и изгои находили себе товарищей по несчастью; здесь отсиживалась оппозиция и зрела та революция в искусстве, которая спустя полвека смела все его вековые традиции и устои. Разумеется, Писсарро не отставал от остальных и был в числе главных завсегдатаев. Кое-кто даже запомнил его запальчивое утверждение, сделанное в духе молодого Маяковского, о том, что Лувр следовало бы сжечь и что старые музеи только вредят строительству нового мира. Все эти слова вполне соответствовали духу кабацкого братства.

Впрочем, самому Писсарро на первых порах везло. Первую же картину, посланную в 1859 году в Салон, приняло жюри, и на фоне обычных отказов это казалось победой. Правда, картину повесили слишком высоко, и ее никто не заметил за исключением критика-приятеля, упомянувшего о ней в статье. Но главное, конечно, сам факт участия. Блудный сын Писсарро не преминул сообщить о своем успехе родителям, кстати, в том же году переселившимся из Сент-Тома в Париж. Их приезд принес ему одновременно и радость, и огорчение. В их доме он познакомился с горничной матери Жюли Веллей, и вскоре она стала его женой, хотя родители категорически протестовали против женитьбы сына на простой крестьянской девушке. Отец в сердцах даже лишил его скромного ежемесячного пособия, которое выплачивал до тех пор. Вполне типичная для импрессионистов история: родители редко понимали своих детей, не разделяли их увлечения странным искусством и уж, тем более, отказывались принимать в свой дом лишних нахлебников.

Женитьба, а затем и рождение сына Люсьена потребовали от художника новых расходов, и в 1863 году семейство Писсарро переехало жить в окрестности Парижа, где все было значительно дешевле. С тех пор на его полотнах появились новые названия: "Почтовая карета в Лувесьенне", "Бульвар де Фосс в Понтуазе", "Въезд в деревню Вуазен" — названия тех живописных деревень и тихих городков, где доводилось ему писать и где жила теперь семья.

Между тем первый короткий успех сменился долгими и трудными буднями неудач. Тогдашнее художественное руководство Салона, единственного места, где могли выставляться художники, не терпело независимых, самостоятельных и оригинально мыслящих людей и посему изгоняло все свежее, даровитое и молодое. Собственно, вся история французского искусства XIX века — это история борьбы против Салона и за Салон. Все лучшее, что было во французской живописи и что составляло ее славу и гордость, либо подчинялось и приспособлялось под вкусы Салона, либо бунтовало и отстаивало свою систему ценностей.

Художник, не принятый в Салон, оставался как бы за кругом профессионалов: его работы не покупались и не котировались. Бывали даже случаи, когда покупатели возвращали уже куплен-

ные работы только потому, что они не прошли в Салон. Поэтому художникам приходилось жестко бороться за свое существование.

В 1863 году противоборство Салона и художников достигло своего апогея. Жестокое и суровое как никогда жюри отвергало даже прежних баловней и любимцев. Всего же не приняли около 4000 работ. Недовольство чудовищной несправедливостью оказалось так велико, что достигло ушей императора Наполеона III, который самолично отправился во Дворец промышленности смотреть отвергнутые произведения. Результатом посещения стало следующее сенсационное решение, опубликованное в официальной прессе. В нем говорилось:

“Его величество, желая предоставить широкой публике самой судить о законности жалоб, решил, что отвергнутые произведения искусства будут выставлены в другой части Дворца промышленности. Выставка — добровольная, и художникам, не пожелавшим принять в ней участие, достаточно лишь сообщить администрации, и она немедленно вернет им работы”.

Решение императора раскололо отвергнутых художников на два лагеря. К первому принадлежали робкие конформисты, они не желали выставлять свое унижение напоказ, не чувствовали уверенности в своих силах и, кроме того, не собирались ссориться с всесильным жюри, поэтому тихо забрали не принятые работы. Второй лагерь составляли бойцы, давно уже копившие раздражение против Салона и теперь радовавшиеся случаю помериться с ним силами. Среди них — англичанин Уистлер, французы Эдуард Мане, Курбе, Писсарро, а также молодой Сезанн. Штаб-квартирой отверженных стихийно стало кафе Бад, а возглавил движение Эдуард Мане. Впрочем, вряд ли Мане можно назвать революционером и ниспровергателем в духе Курбе. Трезвый и умный, он просто рассчитывал, что показанные на выставке отверженные работы докажут всю смехотворность требований жюри.

В какой-то степени расчеты Мане оправдались: публика валила в "Салон отверженных" как на корриду. По воскресеньям число посетителей достигало четырех тысяч. Всем было любопытно посмотреть на скандальную выставку. Но впечатления от работ оказались не в пользу отверженных.

"Входя на выставку отвергнутых произведений, — писал о ней современный критик, — каждый посетитель, хочет он этого или нет, немедленно вынужден отказаться от всякой надежды обрести спокойствие, необходимое для того, чтобы справедливо сравнивать произведения искусства. Едва успев переступить порог, самые серьезные посетители раздражаются взрывами смеха. Это как раз то, чего желают члены жюри, но это в высшей степени несправедливо ко многим достойным художникам..."

Вдогонку публике и официальные критики соревновались в насмешках. Особенно досталось Эдуарду Мане и его знаменитому "Завтраку на траве", шокировавшему всех смелым сочетанием обнаженной женской натуры с одетыми в современные костюмы мужчинами. Что же касается Писсарро, то его даже похвалили, рекомендовав, впрочем, не слишком увлекаться Коро.

Для Писсарро эти годы стали важным периодом созревания и формирования собственного стиля. Постоянная жизнь в окрестностях Парижа, ежедневные наблюдения над солнцем, небом и облаками, над изменениями в природе делали из него прекрасного и тонкого пейзажиста. В 1865 году он вместе с семьей поселился в местечке Понтуаз на берегу живописной речки Уазы, по которой известный барбизонец Добиньи совершал ежегодные плавания на смешном кораблике, раскрашенном широкими разноцветными полосами. На этом кораблике, за мольбертом, его как-то и запечатлел Коро.

И тем не менее жизнь продолжалась. Художники работали, писали картины, росли их семьи, а по вечерам они собирались в уютном парижском кафе Гербуа на Роанрю-де-Батиньоль. Здесь проходили неизменные четверговые собрания, и по вечерам собиралась компания молодых живописцев и критики, сочувствующие молодому искусству. Верховодил всем Эдуард Мане.

В этой шумной и талантливой компании самым старшим ее членом был Писсарро. По отзывам современников, он обладал редкой и выразительной внешностью: черная борода, внимательные бархатные глаза и крючковатый длинный нос. И все отмечали его редкую душевность и доброту, годы лишений и страданий не сделали Писсарро ни завистливым, ни злым. В нем не было ни тщеславия и честолюбия Мане, ни резкости и жесткости Дега. А ровное благожелательное отношение ко всем заслужило дружбу и уважение даже такого недоверчивого человека как Сезанн.

В 1870 году сложная, трудная, но достаточно налаженная и мирная жизнь художников внезапно прервалась начавшейся войной с Пруссией. 2 сентября Наполеон III капитулировал, а два

Нупальщица. 1895.

дня спустя в Париже была объявлена Третья республика. Художники отнеслись к этому событию по-разному: Эдуард Мане стал убежденным республиканцем и начал вместе с Дега посещать все политические митинги в Париже. Он записался добровольцем в

Натюрморт с цветами в вазе. 1878.

артиллерию Национальной гвардии, служил штабным офицером под началом Мейсонье. Дега, хотя и не был республиканцем, но тоже записался в инфантерию, но потом его перевели в артиллерию из-за болезни правого глаза. Ренуара зачислили в кирасиры, а Сезанна выкупил отец, и он уклонился от армии.

Что же касается Писсарро, то он, когда немцы приблизились к Парижу, бежал из Лувесьенна, бросив все свои работы, написанные им, начиная с 1855 года. Сначала он остановился у своего друга на ферме в Бретани, а затем эмигрировал в Лондон, где жила его двоюродная сестра и куда перебралась мать. Спустя некоторое время к нему присоединился и Клод Моне, которому с трудом удалось отплыть из Франции на переполненном людьми корабле. Писсарро впоследствии вспоминал: “Моне и я были в восторге от лондонских пейзажей. Моне работал в парках, а я, живя в Нижнем Норвуде, очаровательном в то время предместье, изучал эффекты тумана, снега и весны. Мы писали с натуры... Посещали и музеи. Акварели и картины Тёрнера и Констебля, полотна старика Крома, конечно, имели влияние на нас. Мы восхищались Гейнсборо, Лоуренсом, Рейнольдсом и др., но в основном были поражены пейзажистами, которые импонировали нашим взглядам на пленэр, на передачу света и мимолетных впечатлений”.

Из Парижа между тем приходили неутешительные вести. Приятель Писсарро Дюре писал уже после подавления Коммуны: “Ужас и отчаяние продолжают царить в Париже. Ничего подобного еще не бывало... У меня есть только одно желание — уехать, бежать на несколько месяцев из Парижа... Париж пуст и опустеет еще больше... Что же касается живописцев и художников, то можно подумать, что их вообще никогда не было в Париже”.

Еще хуже шли известия из Лувесьенна, где Писсарро оставил свое имущество. Хозяйка дома, в котором он жил, сообщала: “...пруссаки натворили много бед... Кое-какие картины удалось сохранить, но большинство их эти господа, боясь испачкать ноги, разложили в саду и использовали в качестве ковра”.

Когда Писсарро вернулся домой, он не досчитался... полутора тысяч картин, всего, что написал за свою жизнь. В сорок лет приходилось начинать все заново. Тем не менее в его новых работах не зазвучали ни отчаяние, ни уныние. Они были так же прекрасны, безмятежны и так же переполнены счастьем существования, свойственным Писсарро до этой потери.

В 1871 году Писсарро поселился в Понтуазе, где собрал вокруг себя группу молодежи. Дела его как будто налаживались: в Лондоне он познакомился с молодым маршаном Дюран-Рюэлем, который активно пытался проталкивать работы молодых художников на рынок. На первых порах у него это получалось, потом все уперлось в абсолютное неприятие зрителей. Требовались какие-то новые формы продажи, и тогда среди художников вновь возникла старая идея, уже однажды витавшая в воздухе, — самим организовывать выставки на собственные средства и бороться за зрителя. Не нужно никаких Салонов, жюри, посредников или маршанов, нужно самим убеждать зрителя своим искусством. И 15 апреля 1874 году открылась первая выставка импрессионистов.

Народ на нее повалил сразу, пресса писала взхлеб, но на тонкую, вдохновенную и артистичную живопись их смотрели, сме-

ясь и ужасаясь, а самих художников принимали за неких забавных клоунов, которые пугают публику дикими запрещенными трюками и приемами. Никто не хотел посмотреть на искусство всерьез, и какой-то насмешник даже пустил анекдот о том, что будто бы импрессионисты пишут свои картины, выстреливая красками на холст из пистолета. Критика поносила работы, называя их искусство “страшной мазней” и говоря, что “Писсарро, мадемуазель Моризо и прочие, видимо, объявили войну красоте”.

Выставка, конечно же, не имела ни малейшего коммерческого успеха. Вождеденного диалога со зрителем не получилось, и разочарованные, обиженные художники разбегались по своим углам, кто куда. Друг Писсарро Дюре писал ему слова утешения в Понтуаэ:

“Боюсь, что вам придется ждать много лет, прежде чем попасть туда, где легко брать за работы по 1500 и 2000 франков. Коро дождался до семидесяти пяти лет, прежде чем его картины начали цениться по 1000 франков. Публика не любит, не понимает хорошей живописи — медаль выдана Жерому, Коро не получил ничего. Людей, которые понимают суть дела и презрительно относятся к насмешкам и осуждению, очень немного, и очень немногие из них — миллионеры. Но это не значит, что вы должны падать духом. В конце концов можно достичь всего, даже славы и денег, а пока компенсируйте себя за пренебрежение глупцов признанием знатоков и друзей”.

Однако вряд ли умные сентенции и рассуждения стороннего человека можно считать достаточно утешительными для Писсарро, у которого с 1863 по 1884 годы родилось семь детей. Всю эту ораву нужно было кормить, содержать, воспитывать и в то же время писать картины и, хотя бы отчасти, продавать их. Увы, Писсарро не смог соединять в одном лице великого живописца и предприимчивого торговца. Потому его письма маршанам тех лет пестрят бесконечными жалобами и просьбами — помочь, одолжить, продать и сделать хоть что-нибудь.

Вот что писал, например, Писсарро своему приятелю, кондитеру Мюллеру, от души сочувствующему импрессионистам: “Дом у нас нужда, даже нищета, нашему хозяйству каждую минуту грозит катастрофа. Дольше трудно выдерживать. Все мои усилия ни к чему не приводят. Я рассчитывал на более или менее крупную продажу одной американке, но дело кончилось пустяками, она купила одно маленькое полотно за 50 франков. Эти деньги тут же испарились как капля воды на огне. Когда же я выпутаюсь из этого положения и смогу спокойно работать? Я пишу сейчас свои этюды без радости. Все думаю, что мне придется бросить искусство и начать делать что-то другое, если только сумею научиться чему-нибудь новому. Печально все...”

Таких писем — масса, и во всех звучала одна и та же настойчивая просьба, мольба — продать или купить очередную картину по дешевке. Так проходили годы, десятилетия и жизнь — в ежеднев-

ной работе, беготне, в ежедневной изнурительной, истощающей борьбе за существование.

Вот одна любопытная зарисовка из жизни импрессионистов, сделанная их приятелем Мюрером. “В то время, — вспоминает Мюрер, — у меня была на бульваре Вольтер лавка, которую расписали импрессионисты. Ренуар украсил фриз пышными цветочными гирляндами. Писсарро несколькими ударами кисти набросал на панно бретонские пейзажи. Моне, как всегда в поисках денег, удовольствовался тем, что заглянул посмотреть, как идет работа. В течение двух лет мои товарищи и я собирались каждую среду на дружеский обед, на котором председательствовала моя сестра. Во время десерта Ренуар рассказал мне, что целый день бегал с картиной под мышкой, пытаясь пристроить свою работу. Но всюду ему отказывали со словами: “Вы пришли слишком поздно. Только что тут был Писсарро, я взял его картину из чело- веколюбия: у него такая большая семья. Бедный малый...”

И все же не следует представлять Писсарро как вечного пла- кальщика и нытика, а его жизнь наполненной одними страдани- ями и печалью. К счастью, у него было искусство, обожаемое им, товарищи, разделявшие его веру и убеждения, любимая семья и дети. Все, кто писали о нем, вспоминают художника как исклю- чительно доброжелательного, гармоничного и открытого челове- ка, общение с ним доставляло окружающим радость. Жорж Ле- конт вспоминал: “В нем все благородно — мысли, чувства, харак- тер. Никогда он не произносил горьких слов или слов зависти и мелочной злобы. Несправедливое отношение, жертвой которого он долгое время был, только усиливало в нем стремление к спра- ведливости. Бедняк, с трудом содержавший семью, он находил возможность делать добро — для него это было совершенно есте- ственно — и помогать другим не только подбадривающим словом, но и делом. Несмотря на трудности, с которыми в течение сорока лет он боролся с помощью самой лучшей и мужественной из жен, этот философ-патриарх, мудрый, улыбающийся, был счастлив потому, что мог спокойно заниматься живописью — своей меч- той, и потому, что спокойно жил, созерцая и изучая природу, ис- точник великих радостей”.

К концу жизни Писсарро, как и его товарищам-импрессиони- стам, стало чуть больше везти: долголетняя борьба за зрителя, многочисленные выставки, пропаганда их искусства маршанами стали, наконец, приносить свои плоды. Зрители перестали видеть в их живописи одно лишь кривляние и шарлатанство, научились отличать одного художника от другого и понимать, что не только правильный, безупречный рисунок и грамотно вылепленная фор- ма есть признак искусства. Писсарро “начал зарабатывать немно- го больше, чем только на жизнь”, гораздо позже, чем Дега, Клод Моне и Ренуар. Камиллю Писсарро тогда исполнилось шестьдесят два года. Успех пришел к нему после большой выставки его произ- ведений у Дюран-Рюэля...

Начиная с этого времени, он мог варьировать свои мотивы, оторваться от горизонтов Эраньи, совершать более длительные и более частые поездки в Лондон, поработать два сезона в Руане, в Дьеппе, жить в отелях Парижа и даже снимать в Париже квартиру.

...В последние десять лет жизни один глаз художника стал очень чувствительным, и, чтобы предохранить его от холода и пыли, Писсарро, выходя на улицу, закрывал его черной узкой шелковой повязкой, которая контрастировала с его матовым лицом и снежной белизной бороды. Восемь лет он появлялся с такой повязкой на улицах Парижа, прогуливаясь с сыновьями и друзьями.

Но несмотря на больной глаз, "в какой бы час ни проходить мимо дома или отеля, где жил Камиль Писсарро, можно видеть его с палитрой и кистью в руках, в фуфайке и большом берете, изучающим жизнь и освещение парижского пейзажа сквозь очки со специальными стеклами, позволяющими смотреть и вдаль и на полотно". Таким он и изобразил себя на знаменитых автопортретах.

У Писсарро было пятеро сыновей, и все они тоже стали художниками. Старший сын Люсьен "увлекся изданием художественных книг", у Мансары Писсарро проявились способности декоратора, художника по мебели и по стеклу, Людовик-Родо стал "тонким и сильным художником мюзикхолла" и всю жизнь посвятил изучению творчества отца, и, наконец, самый талантливый из сыновей Феликс-Эмиль умер довольно рано.

Как и все его товарищи-импрессионисты, Писсарро писал картины до последних дней. Он был в полном расцвете сил и не думал прекращать работу, несмотря на почти семидесятичетырехлет-

ний возраст, когда его застигла смерть. Он только что устроился на бульваре Морланд, в доме № 1, выбрав квартиру, которая выходила окнами на Сену и канал. Он мог бы сделать новую серию видов, но простудился, получил осложнение и, проболев месяц, умер 13 ноября 1903 года. ■

БУАЛО-НАРСЕЖАК

КОЛ ДУЕШЬКА

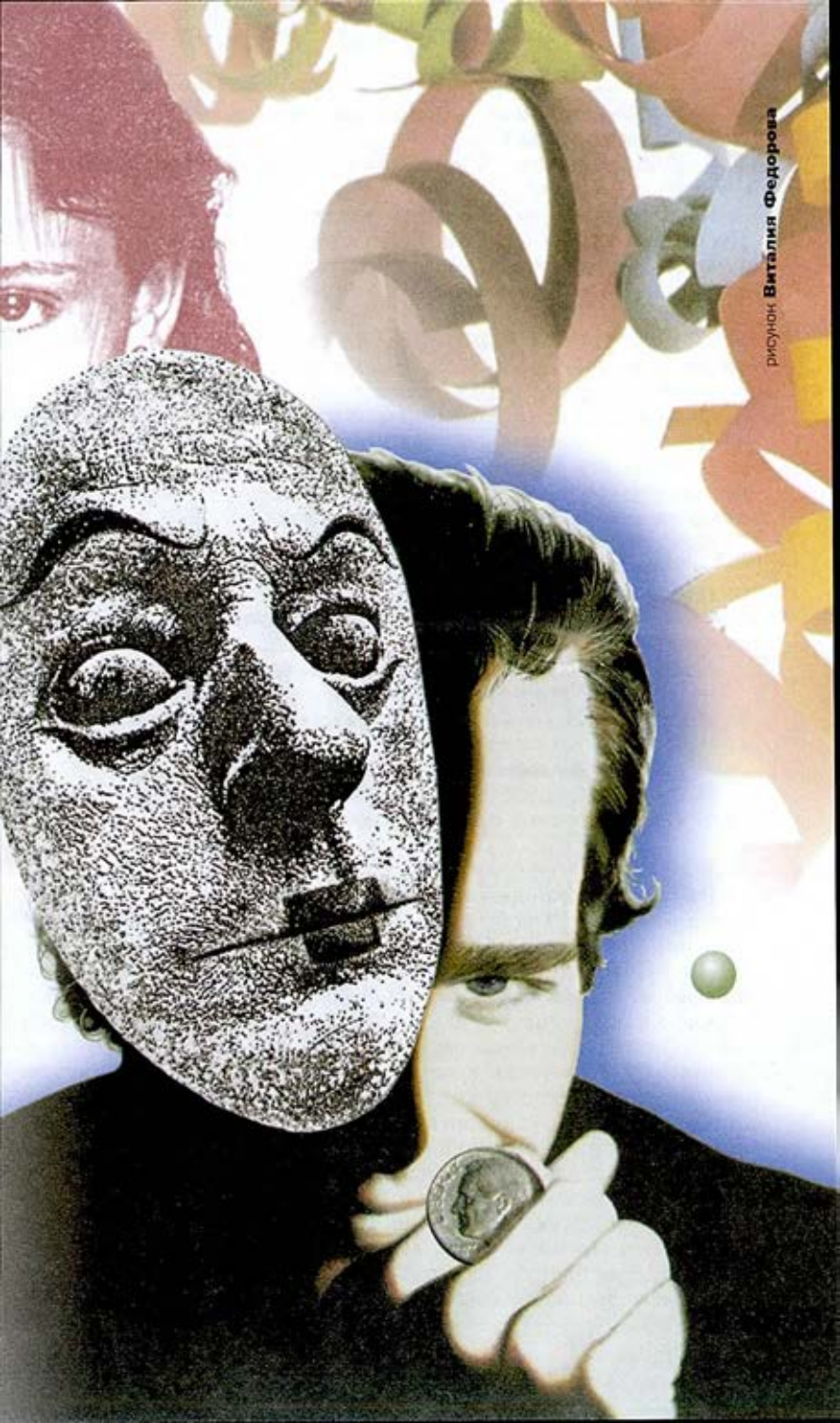

рисунок **Виталия Федорова**

— Их было двое, — сообщил Людвиг.

— Вы уверены?

— Совершенно. Я их обоих хорошо знал, работал с ними в Гамбурге.

Комиссар внимательно разглядывал Людвига. За спиной комиссара возвышался инспектор, здоровенный детина в плаще с разбойным шрамом через всю левую щеку. Людвиг не мог оторвать глаз от его шрама.

— Почему вы пораньше не сообщили? — спросил инспектор. — Дело уже месяц как закрыто.

— Я вернулся во Францию всего пять дней назад. Я жонглер, гастролировал. Тут узнаю о смерти малышки... Аннегре... Я был потрясен...

— Вам же ясно сказали, что дело больше месяца как закрыто, — проворчал комиссар. — Вы хотите сообщить нам новые факты? Вы уверены, что ее убили?

Людвиг опустил глаза.

— Я ни в чем не уверен. Мне только хотелось узнать, которая из двоих осталась жива. И где она. Почему-то о второй совсем не упоминают, словно ее никогда не существовало.

Комиссар нажал на кнопку звонка.

— Значит, вы официально заявляете, что девушек было двое? Я-то вам верю, но теперь придется затеять новое расследование...

— Странная история, — буркнул инспектор.

И впрямь, очень странная история. Начиналась она, как история одного юноши. Но потом...

1

Это был настоящий кошмар. Но не ночной, не страшный сон, а утренний. Так бывает, когда просыпаешься после попойки и никак не можешь понять, где ты и даже кто ты...

Пьер Дутр приоткрыл глаза: какая-то девица, прикорнувшая на кресле, двое мужчин, о чем-то перешептывающихся и беззвучно хихикающих, туманное утро за окном... Дутр прикрыл веки и попытался вновь заснуть, но безуспешно — все его тело ломило. Он попытался прозреть сквозь туман простершийся за окном город и... своего умирающего отца. Профессор Альберто! Острая вспышка душевной боли вдруг словно озарила его сознание. Это и впрямь был кошмар, от которого ему теперь не избавиться. А привязался он к нему давным-давно, еще в Версале, в иезуитском колледже. Перед ним видением возник его отец, беседующий с человеком в сутане. Потом другой священник берет маленького Пьера за руку, ведет в спальню и показывает его кровать, помеченную номером четыре. Этот номер Пьеру пришлось носить целых двенадцать лет, которые так хотелось бы

стереть из памяти. Хотя, собственно, почему? Святые отцы его по-своему любили. Понимали, что малыш Дутр особенный ребенок... Пьер был послушен, как робот, однако не проявлял никакого интереса к наукам, чем вызывал упрёки наставников:

— Дутр, ну почему вы ленитесь? Ваши родители так бы порадовались хорошим отметкам...

Эту тему, однако, не развивали, поскольку родители Пьера тоже были людьми особенными.

Пьер вспомнил то утро, когда он получил открытку от отца. Почтальон отдал ее однокласснику, а тот сунул в нее нос. На перемене Пьера окружила целая толпа. Тот оробел.

— Он твой папаша? — с гнусной улыбкой спросил самый рослый из одноклассников, показав Пьеру подпись на обратном адресе: “профессор Альберто”.

— Да.

— Чудной он у тебя.

Затем безо всякого стеснения парень прочитал письмо вслух: “Копенгаген

Мой дорогой Пьер,

Мы гастролируем с большим успехом. Сейчас выезжаем в Берлин, потом посетим Вену, где намереваемся провести пару месяцев. Таким образом, мы с мамой, к сожалению, не сможем тебя посетить на Пасху, как обещали. Ты же понимаешь, что наша профессия не позволяет нам располагать собой. Будь умницей. Мама здорова. Нежно тебя целуем.

А.Дутр”

— А твоя мама, гимнастка, что ли? — спросил другой мучитель. — Они в цирке живут, вместе с макаками и верблюдами.

Тут вся банда разразилась хохотом. Пьер глотал слезы.

К счастью, перемена закончилась. Пьер прохворал три дня, а когда вновь приступил к занятиям, никто больше не помнил о его родстве. Однако Пьер чувствовал, что о нем не забыли. Неожиданно он получил кличку “Фантомас”. У кого-то пропала тетрадь. “Фантомас украл!”

Он делал вид, что ему все хоть бы хны, но целый семестр рвал не читая открытки из городов со странными названиями: Норчепинг, Лугано... Но при этом, во время молитвы он постоянно думал о своих родителях, во всех словарях искал слово “иллюзионизм”. Они объясняли его, как искусство создавать иллюзию посредством ловкости рук или же использования специальной аппаратуры. Пьер внимательно разглядывал свои руки. Как создать эту иллюзию, да и что, собственно, такое иллюзия? Впрочем, скоро он получил ответ на свои вопросы. В колледж приехал иллюзионист и дал представление в гимнастическом зале. Разглядывая массивные чемоданы с разноцветными наклейками, Пьер думал: “Неужели и у моего

папы такой жалкий вид?” Но стоило начаться представлению, как оно его захватило целиком.

Мальчик был потрясен. Фокусник творил настоящие чудеса: карты исчезали у него в руках, монетка таинственным образом перелетала из кармана в карман. Пьер испытывал одновременно ужас и восторг. Он даже забывал аплодировать. Фокусник попросил подойти к нему добровольца из зрителей.

“Давай, Фантомас! — дружно загалдели сорванцы. — Фанто-мас! Фан-то-мас!”

Пьер был в ужасе. Теперь он мог разглядеть вблизи жалкий наряд иллюзиониста, его пропитое лицо. Сперва он даже не понял слов, обращенных к нему фокусником, но потом постепенно успокоился. Фокусник положил ему руку на голову. Воцарилась мертвая тишина.

“Вас зовут Пьер. Вы носите часы “Омега”. Даже могу назвать их номер. Погодите... цифры такие мелкие... Сто десять... сто десять тысяч... двести... четырнадцать. Проверьте.”

Дрожащими руками Пьер отстегнул ремешок. Точно! Разразилась овалация.

Этот странный отец навещал Пьера два-три раза в год, всегда с подарками. В промежутках Пьер грустил и томился. Он постоянно разглядывал открытки с редкими марками, перечитывая отдельные фразы: “Выступал с огромным успехом... Подписал блестящий контракт...”

Пьер никак не мог забыть выступление фокусника, но, стоило ему встретиться с отцом, у него словно отнимался язык. Он боялся отца. Ах, эти редкие встречи! Мальчик ни на минуту не забывал, что его отец, тощий, элегантный и грустный человек, никто иной, как профессор Альберто. Он ведь тоже фокусник, и, наверно, умеет читать мысли.

— Почему ты покраснел, малыш?

— Я вовсе не покраснел.

Пьер, весь багровый, разглядывал тонкие, изящные руки отца с блестящими ногтями. По сравнению с отцом он казался себе неуклюжим и неловким. Мальчик не мог дождаться, когда, наконец, закончится этот визит. Он думал: “Любит ли меня отец? А мать?” Когда отец уже собирался уходить, он решил задать вопрос:

— Мама меня навестит?

— Она сейчас немножко устала. В следующий раз непременно...

Мама так ни разу и не приехала. Каждый день он разглядывал фотографию, запечатлевшую ее на арене. На ней было платье, сверкавшее ярче, чем украшенная камнями икона Девы Марии в церкви. Она была очень красивая. Пьер не понимал, почему отец всегда смущается, когда он его спрашивает о маме. Тут он как раз и открывал свой чемодан с замечательными подарками: если часы, то “Омега”, если авторучка, то “Ватер-

ман", если бумажник, то с тысячефранковым билетом. На прощание Пьер робко протягивал отцу руку, но потом на миг прижимался лицом к его груди, едва сдерживая рыдания.

— Что с тобой, малыш? У тебя неприятности?

— Нет, папа.

— Я ведь тебе говорил, что мы с мамой собираемся поселиться в Париже?

— Да, папа.

— Через месяц я тебя снова навещу. Учись хорошо, порадуй нас.

Бьют часы. Свидание закончено. Пьер на всю жизнь запомнил прощальный жест отца, касавшегося пальцем шляпы. Конец... Пьера ждут тоскливые недели, месяцы, пока продолжают бесконечные гастроли четы Альберто. Мальчик так ни разу не отважился спросить, что за номер они показывают, много ли зарабатывают. Ему подчас хотелось вызнать секрет какого-нибудь трюка, чтобы поразить одноклассников. Он даже купил у одного экстерна руководство для иллюзионистов, но запутался в схемах и невнятных объяснениях. Постепенно Пьер переставал считать дни, оставшиеся до обещанного визита отца, и входил в ритм жизни колледжа, который задавал колокол. Когда же ему сообщали, что приехал отец, у него вдруг сжималось сердце. В первый миг отец и сын смотрели друг на друга даже с некоторым неудовольствием. Болтали о пустяках. Да, кормят хорошо. Да, учебой не слишком загружают. Пьер давно понял, что с отцом не следует говорить о будущем. А ведь близился выпуск, и одноклассники теперь частенько рассуждали, покуривая американские сигареты, о том, чем собираются заняться после колледжа. На все расспросы Пьер отвечал кратко: "Буду балду бить". Мол, ему, сыну богатых родителей, беспокоиться не о чем. На самом же деле он испытывал минуты полной растерянности перед будущим.

Как-то раз он сидел за учебником. Вдруг соседи справа о чем-то перемолвились. Дутр расслышал только слово "Гамбург". Разговор, как вскоре выяснилось, имел прямое отношение к Пьеру.

— Ваш отец заболел, — сообщил ему директор. — Вы немедленно вылетаете в Гамбург. Я подготовил все необходимое.

На столе перед ним лежали паспорт, билет и деньги.

Дальше было все, как в тумане. Самолет взлетел в воздух. Вот так же малыш Дутр внезапно вырвался в жизнь. Он уже знал, что никогда не вернется в колледж. Но что будет дальше? Чем он и вправду займется? Под крылом самолета уже сиял огнями огромный город. Пьер вдруг испугался, что его никто не встретит. Адрес на телеграмме был чересчур краток: Курзал, Гамбург. Ни улицы, ни дома. Курзал! Видимо, это мюзик-холл, где давал представления профессор Альберто. Самолет пошел на посадку. Пьер зажмурился, словно увидел нечто

ужасное. Пристязной ремень крепко сдавил его живот, и он чувствовал себя больным на операционном столе. Ему даже хотелось, чтобы самолет загорелся, разлетелся вдребезги. Кто заметит исчезновение какого-то Пьера? Подумаешь, сын иллюзиониста. Пропал — и все, как та монетка в руках тщедушного фокусника. Но вот уже посадка. Огни города замерли. Пассажиры, весело переговариваясь, потянулись к выходу. Дверь распахнулась в ночь.

Вскинув воротник пальто, Дутр ступил на лестницу, пристально вглядываясь в лица встречающих. Каждого из пассажиров тотчас окружала небольшая, но оживленная толпа. На долю Пьера не осталось ни единого. Он замер, как вкопанный, у подножья трапа, не зная, куда ему теперь идти. Тут кто-то тронул его за руку.

— Пьер Дутр?

Пьер мгновенно обернулся и увидел человечка пониже его ростом в жокейских штанах и кожаной куртке. Он был совершенно лысый и невероятно тощий.

— Пьер Дутр?

— Да.

— Пойдемте!

И человечек стремительно ринулся к зданию аэровокзала. Пьер едва за ним поспевал.

— Вас мама послала?

Молчание.

— А мой папа...

Нет, Пьер понял, что ответов ему не дожидаться. На стоянке провожатый подвел Дутра к старенькому автофургончику, на одном из бортов которого был изображен укротитель в леопардовой шкуре, на другом — рыжий клоун с выпученными глазами. Человечек распахнул дверь кабины и жестом приказал Пьеру садиться.

— В курзал, — распорядился он.

Дутр подумал, что его отвезут на какую-нибудь рабочую окраину, однако их путь лежал в самый центр, оживленный, сияющий неонами. Сейчас Пьер мечтал лишь добраться до кровати и попытаться забыть это сумбурное путешествие. Миновав прудик, фургон остановился на углу площади.

— Курзал, — сообщил человечек, — мюзик-холл.

Пьер, пораженный, разглядывал фасад здания, с контуром, обрисованным то вспыхивающими, то разом гаснущими лампочками.

— Выходите!

Дутр молча подчинился. Стена курзала была заклеена огромными афишами. *Профессор Альберто... Профессор Альберто... Профессор Альберто...* Он был изображен во фраке, с хрустальным шаром в руках. Однако приклеенная к афишам табличка сообщала, что все представления отменены. Профессор

никогда больше не выйдет на арену, но он еще улыбается своему сыну с афиш нарисованным ртом.

— Сюда! — скомандовал провожатый.

Они завернули в узкую улочку. Сразу стало темно. Вдоль тротуара стояли два огромных фургона. Рядом гремел оркестр, пахло конюшней.

— Пришли!

Пьер поднялся по лестнице и толкнул дверь фургона. Он оказался в темном тоннеле. Вдалеке, однако, мерцал ночник. Мальчик пошел на свет и вскоре различил неподвижный силуэт на кровати. Еще три шага. Перед ним лежал профессор Альберто, с закрытыми глазами, заострившимся носом, одетый во фрак с бутоньеркой. Его руки были сложены на груди. Пьер обернулся в поисках провожатого, но того и след простыл. Его глаза постепенно привыкали к темноте. Он разглядел кресло и робко присел. Пьер не чувствовал горя, скорее полную опустошенность. Привыкнув к темноте, он обнаружил вокруг множество таинственных предметов. Видимо, это и была "специальная аппаратура"... Пьер не мог себя заставить ни вновь взглянуть на мертвеца, ни заплакать. Вдруг над ним раздался плеск крыльев. Пьер вскочил от неожиданности. С потолка спустился голубь и, присев на инкрустированный перламутром сундук, скопил круглый глаз на незнакомца. Тут же еще один уселся на полку над головой покойника. Потом и он перелетел на сундук, и голубки затеяли изящный любовный танец. Он и вывел мальчика из оцепенения.

— Папа! — воскликнул Пьер, бросившись на колени перед кроватью.

Из его глаз брызнули слезы. Он так и не успел задать отцу свои вопросы, выразить ему свою любовь... Теперь уж поздно. Остается лишь рыдать и просить прощения.

Тут послышались тяжелые шаги, кто-то взобрался в фургон. Дутр поспешно встал на ноги.

— Кто там?

— Это ты, мой мальчик? — окликнул его хриплым голосом.

В свете ночника перед ним предстала грузная дама с размазанным лицом в халате и шлепанцах. Дутр отпрянул.

— Ты что, испугался? Не узнал... Иди же, обними меня.

И Пьер почувствовал на своей щеке прикосновение мокрых губ. Затем женщина оглядела его сверху донизу.

— Да, и впрямь его сын, не ошибешься, — пробормотала она. — Вытри глаза, в твоём возрасте уже не плачут.

Резким движением руки прогнав голубков, дама достала из сундука бутылку и два стакана.

— Ты, наверно, устал, малыш. Выпей-ка немного. Забудь о нём. Ведь и он сам уже там, где о живых не помнят.

Она поиграла стаканом и, передернув плечами, осушила его одним глотком.

Похороны навсегда врезались в память Пьера. Кладбище, окруженное огромными бетонными домами, напоминало стадион. Кресты и надгробья — совсем новенькие. Гроб сверкал почти весело. Пока пожилой священник что-то бормотал, то ли по латыни, то ли по-немецки, Дутр украдкой разглядывал свою мать. Она отвлекала его внимание от обряда. Одета она была в черное платье, столь узкое, что обрисовывались трусики. К тому же на нем разошелся шов, и из прорехи выглядывала розовая комбинация. Когда гроб опускали в могилу, она сдвинула брови, недовольная неумелой работой могильщиков. Поодаль теснилась группка людей, тут же перекрестившихся, когда священник окропил покойника святой водой. Из окон окрестных домов выглядывали любопытные. Пьер подчас вынужден был себе напоминать, что он в Гамбурге, что хоронят его отца. Он машинально бормотал слова молитвы, выученной, как ему казалось, в какой-то вовсе иной жизни. При этом не мог оторвать глаз от ярко размалеванного лица своей матери. Сколько ей лет?.. Пятьдесят? Больше?.. Крашенные волосы, обвисшие щеки... И в то же время сумрачный, пристальный взгляд, сохранивший юношескую живость. Это странное сочетание повергало Пьера в тревогу.

На крышку гроба посыпались комья земли. Священник вместе с певчими удалился. Друзья профессора Альберто один за другим выражали соболезнования вдове. На Пьера никто не обращал внимания. Некоторые были одеты в цирковые наряды. Кто они — акробаты? Клоуны? Был даже карлик, переваливающийся на кривых ножках. Женщин было меньше, чем мужчин. Пьер стеснялся их слишком пристально разглядывать, его смущали их могучие ляжки и ягодицы. Самая молодая о чем-то долго говорила с Одеттой, а потом протянула руку Пьеру. Он инстинктивно отпрянул, поскольку девушка показала ему существом высшей породы. Он не успел разглядеть ее внешность, только белые блестящие волосы, обрамлявшие лицо на манер нимба. Пьеру было мучительно неловко стоять в своем куцем костюмчике рядом с грузной незнакомой женщиной, все время твердящей “спасибо, спасибо” на трех-четырех языках.

“Спасибо, Людвиг, спасибо”.

Сейчас она благодарила того самого человечка, который встретил Пьера в аэропорту. За его спиной возвышался тощий до уродства великан.

— Это Владимир, — представил его Людвиг. — Он позаботится о ваших фургонах. — И шепнул: — Он немного не в себе.

Людвиг щелкнул пальцами, и гигант покорно засеменил за ним следом. Из всех присутствующих лишь тощий великан выглядел огорченным. Дутр закрыл глаза. “Я сплю”, — подумал он. Когда же раскрыл, чуть не сгорел от смущения. К нему

направлялась та самая белокурая девушка. Она, словно бы и не заметив испуга Пьера, ласково ему улыбнулась. Он вдруг вспомнил, что так же точно она улыбалась ему в первый раз. Пьер не задавался вопросом, почему она вновь решила к нему подойти. Он вперился в нее глазами, словно впитывал весь ее облик. Если бы ему хватило смелости, он бы крикнул: "Не уходите! Пойдите так... Я хочу вас запечатлеть в своей памяти всю, целиком!" Но девушка уже уходила, петляя между могилами, изящная, элегантная и белокурая, такая белокурая... Фея... Она явилась Пьеру два раза... Может быть, соизволит и в третий. Одетта подошла к могиле, немного постояла неподвижно, потом, достав из крокодиловой сумки платок, промокнула губы.

— Сволочная жизнь! — произнесла она, стиснув руку сына. Такси довезло их до курзала.

В фургоне царила темень. Усевшись на диване, Одетта скинула туфли, потеряв их одна об другую. Затем в чулках отправилась на поиски чистого стакана.

— Хочешь выпить? У меня все горло пересохло. — Она выпила немного белого вина и закурила сигарету. — Хочешь поест?

Пьер молчал.

— Осталось несколько картофелин. Почисть.

В поисках ножа Пьер открыл дверцы буфета.

— Да не там, в столе! — Одетта сняла платье. — Уф, так-то получше... Что с тобой, мой мальчик? — Она достала из ящика стола нож и бросила его на скатерть. — Да что с тобой?

Пьер не знал, куда деть глаза. Тут Одетта, наконец, догадавшись, потянулась к халату.

— Ах, ведь ты никогда не видел раздетых женщин. Ведь у вас в пансионе... — Она положила руку Пьеру на грудь. — Нука, погляди на меня. Весь покраснел, бедняжка... Угадала! Сколько же тебе лет?

— Двадцать. Ты должна бы знать.

— Уже двадцать... А совсем дурачок...

Пьера охватила ярость, но мать смотрела на него печально и ласково.

— Подумаешь! — только и пробормотал он.

Одетта погладила его по щеке.

— Какие губки! Это от меня. И это... — Она провела пальцем по его носу. — И веснушки... тоже мои...

Глаза у нее заблестели. Пьер хотел что-то сказать.

— Нет, молчи, — приказала Одетта.

Она отвела руку и тут заметила, что ее сигарета погасла. Попыталась зажечь ее электрической зажигалкой. Зажигалка не работала.

— Ничего не пашет, — вздохнула Одетта. — В дрянную ситуацию ты попал, малыш. В дерьмовую.

— Я мог бы вернуться в колледж.

Ее грудь колыхнулась от смеха.

— Тот же голос, что у отца... Денег он не считал. Твой отец привык показывать фокусы с монетами и вообразил, что и впрямь может их запросто умножать.

— Я могу пойти работать.

— А что ты умеешь?

Пьер промолчал.

— Да, ситуация дрянная, — повторила Одетта. — Твой отец свалил, и что теперь делать, ума не приложу...

Она взяла нож и принялась чистить картофелину.

— Но я думал, что вы богаты.

— Когда-то были... — Она улыбнулась, и ее лицо тут же оживилось, глаза просветлели. — Сразу после войны. Тогда жизнь была сплошным праздником. Все швыряли деньгами. И мы тоже... — Она плеснула в стакан еще немного вина. — Не надо бы мне пить, но когда вспоминаю...

— А что случилось потом?

— Твой отец был великодушный манипулятор, милостью Божьей. Второго такого я не встречала. Но он был иллюзионист старой школы. Все эти карты, шарики зрителю уже наскучили. Они ждали яркого зрелища, спектакля. А он с этим не хотел считаться.

— Послушай, мама...

— Мама... Мама... Ты очень любезен, что так меня называешь, но я бы предпочла, чтобы ты называл меня, как все, Одеттой...

Она достала из буфета котлеты и поставила их на огонь.

— Ты видел здание мюзик-холла? Третий сорт! А теперь придется давать представления разве что на ярмарках.

Дутр вспомнил фокусника, дававшего представление в колледже, его жалкий вид.

— Нет, это невозможно. Надо что-то придумать.

— Что?... Уже две недели голову ломаю.

— Я могу тебе помочь.

— Ты?

Одетта убавила огонь и окинула Пьера внимательным оценивающим взглядом.

— Повернись-ка... Покажи свой профиль... Пройдись к двери... Так... Теперь назад... Держу пари, что ты ни разу не танцевал... Ноги, как деревянные. — Она сняла сковородку с огня.

— Тебя слишком долго пришлось бы учить. Надо ведь уметь держаться на сцене, общаться с публикой... А ты слишком застенчивый. — Одетта вывалила котлеты на блюдо. — Порежь лучше картошку, вот и будет от тебя помощь.

В дверь постучали. Пришел Людвиг. Он повесил свою кожаную куртку на вешалку и достал из кармана трубку.

— Как раз к ужину, — воскликнула Одетта.

Людвиг поднял с пола платье, бросил его на стул, потом уселся на кровать.

— Ну что, малыш, — спросил он своим неприятным голосом, — пообвык у нас?

— Он собирается мне помогать, — сообщила Одетта.

— Эге, совсем недурная мысль.

И они принялись что-то обсуждать по-немецки. Пьер отметил, что Людвиг держится, как у себя дома. Он уже не в первый раз почувствовал себя в каком-то странном мире, словно самолет доставил его на другую планету. Пьер вдруг вспомнил белокурую девушку, дважды пожавшую ему руку на кладбище.

— Ну, за стол! — скомандовала Одетта.

— Могла бы хоть тарелки помыть, — проворчал Людвиг. — Он встал и подошел к Пьеру. — Покажи руки. — Внимательно их разглядел, помял пальцы. — Ничего выдающегося, — заключил Людвиг, и они с Одеттой вновь заговорили по-немецки, время от времени поглядывая на Пьера.

Забытый на плите картофель уже закадил. Разговор перешел на повышенные тона.

— Надо сперва попробовать, — отрезал, наконец, Людвиг.

— Ладно, ладно, так и решили, — согласилась Одетта.

Она открыла шкаф и достала оттуда костюм.

— Примерь, — приказала она Пьеру.

— Прямо сейчас?

— Именно. Людвиг такой человек. Если что задумал — вынь да положь.

— Это же фрак! — вскричал Пьер.

— Разумеется. Лучший костюм твоего отца.

Дутр переоделся.

— Ну, кто прав?! — воскликнул Людвиг. — Как влитой!

Одетта, казалось, все еще колебалась.

— Хорошо, попробуем, — согласилась она после короткого раздумья.

Пьер машинально сунул руку в карман и обнаружил там круглый предмет.

— Что это? Монетка? — удивился он, разглядев кругляшку.

— Ах, вот он! — оживилась Одетта. — Это доллар, которым твой отец манипулировал.

— Из какого металла? — поинтересовался Дутр.

Людвиг бросил взгляд на медлившую с ответом Одетту.

— Серебряный, конечно, — ответил он за нее. — Береги, может быть, он тебе еще пригодится для дела. — Людвиг вновь сел на кровать. — Держись прямей, — приказал он, уставив на Пьера взгляд из полуприкрытых век. — Теперь ты произнесешь: “Дамы и господа”... Ничего, не развалишься. Дамы и

господа... Как будто обращаешься к людям, которые вон там сидят.

Пьер чувствовал себя, как кролик перед удавом. Он испуганно оглянулся на мать, но она стояла с видом сурового ожидания.

— Но я... не могу, — взмолился Пьер.

— Можешь! Положи левую руку в карман. Повторяй за мной... Дамы... Повтори!

— Дамы и господа! — взвыл Пьер, словно молил о помощи.

— Ну что ж, неплохо, — одобрил Людвиг, обращаясь к Одетте. — Голос глуховатый, но это поправимо.

Картошка уже сгорела. Людвиг выключил горелку, дотянувшись до плиты носком ботинка.

— Что, малыш, поработаем с тобой?

— У него не получится, — пробормотала Одетта.

— Уверен, что выйдет, — заверил Людвиг.

— Я даже не знаю, — жалобно произнес Пьер.

— Дай-ка сюда доллар!

В руках Людвиг монетка заметалась, как живая, потом скользнула под манжет, выскочила из другого. Затем пропала.

— Она у тебя в кармане, — сказал Людвиг.

Дутр недоверчиво пошарил в кармане, и к своему изумлению, действительно извлек оттуда доллар.

— Проверь, тот ли, — посоветовала сыну Одетта.

— Неужели ты думаешь... — обиделся Людвиг.

— Знаю я тебя!

Пьер отметил, что Одетта на миг прижалась к Людвигу.

— Хотел бы научиться таким штучкам? — спросил жонглер. — Это совсем нетрудно.

— Да, в общем-то, непрочь... — пробормотал Пьер.

Людвиг пересел за стол, и они с Одеттой вновь затараторили по-немецки. Дутр неспеша переоделся и занялся уже остывшей котлетой. Доллар он спрятал в карман, аккуратно завернув в носовой платок, но постоянно проверял, на месте ли он. Прикасаясь к теплому металлу, Пьер словно касался руки своего отца. Как он сейчас нуждался в дружеском рукопожатии!

— у нас нет выбора, — заключил Людвиг. — Через месяц я отбываю.

Он плеснул в стакан вина, выпил маленькими глотками, затем промокнул рот платком.

— Начнем прямо сейчас. Согласен, малыш? — Он на миг дружески приобнял Пьера, а потом вдруг произнес сухо: — Не будь ротозеем, профессор, — и метнул Пьеру через стол его бумажник, который невесть как успел вытащить.

Одетта со вздохом взъерошила сыну волосы.

— Невозможный человек, — шепнула она, — но большой мастер. Без него бы я... А тебе, малыш, не хватает куража. По-

том, в нашем деле надо уметь лгать. Ты когда-нибудь видел, как работает иллюзионист?

— Нет, — ответил Пьер, крепко сжимая в кармане монетку.

— Сейчас мы с Людвигом тебе покажем. Перейди улицу и подожди нас в зрительном зале.

Дутр подчинился. Ему было все безразлично. Здешняя жизнь казалась ему абсурдной, но разве в колледже менее? Он достал из кармана доллар, подбросил его и поймал на ладонь, просто так, не загадав на "орла-решку". Когда Пьер спускался по лестнице, из прицепа появился Владимир, нагруженный какими-то коробками. Голову его украшал цилиндр, постоянно съезжавший ему на нос. Дутр пошел за ним следом. Он уже устал удивляться.

Зрительный зал был погружен в полумрак. Первый ряд заполнен. Кто-то из сидящих там махнул ему рукой, а другой встал, чтобы уступить Пьеру место. Добравшись до него, Пьер обернулся к соседке слева, чтобы извиниться. О Боже! Пьер узнал ту самую фею, белокурую незнакомку! В полумраке она выглядела совсем девочкой. Пьер вжался в кресло. Это ведь она его позвала, но зачем? И почему она перемигивается с соседкой Пьера справа? Дутр взглянул направо, и его охватил ужас. Кошмар, страшный сон! Справа от него сидела такая же точно девушка — те же белокурые волосы, пухлые щечки, голубые глаза.

— Грета, — представилась соседка слева.

— Хильда, — представилась соседка справа.

Пьер ошалело разглядывал то одну, то другую. Тут девушки дружно расхохотались. Одна из них — Пьер не запомнил, которая Грета, которая Хильда, — сказала что-то по-немецки, а затем подняла вверх два сжатых пальца.

— Двойняшки? — догадался Дутр.

— Йа... Йа...

— Вы танцовщицы? — предположил Пьер.

Девушки о чем-то залопотали между собой, видимо, пытаются понять. Тогда Пьер на тыльной стороне ладони изобразил двумя пальцами танец вроде польки. Близняшки откинулись в креслах, задыхаясь от хохота. Пьер готов был рассердиться, хотя чувствовал, как исподволь на него накатывает волна нежности. Тут девушки разом прижали палец к губам. На сцене появился Людвиг. Зажглась рампа. Владимир расставил сундуки и коробочки. Пьер не знал, куда ему теперь смотреть — на сцену или на двойняшек. Наклонившись к одной из соседок, он шепнул:

— Хильда.

Девушка прыснула и ответила тоже шепотом:

— Найн, Грета.

Пьер ощущал, что в этой игре зарождается чувственность. Сам дивясь собственной дерзости, он раскинул руки по спинкам соседних кресел. Время от времени девушки обращали к

нему свои одинаковые лица и одаряли двойной улыбкой. Людвиг тем временем жонглировал разноцветными шариками. Они словно являлись из воздуха — три, четыре, пять. Потом так же один за другим исчезли. Пьер легонько касался плеч своих соседа, словно боясь, что и они исчезнут. Теперь Людвиг показывал пустой цилиндр. Он положил его на столик, затем поднял. Из-под цилиндра вылетели два голубя. Пьер крепко обнял девушек.

— Я научусь этому, — пообещал он.

Близняшки ничего не поняли, но приветливо заулыбались.

3

— Ну как, понравилось?.. Я тебя спрашиваю... Ты что, оглох?

— Конечно, понравилось, мама. Замечательное представление, — ответил, наконец, Дутр. — А кто эти две девушки?

— Ну, так и знала! Ты не на сцену смотрел, а на них... — проворчала Одетта. — Лицо у тебя как у ангелочка, а ты, оказывается, проворный малый. Помоги-ка мне!

Одетта уже сняла свое черное концертное платье и теперь пыталась распустить завязки корсета.

— Две пустышки. Номер у них посредственный... Ты меня задуть хочешь?

Опустившись на одно колено, Пьер трудился вовсю, но дело у него не клеилось.

— Я уже старая и толстая, — вздохнула Одетта. — Таких публика не любит. Когда Людвиг обещает, что я исчезну, зрители хохочут. Вот если бы ты или юная блондиночка... Вы как раз в возрасте, подходящем для чудес.

Наконец избавившись от корсета, она миг наслаждалась свободой, потом накинула халат.

— У тебя с ними неплохо получится.

— С ними?

— С ними? — передразнила его Одетта. — Я же вижу, что ты совсем не против, дурачок.

Пьер был потрясен.

— Так вот что ты задумала...

Одетта расхохоталась.

— Чему ты так удивлен? Что твоя мама умеет думать? И совсем неплохо, мой милый! Твой отец не слишком-то любил перегружать голову. — Она достала из шкафа большую папку и положила ее на пол. — Гляди, что я напридумывала...

Пьер присел возле нее на пол. В папке обнаружилось множество листков с рисунками, схемами. Одетта перебирала их один за другим.

— Магическое зеркало... Волшебный чемодан... Трюки старые, но очень эффектные... Женщина-бабочка... индийский канат...

Дутр взял в руки один из листков и принялся внимательно его разглядывать.

— Это все ты изобрела?

— Конечно, нет! Теперь ты уж слишком высокого обо мне мнения. Я придумывала декорации, световые эффекты. Посмотри на рисунок. Так этот номер еще никто не ставил. Прозрачная коробка. Накидываешь на нее покрывало. Снимаешь — и она оказывается полна розами. А потом из вороха цветов появляется человек. Ты, к примеру...

— Я?

— А почему бы нет?

Одетта обратила к сыну свое помятое лицо. От ее распахнутого халата исходил тяжелый запах духов. Дутр весь вспотел, у него даже немного закружилась голова. Он тупо разглядывал рисунки. Мать за ним внимательно наблюдала.

— Боже мой, — вздохнула Одетта, — как он очаровательно наивен.

Она обняла Пьера своей пухлой рукой, где позвякивал увешанный брелоками браслет.

— Ты не очень на меня обижен? — спросила Одетта. — Молчишь... знаешь, ты кто? Маленький звереныш. Скрытный, злопамятный... А я просто старая дуреха... Но я всему тебя научу, увидишь. Людвиг грубиян. Да он и уезжает скоро... Для начала я сделаю тебе прическу, потом приодену. Твой сюртук просто ужасен. Вечером я поговорю с этими девчонками. Если они не совсем дуры... Ты хочешь что-то сказать, малыш?

Пьер, уткнувшись в один из рисунков, казалось, внимательно его разглядывал.

— А Людвиг, — пробормотал он, — что у тебя с ним?..

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь звяканьем брелоков.

— Ты совсем не знаешь жизни, — наконец ответила Одетта, — так что попридержи язык. — Она подошла к буфету. — Рюмочку шнапса? Впрочем, обойдешься.

Дутр собрал рисунки в папку.

— А папа... — начал он.

— Забудь эти слова — папа-мама, — прервала его Одетта. — У двадцатилетнего парня нет ни папы, ни мамы, он сам из всего выпутывается.

— Отчего он умер?

— Сердечный приступ... — Одетта хлебнула шнапса. Ее глаза увлажнились, голос смягчился. — Он очень устал... Ты уже, наверно, понял, что мы не слишком ладили... Я настаивала, чтобы он себя поберег... А он исполнял очень сложные номера, например, с канатом. Его привязывали к стулу...

— А он сам отвязывался, — хмыкнул Пьер.

Одетта, снова отхлебнув, кивнула головой.

— Дурачок... Думаешь, это просто? Во всем мире найдется пять-шесть артистов, которые по-настоящему исполняют этот номер. Посмотрел бы ты своего отца на сцене! — Одетта резко отставила стакан. — Но он уже умер. Что ты хочешь еще знать?

— Ничего.

Голос Одетты вновь изменился, стал тем же грубым, что на кладбище.

— Лучше уж выложи разом! Твой отец все таил в себе, а я люблю напрямик. — Она обняла его за шею и чуть встряхнула.

— Я сама знаю, что во многом виновата. Но если удастся осушиться... Ладно, отправляйся к Людвигу... Старайся... А для начала хоть немного улыбнись... Такими-то губками! В колледже тебе никогда не говорили, что ты красавчик?

Пьеру вовсе не хотелось улыбаться. Больше всего он мечтал освободиться от ее тяжелого объятия.

Людвиг ждал его в прицепе, покуривая сигару. Владимир налаживал маленький прожектор.

— Сними пиджак, — скомандовал Людвиг. — Придется тебе попотеть. Ты хоть зарядку делаешь?

— Иногда.

— Теперь будешь каждое утро, по часу. Владимир, свет!

Прожектор зажегся.

— Света давай как можно больше, — объяснил Людвиг. — Надо ослепить публику.

Владимир приволок огромную корзину с ручками.

— Полезай! — приказал Пьеру Людвиг.

— Ну, это не так трудно, — усмехнулся Дутр.

Людвиг с улыбкой открыл крышку.

— Она с двойным дном. Не думай, что тебе сразу удастся.

И впрямь, как Пьер ни старался втиснуться в корзину, крышка никак не закрывалась. Людвиг наблюдал за ним, продолжая улыбаться и время от времени щелчком стряхивая пепел с сигары. Пьер действительно вспотел, всю его спину ломило.

— Давай, давай, — подбадривал его Людвиг.

Но Пьер уже изнемог.

— Хватит с меня, — буркнул он, встав на ноги.

— Выдохся? — поинтересовался Людвиг.

— Нет, но вы меня просто морочите. И дураку ясно, что мне туда не втиснуться.

— Но у меня-то выходит. И ты сможешь, когда станешь более гибким. Владимир, кольца!

Владимир принес несколько колец, огромных, как тарелки. Некоторое время Людвиг ими жонглировал, потом крикнул Пьеру:

— Лови!

Дутр поймал первое, второе, третье, а четвертым получил по лбу.

— Плохая реакция, — заключил жонглер. — По четверти часа каждый вечер работай с кольцами.

Владимир сидел на кровати, пожевывая резинку. Время от времени он вытирал нос рукавом. Людвиг достал из кармана монетку.

— Свинцовая, — сообщил он. — Весит двадцать граммов. Самый подходящий вес. Зажми ее между пальцами... Так... И раскрой ладонь, словно она пустая.

Монетка упала на пол.

— Ничего у меня не выходит, — буркнул Дутр.

— Не торопись с выводами, немного терпения. Тебе надо укрепить руки. Сперва поработай с маленькими гантелями. Потом играй, играй со своим долларом. Все дело привычки.

Людвиг щелчком подбросил монетку и поймал ее на ладонь.

— Гляди, сжимаю ее в кулаке. Хоп! Где она?

Пьер внимательно разглядывал пустую ладонь.

— Не знаю.

Владимир был так зачарован зрелищем, что даже перестал жевать.

— Там же, — сообщил Людвиг. — Вот, я ее зажал между большим и указательным.

Владимир снова заработал челюстями.

— У меня так никогда не получится, — пробормотал Пьер.

— Получится, — заверил Людвиг. — И очень скоро. Самое сложное проделывать это на сцене, одновременно болтая с публикой. Тут нужна необыкновенная ловкость рук. Но ты же его сын! Поглядел бы ты, как он работал... А сейчас я тебе покажу костюм для сцены. Не в своем же сюртуке ты будешь выступать.

Людвиг подвел Пьера к манекену.

— Вот потайной карман. Туда можно спрятать даже кролика. В этом мешочке исчезают шарики, яйца.

— Но ведь заметят...

— Не волнуйся, публика — дура! Ей можно втереть все, что угодно. Люди специально ходят на представления, чтобы их одурачили... Вот, погляди, столики... Каждый, разумеется, с двойной крышкой. Волшебный кофейник... Из него можешь налить все, что угодно — пиво, молоко, виски, даже кофе.

Он снял крышку.

— Видишь, тут несколько отсеков.

— А этот большой шар для чего?

— Летающий, на электромагните. Из-за кулисы его включают и выключают.

— Все тут с подвохом, — пробормотал Дутр.

— Точно! — подтвердил Людвиг. — Все вот эти штучки. И шпаги...

Он взял рапиру и сделал выпад. Казалось, лезвие пронзило стенку насквозь.

— Осторожней! — воскликнул Пьер.

Людвиг презрительно отбросил оставшийся у него в руке эфес.

— Ерунда, клинок уходит в рукоятку. Да и все здесь совершенно безопасное.

Людвиг сдернул покрывало с птичьей клетки и осторожно достал оттуда голубя.

— Дай руку! — приказал он Пьеру.

Голубок доверчиво ступил на ладонь. Сам себе удивляясь, Пьер поцеловал его в теплую шейку. Голубь тем временем нежно похлопывал его по лицу крыльями.

— Второй точно такой же, — сообщил Людвиг. — Их не отличить.

Пьер вернул птицу в клетку и внимательно сравнивал обоих узников, пытаясь найти отличия.

Людвиг тем временем бубнил своим монотонным голосом:

— Да, все здесь... все... с обманом...

— Такая у вас работа, — бросил ему Пьер через плечо.

— У меня? — возмутился Людвиг. — Я, прости, жонглер. У меня как раз без обмана. Не удивительно, что твой отец...

Пьер мгновенно обернулся.

— Что мой отец? Он ведь умер от сердечного приступа?

Людвиг задумчиво разглядывал кончик своей сигары.

— Разумеется, — подтвердил он. — Ну ладно, за работу, малыш! Если тебе что-нибудь понадобится, обращай к Владимиру.

И Дутр приступил к работе. Спал он в прицепе. Просыпался, как и в колледже, в шесть часов. Кормил голубей, а потом начинал тренировку. Хорошенько потрудившись, он пытался втиснуться в корзину, и с каждым днем крышка закрывалась все лучше и лучше. Поработав, Пьер отправлялся в душевую курзала. Высшим блаженством для него было, помывшись, выпить чашечку кофе. У стойки пустого бара хлопотал Владимир. Кофе он готовил превосходно. Отхлебнув глоток, Дутр, в ответ на вопросительный взгляд Владимира, поднимал большой палец. Владимир радостно улыбался и блаженно поглаживал себя по животу. Тем и заканчивалась их каждодневная беседа. Затем Пьер упражнялся с гантелями, подбрасывал их, ловил. Закончив, он разрешал себе выкурить сигару. В это время он слышал, как в фургоне начинают переговариваться проснувшиеся Одетта и Людвиг. Пьер замирал, ему хотелось плакать. Он машинально доставал из кармана доллар и принимался его подбрасывать. Наконец Людвиг уходил, и Пьер поднимался в фургон.

— Вот и мой звереныш, — приветствовала его Одетта. — Хоть бы поздоровался.

Пока Дутр готовил шоколад, она потягивалась и позевывала. Потом скрывалась за ширмой, чтобы сделать зарядку, и от-

туда доносилось громкое сопение. Пьер тем временем намазывал бутерброды.

— Мог бы развлечь беседой! — кричала Одетта сыну. — Если б ты знал, как мне надоела эта чертова физкультура!

Она выходила из-за ширмы вся взмыленная, в халате, липнущем к ее могучим ляжкам, и тут же набрасывалась на пищу.

— Фигня какая! Чем больше хочу похудеть, тем больше жрать хочется.

Не отрываясь от еды, Одетта другой рукой сворачивала сигаретку. При этом смеялась своим грудным смехом, так смущавшим Пьера.

— Все делаю наперекосяк, — вздыхала она. — Ем слишком много, дымлю слишком много. Надо бы слушаться врачей. — Она понижала голос, словно сообщала секрет. — Я ведь не всегда была старой вешалкой.

Тут Одетта открывала свой, как она называла, ларчик для призраков. Там хранились фотографии и газетные вырезки.

— Гляди... "Берлинер тагенблатт", "Дейли миррор", "Фигаро"...

Заметки были обведены красным или синим карандашом. На блеклых фотографиях Одетта представляла в образах баядерки, султанши, маркизы, сеньориты. Дутр, насупившись, быстро проглядывал снимки.

— Теперь все будет по-другому... — бормотала Одетта. — Малышки согласились!

Пока Пьер мыл посуду, она, разложив на полу ватманский лист и вооружившись карандашом, приступала к работе.

— Будет целый спектакль, — рассуждала Одетта вслух. — Три действия со сквозным сюжетом... пантомима, смена декораций, световые эффекты... Твой отец не понимал, что одной манипуляции теперь мало.

Летели дни. Людвиг учил Пьера пользоваться оборудованием, или он работал самостоятельно под присмотром Владимира, отводя глаза от сложенного в бухту каната, которым связывали профессора Альберто. Трюку с долларом Дутр научился и впрямь быстро. Наблюдавший за ним Владимир восторженно аплодировал.

— Прекрасно, — восклицал он, нежно раскатывая "р". — Владимир в восторге.

Однако сам Пьер относился к себе гораздо строже. Ему казалось, что у него ничего не получается. Стиснув зубы, он повторял трюки вновь и вновь. Наконец он в изнеможении плюхался рядом с Владимиром и закуривал сигару. Иногда он пытался расспросить Владимира — откуда он? Всегда ли работал в курзале? Но тот твердил одно и то же:

— Нет памяти... Война... Очень плохо.

В глубине прицепа стоял верстак, на котором Владимир мастерил по чертежам Одетты различные приспособления для фокусов. Как-то Пьер его спросил:

— Почему ты не выступаешь? Ты ведь лучше всех знаешь, как с этими штуковинами управляться.

Великан долго молчал, наморщив лоб, словно и сам не находя ответа.

— Страшно, — ответил он наконец. — Владимир боится...

— Чего ты боишься?

Владимир потер нос, уставившись на Пьера своими мутными глазами.

— Что мне перестанут верить.

Впрочем, беседовали они редко, чаще сидели молча. Пьер не мог дожждаться вечера. В восемь он пробирался за кулисы. Из зала доносились голоса, смех. Потом открывался занавес. Пьер испытывал ужас перед сценой. Дутр представлял, как он остается один на один с публикой, которая вправе его обсмеять, освятить. На сцену выходили двойняшки. Номер обыгрывал их необыкновенное сходство. Между девушками помещалась деревянная рамка, изображающая зеркало. Совершенно одинаковые, они повторяли движения друг друга. В конце концов Грета, — а может, это была Хильда, — нарушала иллюзию, ступив в Зазеркалье. Все, дальнейшие выступления Дутра не интересовали. Он пробирался в гримборную, где девушки представляли перед ним уже в нижнем белье, казалось, даже еще более похожие, чем на сцене. Они одинаково смеялись своим залившимся смехом, у них были одинаковые кукольные глазки, в которых, однако, брезжила тайна. Привыкнув к синхронности, одевались они тоже одинаковыми движениями. Они одинаково щebetали, произнося слова, которые и сами-то, возможно, не разбирали. Это были скорее не девочки-феи, а дивно раскрашенные девочки-куклы. Прислонившись плечом к двери, Пьер думал: "Сказка, настоящая сказка". Но при этом он испытывал не свойственные сказке желания — обнять обеих девушек разом, прижаться лицом к их волосам. Вокруг сновали актеры всех национальностей, клоуны, эквилибристы, наездники. А вот и его мать, одетая маркизой, с грудями, вылезавшими из декольте.

— Куда ты теперь? — спрашивала его Одетта.

— Пойду еще поработаю, — бормотал Пьер в ответ.

Он возвращался в прицеп, садился на свою кровать, на которой умер профессор Альберто. "Это все сон, — думал Пьер. — Скоро я проснусь". Иногда он незаметно для себя действительно засыпал и тогда спал до утра. А проснувшись, уже не мог дожждаться вечера. На часах было ровно шесть. Пьер кормил голубей.

Тренировки шли успешно. "Так держать!" — подбадривала его Одетта, а Людвиг удивленно признавался:

— Да, малыш, ты меня просто потряс.

Пьеру иногда хотелось навестить могилу отца, но у него не оставалось ни сил, ни времени. После трюков с монеткой — шариками, после шариков — карты. Его руки научились рабо-

тать как бы сами по себе, голова же была постоянно занята двойняшками. Иногда Пьер надевал отцовский фрак и прохаживался в нем по комнате, сжимая в кулаке доллар.

— Оказывается, Альберто жив, — шутил Владимир.

— Помолчи, — прикрикивал на него Дутр. — Это серьезно.

Одетта тем временем приступила к постановке. Однако Пьера она пока не посвящала в свои планы. После обеда к ней приходили Грета и Хильда с деловым выражением на личиках, и они запирались в фургоне вчетвером, вместе в Людвиге. Людвиг, казалось, не проявлял большого энтузиазма. Одетта была всеми недовольна. Владимир, протирая мотор старенького "бьюика", пообещал Пьеру:

— Скоро ехать. В конце месяца... — И он хлопнул ладонью по капоту.

Наконец Одетта допустила Дутра на репетицию. На ней были массивные очки в черепаховой оправе, в руках — по кипе листов. Распоряжалась она грозным голосом, как бригадир на стройке.

— Ну, как тебе?

Пьер был так потрясен, что ничего не ответил.

— Вся уже вымоталась, — вздохнула Одетта, — но уверена, что будет фурор.

В начале апреля фургон взял курс на Брюссель.

4

Уже после первого действия стало ясно — триумф! Газетчики обступили Одетту и забросали ее вопросами. Она отвечала холодно и продуманно.

— Кто вам подал идею спектакля? — допытывался репортер из "Либр Бельжик".

— Я большая любительница полицейских романов, вот мне и пришло в голову объединить несколько трюков детективным сюжетом.

Все ответы были заготовлены заранее, но Одетта изображала импровизацию — делала паузы, задумывалась, словно подыскивая наиболее точные слова.

— Видите ли, — рассуждала она, — ошибка большинства иллюзионистов в отсутствии сквозного действия. Каждый номер — сам по себе. А паузы они заполняют болтовней — и говорят, и говорят... От этого я отказалась, связываются номера исключительно пантомимой.

— То есть вы как бы соединили иллюзионизм с кинематографом? — предположил репортер из "Суар".

— Можно и так сказать.

— А эта девушка, Аннегре... — начал было корреспондент "Телеграфа".

— Она сирота, — прервала его Одетта. — Я ее нашла в Германии.

— Какая она прелесть! — воскликнул один из газетчиков. — А мальчик?

— Это мой сын, — ответила Одетта с довольной улыбкой. — Он жутко волнуется... Это, разумеется, не для печати... У малыша пока никакого опыта.

Прозвучал звонок.

— Я пойду с вами, — сообщила репортерам Одетта. — В следующем действии я не участвую. Работают только Аннегре и Пьер. Думаю, что они справятся.

Одетта расположилась в первом ряду вместе с газетчиками. Поднялся занавес, публика дружно зааплодировала.

Декорация изображала роскошную комнату в замке. На стенах — старинные гобелены. Полумрак. Часы бьют трижды. Дверь приоткрывается. Луч фонарика шарит по комнате. Затем в дверь проскальзывает девушка в обтягивающем трико. Это Аннегре. Ее трико — телесного цвета, так что девушка кажется обнаженной. Зал встречает ее появление возгласами восторга. Наконец восстанавливается тишина. Аннегре подходит к шкафу, открывает ключом дверцу и складывает в сумку добытые там драгоценности. При этом кажется, что сумка так и осталась пустой.

“Прелестно”, — шепнул Одетте на ухо газетчик.

Однако похитительнице драгоценностей оказывается мало. Она вновь шарит лучом по комнате. Обнаруживает каминные часы и тоже отправляет их в сумку, которая по-прежнему остается пустой. По залу прокатывается смех, аплодисменты. Тем временем Аннегре укладывает в свою бездонную сумку одну за другой северские вазы. Неожиданно зажигается свет. Появляется юный владелец замка в халате. Испуганная воровка пытается убежать, но Пьеру удается ее поймать.

— Держи крепче! — раздался совет с галерки.

— По-моему, он и так в нее вцепился, — шепнул Одетте газетчик.

Одетта пожала плечами. Тем временем Пьер привязал девушку к креслу. Затем же прикоснулся губами к губам своей пленницы.

— Отсебятина, — проворчала Одетта.

— Не предусмотрено сценарием? — спросил газетчик.

— Ну, разумеется. Должно быть, мальчик забыл, что он на сцене.

Девушке удалось освободиться от пут. Она вновь пытается убежать. Юноша наводит на нее пистолет. Аннегре делает жест ужаса, столь натуральный, что публика замирает. Тут Пьер достает из шкафа корзину и открывает крышку. У девушки нет выбора. Она забирается в корзину. Тогда Пьер со зверским выражением лица снимает со стены шпагу и начинает сгибать и разгибать ее клинок. Одетта потеряла терпение.

— Затягивает, затягивает, — бормочет она.

Наконец юноша делает выпад и пронзает корзину насквозь. Оттуда раздается стон, она сотрясается. Конец. Юноша показывает окровавленный клинок. Дружный вопль ужаса тут же сменяется громом аплодисментов, так как за спиной Пьера возникает успевшая освободиться девушка в изящном вечернем туалете. Она ведь, к тому же успела мгновенно переодеться! Настоящее чудо! Конечно же, это та самая девушка, никаких сомнений. Те же белокурые волосы, улыбка, чувственность. Она явилась перед юношей, как воплощение его любовной грезы.

— Фантастика... Сенсация... — бормотал репортер.

Казалось, что из всего зала одна Одетта не испытывает восторга.

Вдруг юноша набрасывается на девушку и начинает ее душировать. Она теряет сознание. Бросив бесчувственное тело на диван, он накидывает на него покрывало. Затем владелец замка подходит к телефону и что-то быстро объясняет неведомому собеседнику, потом возвращается к дивану.

— Да она уже сбежала! — раздается голос из публики.

Пьер берется за угол покрывала, но медлит. Зал замирает.

— Ну, давай же! — торопит тот же голос.

Юноша рывком сдергивает материю. Диван был пуст. Тут же в дверях показывается вновь ожившая девушка, в амазонке и с цветком в зубах. Зал взрывается.

— Фурор! — воскликнул газетчик.

— Конечно... конечно... — пробормотала Одетта неуверенно.

Тут гремят три выстрела подряд. Зал вновь испуганно притихает. Красотка падает на колени, изо рта у нее течет кровь. Убийца берет свою жертву на руки и закрывает в шкафу. Но это еще не конец. Дверца шкафа медленно открывается, и оттуда выходит та же девушка в белом бальном платье, с веером, еще более прекрасная. Она бесстрашно надвигается на юношу. Теперь уже он испуган. Юноша выскакивает за дверь. Слышно, как в замочной скважине поворачивается ключ. Кульминация! Этот безумец запер свою любовь. Но разве возможно ее пленить?

Девушка с улыбкой подбирает веревку, которой была прежде привязана к креслу. Затем кладет веревку возле рампы и начинает помахать над ней веером. Зрители вскакивают. Раздаются возгласы: "Сядьте, не видно!". Веревка оживает, словно змейка поводит головой, потом встает вертикально.

— Индийский канат, — догадался газетчик.

Одетта кивнула головой. Тем временем девушка начала раздеваться. В этом не чувствовалось ни малейшей скабрёзности. Было ясно, что девушка собирается взобраться вверх по канату. Она снимала один предмет за другим. Зал затаил дыхание. Оркестр негромко заиграл венский вальс. Веревка

непостижимым образом держалась вертикально. Сцена была погружена во мрак, только упоительное тело артистки было высвечено таинственным голубым светом. Наконец девушка начала взбираться вверх. Вот она уже под потолком. Прощальный жест. Веревка падает. Где девушка? Исчезла. Публика словно не решалась аплодировать. Тут распахнулась дверь, и на сцене появился владелец замка в сопровождении жандарма. Только тогда раздался гром аплодисментов. Изумленный жандарм разглядывает брошенную одежду, а вокруг него вьются два голубка. Когда рассвирепевший жандарм арестовывает Пьера, рукоплескания переходят в овацию. Занавес падает. Потом вновь взмывает. Публика стоя приветствует молодых артистов. Те смущенно кланяются. Свет прожекторов освещает их юные лица. Восторг нарастает. Одетта молча покидает зал и направляется в свою уборную. Там она закуривает сигарету и шагает из угла в угол. Свершилось — триумф! Уже завтра им наверняка предложат гастроли во Франции, Англии, по всей Европе. Вот-вот ей удастся схватить удачу за хвост, обрести нечто повеселей аплодисментов. Если...

В дверь постучали. А вот и цветы! В коридоре толпился народ. Ей преподносят букет за букетом. Ах, только бы все не сорвалось из-за какой-нибудь досадной случайности. Вот, наконец, и дебютанты. Девушка заходит первой, Пьер уже в дверях оборачивается, чтобы поблагодарить поклонников. Когда он повернулся к матери, Одетта сразу заметила, как изменился весь его облик. Прежде неуверенный юноша уже приобрел горделивую повадку. Побывав в объятиях публики, он словно потерял невинность. Одетте почему-то взгрустнулось.

— Закрой дверь, — приказала она.

— Что ты вдруг? Что стряслось? — вспыхнул Пьер.

— Пока ничего. Где вторая?

Она и сама не отличала Грету от Хильды.

— В гримуборной, — спокойно ответил Пьер.

— Надеюсь... Но, если кто-нибудь догадается...

Вдруг Одетта хватая девушку за руку и выкрикивает ей в лицо длинную фразу по-немецки.

— Оставь ее! Да не волнуйся ты, — успокоил Пьер мать, — Владимир начеку, он никого к Грете не пропустит.

Одетта бросает окурки на пол и растирает его ногой, затем закуривает новую сигарету.

— Ну, хорошо. Может быть, я и не права. Но ты пойми, что мы постоянно висим на волоске!

— Да в чем дело?.. Никто не сомневается, что у меня только одна партнерша.

— Партнерша! — крикнула Одетта. — Что ты с ней вытворял на сцене? Что за страсти-мордасти?

Пьер кивнул подбородком на девушку.

— Она ничего не понимает. Дичь какая! Отсебятину я не потерплю! Ты что, влюбился в эту мадмуазель Недотрогу? Послушай, малыш, делай что хочешь, но только не на сцене. Это непрофессионально.

Хильда тем временем перебирала букеты, заливаясь своим ангельским смехом.

Одетта встряхнула сына за плечи.

— Что на тебя вдруг нашло, скажи?

— Сам не знаю... Какое-то безумие... Если бы она не была привязана, я бы не решился...

Одетта оглядела сына с ног до головы. Теперь он был элегантно одет, красиво причесан. Чувствовалось, как дивно может расцвести этот юноша. Одетта ощутила в животе мгновенный спазм. Она понизила голос.

— Это у тебя серьезно?

— Что — это?

— Ну, с ней?

Пьер прятал глаза.

— Великая страсть! — заключила Одетта и грубо расхохоталась, потряхивая приклеенной к губе сигареткой. — Надеюсь, не к обоим разом.

Пьер вздрогнул, как от пощечины. Одетта заметила, что у него сразу побелел нос.

— Пьер, — позвала она ласково.

Но сын, резко повернувшись, вышел из комнаты, хлопнув дверь. Одетта задумчиво опустила руки в карманы своего пиджака. Затем повернулась к девушке.

— Гей!

Хильда послушно вышла из комнаты. Одетта тотчас выбросила один за другим букеты, к которым девушка прикасалась, в пыльный теперь коридор.

...Больше Одетта с сыном не выясняли отношения, у них не было на это времени. Днем Хильда и Грета по очереди прятались в прицепе. Газетчики, служащие театра, публика, все знали только одну девушку — Аннегре, непревзойденную трансформаторшу. По вечерам Владимир относил за кулисы корзину, где пряталась узница. Кстати, именно ему выпало изображать жандарма. Казалось, были приняты все предосторожности, но перед самым началом спектакля Одетта не могла себе найти места, сама проверяла все приспособления, сверялась со списком, всё ли на месте.

— Убиться можно, — вздыхала она.

Но уже через минуту Одетта величественно выходила на сцену с широким приветственным жестом. Оркестр играл марш.

Дутра сцена пьянила. Ступив на освещенное пространство, он чувствовал себя совершенно другим человеком, за которым словно наблюдал со стороны. Однако эпизод с поцелуем его

постоянно смущал. Некоторое время поколебавшись, Одетта решила его закрепить. Теперь Пьер был уже обязан целовать девушку. Но он никогда заранее не знал, как она к этому отнесется. Одна из двух близняшек крепко сжимала губы. Другая, наоборот, вся подавалась к нему, упоенно прикрыв глаза. Тогда он никак не мог оторваться от губ девушки до тех пор, пока не замечал за кулисами силуэт Одетты, пытающейся спрятаться за колонну. Это был постоянный шок. Иногда Пьер бывал твердо уверен, что сцену будет играть та из сестер, которая к нему равнодушна. Но всякий раз Дутр ошибался. Он недоумевал: то ли вторая девушка тоже стала к нему благоволять, то ли они обе сговорились его морочить. Если ему случилось в фургоне допустить сколько-нибудь интимный жест, девушка удивленно вскидывала брови. Но которая — Хильда? Грета?

— Кто ты? — жалобно допытывался Пьер.

— Аннегре, — отвечала девушка и убежала со своим залихватистым смехом.

Днем они всегда ускользали. Приблизиться к ним Дутру удавалось только по вечерам, в тишине напряженно замершего зала. Роль превратилась для Пьера в ежедневную муку. Он умолял Одетту изменить сценарий.

— Ты в своем уме?! — возмущалась мать. — Почитай газеты!

Они были разбросаны по всей ее гримуборной. Заголовки гласили: "Альберто потрясли Брюссель"... "Потрясающая пара"... "Вызов приличиям"...

Дутр настаивал:

— Ну хорошо, тогда нужно хотя бы выбросить трюк с корзиной...

— Зачем?

— Прокалывать девушку... это смотрится... жестоко...

— Ах, вот оно что? Боишься и впрямь заколоть эту маленькую шлюшку... Невелика потеря!

Когда Одетта была в гневе, она не выбирала выражений. Однако нередко она бывала и в благодушном настроении. Особенно, когда подсчитывала выручку. Деньги текли рекой. После обеда она раскрывала грессбук и записывала туда приход, выпивая при этом рюмочку ликера.

— Неплохо, неплохо, — бормотала она, почесывая карандашом голову. — Нашу колымагу продадим. Надо уметь пустить пыль в глаза, дети мои. Запомните это на всю жизнь.

Одетта подписала контракт на гастроли в Париже с мюзикхоллом "Электра". Каждый день она вела переговоры с какими-то господами, громогласно хохочущими и курящими сигары. Телефон разрывался. Пьер постепенно привыкал к славе. Его забавляло почтительное приветствие капельдинеров: "Добро пожаловать, господин Пьер". Ему было приятно, что те-

перь в его карманах постоянно водились деньги. Он полюбил разглядывать витрины магазинов с чувством, что, если захочет, может купить любую вещь. Его сон продолжался. Все свершалось слишком уж легко, как бывает только во сне. Абсурд же лишь нарастал. Взять девушку, которая днем прячется в прицепе и одновременно, — ведь их же не отличить! — прогуливается по городу. А вечером, выхваченная проектором из темноты зала, прелестная узница будет ожидать его поцелуя. Потом она поднимется вверх по веревке профессора Альберто, по которой тот уже никогда не спустится на землю...

Пьер разглядывал свое отражение в витринах. Еще неизвестно, который из двух Дутров настоящий. Он подбрасывал отцовский доллар. Орел. Решка. Наконец Пьер заходил в магазин и покупал полдюжины галстуков.

С четырех до шести он репетировал, постепенно обретая "чувство руки", о котором ему говорил Людвиг. Особенно Пьеру удавались трюки с картами.

— Выбери, — просил он Одетту, протягивая ей колоду.

Та отрывалась от своих подсчетов и протягивала унизанную перстнями руку.

— Король! Давай еще!

И он подсовывал ей того же короля.

— Вот поросенок, — восхищалась Одетта.

В эти моменты они испытывали теплоту друг к другу. Мать похлопывала сына по щеке.

— Ты увидишь, малыш... — шепнула она как-то раз. — Если мы победим Париж, то весь мир будет у наших ног...

Тут она смолкла. В фургон поднялся Владимир, чтобы приготовить еду для "узницы".

— Сегодня которая? — поинтересовалась Одетта.

— Хильда.

Одетта расхохоталась.

— Хильда и Грета! Да эти соплячки нас всех морочат. Надо бы их пометить.

Дутр тут же вновь насупился.

— Не перекармливай их, Владимир, — посоветовала Одетта. — Только и думают, что о жратве. Им бы надо репетировать, учить французский, а они целый день уминают пирожные.

Дутр вышел на улицу и остановился перед афишей. Справа Аннегре, слева — он, Пьер. Юноша не мог оторвать взгляда от губ девушки. Вечером ему вновь предстоит их целовать... Сожмутся ли они или раскроются навстречу его губам?

Тут его сон смахивает едва ль не на ночной кошмар. Вечером ему вновь придется целовать привязанную девушку, пристально вглядываясь в ее лицо и шепча: "Я люблю тебя, Грета... Я люблю тебя, Хильда..." А девушка вновь ускользнет,

оставив ему лишь сброшенное платье... Он возвращается в фургон, чтобы, как всегда, пообедать вместе с Одеттой и одной из близняшек. Орел? Решка? Его мысли путаются. В это время Одетта дает последние наставления — сперва по-немецки, потом по-французски.

— Ты что, заснул? Слушай внимательно: только я махну рукой...

Пора! Они выходят из фургона. Одетта запирает его на ключ. У Пьера спирает дыхание. Вступает оркестр. Последний взгляд в зеркало, и Дутр покидает гримуборную.

— Полный зал, аншлаг, — шепчет капельдинерша.

Пьеру хочется ее придушить.

5

Париж. Мюзик-холл "Электра". Публика ломится. Газеты восторгаются. Фотографии во всех журналах. Одетта постоянно в окружении газетчиков. Владимир бдительно стережет одну из девушек. А Пьер в это время наслаждается свободой, гуляя с другой по всему Парижу. Они прогуливаются по Елисейским полям, взбираются на Монмартр и оттуда любуются парижскими колокольнями и крышами, освещенными ласковым апрельским солнцем. Наконец Пьер решается.

— Хильда, — обращается он к девушке, обняв ее за талию.

— Йа! Йа!

Впервые Пьер угадал, и они оба весело хохочут.

— Я тебя люблю, Хильда... Ты красивая... Ты мне нравишься...

Девушка внимательно вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, говорит он всерьез или шутит.

— Ты ... Хильда... Ты... красивая... — твердил Пьер, легонько тыча пальцем ей в плечо. — Очень красивая...

Хильда хихикала, но стоило Пьеру попытаться поцеловать ее, она всякий раз отстранялась.

— Найн... Найн...

Тогда Пьер затеял другую игру. Приобняв рукой Хильду, он светским тоном стал делать девушке столь непристойные предложения, что сам приходил в ужас. Если б она понимала по-французски, не миновать бы ему пощечины, но Хильда лишь кивала головой:

— Йа... Яволь!

— Ты знаешь, как я тебя люблю?..

У Пьера все больше разыгрывалось воображение. Сперва он поглядывал по сторонам, опасаясь, что его услышит случайный прохожий, потом забыл обо всем. Но вдруг словно очнулся. Ведь это всего лишь игра. Казалось, Пьер рассказывает девушке про парижские дворцы, памятники, колонны. Она смотрела на него своими ясными глазами, внимательно вслушива-

ясь в незнакомую речь. Вдруг Пьер отпрянул от девушки, будто в ужасе.

— Йа.

— Дура! — вспыхнул Дутр. — Если б ты знала, какой у тебя идиотский вид. Тебе никто не говорил, что ты выглядишь полной идиоткой, со своими прозрачными глазками? Бедная моя девочка, ты глупа, как пробка!

Все это он злобно шептал ей на ухо. Вдруг Пьер успокоился и почувствовал к девушке нежность. Он поцеловал ей руку.

— Знаешь, честно говоря, я ненавижу свое ремесло. Если б еще вас не было двое... Если б я знал, кого люблю... тебя... или твою сестру.

Пьер выговорился и словно бы освободился от мучившего его кошмара. Девушка шла рядом с ним, полуприкрыв глаза и по артистической привычке подстраивая к нему свой шаг. Они дошли до набережной Сены. Вода подействовала на юношу умиротворяюще.

— А знаешь, кем я хотел бы стать?.. — Юноша задумался, будто и сам был не уверен в своих желаниях. — Пожалуй, садовником... нет, лесником... Земля, лес, что есть более истинного? — Усмехнувшись, он подбросил свою монетку. — Сын профессора Альберто... — И добавил, обняв Хильду: — ... сегодня с красоткой раз. Завтра с красоткой два...

Назавтра он прогуливался уже с Гретой, чувствуя себя не менее влюбленным, продолжая тот же разговор. Наваждение. Иногда юноша брал девушку за плечи и пристально вглядывался в ее лицо.

— Ну, все-таки, должно быть какое-то различие, — бормотал он. — Ну, хоть мелочь... Что ты заладила: йа, йа... Так бы тебе и врезал!

Грета вскидывала брови и что-то беззвучно шептала, как глухонемая.

— Лучше пса бы себе завел, — ворчал Пьер. — Был бы понятливей.

Нельзя сказать, что Грета всегда молчала. Иногда она вдруг принималась щебетать, подкрепляя свою речь жестами.

— Хорошо, хорошо. Я все понял, — обрывал ее Дутр.

Пьеру было любопытно — о чем близняшки говорят между собой. Он себе представлял, как они ночью забираются под одеяло, и там вволю над ним хохочут. Сам Пьер по ночам долго не мог уснуть, мучаясь вопросом, которую из сестер он предпочитает. Дело в том, что, прогуливаясь с одной, он мечтал о другой, отсутствующей, пленнице. Иногда он вдруг начинал злиться.

— С тобой я гулял позавчера. Значит, вчера у меня вышел прокол с твоей сестрой. Теперь надо с тобой попробовать.

Девушка мучительно пыталась понять, отчего он вдруг разозлился, почему так свирепо стиснул ее руку. Пьер тянулся губами к ее лицу. Девушка его отталкивала.

— Ладно, подождем до завтра. Твоя сестра наверняка будет со мной понежнее.

Но сам Дутр не был в этом уверен. Ему стало казаться, что он гуляет все время с одной и той же девушкой. “Наверняка одна и та же”, — успокаивал себя Пьер. Приходило время обедать. Обедали они вчетвером. Одетта напротив него, Хильда — по левую руку, Грета — по правую. Если только... Ему подчас казалось, что это какой-то фокус, иллюзия. Ведь он и сам умеет умножать шарики, добывая их из пустоты, а потом все сливать в один. Но близняшки ели, болтали, и к Пьеру возвращалось чувство реальности.

Но только в чем состоит реальность? Он прислушивался к их голосам — не отличить. И вообще, сидящие боком друг к другу сестры казались зеркальным отражением друг друга. Однажды Пьеру вдруг почудилось, что у Греты волосы чуть более золотистые, а у Хильды лицо чуть поуже. Но нет, лишь разница в освещении на миг создала различие. Дутр вновь уткнулся в тарелку. Он всегда обедал молча. Девушки болтали с Одеттой по-немецки. Сперва он постоянно допрашивал Одетту: “Что Хильда сказала? Что Грета сказала?” Потом понял, что ничего мало-мальски интересного близняшки сказать не способны. Одетта была, наверное, права, что относилась к девушкам, как к манекенам, своего рода сценическому оборудованию. Все же прогулки по Парижу были для Пьера менее тягостными. Гуляя с одной, он тосковал по другой, но видеть их вместе было для юноши и вовсе невыносимо. Почему они хотя бы не одеваются по-разному? Он как-то раз спросил об этом Одетту. Та пожала плечами:

— Поначалу я пыталась их убедить... Уперлись, как ослицы! Кстати, они ужасные завистницы. Так их не отличить, но если одной досталось аплодисментов больше, чем другой, та сразу корчит физиономию.

— Но когда они не на сцене, могли бы хотя причесываться по-разному.

— Я тоже так думаю. Но сестричек, видимо, забавляет, что я их путаю. Соплячки, я же говорила!

Наконец Пьер перешел к решительным действиям. Во время прогулки с одной из девушек он купил франко-немецкий словарь и тут же отыскал слово “любить”. Но как сказать по-немецки “я люблю”? “Иш льеб”, что ли? Его спутница, — на этот раз Хильда, — заглянув в словарь, захихикала. “Их либе”, — произнесла она по слогам, растягивая губы. Как красиво это прозвучало в ее устах! Погода была великолепная. Они сидели на лавочке в Люксембургском саду. По газону, курлыча, прогуливались голуби. Дутр, показывая то на себя, то на

Хильду, произнес, как детскую считалочку: "Их... тебя... либе". Тут произошло нечто странное. Девушка еще продолжала хихикать, но уже нервно, и вдруг голубые зрачки ее глаз стали ярко-зелеными. Теребя перчатку, она повторила: "либе", так, словно впервые услышала это слово. Пьер добавил:

— Найн Грета.

Он поискал в словаре слово "только".

— Нур Хильда. Одну Хильду... Не Грету.

Хильда положила голову Пьеру на плечо. Он обнял девушку. Дутр был уверен, что Хильда ничего не расскажет Грете, ведь теперь он знал, что сестры завидуют друг другу.

На следующий день Пьер уже гулял с Гретой в парке Тюильри. Он и на этот раз решил воспользоваться словарем.

— Грета... Камерад... Гут камерад...

Он краем глаза взглянул на девушку. Нет, Хильда действительно ей ничего не рассказала о вчерашней прогулке. Грета смотрела на него с веселым удивлением. Пьер вздохнул. Ему казалось, что он вновь обращается к Хильде, только успевшей позабыть слово "либе". Юноша хотел, было, его напомнить, но спохватился. Лучше он приучит близняшек к разным словам, чтобы их различать. Пьер порылся в словаре:

— Фройндшафт. Дружба. Их... с тобой... фройндшафт...

— Йа, йа.

Вот все и разрешилось. Хильду он "либе", с Гретой у него "фройндшафт". Так уж вышло. Теперь он будет любить только Хильду. Но... сейчас-то рядом с ним Грета. Девушка, казалось, старается понять, зачем ему словарь. Пьер взял ее за руку. Грета произнесла длинную непонятную фразу и теперь выжидающе глядела на Пьера. Потом девушка вытянула губы. Надулась, что ли? Но, кажется, нет.

— Рот? — спросил Пьер. — Губы?.. А-а... понял... — Дутр перелистнул несколько страниц. — Кус?.. Поцеловать?.. Угадал?

— Йа... йа...

Девушка облегченно рассмеялась. Пьер стиснул руками ее голову, словно голодный — ломоть хлеба, словно жаждущий — сочный плод. Он был и голодным и жаждущим. Пьер впился в ее свежие губы. Так бы и не отрывался никогда! В его глазах плясали яркие точки. Это был уже не Дутр. И он уже не был одинок... Оторвавшись на миг, чтобы набрать воздуха, Пьер вновь прильнул к губам Греты. Какое блаженство!.. Он уже не в силах его терпеть. Едва не задохнувшись, со слезами на глазах, он чуть отстраняет голову девушки. Теперь он легонько касается ее лица губами. Какое чудо видеть женское лицо вблизи! Какими таинственными и бездонными кажутся ее глаза! Грета...

Пьер нащупал руку девушки и сжал ее. К его радости, Грета ответила на рукопожатие.

— Грета, — шептал юноша, — ты победила... Только ты!

Но при этом он подумал, что хорошо бы завтра вот так же точно, на этой же лавочке, сидеть с Хильдой, и его молнией пронзило чувство, сочетавшее омерзение с блаженством. Положив словарь в карман, юноша непринужденно улыбнулся.

— Кус? — спросил он.

Надо произнести волшебное слово. Теперь Пьер его знает и Грета не противится. Выучить бы побольше заветных слов, но как их отыскать в словаре?..

Вечером Дутр решил еще раз убедиться в магическом действии слова. Перед самым началом спектакля, когда одна из сестер переодевалась, он подкрался сзади и шепнул ей на ухо: “Фройндшафт?” Девушка мгновенно обернулась.

— Найн... Либел!

Это оказалась Хильда. Теперь он подобрал ключик к каждой. Ему, наконец, удалось победить абсурд. Он уже не боялся сцены. Публика, конечно же, и не догадывалась, что Дутру удался самый сложный трюк. Он шепнул связанной девушке:

— Грета... Кус?

И девушка наградила его страстным поцелуем. Как все оказалось просто! Грета вскоре станет его любовницей. Пускай даже потом он предпочтет Хильду, но по крайней мере теперь он избавлен от мучительного чувства, что влюблен лишь в зеркальное отражение. Он поприветствовал публику развязным жестом, вызвавшим смех в зале.

— Что с тобой? — спросила его в гримуборной Одетта, крепко взяв за руку.

— Со мной?... Ничего...

— Ты что, выпил?

— Оставь меня в покое.

Одетта направилась в соседнюю гримуборную, где в это время, весело посвистывая, переодевались сестры. Вскоре она вернулась.

— Уж лучше бы напился, — проворчала Одетта.

Она частенько приходила в беспричинное бешенство, злилась на двойняшек. Нередко устраивала Пьеру настоящие допросы, словно в чем-то его подозревала. Расспрашивала, где он гулял с очередной девушкой, что они видели, не повстречались ли им репортеры. Это был ее постоянный ужас. Дутр не разделял тревогу матери и, не опасаясь газетчиков, разгуливал по всему Парижу. Он давал двойняшкам уроки французского и на Марсовом поле, и на Тракадеро, в любом месте, где были лавочки и зелень. Грета научилась произносить слово “поцелуй”. Выговаривала она его как-то странно, по-детски. А Хильде все никак не давалось слово “любовь”.

— Не “люобов”, а “любовь”. “В” — мягкое.

Она была такая трогательная, со своей вытянутой шейкой, что Пьер не мог справиться с искушением обнять девушку. Ка-

кая, в конце концов, разница — Грета, Хильда. Которая первая уступит, та и хороша! Грета казалась более податливой. Во время прогулок с ней всякий раз наступал момент, когда словарь падал на землю и девушка страстно прижималась к Пьеру. Но когда им случалось проходить мимо какой-нибудь гостинички и юноша начинал ее легонько подталкивать к двери, девушка упиралась.

— Найн... ниht...

— Опять не так! — сердился Пьер. — Я же тебя люблю, дура... Где ты хочешь? В прицепе, что ли?... Дождешься, займусь твоей сестрой.

Наконец Дутр избрал другую тактику. Он отвел Грету в дорогой ювелирный магазин.

— Подарок... Браслет... Хочу подарить... — втолковывал он девушке.

Наконец Грета поняла и выбрала набор из семи золотых браслетиков.

— Называется "неделька", — пытался объяснить Пьер девушке. — Семь дней — семь браслетов... Каждый день думай обо мне.

На улице девушка поцеловала Пьера, и юноша решил, что он близок к цели. Еще немного терпения. Может быть, послезавтра... Но завтра он гуляет с Хильдой. Надо бы и ей купить браслет. Такой же точно, чтобы сестры друг другу не завидовали.

На следующий день Пьер отправился в ювелирный магазин уже с Хильдой.

— Но вчера, — удивился продавец, — мадам купила такой же браслет.

Дутр объяснил, что она уже успела его потерять. Хильда тут же нанизала кольца на запястье и любовалась браслетом с тем же точно выражением, что и Грета. С той же точно интонацией она поблагодарила Пьера: "Данке шён".

— Называется неделька, — объяснил Пьер. — Семь дней — семь браслетов. Каждый день думай обо мне.

В эту ночь Дутр заснул счастливый. Он был уверен, что обе девушки у него в руках.

— Все чудишь, — упрекнула его Одетта за утренним кофе.

— Что такое? Новые выдумки?..

— Мои выдумки!.. Лучше скажи, зачем ты подарил Грете два одинаковых браслета?

— Грете? Но я думал... — Пьер осекся.

— Идиот! — ласково произнесла Одетта, намазывая хлеб маслом.

— Но ведь вчера я должен был гулять с Хильдой.

— А вот и нет. Хильда приболела, и вместо нее пошла Грета. Я их расколола.

— Чуть какая! Грета бы наверняка призналась.

— Ох, и дурачина! — воскликнула Одетта. — Эта шлюшка хотела выведать, что у тебя с ее сестрой. Уж как она, наверное, потешалась, когда ты ей преподнес второй браслет.

Одетта встала, подошла к сыну и привычным жестом встряхнула его за плечи.

— Да проснись же ты! Они над тобой издеваются, обе. Их интересуют только деньги. Как только эти шлюшки поймут, что ничего с нас больше не поймеют, они сразу пошлют нас на фиг!

— Нет!

— Да! Они сами, возможно, этого еще не знают, а я знаю. Я ведь с ними частенько болтаю. Сама дура, что с ними связалась.

Грета! Девушка ему не уступила, но ведь она все же захотела узнать, что у него с ее сестрой. Ах, если бы можно было сделать выбор!

— А как она поступила со вторым браслетом? — спросил Дутр.

— Подарила Хильде. Надеюсь, дело не обошлось без склоки.

— Ужас! — воскликнул Пьер. — Ты понимаешь, что теперь...

Юноша стиснул руки, он весь побледнел. И впрямь, дурачина! "Называется "неделька". Семь браслетов — семь дней. Каждый день думай обо мне". Как Грета, должно быть, над ним в душе потешалась!

Ужинали они, как обычно, вчетвером. Девушки были похожи, как никогда, теперь еще и в одинаковых браслетах. Обе насмешливо поглядывали на Пьера. Дутр решил на последнюю попытку. Прогуливаясь по парку Монсо, он спросил девушку:

— Либе?.. Хильда?..

— Йа... Кус...

И вдруг, тщательно выговаривая слова, девушка произнесла по-французски:

— Грета... Мне рассказала...

Пьер вздрогнул.

— Когда ты успела научиться?

Но ответа Дутр слушать не стал, а сразу ушел, бросив девушку одну в парке. Хватит с него! Он сыт по горло фокусами! В этот день Пьер напился так, что хозяин кабачка выставил его за дверь. Одетта на него накричала. Он смутно помнил, что она даже закатила ему оплеуху. От выступления у него остались еще более туманные воспоминания. Проснулся он совсем разбитый. Первой была мысль: "Что мне делать?" Любить обоих разом, это слишком. Одну? Но ведь она все разболтает своей сестре — та будет словно соглядатай в спальне. Что же делать? Тупик!

Владимир копался в моторе.

— Влади, это ты научил их французскому?

Владимир неторопливо вытер руки о комбинезон и протянул Пьеру мизинец, который Дутр брезгливо пожал.

— Привет, привет. Так это ты их научил?

— Владимир не очень... Владимир сам плохо знает... Но они такие милые... Они ведь тебе чуть нравятся.

— Прекрати свои уроки, слышишь? Чему ты их можешь научить? Э-э, мэ-э... Ломаный, дурацкий язык... Смешно, право слово... Смешно...

За столом Пьер злобно молчал.

— Что с тобой? — спросила Одетта, когда двойняшки ушли.

— Ничего.

Одетта передала ему чашку кофе.

— Спасибо.

— Может быть, выпьешь шартреза?

— Я в полном порядке!

Надев очки, Одетта раскрыла папку с чертежами и начала их изучать, прихлебывая кофе. Ее громкое бульканье бесило Пьера, но упорное молчание матери было для него невыносимым. Пьер бросился на диван.

— Они законченные дуры, — сказала Одетта. — Если проболтаются, нам крышка.

— Плевать!

— Если на то пошло, я могу их вышвырнуть. Поставлю другой номер.

— Ни в коем случае. Я против!

— Ах, он против... Пока еще мне решать, мой мальчик.

Дутр приподнялся на локте.

— Тебе только того и надо. Вышвырнешь сестер, чтобы...

— Что такое? Ну-ка, договаривай!

— Сама знаешь.

Он закурил, откинувшись на спину и закрыв лицо рукой. Одетта оттолкнула папку и чашку. Чашка опрокинулась.

— Ну, хорошо, — устало произнесла она. — Давай все обсудим. Любой нормальный юноша на твоём месте...

— А я не нормальный.

— Именно! — воскликнула Одетта. — Ты ненормальный! Ты ведешь себя, как псих. Ты вылитый твой папаша! Посмотрел бы на себя со стороны... Только я могу тебя спасти... хотя бы насильно.

Одетта задыхалась. Пьер наблюдал за матерью сквозь растопыренные пальцы. Жалости к ней он не испытывал.

— Что ты собираешься делать?

— Все будет в порядке, малыш... Эти шлюшки нас не уделают, будь спокоен. Для начала заменю один из номеров с Аннегре каким-нибудь другим. Читением мыслей, например. Тут мы без них справимся. А девицы поймут, что ими недовольны.

Пьер вскочил с дивана.

— Это действительно возможно, читать мысли?

— Конечно нет, глупыш. Просто фокус.

— А-а, — разочарованно протянул Дутр, вновь плюхаясь на диван. — Очередной трюк.

— И очень, кстати, простой. Я тебе дам список фраз, ты их выучишь. Каждая обозначает определенный предмет. Зрители загадывают всегда одно и то же.

Одетта принялась увлеченно описывать сыну фокус, обращаясь жестами к невидимой публике.

— Ну, к примеру, я спрашиваю: “Что мадам вынула из своего кошелька?” Ты меня слушаешь?..

Она подошла к сыну и отвела его руку, которой он прикрывал лицо. Пьер плакал.

6

Дутру, казалось, повезло. Одна из двойняшек обожгла себе ухо щипцами для завивки волос, да так сильно, что пришлось отменить выступления, и была вынуждена залепить ожог пластырем. Теперь Грета была помечена. Впрочем, возможно, это была Хильда.

— Ну, доволен? — ворчливо допрашивала сына Одетта.

— Мне плевать, — отвечал Пьер.

— Сейчас у нас простой. Нанял бы машину, съездил в Бретань. Посмотри на себя — кожа да кости.

Одетта прекрасно знала, что никуда он не поедет, целыми днями будет крутиться возле прицепа. Сестры отчего-то помрачнели. Теперь они не расставались друг с другом. Одетта делала вид, что ничего не замечает. Она полюбила готовить. Частенько стояла у плиты, сверяясь с поваренной книгой. Когда мимо проходил Пьер, она провожала сына столь пронзительным взглядом, что тот, случалось, оборачивался.

— Что такое? Почему ты на меня так смотришь?

— Уж и поглядеть нельзя...

Впрочем, перепалка на том и заканчивалась. Вообще мать с сыном почти перестали разговаривать, словно боялись наговорить друг другу ужасных вещей. Дутр начал учить немецкий. Для практики он пытался беседовать с Владимиром. Это были странные беседы на смеси французского с немецким. Пьер всякий раз переводил разговор на двойняшек.

— Плохо, — говорил Владимир. Затем стучал себя пальцем по лбу. — Тебя... ударило солнцем... сошел с ума! — Потом добросовестно переводил на немецкий: — Наррих... Рихтинг!

И впрямь “наррих”! Поскольку сестра теперь была с Гретой безотлучно, Пьеру только и оставалось, что писать письма. Вооружившись словарем, он сочинял страстные любовные послания и по ночам забрасывал их в левое окно прицепа, возле которого спала Грета. Но не страшно, если они попадали в руки

Хильды. Наконец Пьер дождался ответа. Как-то вечером в его окно влетел бумажный комочек. Письмо было подписано Гретой. Дутр тотчас взялся за словарь, но и с помощью словаря не сумел его прочитать. Не в силах дождаться утра, Пьер, прямо в пижаме, побежал к водительской кабине, где спал Владимир.

— Это я, Влади... Да ты не пугайся, ничего не случилось... Вот, переведи эту записку.

Владимир включил свет и, шевеля губами, начал разбирать написанное.

— Ну, что там?

Вчитывался Владимир долго.

— Давай же, быстрее! — потерял терпение Пьер.

Печально покачав головой, великан вернул письмо Дутру.

— Плохо... Их двое... — И Владимир выставил вперед соединенные указательные пальцы.

— Да наплевать! — крикнул Пьер. — Она меня любит или нет?

Он весь дрожал. Казалось, решается вся его жизнь. Владимир словно хотел что-то сказать, но никак не мог решиться. Наконец он выдавил:

— Она... она сучка... Не верь!

И вдруг заговорил по-немецки, видимо, не находя французских слов.

Дутр разорвал письмо в клочки и швырнул их великану в лицо.

— Болван!

На следующий день Пьеру так и не удалось поговорить с Гретой. Хильда не отходила от нее ни на шаг. Однако обмен записками продолжался. Пьер складывал таинственные послания в свой бумажник. Он с жаром принялся за немецкий. Штудировал грамматику. Купил учебник и прилежно переводил фразы: "Папа курит трубку... Доска черного цвета..." У Пьера были явные способности к языкам, поэтому вскоре он уже смог разобрать отдельные слова, а одну записку почти расшифровал: "Мой милый... (далее две непонятных строчки)... когда я тебя вижу... (до конца строчки невнятица)... печаль... (или "тоска", или "сожаление", затем целых шесть непонятных строк)... так счастлива... (три непонятных слова)... твой рот... (далее до конца крошечный мрак и подпись: "Грета")."

— Ничего не ешь, — ворчала за обедом Одетта. — Готовишь тут на вас...

Пьер улыбался. Можно и поесть. Почему бы нет?

— Мог бы ответить, когда к тебе обращаются. Ты что, оглох?

Юноша и впрямь словно оглох. Он пожирал глазами Грету, помеченную полоской пластыря. Теперь Пьер знал, кого он любит. Хильда, видимо, переживала. Глаза Одетты метались

между ними тремя. Иногда она вдруг бросала салфетку и уходила из фургона грузным шагом. Троица на некоторое время замирала, а потом вновь принималась за еду. Тут Пьер и получал очередную записочку, которую потом приобщал к своей коллекции. Что там, в последнем письме? Может быть, попробовать ночью пробраться в прицеп? Но ведь стоит ему уйти, как близняшки передерутся. Наконец выступления возобновились. Теперь у Пьера появилась возможность поговорить с Гретой наедине...

— Погоди, — бросила ему Одетта. — Сегодня у тебя прогулки не получится.

— Почему это?

— Нам надо поработать.

— Но я...

— Садись! — приказала Одетта, голосом, не терпящим возражений.

Пьер сел. У матери был усталый вид. Она уселась на стул перед дверью.

— Я окончательно решила: будем ставить новый номер. Обойдемся без сестричек... Я их вышвырну. — Тут она словно потеряла над собой контроль. Ее лицо исказилось ненавистью. — Я их выгоню взащей! Две шлюхи смеют издеваться над моим мальчиком! Я им покажу, кто хозяйка! Они воображали, что я у них в руках... Что я на них делаю деньги... Они меня еще не знают...

Дутр встал.

— Куда ты?

— Ухожу. Если они уйдут, я тоже.

Мать с сыном долго глядели друг другу в глаза.

— Ты действительно это сделаешь? — прошептала Одетта.

— У парня моих лет нет ни папы, ни мамы. Твои слова. Я предпочту быть с ними, а не с тобой.

— Двоеженец, — фыркнула Одетта.

Они оба замолчали, едва сдерживая слезы. Одетта надела очки и была готова заняться своими бумагами.

— Но если... — все же спросила она, — они исчезнут... мало ли по какой причине?

— Я покончу с собой!

Одетта хмыкнула.

— Чудак-человек! Думаешь, так просто покончить с собой? Проще уж с другим, поверь мне. Но и это бесполезно. Любовь... твоя, по крайней мере... сплошное самолюбие...

Ее слова сыпались на Пьера, как оплеухи. Одетта, ухватившись за его рубашку, привлекла сына к себе.

— А я... Что ты обо мне думаешь, скажи? Ты воображил, что я хочу тебя присвоить... Мне надоели мужчины... Но ты мой сын... — Ее глаза увлажнились. Она крепко обняла сына за шею. — Я раньше не знала что это за чувство, — прошептала

Одетта. — Ты прав, мой мальчик, я на долгие годы о тебе забыла... Прости... Но сейчас... Я вовсе не хочу лишать тебя свободы, но для меня невыносимо, чтобы над тобой издевалась первая попавшаяся шлюха.

Дутр освободился от объятия. Одетта попыталась улыбнуться.

— Ты сильный, — пробормотала она. — А меня ты ненавидишь, потому что я не слабее.

— Они будут моими! — воскликнул Пьер.

— Обе?

— Обе.

— Не надейся, мой мальчик. Это безумие.

Дутр направился к двери.

— погоди! — приказала Одетта.

Она закурила сигарету и сурово взглянула на сына.

— Не забывай, что ты работаешь на меня. Я тебе сообщила, что собираюсь ставить новый номер. Впрочем, ты вправе отказаться.

— А что будет, если откажусь?

— Тогда тебе придется поискать другой ангажемент. Но, поверь, в любом случае твои подружки меня не разорят. Не этим дурам...

Дутр пальцем коснулся шляпы, непроизвольно повторив жест профессора Альберто. Однако уйти он все же не решился.

— Ну ладно... Давай работать!

Под диктовку Одетты он записал шестьдесят фраз, каждая из которых обозначала определенный предмет.

— Выучишь! — приказала Одетта. — Тебе дается десять дней.

— Почему так мало? Разве наш спектакль уже надоел публике?

— Нет.

— Тогда почему?

— Я подписала контракт с Ниццей.

— Мы уезжаем?

— Да.

— Но там мы могли бы показывать ту же программу... Что ты задумала?

Убедившись, что допрашивать Одетту бесполезно, Дутр принялся за работу. На прогулки у него уже не оставалось времени. Не этого ли добивалась мать? Если же она хотела отвлечь его от мыслей о двойняшках, то ей это не удалось. Пьер только и ждал случая пробраться в прицеп к той из сестер, которой выпало быть узницей. В пять Одетта отправлялась в дирекцию мюзик-холла, но, бывало, она тут же возвращалась, деловито похлопывая себя по карманам, словно забыла какую-то мелочь. Тогда Пьер начинал бубнить вслух: "Авторучка... шляпа... газета". Случая поговорить с девушками ему все не

представлялось. На сцене он работал машинально. Даже эпизод с поцелуем больше его не вдохновлял. К восторгу публики он уже привык. Когда Одетта уходила, он отпивал виски из бутылки, припрятанной в чемодане, курил сигарету за сигаретой. Иногда Пьеру хотелось биться головой об пол, искушать себе руки. Иногда он, наоборот, гладил себя по голове и подбадривал: “Ну, что ты скучился, Пьер?.. Держись, старина...” Потом подбрасывал отцовский доллар: “Орел?.. Решка?.. Если выпадет орел — рискну...”

Однажды выпал орел. Одетта только что ушла. Пьер видел в окно, как отправилась на прогулку одна из девушек. Пьер вышел из фургона. Воровато огляделся по сторонам. Никого.

Юноша был близок к обмороку. Сердце колотилось, дрожали колени, перед глазами расплывались красные пятна. Девушка лежала на ковре и листала журнал. Она подняла голову, пару раз моргнула и улыбнулась какой-то жалкой улыбкой. Юноша присел рядом с ней. Он чувствовал себя изможденным. Пьер дотронулся до руки девушки. Которой из двух? Неважно!

— Видишь, — прошептал он, — я пришел.

Он печально улыбнулся и зашептал ей немецкие слова, которые успел выучить, а потом поцеловал девушку в подставленные губы. Юношу охватила тоска. “Я погибаю”, — подумал он.

Вдруг девушка его оттолкнула и показала пальцем на дверь. Пьер выскочил из прицепа. Никого.

— Ты уверена? — спросил он девушку.

Впрочем, сам он не сомневался, что кто-то их видел и теперь уверен, что они любовники. А на самом-то деле... Пьер подошел к девушке.

— Найн... Нихт...

— Да погоди ты, я к тебе не прикоснусь...

Тут только он заметил у нее за ухом красное пятнышко. По крайней мере, теперь ясно, кто это.

— Кто заходил? Хильда? Нет? Тогда Одетта? Да отвечай же, идиотка!

Грета испуганно молчала.

— Ну не Владимир же? Если он, то наплевать!

Нет, по всей видимости, не Владимир. Скорее всего, девушка увидела только, как приоткрылась дверь, но она казалась сильно напуганной.

— Я им всем покажу! — бормотал Пьер, спускаясь из прицепа.

Одетта еще не вернулась. Владимира тоже не было видно. Впрочем, он не в счет. Пьер собрался, было, вернуться к Грете, но вдруг понял, что теперь к девушке равнодушен. Разоблаченная любовь потеряла для него всю прелесть. Возле фургона

остановилось такси. Из него вышла Хильда, вся раскрасневшаяся, словно куда-то бежала.

— Зинд зи аллайн?

— Да, я один, — ответил Пьер по-немецки. Девушка слегка испуганно взглянула на Пьера и вновь задала вопрос:

— Одетта давно ушла?

— Она ушла около получаса назад, — ответил Пьер.

Снова испуганный взгляд.

— Грета там?

— Конечно... А вы где были?

— Да так, посмотрела кино.

Хильда скрылась в прицепе, а Пьер вернулся в фургон и бросился на диван. Конечно, Хильда могла улизнуть, тут же схватить такси, сделать круг и вернуться. Но могла подглядеть и Одетта. Кто же враг?

Обедали, как всегда, вчетвером. Прошел обед почти весело. Одетта объявила, что все формальности улажены, и уже послезавтра они могут выехать. Перевела на немецкий.

— А сколько нам ехать? — поинтересовался Пьер.

— Дня три, — ответила Одетта.

Кто же враг? Давненько Одетта не была столь милой, а двойняшки столь внимательны к ее речам. Но Дутр чувствовал, что это лишь затишье перед бурей.

— Ну и денек, — вздыхала Одетта. — Столько хлопот перед отъездом...

И Одетта подробно рассказывала, что она успела сделать за день.

— Кому это интересно? — ворчал Пьер, подозревая, что мать стремится предоставить алиби.

Подозрительно себя вела и Хильда. Обычно молчаливая, она подробно пересказала содержание фильма. Выходило, что и у нее алиби. Может быть, и впрямь Грете лишь померещилось, что приоткрылась дверь. Но почему тогда во взглядах всех троих иногда вдруг проскальзывает нечто лживое и затаенная ненависть? А что, если они все трое сговорились против Пьера? Ну что ж, и Пьер не так прост. Он тоже делает вид, что ничего не понимает. Да, собственно, ему нечего терять. Пьер знал, что он в капкане.

Вечером, как всегда, орация. Но ведь это заслуга Одетты. Пьер научится хитрить, убедившись, что в ремесле фокусника это необходимо. После прощального выступления он преподнес матери огромный букет с запиской: "Моей колдунье". Одетта обняла сына за шею.

— Записочка лукавая, — шепнула она.

Пьер отстранился.

— погоди, малыш... Я тебе еще пригожусь, увидишь...

Вечером они пили шампанское.

— За твой успех, — провозгласил Пьер, чокаясь с Одеттой.

— За твою удачу!

Мать с сыном обменялись взглядами, потом улыбнулись двойняшкам.

— Прозит!

Дутру пришлось проводить Владимира до кабины. Глоток шампанского сокрушил великана. Пьер немного побродил вокруг фургона, любуясь закатным небом. Пахло мокрой листвою. Пьер думал, что он и впрямь не как все. В этот час юноши его лет сжимают в объятиях своих возлюбленных и шепчут: "Ты моя единственная. Люблю тебя одну". Хорошо им... Пьер присел на ступеньку фургона, обхватив голову руками. Другие! Другие проснутся утром, чмокнут жену и отправятся в свои конторы, на заводы. Они-то имеют дело с реальными предметами, а не с фикциями. И удачи их, и беды — настоящие...

Пьер поднялся в фургон, разделся и бросил печальный взгляд на карты, шарики, корзину. В колледже Дутр всегда перед сном молился. Теперь же он вместо молитвы повторял выученные фразы:

— Что у месье в руках? — Газета. — Какого цвета шуба у мадам? — Черная. — Из какого она меха? — Из каракуля. — На тридцатой фразе Пьер заснул.

7

Они сделали привал на подъезде к Бриньолю, на обочине шоссе. Наскоро пообедали, потом Дутр вынес из фургона четыре кресла.

— Принеси ликер, — попросила Одетта, — согреемся.

Пахло хвоей. Луна посеребрила ели. Время от времени мимо путешественников проносилась машина, и порыв пахучего ветра колыхал ветви деревьев. Пьер разлил ликер в рюмки.

— Позвать Влади? — спросил он.

— Пускай сперва закончит.

Владимир копался в моторе, отбрасывая длинную тень. Одна из девушек обратилась к Одетте по-немецки. Пьер понял. Она сказала: "Я быстро".

— Иа, — ответила Одетта.

Девушка поднялась в фургон, и было слышно, как она там гремит посудой, убирая со стола.

— Которая? — шепотом спросил Пьер.

— Грета, — шепнула Одетта и произнесла уже в полный голос: — Некуда рюмку поставить. Ты бы, сынок, вынес столик!

— Давайте я, — предложила Хильда.

— Буду очень благодарна. Все равно какой...

Хильда скрылась в прицепе. В окно фургона было видно, как Грета моет тарелки.

— Еще ликера? — предложила Одетта.

Она пила ликер маленькими глотками, а Пьер тем временем внимательно разглядывал надпись на фургоне: "Семейство Альберто".

— Как она долго, — произнес он. — Пойти, что ли, поторопить?

— Боишься, что сбежит? — пошутила Одетта.

Дутр закурил сигарету и недовольно взглянул на мать. Из прицепа донесся сдавленный крик и грохот падающих предметов. Пьер встал.

— Вот идиотка! Могла бы свет включить...

Дутр прислушивался.

— Беги, беги, — посоветовала Одетта. — Удобный момент зажать ее в углу. Дурак!

Отыскав в кабине фонарик, Пьер решительно направился к прицепу. Одетта поставила рюмку на землю.

— Хильда... Где вы?.. — донесся до нее шепот Пьера.

Пьер открыл дверцу прицепа. Одетта встала. Грета продолжала греметь тарелками. Владимир менял колесо. Одетта сделала несколько шагов в сторону прицепа, потом вдруг бросилась к нему бегом.

Дутр обернулся к матери.

— Она покончила с собой, — произнес он. — Удавилась...

Одетта заглянула в открытую дверь. Пьер осветил фонариком, и теперь они оба смогли разглядеть мертвую девушку, вокруг шеи которой, словно змея, обвилась веревка.

— Пьер, — ласково окликнула сына Одетта.

Дутр прикрыл глаза руками.

— Зачем? — прошептал он.

— Бедный мальчик!

На лице сына было написано такое горе, что Одетта непроизвольно отпрянула. Пьер тяжело опустился в кресло.

— Меня это не слишком-то удивило, — сказала Одетта.

Пьер отмахнулся от матери.

— Иди лучше скажи Владимиру, но тихо. Грета пусть пока ничего не знает...

Ночной кошмар продолжался. Когда же, наконец, наступит утро?

Одетта тронула Владимира за плечо. Великан вздрогнул.

— Хильда покончила с собой, — прошептала Одетта. — Убила себя... Ты понимаешь?

Казалось, Владимир ничего не понял. Одетта разъяснила:

— Удавилась... Вербкой...

Наконец великан поверил.

— Когда?

— Мы только что обнаружили.

Владимир, наморщив лоб, мучительно соображал. Что удавилась, это понятно. Ему приходилось видеть множество мер-

твцов, и застреленных, и повешенных, и покончивших с собой... Владимир неторопливо вытер руки о землю.

— Пошли! — скомандовала Одетта.

Однако Владимир пытался сформулировать какую-то мысль и перевести ее на французский.

— Умерла слишком ко времени, — наконец выдавил из себя великан.

Пока они шли к прицепу, Одетта слышала, как Владимир бормочет себе под нос:

— Не доверяю... Не доверяю...

Дутр передал фонарик Владимиру. Девушка была несомненно мертва — выпученные глаза, вывалившийся язык.

— Веревка! — шепнула Одетта.

Владимир развязал узел, обнажив красный рубец на шее девушки.

— Нет петли, — заметил Владимир.

— Слышишь? — бросила Одетта сыну.

— Ну и что? Потянула за два конца.

— Невозможно, — сказал Владимир.

— Что невозможно?

— Она бы раньше была без сознания.

Дутр обернулся к Одетте.

— Что он тут бормочет?

— Владимир утверждает, что человек не способен покончить с собой таким образом. Он просто теряет сознание.

— Она... убита, — уточнил Владимир.

— Кретин несчастный! — крикнул Пьер и, вырвав у великана фонарик, пробежал лучом по стенам. — Гляди, здесь никого нет! И войти никто не мог, дверь была у нас перед глазами...

Пьер осекся. Луч фонарика высветил перевернутый столик и шпагу с блистающим лезвием.

— Она вскрикнула, — вспомнила Одетта.

Дутр поднял шпагу и ткнул острием в ножку стола. Лезвие утонуло в рукоятке.

— Она вскрикнула... — повторила Одетта. — И в то же время на нее никто не мог напасть. Несомненное самоубийство.

— Нет, — сказал Владимир.

— Так что же? — спросил сбитый с толку Пьер.

Великан свернул веревку. Затем кивнул подбородком на вальявшееся в беспорядке сценическое оборудование и прошептал:

— Не доверяю.

Пьеру хотелось бежать куда глаза глядят. Но тут послышалось, как хлопнула дверь фургона.

— Где вы там? — крикнула Грета.

Они совсем забыли о девушке. Одетта взглянула на сына.

— Скажи ей ты... — попросил он мать. — Иди!

Они все трое вышли из прицепа. К ним уже спешила Грета. В своем белом платье она почудилась и матери, и сыну призраком погибшей сестры.

— Стой здесь! — приказала Одетта Владимиру.

Она подошла к девушке, и они отошли к деревьям, почти слившись с их тенью. Дутр ждал. Владимир тоже. У обоих было чувство, что именно сейчас-то и совершится настоящее преступление. До них доносился шепот Одетты. “Ну, скорей бы, скорей”, — думал Пьер. Ему уже было невмоготу. Одетта обняла девушку за плечи. Вдруг белый силуэт беззвучно рухнул на черный. Дутр упал на колени. Владимир бросился к Одетте, чтобы помочь ей держать девушку. Пьер остался один. В его голове проносились мысли: “Я страдаю... Моя мука невыносима... Но теперь я свободен... Любовь к двоим еще невыносимей... Спасибо, Хильда...” Проникший в открытую дверь прицепа лунный свет окрасил голубым ноги покойницы. Было слышно, как гулькают голубки. “Я теперь буду любить только тебя, Хильда, — проносилось в голове Пьера. — Для меня ты попросту сменила имя. Ты освободила... Теперь я могу жить. Спасибо...” Он поднялся в прицеп. На диване лежала веревка. Та самая, волшебная, с которой выступал профессор Альберто, по которой Аннегре каждый вечер взбиралась ввысь... Пьер поцеловал девушку в холодный лоб, потом отыскал простыню и накрыл ею мертвое тело.

Владимир направлялся к кабине, о чем-то вслух беседуя сам с собой. Тут к Пьеру вернулись силы. Он ринулся к фургону.

— Это ты... — начал Пьер, обращаясь к матери.

— А то кто же?

Одетта сидела на кровати, держа за руку неподвижно лежащую Грету. Пьер на цыпочках приблизился к кровати.

— Тихо, — шепнула Одетта. — Грета очень мужественная девушка, но ей пришлось выпить... Это нормально.

— Она спит?

— Нет.

— Ты ее спрашивала?..

— Да. Утверждает, что Хильда была очень несчастной.

— Почему?

— Поди знай.

Грета открыла глаза, посмотрела на Дутра и заплакала. Пьер увлек мать в глубь фургона.

— Нельзя Хильду вот так просто зарыть. Не знаю, что делают в подобных случаях... В полицию наверняка надо заявить...

Одетта внимательно смотрела на сына, терпеливо ожидая, пока он закончит. Наконец она заговорила.

— Ты что, хочешь полицейского расследования?

— Ну и что, констатируют самоубийство.

— Но мы должны будем признаться, что девушек было двое... Потом вспомни, что бормотал Владимир... Возможно, и полиция нам не поверит... Еще все четверо окажемся за решеткой.

— Это бред!

— Все возможно. А так никто не знает, что девушек было двое...

Дутр задумался.

— А публика? — напомнила Одетта. — Газетчики растрезвонят! Какой будет позор... И нам конец!

— Но ведь номер в любом случае...

— Это моя забота. Всегда можно найти выход.

— Но все равно нельзя Хильду зарыть, как собаку.

— Всех зарывают.

— И для Греты это будет...

— За нее не волнуйся. Она понятливая.

— Да, ты железный человек!

— А ты просто дурачок!

Одетта взглянула на часы.

— Двадцать минут третьего. Самое время... Оставайся с Гретой... Владимир мне поможет... Когда все будет готово, я вас позову.

Пьер уступил ей дорогу.

— Я тебя убедила? — спросила Одетта напоследок. — Потом не будешь меня упрекать?

— Еще поговорим.

— Когда пожелаешь.

Одетта вышла из фургона, оставив после себя запах табака и одеколona. Пьер присел на кровать рядом с девушкой. Он боялся взглянуть на дверь, словно на пороге могла появиться ее сестра. Но теперь-то как раз нечего стало опасаться.

— Грета, — зашептал Пьер, — я в отчаянии... Я ведь ее тоже любил... Не так, как вас, но любил... Не могу объяснить...

Грета погладила юношу по руке, но было видно, что она даже не пытается понять его слов.

— Это я виноват, — бормотал Пьер, — мой грех...

Дутр впал в забытье, из которого его вывела Одетта, легонько встряхнув за плечо.

— Все готово... Давайте скорей!..

Наступила самая страшная ночь в жизни Пьера. Владимир нес укутанное покрывалом тело. За ним следовала Одетта, вооруженная киркой и лопатой. Пьер вел за руку Грету, которая спотыкалась, как слепая. Растянувшись цепочкой, они уходили в глубь деревьев. Луна окрашивала сосны своим волшебным светом. Пахло смолой и лесными цветами. Рядом лепетал ручей. У Пьера вдруг появилось чувство упоительного приключения. Он приобнял Грету. Пьер радостно подумал, что теперь девушка принадлежит только ему, и, в то же время, он испытывал жгучую тоску.

— Пойдем дальше? — спросил Владимир.

Одетта притопнула ногой.

— Спустимся к воде, там легче копать.

На берегу ручья Одетта наметила лопатой контур могилы. Владимир молча принялся за работу. Пьер хотел ему помочь.

— Оставь! — приказала Одетта. — Ты будешь только мешать.

Она присела на пенёк. Пьер постепенно успокоился. Сцена теперь не вызывала в нем жутки. Он даже не избегал смотреть на лежавший в траве сверток. Владимир все глубже уходил в землю.

— Теперь можно, — сообщил он и поднялся из ямы. От его дыхания шел легкий пар.

— Взяли! — скомандовала Одетта.

Они подняли сверток и опустили его в могилу. Грета бросила туда горсть земли. Владимир, сложив руки, прочитал длинную молитву на каком-то непонятном языке, русском или польском.

— Никто ее здесь не найдет, — пробормотала Одетта.

Грета зарыдала.

— Уведи ее! — приказала Одетта сыну. — Мы сами все закончим.

Пьер и Грета возвращались по заколдованному лесу. Свет луны, падавший на искаженное мукой лицо девушки, наделил его невероятным сходством с лицом покойницы-сестры. Пьеру стало жутко, он ускорил шаги. Возле прицепа он поцеловал девушку, шепнув:

— Ничего не бойтесь, я буду рядом.

И Пьер отправился в фургон дожидаться возвращения Одетты. Почему, собственно, Грета должна чего-то бояться? Он и сам не знал... Через несколько недель, или, пускай, месяцев, только лишь девушка начнет забывать о гибели сестры, они с Гретой поженятся. А сам-то он сумеет забыть? Пьер не сомневался, что — да. Ах, как он хотел быть, наконец, счастливым!..

Одетта с Владимиром вернулись. Владимир спрятал кирку и лопату. Одетта налила себе стаканчик.

— Хлебни коньяку, малыш, — посоветовала она сыну. — Тебе сейчас необходимо... Она легла спать?

— Да.

Владимир согласился немного выпить. Потом он обратился к Одетте по-немецки. Та нахмурилась.

— Что такое? — спросил Пьер.

— Опять повторил, что самому себя задушить невозможно.

— Так что же, по его мнению, произошло?

— Да какая теперь разница? Она мертва... Умерла.

Владимир, отодвинув стакан, вновь произнес что-то по-немецки.

— Да что он бормочет?! — закричал Дутр. — Переведи!

— Он предполагает, что Хильде кто-то помог.

— Вот втемяшилось!

— Ладно, пошли спать... — закончила разговор Одетта. — Спокойной ночи!

Владимир отправился в кабину. Пьер предпочел спать на воздухе. День подкрался незаметно, как вор.

8

Спектакль еще не закончился, но Одетта уже поняла, что это полный провал. Действие катилось ни шатко-ни валко, под жиденькие аплодисменты. Публика была пресыщена всеми этими ярмарочными фокусами — картами, шариками. А ведь газеты кричали, что Аннегре — уникальная трансформаторша. Так где же ее трансформации?

За кулисами Пьер успел перемолвиться с матерью.

— Ну как?

— Безобразно. Если так пойдет, еще неделька — и нам придется собирать манатки... Ну хорошо, ты новичок... Но ты на нее посмотри — она, как сонная...

— Грета не сонная, — пробормотал Дутр. — Она боится.

— Чего?

— Ей страшно.

— Чего боится?

— Сама ее спроси.

Грета и впрямь выглядела испуганной. Когда подошло время трюка с индийским канатом, девушка долго ощупывала веревку, не решаясь по ней взобраться.

— Ну давай, быстрее! — шептала ей из-за кулис Одетта.

Вся бледная, девушка, наконец, взобралась под потолок и исчезла под черным покрывалом, которое накинуд на нее Владимир. В зале раздались смешки, публика уже откровенно потешалась. Без Хильды весь номер насмарку! Оставался номер с отгадыванием мыслей. К счастью, он шел получше. Поскольку Грета не принимала в нем участия, Пьер играл свою роль безо всякого вдохновения, но тут это было кстати.

— Что у меня в руке? — Кошелек. — А в нем что? — Серебряная пудреница.

За вопросом тут же следовал ответ. Дамы с интересом смотрели на красивого юношу, с повязкой на глазах, стоявшего по стойке "смирно", напоминая приговоренного к расстрелу. Приговоренного к расстрелу?.. Вот она, долгожданная идея! Одетта решила обыграть это сходство. Пьер будет шпионом. Они с Гретой изобразят военно-полевой суд. Грета наденет на Пьера повязку... Тут он скажет: "Я все равно слежу за каждым вашим действием. Сейчас вы берете револьвер..." И так далее... Шпиона расстреливают, и тело прячут в чемодан. Потом вдруг вспоминают, что его забыли обыскать... Открывают че-

модан и обнаруживают, что труп исчез... Потом его находят в корзине... А дальше — концовка... Одетта предчувствовала успех. Газетчикам она сообщит, что Аннегре устала и некоторое время не сможет делать трюки с трансформацией.

— Ты не очень-то перетруждался, — упрекнула она сына после спектакля.

Пьер дрожащими пальцами зажег сигарету.

— Что, полный крах? — спросил он.

— Возможно, все не так плохо. У меня есть одна идея...

Если эта психопатка согласится...

Только лишь зал опустел, Одетта велела Владимиру принести на сцену чемодан и корзину и тут же принялась излагать Пьеру свой замысел. Грета наблюдала за ними из-за кулисы.

— Переместись ты очень просто, — объясняла Одетта. — Сделаем два люка в полу. Ну как тебе?

— Я-то не против... А как она?

— Кто, Грета?

— Она может не согласиться...

— Ну, причем тут?.. Ведь тебя, а не ее, спрячут в чемодан.

— Но крышку должна закрывать она... Если это будешь делать ты, Грета откажется.

— Какая чушь! Она ведь прекрасно знает, что все будет в порядке.

Дутр перешел на шепот.

— Погляди, как она напугана... Обрати внимание на ее руки, на глаза... Она вздрагивает, когда с ней заговаривают... Грета убеждена, что причина гибели ее сестры — какой-то фокус.

— Фокус?

— Я знаю, что это звучит странно... Ну, или, допустим, что Хильда попала в западню...

— Это она тебе сказала?

— Нет, я понял по ее глазам.

— В западню... Но ведь ее должен кто-то подстроить!

Пьер неторопливо растер ботинком сигарету.

— Она не способна к абстрактному мышлению.

— А ты что по этому поводу думаешь? Ты, такой умный!

— Ну я-то...

Пьер повернулся на каблуках и подошел к девушке.

— Пойдемте, дорогая.

Грета смотрела на него глазами зверька, готового пуститься в бегство. Пьер ласково взял девушку за руку.

— Погодите! — приказала Одетта. — Надоели мне ваши нежности. — И она обратилась к Грете по-немецки.

— Найн, найн, — захныкала Грета.

— Отстань от нее! — крикнул Пьер.

— Знаешь что, мой дурачок... — начала Одетта, но не договорила. Ее взгляд метался между Пьером и Гретой.

— Ну ладно, потом поговорим... — решила она. — Влади оставит здесь все оборудование. Репетировать начнем завтра.

Одетта удалилась. Дутр протянул Владимиру пачку с сигаретами. Они оба закурили.

— Слушай, старина, — обратился Пьер к Владимиру, — объясни ты, наконец, Грете, что ей нечего бояться. Хильда покончила с собой.

— Покончила... невозможно... — запротестовал Владимир.

— Все равно скажи!.. Тебе ведь ничего не известно... Плевать мне, что ты об этом думаешь. Переводи, я приказываю! Хильда задушила сама себя... Ну, живо!

Великан достал носовой платок, вытер им руки, а потом уныло произнес фразу по-немецки.

Грета вскрикнула.

— Давай дальше! — приказал Пьер. — Хильда затянула веревку вокруг шеи и рванула за два конца... Другого объяснения быть не может.

Владимир что-то быстро протараторил.

— Переводи еще. Хильда завидовала. Она видела, как мы с тобой целовались... Теперь нам никто не помешает... Надо обо всем забыть... Никто не желает тебе зла... Ну и уж, разумеется, я...

Закончив перевод, великан бросил на Дутра виноватый взгляд.

— Прости, — пробормотал он. — Владимир опечален...

— Все, можешь идти.

Пьер остался наедине с Гретой. Шаги Владимира гулко отдавались в пустом театре.

— Грета...

Пьер медленно приближался к девушке.

— Грета... Теперь мы будем вместе...

Она покачала головой и вдруг зарыдала.

— Грета, ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Йа.

— Так значит...

— Их виль форт!

— Что такое?

Но Пьер и сам понял.

— Ты хочешь уехать? Тебе с нами плохо?

— Йа.

— Потому что нет Хильды?

— Йа.

— Хильда тебя не любила.

Грета оттолкнула Пьера, что-то гневно выкрикнув.

— Поверь мне, — настаивал Дутр. — Совсем не любила. Ты будешь последней дуручкой, если... Но я-то в конце концов с тобой... Их бин дох да!

Он крепко обнял девушку. Пускай Грета его не любит, но пусть хотя бы не противится его страсти... Пьер целовал ее веки, шею, его губы, скользнув по щеке, нащупали след от ожога. Как он любил эту отметину, превратившую Грету из призрака в земную женщину. Пьер как никогда остро ощущал тело девушки, его вес. Он подумал, что, возможно, именно смерть сестры даровала ей плоть. Грета пыталась что-то сказать, но Дутр прикрыл ей рот ладонью. Казалось, девушка полностью предалась его власти. Но нет, вдруг Пьер совсем близко увидел ее глаза, выражавшие неудовольствие. Ее губы уклонялись от поцелуев.

— Грета, любимая.

— Их хабе ангст...

— Ну это же смешно. Тебе нечего бояться.

Девушка оглядела сцену, ее взгляд задержался на столике, где лежал индийский канат, которым удавилась Хильда. Вдруг Грета бросилась Пьеру на грудь и произнесла несколько слов, которые он не понял. Дутр, взяв девушку за плечи, отстранил ее от себя.

— Взгляни на меня... Вот так! Слушай! Тебе ничего не грозит, никакой опасности... Нихт геферлих... Ты мне не веришь? Пойдем! — Пьер взял девушку за руку и провел ее по всей сцене. — Ну смотри... Это корзина с двойным дном... Ты же знаешь, что она совсем неопасная... Столик... конечно, с секретом, но тебе ведь хорошо известно, как он устроен... Шарик... Шпаги... ими нельзя заколоть... Веревка... самая обыкновенная... Другая... купили в обычном магазине... Так что, видишь, это все твои фантазии!

— Хильда... морден!

— Да, к сожалению, Хильда мертва.

— Найн... Морден!

Грета взяла шпагу и сделала выпад.

— Морден!

Пьер вздрогнул.

— Убита! Ты хочешь сказать, что ее убили? Дичь, чушь! Убита! Она была одна в прицепе. Что, найн? Кто ее мог убить?

Казалось, Грета пришла в ярость. Девушка хотела что-то сказать, ее губы шевелились, но, неожиданно повернувшись, она выбежала со сцены.

— Когда же это кончится! — воскликнул Пьер, бросившись ей вдогонку.

Их жизнь по-прежнему оставалась невыносимой, но выглядела более мирной. Ссоры прекратились. Одетта старалась держаться естественно. Грета пыталась улыбаться. За столом царил тягостное молчание. Им, собственно, и не о чем было говорить. О спектаклях? Они проходили с каждым разом все более уныло. О новой программе? В нее и сама Одетта теперь не слишком верила. Все трое избегали даже встречаться глазами,

однако исподволь следили друг за другом. Если первой вставала из-за стола Одетта, девушка молча за ней наблюдала. Если Грета — Одетта провожала ее взглядом. Если Пьер вставал за сигаретами, они обе глядели ему в спину. Иногда Грета зачесывала волосы так, что не было видно шрама. Тогда Дутру казалось, что за столом сидит Хильда. Его сердце начинало колотиться. Видимо, то же чувство испытывала и Одетта, которая принималась нервно барабанить пальцами по столу. “И движения, как у Хильды”, — думал Пьер, ощущая прилив тоски, что и так преследовала его постоянно.

Как-то раз, во время завтрака, Одетта его спросила:

— Ты ничего не заметил?

— Что именно?

— Обратил внимание на ее шею?

— Нет.

— Шрам... От него не осталось и следа.

Воцарилось тягостное молчание. За обедом Пьер в этом смог убедиться сам. След от ожога и впрямь исчез. Теперь уже Грету не отличить... Теперь он уже не был уверен, чье мертвое тело покоится в могиле на берегу ручья. “Я схожу с ума, — подумал Пьер. — Грета все равно ведь осталась Гретой”.

Новый спектакль провалился. Трюк с трупом, прыгающим из чемодана в корзину, производил впечатление одновременно и жуткое, и комическое. К тому еще — Одетта с Гретой одновременно на сцене... Невыносимо для обоих! Но Одетта не смирилась.

— Все, — решила она наконец. — Завязываем!

— Почему? — спросил Дутр.

Одетта слегка подбросила свои могучие груди.

— Потому.

Со следующего дня Одетта перестала делать зарядку и отменила диету. Заплатив неустойку дирекции театра, она начала обдумывать новый сценарий. Пьер не раз предлагал матери свою помощь.

— Отстань! — сердилась Одетта. — Пойди лучше прогуляйся. И ее с собой заberi. Эта мерзавка во всем виновата.

Дутр не спорил. Он вообще перестал спорить с матерью. Да они почти и не разговаривали. Прекратились беседы и с Гретой. Они гуляли молча. Девушка купила себе темные очки, скрыв под ними свои синие глаза. Она стала вялой и покорной.

— Вернемся? — робко спрашивал Пьер.

— Иа.

Прежде юноша мечтал, чтобы она превратилась в податливую куклу. Похоже, его мечты исполнились. Грета теперь покорно и равнодушно принимала его ласки. Ее лицо с каждым днем принимало все более неземное выражение. Лицо же измученной Одетты становилось похожим на гипсовую маску. Владимир избегал своих хозяев. Он отправлялся на рыбалку и

возвращался, что-то бормоча себе под нос. Погода стояла превосходная. Однажды газеты сообщили о пожаре вблизи Баньоля, как раз в том месте, где похоронили Хильду. Теперь уже тело наверняка не найдут. Но Хильда вернулась — с тех пор, как у Греты окончательно затянулся ожог, она стала неотличима от сестры. Одетте и Пьеру подчас казалось, что Хильда по-прежнему живет в прицепе. Они оба нервничали. Грета, когда оставалась одна, часто плакала. Она купила расписание поездов. Дутр как-то обнаружил его у нее в сумочке.

— Зачем тебе оно? — спросил Пьер у девушки. — Сбежать собралась, угадал? Я у тебя его конфискую.

Дутр показал расписание матери.

— Ясненько, — хмыкнула она. — Обрыдли мы ей. Впрочем, я ее понимаю.

— Нельзя Грету отпускать. Куда она поедет?

— Думаю, в Гамбург.

— Но это же глупо.

— Глупо ее не отпускать. Надо смотреть на вещи реально. Мы провалились! На нас с тобой публике наплевать. Ей подавай Аннегре. А номер, сам понимаешь... Вот и делай вывод.

— Надо что-то предпринять...

— Я и предпринимаю. Обращалась во все агентства. Один и тот же ответ: "Восстановите старый номер".

— А без нее что изменится?

— Многое. Я тут же отыщу для тебя ангажемент. Ну, может, не слишком...

— Спасибо! — воскликнул Пьер. — Выступать в крошечных зальчиках...

— Мы с твоим отцом много лет так и прожили.

— Это жизнь? То-то отец...

— Послушай, я...

— Я? Тебя нет, ты кончилась, а мне всего двадцать.

Они оба умолкли, тяжело дыша, как боксеры после раунда. В дверях появилась Грета в желтом платье, схваченном на талии витым пояском. Пьер тут же отвернулся от матери.

— Беги к ней, беги! Погуляй напоследок... Уже недолго, — услышал он за спиной ворчание Одетты.

Дутр взял девушку за руку. При каждой новой встрече в нем просыпалась безумная надежда. Они пошли к морю.

— Грета, — спросил Пьер, — это правда, что вы собираетесь уехать?

— Да.

— В Гамбург?

— Да.

— Вы знаете, что я вас люблю?

— Да.

Пьер вздохнул.

— Вы понимаете, что я хочу, чтобы мы поженились?

— Невозможно.

— Почему? Из-за Хильды?

— Йа.

— Но Хильда была бы не против.

— Хильда... морден.

Упряма как ослица! О чем бы не зашел разговор, все “морден” да “морден”. Ну и что дальше?

— Я вас не отпущу... Вы только моя... Никогда... Ньемалс!

— Найн.

— Грета, слушайте меня внимательно... вы хотите, чтобы я тоже... веревкой...

И показал жестом. Девушка схватила его за руки.

— Тогда не отказывай мне... Обними меня... Либе... Грета...

Но с тех пор Дутр никак не мог избавиться от мысли: Грета собирается уехать. Улучит момент и тайком сбежит. Пьер дал задание Владимиру:

— Ты ее сторожишь по ночам. Только так, чтобы она не заметила. А я — днем.

Однако и ночью Пьеру не было покоя. Он постоянно просыпался и открывал дверь, чтобы взглянуть на прицеп. “Бедняжка, — думал он. — Несчастливая узница... Я во всем виноват... Но в чем, собственно, моя вина? Я ее люблю, хочу ее защитить...” Он садился на ступеньку фургона и, не отрывая глаз от прицепа, подбрасывал отцовский доллар. Орел... Решка... Грета... Хильда...

9

Пьер теперь превратился в конвоира. С Греты он не спускал глаз. Девушка не хочет с ним гулять? Хорошо, Пьер следовал за ней в семи-восьми шагах, любуясь ее длинными ногами и чуть раскачивающимися бедрами, вдыхая запах ее духов. Иногда он, не выдержав, догонял девушку и нежно брал ее за руку. Грета не отнимала руки, но Пьер понимал, что и нежностью он не покорит ее сердце. Девушка вела себя, как во вражеском стане. Ела она очень мало и непременно сперва помяв пицу губами.

— Гляди-ка, — ворчала Одетта. — Боится, что мы ее отравим.

После обеда Грета запиралась в прицепе, и вообще вела себя так, словно показывала, что не имеет никакого отношения к группе. Одетта крутила пальцем у виска.

— Скоро в путь, — сообщила она Пьеру как-то утром, когда тот сидел на ступеньке фургона и брился, одновременно наблюдая за прицепом.

— Куда? — рассеянно спросил Дутр.

— В Тулон. Я отыскала ангажемент для тебя и этой... — Одетта кивнула в сторону прицепа. — Будете выступать в кинотеатре “Варьете” во время перерывов.

— Кинотеатр... Неужели все так плохо?

— Чего же хорошего? Иди сюда.

Пьер поднялся в фургон. Обнаженный по пояс, он словно внес в помещение дыхание юности, свет. Одетта смягчилась.

— Гляди, вот контракт. Прочти и подпиши.

— Пять тысяч за выступление? — удивился Дутр.

— Прекрасные условия.

— Ты что, серьезно? Мы же получали...

— Не забывай... про несчастный случай.

Мать с сыном молча посмотрели друг другу в глаза. Пьер сложил бритву и бросил ее на стол.

— Да, — повторил Дутр, — несчастный случай...

— Что случилось, то случилось. Будешь подписывать?

Одетта положила перед сыном авторучку. Пьер не шевельнулся.

— Иногда, — пробормотал он, — мне кажется, что умерла не Хильда...

Одетта протянула к сыну руку. Пьер отстранился.

— Может быть, Хильда меня любила...

— Да забудь ты наконец! Они одинаковые.

Пьер соскреб ногтем со щеки засохшую пену.

— Откуда они? — спросил Пьер.

— Что значит — откуда?

— Ну, где они жили до Гамбурга?

— Ты же знаешь, что в нашем кругу не принято выпрашивать... Как в иностранном легионе... Пережили оккупацию, которая, видимо, на них... А впрочем, думаю, что они обе слабые с рождения.

Дутр перечитал контракт.

— Но тут речь идет только обо мне.

— А вдруг она смоеется?

У Пьера свело мышцы.

— Зачем ей смываться?

— Ну нет, так и хорошо, — произнесла Одетта примирительным тоном. — Подписывай!

Пьер упрямо покачал головой. Мать вложила ручку в его пальцы.

— Подписывай, у нас нет выбора.

Они вновь посмотрели друг на друга в упор, но уже с неприкрытой яростью.

— Ты, конечно, свободен, но... не имеешь права отказаться... Ты ведь сам виноват, — напомнила Одетта. — Если бы не вторгся...

Дутр подписал. После этого за два дня мать с сыном не обменялись ни единым словом. По ночам Пьер ходил купаться, словно пытаясь залить водой тлевший в нем огонь, всегда готовый вспыхнуть могучим пламенем. Вода была теплой. Он лежал на спине среди медуз и морских звезд. Невдалеке гудели

пароходы. Пьер представлял, как винт вопьется в его тело — и конец! Но он вовсе не хотел умирать. Чего же он хочет? На это Пьер никак не мог найти ответа. Возможно, Людвиг дал ему хороший жизненный совет: “Морочь, ёрничай, блефуй!” Но уже поздно меняться... Дутр плыл к берегу и одевался. Он чувствовал усталость, но еще долго не мог заснуть.

Наконец Тулон. Зал оказался слишком просторным. Публика располагалась далеко от сцены, поэтому пропадали все эффекты. Зрители переговаривались, ели конфеты. Несколько номеров вызывали жиденькие аплодисменты. В отдалении звенел звонок. Закрывался занавес. Теперь надо было быстро собрать оборудование и покинуть сцену — вот-вот начнется фильм. В зале гас свет. Раздавались уже настоящие аплодисменты, в которых звучало предвкушение радости. Половина одиннадцатого. Ложиться спать еще рано. Владимир нес оборудование в фургон, а Дутр с двумя дамами отправлялся ужинать в кафе. Артисты, переодетые цыганами, наигрывали венские мелодии. Одетта опрокидывала рюмку за рюмкой. Пьер и Грета почти не пили, только курили, по очереди доставая сигареты из лежащей на столе пачки. Пьер упорно смотрел на щеку Греты. А может быть, Хильда все-таки жива? Придет время, она вернется, и все будет по-прежнему. Но прежде ведь был настоящий ад. А сейчас?..

— Грета!

Девушка словно не слышала. Будто зверек в клетке, она тоскливо смотрела в окно, где простирался морской простор. Мимо окна проходили матросы, девушка провожала их взглядом. Теперь, что бы Пьер ни говорил, Грета пропускала мимо ушей. Она была словно закована в броню своей ненависти. Что ему оставалось — рыдать? крепиться? Ну, а дальше? Беда, что у них, всех троих, не было будущего.

Они в молчании возвращались к фургонам.

— Спокойной ночи!

Теперь каждый оставался наедине с собой. Грета уж в который раз вспоминала ту страшную ночь. Пьер не мог оторвать глаз от индийского каната. Давно пора бы его выбросить! Во-первых, он напоминает о Хильде... К тому же этот номер все равно невозможно показывать в киношках. Одетта же сочиняла очередное послание друзьям, умоляя спасти честь семейства Альберто. Ответы были неутешительными. Друзья недоумевали, почему Одетта вдруг отказалась от сенсационного номера с Аннегре. Что же касается молодого Дутра, то ему пока еще далеко до отца.

После Тулона — Сент-Максим. Ангажемент в казино. Дутр и Грета были приняты доброжелательно. Пьер ходил от столика к столику и показывал мелкие фокусы. Одетта сидела в уголке, попивая коньяк. По вечерам она высказывала замечания.

— Ты слишком торопишься. Не гони, получится более эффективно. К тому же ты слишком много болтаешь, и на женщин не надо так глазеть... Смотри... Допустим, я клиент... Направься ко мне... Так, теперь слегка поклонись... Эта идиотка тоже... словно кол проглотила!..

Грета выслушивала замечания с полным равнодушием, однако наотрез отказалась участвовать в номере с отгадыванием мыслей.

— Ну почему? — допытывалась Одетта. — Ведь никакой опасности...

Наконец она махнула рукой, к облегчению Пьера.

“Хильда... морден!” Он больше не спорил с девушкой.

— Если бы кто-нибудь это услышал, мог бы невесть чего подумать! — пожаловался он Владимиру, как обычно копавшемуся в моторе.

Великан, казалось, был поглощен работой. Пьер присел рядом.

— А ты сам, Влади, что думаешь, признайся?

Владимир, вооружившись гаечным ключом, отправился подвинтить колесо. Дутр последовал за ним.

— Есть у тебя какое-нибудь предположение? Объяснение?

— Владимир глупый.

— Ну помог, хотя бы, успокоить Грету.

— У Владимира много дел.

— Послушай, Влади, это очень важно... Ты уверен, что Хильду убили?

— Наверняка.

— Хорошо, пусть так. Но кто? Ты же помнишь — мы втроем были друг у друга на глазах, а Грета мыла тарелки. Она единственная нас не видела, потому и сомневается... Я пытался ей объяснить... Если бы она поверила, то не отталкивала бы меня... Ты действительно уверен, что самому себя удушить невозможно?

— Наверняка.

— А если сильно дернуть?

— Невозможно... Владимир видел... В тюрьме.

Великан замолчал. Он терпеть не мог воспоминаний. Но Пьер от него не отставал.

— Послушай, Влади, ты ведь мастеришь... все эти штучки... Скажи, нельзя ли сделать так, чтобы веревка сама?.. Дурацкий, наверное, вопрос... Но ведь браконьеры ставят какие-то особые силки.

— Владимир ставил силки на зайцев... Нужна скользящая петля.

— Видишь, а там ее не было.

Дутр подошел вплотную к Владимиру.

— Неужели, — спросил он шепотом, — ты подозреваешь кого-то из нас?

Владимир вздрогнул.

— Нет, — пробормотал он с несчастным видом. — Не может быть.

— А Грета подозревает.

— Грета больная. И Владимир тоже... Плохо с головой.

— Так что же могло случиться?

— Я не знаю.

— погоди! Мой отец... Он лучше всех делал трюк с веревкой. Может, у него был какой-то секрет... Понимаешь, что я хочу сказать?

— Профессор мог все.

— Но если даже и так, что с того? В прицепе было много вещей с подвохом... Мало ли что могло произойти в темноте... Но веревка? Она ведь самая обычная, я ее разглядывал много раз... Что еще? — продолжал размышлять вслух Пьер. — Мог в прицеп забраться какой-нибудь бродяга. Но там никого не было, это точно!

— Хозяйка, — пробормотал Владимир, — очень умная... Такая же умная, как профессор... Возможно, она... понимает.

— Хозяйка! Попробуй-ка заставь ее говорить!.. Влади, поговори все-таки с Гретой... Расскажи ей только то, что видел своими глазами... Попытайся, Влади. Это мой последний шанс.

Прошло несколько дней. Настроение девушки несколько не изменилось. А вот настроение Одетты как раз менялось, и не в лучшую сторону. Контракт заканчивался, а нового ангажемента ей отыскать так и не удалось. Наступил август, мертвый сезон. Дутр тоже мучительно искал выход. От одной Греты толку мало, от стареющей Одетты еще меньше. Значит...

— Надо найти других двойняшек, не обязательно девушек, — сказал он как-то матери.

— Я и сама об этом думала, — вздохнула Одетта. — В цирках, мюзик-холлах их довольно много. Но ведь у них всех собственные номера, их знают в лицо... А если б нашли... куда бы ты дел Грету?

Пьер не решился ответить, что еще не расстался с мыслью жениться на девушке. Теперь уже Дутр частенько рылся в папке с описанием номеров, стараясь отыскать что-нибудь подходящее. В то время как Одетта продолжала атаковать агентов своими посланиями.

— Может быть, попробуем волшебный колодец? — предлагал Пьер матери.

— Слишком дорого, — отмахивалась Одетта.

— А сундук с цветами?

— Коронный номер Боба Диксона.

— А сфинкс?

— Один американец уже показывает его в "Медрано".

— Может быть, вызвать Людвига?

— У него гастроли.

Неожиданно Одетта получила ответ из Марсея. Им предложили контракт на пять дней — выступления в кинотеатре взамен заболевшего эквилибриста. Выбора у них не было.

— Я все подумываю, — призналась Одетта, — не продать ли наши фургоны.

— Если мы будем жить в гостинице, Грета наверняка сбежит.

Это была его навязчивая идея. С тех пор, как у Греты затянулся ожог, Дутр удвоил бдительность, словно ему уже приходилось стеречь двух девушек. Одетта же не уставала напоминать, что денег на счету остается все меньше и меньше, так стоит ли кормить лишний рот? Грета понимала, о чем идет речь, и часто плакала.

— Выживаешь ее! — кричал Пьер матери.

— Уж точно горевать не стану! — выкрикивала в ответ Одетта. — Скатертью дорожка!

Теперь, когда Пьеру надо было отлучиться, он запирал девушку на ключ. По городу же он водил ее за руку, как слепую. Дутр был уверен, что, стоит ему зазеваться, Грета замешается в толпу и сбежит. Он относился к ней, как к домашнему зверьку, нуждающемуся в хозяине, и постепенно свыкся с этой мыслью. Отпустить Грету на свободу? Какая чушь! В глубине души Пьер хотел, чтобы девушка жила его мыслями, чувствами. Он был готов ухаживать за ней, как за младенцем — одевать, мыть, кормить, поить. Грета, возможно, и впрямь была не целокупной личностью, а лишь половинкой, ведь сколько лет она неразлучно прожила с сестрой. Пьер мечтал заменить ее Грете. Но девушка вовсе не желала ему покориться.

Одетта каждое утро ходила на почту, но возвращалась ни с чем. Она ввела режим строжайшей экономии. Теперь ели они гораздо меньше, однако дымили всюю. Одетта как-то сникла. Она часто замирала, уставившись в пустоту, с погасшим бычком в углу рта. Потом тяжело поднималась на ноги, выплевывала окурки на пол и бормотала:

— Только на Бога остается надеяться.

Затем она садилась за стол, доставала свой блокнот, брала вторучку и выводила на чистом листе: "Дорогой друг!". Дальше этого дело не шло. Одетта вскакивала и начинала метаться по комнате, прихлебывая коньяк из рюмки. Хозяйство она забросила, все заботы взял на себя Владимир. Остальные трое целыми днями маялись от скуки. И, в то же время, не спускали друг с друга глаз. После обеда они раскладывали на воздухе шезлонги и подремывали бок-о-бок, отчаянно одинокие. Одетта предлагала отправиться в путь.

— Зачем? — спрашивал Пьер.

— А тут что делать?

Несколько раз они сходили в кино, возможно, для того, чтобы вновь ощутить дыхание зала, побыть среди людей. Но возвращаться после этого в фургон оказалось столь тягостно, что они прекратили свои вылазки.

Наконец Одетта получила-таки ответ. Импресарио предлагал двухнедельный ангажемент в Виши. Условия были разумными. Одетта тотчас приободрилась.

— Опять начнется... — уныло пробормотала Грета.

Пьер же повеселел и принялся изучать карту, предвкушая приятное путешествие. Арль, Ним, Клермон-Ферран, Сен-Флур... Время еще оставалось, так что они могли ехать не торопясь. Завтра на рассвете в путь!

Однако уже в дороге Пьер и Одетта вновь впали в уныние. Все четверо с тревогой ждали привала.

После ужина они присели на обочине шоссе, чтобы покурить перед сном. Курили молча, не решаясь даже взглянуть друг на друга. Лишь Владимир нарушил молчание:

— Снова полная луна, — сообщил он и, кивнув головой на прощание, отправился спать в кабину.

Из-за горизонта выползала огромная желтая луна. Все трое продолжали молчать. Струйки дыма переплетались в воздухе. Когда луна встала высоко в небе, сделавшись серебристой, как доллар, где, однако, трудно было угадать, орлом он обращен или решкой, Дутр решительно встал.

— Я хочу спать.

Женщины охотно поднялись вслед за ним.

— Спокойной ночи!

Пьер проводил девушку до прицепа и запер дверь на ключ. Грета не возражала. Ключ он спрятал в карман.

— Ну, и дурень же ты, — сказала сыну Одетта.

— Я знаю, что делаю.

Мать и сын посмотрели друг на друга в упор.

— Послушай... — начала Одетта.

— Слушаю!

Лицо Одетты было освещено луной, только глаза затаились в тени. Однако Пьер чувствовал, что они неотступно за ним следят. Вдруг Одетта отвернулась.

— Приятных сновидений, малыш.

Она поднялась в фургон, и Дутр остался в одиночестве. Он закурил новую сигарету, затем обошел фургон кругом. За ним скользила его черная тень. "Это мое зло, мой грех", — подумал Пьер. Небо сияло звездами. Посмотрев ввысь, он произнес в полный голос: "Но еще не конец". Перед сном он заглянул в клетку с голубками, почесал им грудки, головки. Ему показалось странным, что они оба до сих пор живы. Дурацкая мысль! Какое, собственно, отношение имеют эти птицы к двойняшкам? Голубки еще долго скребли в темноте лапками, мешая Пьеру уснуть.

Караван перевалил через гору. Дни тянулись томительно долго, ночи были тревожными. Пред ними расстилалась выжженная равнина, обрамленная на горизонте туманными холмами. Ехали они медленно, но остановок почти не делали. Останавливались только, чтобы перекусить. Заметив одинокий каштан, Владимир тормозил. Караван, кряхтя, останавливался. На завтрак каждому доставалось по бутерброду с ветчиной. Одетта расстегивала молнию своего комбинезона и растирала ляжки. Дутр откидывался на траву и закуривал. Грета задумчиво следила за парящим соколом. Владимир заливал воду в радиатор и подкручивал колеса. Затем он свистел в два пальца. Это означало, что привал закончен. В шесть вечера становилось полегче, жара спадала. Дутр отодвигал штору и некоторое время наблюдал за прицепом. Нет, оттуда не сбежишь. Вскоре они останавливались в какой-нибудь деревушке, чтобы запастись хлебом, ветчиной и пивом. Пьер отпирал прицеп. В небе загорались звезды. Одетта заметно нервничала, даже забывала о закуренной сигарете, пока тлеющий окурочок не обжигал ей пальцы. После ужина Владимир отправлялся в кабину. Грета покорно позволяла запереть себя в прицепе. Мать с сыном оставались наедине.

— Ты устал, — говорила Одетта. — Иди спать.

Пьер делал затяжку и предлагал, в свою очередь:

— Не жди меня, ложись...

Одетта не отвечала. Она внимательно наблюдала за сыном из-под полуприкрытых век. Пьер тоже следил за ней краем глаза. Луна вставала в зените. Постепенно холодало. Одетта наконец поднималась.

— Ты тоже не засиживайся, — говорила она Пьеру на прощание.

Взъерошив сыну волосы, она поднималась в фургон. Свет Одетта не зажигала, и Пьер знал, что она наблюдает за ним из окна. Наконец скрипела кушетка. Тогда Пьер на цыпочках пробирался к прицепу. Случалось, он прижимался к дверце всем телом, прикивал к ней губами и шептал: "Грета... Грета... Я тебя люблю... Я погибаю без тебя... Грета..."

Наутро Владимир будил всех скрипом клаксона...

Миновали Сен-Флур.

— Возле Иссуара сделаем последний привал, а завтра вечером будем уже в Виши, — сообщила Одетта, изучая карту.

— Тебе не кажется, что она становится все более... странной? — спросил Дутр.

— Эта? — кивнула мать в сторону прицепа.

— Кто же еще?

— Только мне и забот о ней думать! — Одетта налила себе кофе из термоса. — Хочешь?

— Нет, спасибо.

— Мне уже не терпится поговорить с Виллори.

— Кто это?

— Тот тип, который устроил нам ангажемент в Виши. Он жулик, но знает все ходы и выходы. — Одетта вскинула очки на лоб. — Мне тут пришла одна мыслишка. Я вспомнила номер, который когда-то видела в Берлине. И эта идиотка нам тоже пригодится.

— Прекрати.

— Дармоедок мне не нужно. Заруби себе на носу.

— Ну хорошо, хорошо... Что за номер?

— Он довольно сложный. Вечером вы все узнаете. А сейчас я непрочь перекусить. Мы уже пять часов в пути.

Караван тянулся по плоской равнине, украшенной руинами старинных замков. Дутр взглянул на прицеп. "Как ее, наверно, трясет там сзади", — подумал он. Часы показывали полдень.

— Тормози! — крикнула Одетта Владимиру. — Тут красивое местечко. Меня уже всю растрясло. Останови на перекрестке!

На лугу, за оградой, паслись две лошади. Они испуганно шарахнулись от людей и остановились поодаль. Та, что побольше, положила голову на круп той, что поменьше. Небо было синее, как на картинке. Рядом журчал ручеек. Дутр заметил в траве два гриба. Он сорвал один. Его розовая, влажная и теплая ножка напоминала полураскрытые губы.

— Накрывайте на стол, — распорядилась Одетта. — Я пойду разомнусь.

Пьер отыскал в кармане ключ и отпер дверь прицепа.

— Грета! — Пьер вошел внутрь. В прицепе царил сумрак. — Грета! — в ужасе крикнул Пьер. — И тут он ее увидел. — Нет... Нет... Это невозможно!

Он прикоснулся к окоченевшему телу. Его затрясло...

— Ах, какая красота! — восхищалась Одетта. — Хорошо б испушнуться! Тебе не хочется, Влади, раздеться догола и плюнуться? Мне так очень.

Она сбросила шлепанцы, закатала штанины и попробовала ногой воду, где резвились рыбешки. Владимир набрал ведра и взобрался на берег. Одетта с удовольствием бросилась бы в прохладную воду, но она вспомнила о сыне, и ее вновь охватила тревога. Вернувшись к фургонам, Одетта обнаружила, что Пьер так и не вынес стол.

— Пьер! — позвала она. — Не получив ответа, она бросилась к прицепу.

— Выходи! — кричала Одетта. — Что ты застрял?

Она заглянула в прицеп. Пьер лежал в обмороке. Рядом с ним — Грета со стянутым веревкой горлом. Одетта заскулила от ужаса, но тотчас взяла себя в руки и отправилась искать Владимира.

— Быстро сюда! — крикнула она. — Помоги мне... Грета мертва...

Владимир бережно прикоснулся сначала к одному, потом к другому телу.

— Грета... давно умерла, — прошептал он.

— С чего ты взял?

Владимир поднял руку девушки и показал Одетте ее окочевевшие пальцы.

— Много часов.

— Но как же так? Она вошла живая и здоровая, ты видел. Пьер ее запер. Мы ехали без остановок.

— Много часов, — повторил Владимир.

Он взвалил Пьера себе на плечи, вынес его из прицепа и положил на траву. Одетта принесла ведро с водой и плеснула Пьеру в лицо. Пьер открыл глаза. Было видно, как к нему возвращается память, а с ней и отчаяние.

— Это пройдет, — шепнул Владимир Одетте. — Он еще сумеет радоваться жизни.

Одетта удивленно на него взглянула. Ей никогда не приходилось слышать от Владимира столь длинной фразы по-французски. К ним подошли те две лошади. Владимир их отогнал, махая руками и выкрикивая иностранные слова. Это были, увы, единственные свидетели. Одетта задумалась. На этот раз ничего не скроешь. Куда подевалась знаменитая Аннегре? Значит, придется заявить в полицию... Одетта поднялась в прицеп. Грета лежала в том же углу, что прежде и Хильда. С тем же выражением лица. Тот же узел на шее. Зрелище было столь ужасным, что Владимир медлил в дверях, не решаясь зайти.

— Влади, — шепнула Одетта, — развяжи веревку. Я уже не могу!

Владимир взялся за работу. Одетта подняла взгляд к потолку. Вот и крючок!

— Готово? — спросила она.

— Да.

— Хорошо. Теперь слушай...

Одетта на миг задумалась. Владимир не отрывал от нее глаз.

— Вот что... Надо связать петлю и ее подвесить к потолку. Тогда никто не усомнится, что она покончила с собой. А то ведь...

На лице Владимира появилась гримаса отвращения.

— Мне тоже не нравится, — сказала Одетта. — Но делать нечего.

Владимир опустился на одно колено. Его левое веко задергалось. Великан бормотал:

— Владимир верный... но только не это... война закончилась... Хватит! Хватит!

Одетта потеряла руки одна об другую.

— Ладно... Иди, займись Пьером. Я сама справлюсь... Его сюда не пускай.

Она плотно прикрыла дверь, потом, взобравшись на табурет, перекинула веревку через крюк, связала петлю, накинула ее на шею девушки и подтянула ее к потолку. Грета оказалась легкой, как птичка. Она слегка покачивалась в петле. У ног девушки Одетта опрокинула табурет. Она вся обливалась потом, однако инсценировка была безупречной. Вдруг из глубины прицепа раздалось негромкое курлыканье. Одетта вздрогнула.

— Поганые твари, — проворчала она.

Она обтерла о ладжи вспотевшие руки, затем ощупью нашла дверь. Привыкнув к дневному свету, увидела, как Пьер, поддерживаемый Владимиром, делает первые неуверенные шаги. "Я его сохранила", — подумала Одетта.

— И ты решилась? — спросил Пьер.

— А следствие лучше? Сам знаешь, чем оно могло закончиться.

— И что мы выиграли?

— Теперь нам ничего не грозит... В путь!

— Прямо сейчас? — удивился Владимир.

— А чего ждать? В первом же городке заявим в полицию.

— Плохо, — пробормотал Владимир и направился к кабине.

Караван тронулся. Дутр чувствовал, что умирает. Он представлял себе раскачивающееся на веревке тело. Пьер вспоминал прогулки, аплодисменты, триумф. Либе... Невыносимое слово! Невыносимая жизнь! Видно, его судьба — оставаться младшим Дутром, скоморохом, и, подобно отцу, морочить людей. Одетта закурила очередную сигарету. Она прекрасно владела собой.

— Гляди по сторонам. Увидишь над домом флаг, это и будет полицейский участок, — сказала Одетта сыну и надолго замолчала.

Миновав несколько деревень, караван въехал в небольшой городок. "Потерпи еще немного, Грета", — подумал Пьер. Он сделал вид, что задремал, предоставляя действовать одной Одетте. Караван затормозил. Пьер слышал приближающиеся голоса.

— Мы ее обнаружили минут десять назад, — объясняла Одетта с необычным хладнокровием. — Остановились перекусить... Когда я убедилась, что несчастная малышка мертва, я решила все оставить, как есть.

Фургон покачнулся — видимо, полицейские поднялись в прицеп. Вскоре Одетта тронула сына за плечо.

— Они тебя зовут. Расскажи все, как было.

Вместе с Одеттой они вошли в здание полиции. Дутр разглядывал расклеенные на стенах плакаты. Один из них призы-

вал молодежь записываться в колониальные войска. На нем были изображены негритянки с острыми грудями и белый корабль, плывущий по синему морю. Может быть, вот он, выход? Дутр рассеянно отвечал на вопросы сержанта. Возраст?.. Профессия?.. Что такое?.. В каких отношениях я состоял с покойной?..

Тут вмешалась Одетта. Впрочем, сержант не слишком усердствовал. Очевидное самоубийство, что подтвердил и медэксперт, лишь взглянув на труп.

— Теперь можно моему сыну идти? — спросила Одетта.

Она довела Пьера до двери, шепнув на прощание:

— Жди меня в фургоне. Я скоро.

Дутр вышел на улицу. Возле фургонов толпилась кучка зевак. У Пьера вдруг возникло чувство, что закончился жизненный этап. Возможно, его юность. Ну что ж, он отринет прошлое, как Владимир, отшвырнет все, что было, словно булыжник с дороги.

Великан поджидал его возле фургона.

— Владимир уйдет, — сообщил он.

— Куда? — рассеянно поинтересовался Пьер.

Владимир кивнул подбородком вдоль дороги.

— Туда. Все равно...

— Ты нас хочешь покинуть?

— Да.

— Почему?

Владимир задумался, склонив голову. Пьер обратил внимание, что он надел чистую куртку, а через окно заметил в кабине собранный чемодан.

— Все кончено, — наконец ответил великан. — Альберто кончились. Девочки умерли... не сами...

— Ты все-таки думаешь?..

— Их убили... Морден.

Пьер сжал руки.

— Не надо, слышишь, не надо! Мне и так тошно. Морден! Ты словно подозреваешь... Признайся, тебе страшно?

— Нет, совсем нет!

Его лицо со впалыми щеками исказилось гримасой. Он прислонился к дверце кабины.

— Владимир любил малышей.

— Значит, и ты...

Пьер осекся. Мимо них прошел полицейский, самодовольно заложив большие пальцы за ремень.

— Что ты собираешься делать? — спросил Дутр.

Владимир пожал плечами.

— Останься! — попросил Пьер.

— Нет.

— Ты что вообразил?.. — Пьер схватил его за руку. — Говори! Говори же! Ты решил, что это мы?.. Потому и смываешься.

Ну и сваливай! Ты подумал, что с тобой будет? — У Пьера вдруг перехватило дыхание. — А ты подумал, что будет со мной? — выдавил он.

— Вы тоже уйдете...

— Ха, разойдемся в разные стороны! Вот что ты предлагаешь?.. Катись, придурок!

Из здания полиции вышла Одетта. Выражение ее лица было столь же суровым и решительным, как во время репетиций. Она тут же все поняла.

— Смыться задумал! Бежишь, как крыса с корабля!

Владимир молча опустил голову.

— Не воображай, что я тебя буду удерживать. Пьер, дай ему денег. Не хочу, чтобы он побирался.

Владимир достал из кабины чемодан.

— Можно, я заберу голубей? — попросил он.

— На здоровье! — ответила Одетта.

Единым махом он влетел в фургон и вернулся с клеткой. Затем, под любопытными взглядами зевак, Владимир поцеловал Одетте руку, пробормотав:

— Я друг... Всегда друг.

Он уходил в сторону железнодорожного вокзала с чемоданом в руке, прижимая к груди клетку. Одетта провожала его взглядом.

— Пьер, — произнесла она хрипло, — как бы мне хотелось, чтобы ты стал личностью... Как он! — И она отвернулась, бросив взгляд на свою руку, нервно перебирающую пальцами.

— Знаешь, — вздохнула она, — тебе лучше уехать. Подождешь меня в Виши. А я загоню фургоны в гараж и за пару дней завершу все формальности. Только бы мне добраться до Виллори... Отправляйся, ты мне здесь только обуза!

Уже на другой день Дутр добрался до Виши. Он выбрал гостиницу подешевле, понимая, что их с Одеттой ожидают трудные времена. Вечерело. Пьер не чувствовал тоски, да и вообще ничего не чувствовал, он был, как мертвый. Пьер подумал, что так теперь и будет существовать — как автомат, без любви, без желаний, без стремлений. Он понимал, что все больше становится похож на своего отца и вскоре усвоит все его повадки. И тоже будет метаться из города в город под псевдонимом "профессор Альберто". Как и он будет испытывать все превратности судьбы, как и он потешать приказчиков, служанок, школяров. А наступит день, так же вытянется на кровати, облаченный в черный фрак с бутоньеркой, оставив всего наследства — серебряный доллар. Глаза Пьера увлажнились последний раз в жизни.

11

Виллори оказался толстяком, постоянно вытирающим желтым платком свою потную шею, в то время как пальцами левой руки выбивал дробь по мраморному столику.

— Так, значит, у нее не было ни малейшей причины покончить с собой? — спросил толстяк.

Одетта брезгливо понюхала аперитив, потом отхлебнула глоток.

— Ни малейшей, — отрезала она.

— Н-да, весьма странное самоубийство. В фургоне, когда трясет и мотает во все стороны. Значит, ей уж очень нетерпелось расстаться с жизнью!

— Ей действительно нетерпелось расстаться с жизнью, — подтвердила Одетта.

Виллори показал пальцем на Пьера, потом на Одетту.

— А никто из вас?..

— Нет.

— Ну и ладно. Это, собственно, не мое дело.

Он отхлебнул перно, задумчиво переводя взгляд с матери на сына.

— Да, — повторил Виллори, — не мое дело... Было бы, если б это самоубийство не отразилось на ваших делах...

— Я понимаю, — буркнула Одетта.

— А я вот не уверен, что вы полностью понимаете ситуацию. — Виллори наклонился к Одетте, обдав ее запахом перно. — Я читаю газеты, — произнес он в полголоса, — и знаю, что следствие закончено. Вы вне подозрений, поздравляю! Но, когда я обзваниваю антрепренеров, стоит произнести ваше имя, следует один и тот же ответ. Какой?.. Те самые Альберто? У которых девочка покончила с собой? Спасибо, не надо! — Он воздел свой толстый палец. — Я, конечно, буду пытаться еще. Возможно, к моей рекомендации в конце концов прислушаются. Ко мне вообще прислушиваются, вы знаете, — довольно хмыкнув, напомнил Виллори. — Но все равно платить вам будут сущие гроши. — Он поудобней устроился в кресле, заложив ногу за ногу, и скорбно произнес: — Что поделаться?.. Придется согласиться и на это... Да, ваше положение не ахти... Кстати, что малыш умеет?

— Все.

Виллори расхохотался.

— Ну, разумеется. Мастер на все руки — карты, цветы, шарiki... Где ваше оборудование?

— В фургоне.

— У меня есть покупатель.

— Мы не собираемся продавать.

— Он купит все разом — и фургоны тоже.

— Кто он такой?

— Имя вам ничего не скажет. Итальянец, владелец небольшого цирка. Фургон, прицеп... Они не первой молодости... Миллион восемьсот — красная цена!

Одетта подозвала официанта.

— Подождите! — воскликнул Виллори. — Не отказывайтесь! Вам все равно придется продать, а сезон заканчивается. Ну, хорошо, два миллиона, и за мной — ангажемент.

— Я хочу оставить “бьюик” и прицеп, — спокойно произнесла Одетта, — а за остальное — полтора миллиона.

— Попытаюсь его убедить, — охотно согласился импресарио. — Он пересчитал на ладони мелочь, затем допил ликер. — Встретимся здесь же через три дня, — сказал Виллори на прощание. — Возможно, у меня будет к вам предложение. — И он направился к выходу, ловко лавируя между столиками, а затем погрузился в крошечную “симку”.

— Сукин сын, — проворчала Одетта. — Официант, еще рюмку!.. Все молчишь! — набросилась она на сына.

— А что говорить?

— Ты хоть понимаешь, что этот мерзавец собирается нас ограбить? Два миллиона!..

— И сколько мы на них протянем?

— Как получится, — вздохнула Одетта. — Мне уже пришлось убедиться, что, когда начинаешь проедать последнее, очень скоро оказываешься на мели.

Она яростно осушила рюмку. Дутр протянул ей пачку сигарет.

— До “Галуаз” докатились, — хмыкнула Одетта.

Она оттолкнула пачку, затем достала листок бумаги и принялась подсчитывать. Потом разорвала листок в клочки. На ее лице появилось выражение отчаяния.

— Увы, — произнесла Одетта, — наш хлам больше не стоит. — И добавила сквозь зубы: — Мне одной бы...

— Повтори! — потребовал Дутр.

— Что именно?

— Последнее.

Мать с сыном обменялись яростными взглядами. Вдруг Пьер почувствовал усталость и отвел глаза.

— Я понимаю... — начал он.

— Помолчи! — приказала Одетта. — С завтрашнего дня — за работу. И хватит болтовни!

Впрочем, Одетта взялась за работу в тот же день. Начала с физкультуры. Дутр из соседней комнаты слышал ее грузные прыжки. “Все без толку”, — подумал Пьер. Он распахнул окно. Простершаяся внизу улочка оглушила его своей тишиной. Уж лучше живые звуки, доносящиеся из-за стенки. Он закрыл окно и принялся метаться из угла в угол.

— Поработал бы, что ли! — крикнула ему мать.

Дутр присел на кровать. Из соседней комнаты доносилось сопение Одетты. “С ней... Один на один... Год за годом...”, — подумал Пьер в ужасе. Вдруг он, как наяву, увидел погибших сестер. Их было двое, но они норовили слиться воедино. Стена раздалась, как занавес, Пьер почувствовал себя на сцене. Пе-

ред ним бурлит рукоплескающий зал. Пьер кланяется, крепко сжав руку партнерши. Занавес падает. Дутр вновь один, его рука пуста. Один на один с Одеттой. Пьер подбросил доллар. Решка сулит свободу. Свобода... Если даже и так, то как ею распорядиться?.. Пьер встал и отправился в комнату Одетты.

— Мог бы постучаться.

— Прости.

Одетта запахнула халат.

— Дай сигарету, — попросила она. — Мне надо сбросить килограмм десять. Разжирела, как свинья... Ну, что тебе? Не молчи, как пень.

— Мне бы хотелось действительно превратиться в пень.

Одетта положила руку сыну на плечо.

— Ты так страдаешь? Я тебя, наверно, раздражаю. Я старая, некрасивая. Но малыш... я очень рада, что у меня есть ты. Утром ты мог подумать... Это не так... Мы выпутаемся, я тебе обещаю! — Она погладила сына по затылку. — Весь сжался! Не доверяешь мне. Поверь, я тебе не враг. — Отошла от Пьера и выпустила клуб дыма. — Я иногда забываю, что ты его сын, — пробормотала она. — Бывали дни, когда я думала: лучше б он меня убил! Уставится, так же, как ты... Вы, мужчины, всегда смотрите прокурорским взором. Ну, давай, допрашивай меня!

Пьер вышел из комнаты. Он решил прогуляться. Странно — рядом с Одеттой он задыхался, а без нее чувствовал себя совсем брошенным. Он неторопливо бродил по соседним с гостиницей улочкам. Пока еще у них оставались какие-то деньги, но Пьер уже внутренне готовился к нищете. Она его не страшила. Скорее, наоборот, он даже хотел лишиться всего, вплоть до имени... Дойти до края. С самого начала он шел шагком за шагком, словно канатоходец, к неведомой цели. Через кратковременный успех в Брюсселе и Париже к... А действительно, к чему? Пока неведомо. Однако Пьер был уверен в неумолимой последовательности событий. Значит, и смерть Греты... Дутр вернулся в гостиницу. Одетта, как прежде, в халате, рылась в бумагах.

— Ну что, надумал? — спросила она. — Хочешь о чем-то спросить?

— Да нет.

Он взглянул на список выбранных Одеттой номеров.

— Опять трюк с корзиной?

— Да, трюк с корзиной! Да, опять! — разозлилась Одетта. — Что ты еще умеешь? А теперь давай-ка подрепетируем чтение мыслей...

Репетиция затянулась до позднего вечера. Потом мать с сыном поужинали в маленьком ресторанчике, где стоял такой гам, что они были избавлены от необходимости беседовать. Ела Одетта мало, зато много пила. Возвращались они по пустынным улицам, где ветер гнал первые опавшие листья.

— Возьми меня под руку, — попросила Одетта.

Через некоторое время она остановилась, чтобы отдышаться.

— Да, малыш, — вздохнула Одетта, — бросил нас Владимир. Не понимаю, почему так поспешно.

Пьер грубо оттолкнул мать, но она, как ни в чем не бывало, вновь оперлась о руку сына, и они продолжили путь. На этот раз первым молчание нарушил Пьер.

— Он уверен, что девочек убили, потому нас и бросил. Ты это знаешь не хуже меня.

— Но так сразу.

— А чего ждать? Он уже сыт по горло всякими фокусами и волшебными канатами!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал.

Они подошли к гостинице.

— Спокойной ночи, — буркнул Пьер. — Я еще подышу воздухом.

Проводив сына взглядом, Одетта тяжело поднялась по ступенькам.

Наутро позвонил Виллори.

— Он что-то нашел? — спросил Дутр, репетирующий трюк с картами.

— Жди! — хмыкнула Одетта. — Он будет водить за нос, пока я не соглашусь на его предложение. Продолжай работать... Я через часок вернусь.

Одетта переоделась в свое черное платье, надела украшения, шляпку, потом погляделась в зеркало.

— Моя бедная девочка, — пробормотала она, — ты безнадежно вышла в тираж.

Пьер машинально тасовал колоду. Одетта остановилась на пороге и бросила последний взгляд на сына, тощего, изящного, ловкого и упрямого.

— Еще поборемся, — сказала она. — Он уверен, что мне крышка. Так все думают. Поглядим! — И хлопнула дверью.

Пьер пожал плечами и продолжил тренировку. Трюки с картами он все еще любил. Возможно, и они ему скоро прискучат. Покончив с картами, Пьер занялся шариками. Он жонглировал тремя — красным, белым и черным, — наблюдая за своими движениями в зеркало. Вдруг он вспомнил о Грете. Шарик один за другим попадали на пол и медленно покатались в сторону окна. Дутр ждал, пока схлынет тоска. Он уже знал по опыту, что понадобится две-три минуты. В его воображении возникал образ Греты, как проявляется фотоснимок. Именно ли Грета? Может быть, скорее, Хильда? Неважно, это была Она! Потом фотоснимок начал бледнеть, лицо девушки подернулось дымкой. Вот образ почти исчез, Дутр почувствовал боль в животе. Он жалобно застонал. Все... При-

ступ закончился... Пьер собрал с пола шарики и вновь принялся за работу. Белый... черный... красный... Все быстрее и быстрее. Никогда еще у него не получалось лучше. Движения четкие, как у автомата. Какое горькое и упоительное счастье быть автоматом! Автомат... Дутр погляделся в зеркало. Затем принял позу и выражение манекена в витрине магазина. Нет, все-таки не похож. Пьер достал из шкафчика всю косметику Одетты — помаду, пудру, тени... С их помощью он попытался придать своему лицу полное сходство с манекеном. Потом вновь погляделся в зеркало. Пока еще не вовсе робот, но уже и не младший Дутр — некое существо без прошлого, без общественного статуса, без любви, без ненависти... Пьер попытался себе внушить, что у него вместо души лишь колесики, шестеренки и пружинки. Сходство с роботом увеличилось. Пьер взглянул на часы. Ему пришло в голову моргать ресницами в такт секундной стрелке. Игра его увлекла. Наконец он устал, отошел от зеркала и стер косметику с лица. Пора бы вернуться к Одетте.

Она вошла в комнату и удивленно поглядела на сына.

— Ты что, набрался?

— Нет, прикинул один фокус. А как у тебя?

— Я его все-таки добила. Есть ангажемент! Так себе, конечно, — неделя там, неделя сям. Короче говоря, собирайся. Мы уезжаем.

— Куда?

— В Монлюсон. Очередной кинотеатр, называется “Рекс”.

Уже на следующий день прошло первое выступление. Приняли их неплохо. Одетта не скрывала своей радости и решила отметить это событие в дорогом ресторане.

— Пускай еще немножко разжирею, но наш успех необходимо спрыснуть. Да улыбнись же, малыш! Что ты вечно насуспенный? Ты не рад?

— Рад.

— Ты что, меня стыдишься?.. И так видно, что ты мой сын.

Она попыталась взять Пьера за руку. Тот уклонился. Однако Одетта была столь счастлива, что не обиделась.

Дутр ел, уткнувшись в тарелку. Он проигрывал в воображении свой будущий номер. Пожалуй, ему удастся манипулировать шариками и монетками, держа торс и лицо неподвижными. Очень трудно, но возможно. Иллюзионист-робот... Такого еще никогда не было.

— Ты что, не голоден? — спросила Одетта.

— С чего ты взяла?

— Ты плохо кушаешь.

— Да нет, я ем.

Радость Одетты постепенно спадала. Она внимательно наблюдала за сыном.

— О чем ты задумался?

Пьер поднял голову от тарелки, постаравшись придать лицу выражение манекена. Одетта вздрогнула.

— Перестань! У тебя дурацкий вид.

Пьер вновь опустил голову, испытывая тайное удовлетворение. Немного упорства, и они будут спасены. А он ведь упорный.

Когда Одетта уходила по делам, Пьер становился перед зеркалом и принимался за работу. Он искал точное выражение лица, старался овладеть каждым мускулом. Очень важно найти выражение глаз. Тут для него образцом служили глаза двойняшек. Потом Дутр отрабатывал позу. Его тело противилось неподвижности. Ему пришлось задействовать мышцы и нервные волокна, о существовании которых он прежде и не догадывался. Но пока лишь на короткое мгновение в зеркале вдруг отражался настоящий робот — существо лишенное души...

После Монлюсона — Тур, после Тура — Орлеан. Зарабатывали гроши. Одетта начала худеть, но больше от переживаний.

— Бьешься, как рыба об лед... — ворчала она.

Пьер даже и не прислушивался к бормотанию матери. Он был уверен, что близится миг его торжества. Вскоре он будет неотличим от робота. Тогда — прощай, Дутр. Он превратится в бесчувственный манекен, в невидимку, так как всегда будет скрыт маской. Но при том сам-то будет все слышать и все видеть, а ведь люди не таятся перед манекеном.

— Ты что, заболел? — допытывалась у сына Одетта.

— Здоров, как никогда.

— Тогда почему у тебя такой скучный вид?

— Мне некогда скучать.

Одетта недоумевала. Пьер всегда был молчуном, но теперь окончательно замкнулся. И в то же время репетировал с необычайным упорством, что начинало приносить плоды. Публика принимала его все лучше и лучше. Когда Дутр выступал в Лионе, газета "Прогресс" напечатала заметку под заголовком "Равнодушный волшебник", в которой одобрила отрешенный облик артиста. С тех пор он перестал кланяться публике. Когда раздавались аплодисменты, Пьер, небрежно облокотясь о кулису, принимался подбрасывать отцовский доллар, больше не скрывая своего пренебрежения к залу.

— Ты нашел свой жанр, — неохотно признавала Одетта. — Но это опасный путь!

Она называла это жанром, не понимая, что Пьер все время представлял, что по правую руку от него стоит Хильда, по левую — Грета, как два надежных стража. Пьер все больше подчеркивал свое безразличие к публике, даже как-то раз начал на сцене позевывать, прикрывшись левой рукой, в то время как правой, живущей словно бы отдельно от тела, продолжал

манипулировать шариками и монетками. Успех у публики стал очевиден даже Виллори. После этого выступления он пригласил Одетту с Пьером на обед.

— Ваш мальчуган меня просто поразил, — признался Виллори Одетте.

— Какой мальчуган? — поинтересовался Пьер.

— Ты, о тебе речь.

— Я вовсе не мальчуган, — равнодушно заметил Дутр. — Попрошу вас в дальнейшем выражаться повежливей.

Еще более пораженный импресарио повернулся к Одетте.

— Его как подменили. Это что, уже другой парень?

— Мне тоже кажется, что он сильно изменился, — вздохнула Одетта.

— Давайте к делу! — отрезал Дутр. — Мне нужен ангажемент в Париже. Там я покажу программу, которая вас еще больше изумит.

Чтобы дать себе время на размышление, Виллори закурил сигару.

— Только в Париже, — подчеркнул Пьер. — И, разумеется, никаких кинотеатров.

— Но так сразу... — начал было импресарио.

— Для начала я согласен на двадцать тысяч. Условия окончательные, — сообщил Дутр ровным голосом. — Соглашайтесь или отказывайтесь.

Виллори и Одетта обменялись удивленными взглядами. Они были удивлены вовсе не условиями, а новой повадкой Пьера и его неподвижным взглядом, какие бывают у звериных чучел. Обед не затянулся надолго и Виллори поспешил распрощаться, пообещав внимательно обдумать предложения Дутра. Мать с сыном вернулись в гостиницу.

— Ты совсем с ума сошел? — спросила Одетта.

— Я уже в нем не нуждаюсь. Да и в тебе тоже. Я свободный человек.

— Что?.. Ты во мне...

— Не придирайся к словам. Я хочу сказать, что я уже взрослый и сумею обеспечить нас обоих. Тебе пора отдохнуть. Деньгами я обеспечу, не бойся.

— Деньги... — печально произнесла Одетта. — Если я тебя потеряю...

— Давай без громких слов.

— А что за номер ты собираешься показать в Париже? Уж от меня-то не скрывай.

— Ладно, — согласился Дутр. — Ты сама попросила. Пошли.

Он отвел Одетту в свою комнату.

— Подожди здесь, мне надо переодеться. Но предупреждаю — вряд ли он вызовет у тебя восторг.

Тут Одетта поняла, что уже потеряла сына.

Когда Пьер вернулся в комнату, Одетта мгновенно отпрянула. Он был одет в новый костюм. Галстук был завязан каким-то невероятным узлом. На голове — чуть рыжеватый парик. Но больше всего Одетту поразили его блестящие остановившиеся глаза. Он вошел походкой робота. Его ресницы ритмично помаргивали, на губах появилась бездушная улыбка манекена. Сделав несколько шагов, Пьер замер на месте, потом изобразил нечто вроде реверанса. Затем он несколько раз повел плечами, его руки болтались, как на шарнирах. Тут Одетта обратила внимание на прикрепленный к пуговице ценник: 23 000 франков.

— Хватит! — воскликнула она. — Какая глупость!

Она встала и обошла манекен на почтительном расстоянии. Его ресницы несколько раз вздрогнули. Потом он развернулся и двинулся к Одетте.

— Прекрати! — крикнула она. — С меня довольно! Согласна, номер сенсационный... но это невыносимо.

Робот остановился, его руки бессильно опали.

— Погляди на меня, — взмолилась Одетта. — Мне страшно.

В глазах Пьера появилась жизнь. Неподвижная маска постепенно превратилась в живое лицо. Дутр небрежно достал из кармана пачку сигарет.

— Как тебе удастся? — спросила Одетта.

— Однажды пришла идея. Обдумал ее со всех сторон, потренировался... Но еще придется попотеть.

Пьер снял парик.

— Заодно и ценник, — попросила Одетта.

Дутр отцепил этикетку. В его движениях все еще чувствовался робот.

— И это весь номер? — спросила Одетта.

— Нет, конечно! Смотри!

Пьер вновь надел парик и преобразился в манекен. Вдруг Одетте почудилось, что она единственное живое существо в комнате, а перед ней настоящая машина.

— Прошу тебя, Пьер, — прошептала она, — вернись!

Но это был уже не Пьер. В руке робота возник белый шарик. Он медленно поигрывал им своими пальцами с ярко-красными ногтями. Лицо оставалось отрешенным, на губах — мертвая улыбка. Руки двигались механически, как бы сами по себе. Из белого шарика появился черный, из черного — зеленый, а красный возник словно из пустоты. Пальцы шевелились все быстрее. Шарик появлялся, исчезал... Потом они протянулись разноцветной гирляндой от одной руки к другой. И вдруг раз — и пропали. Кисти замерли друг напротив друга. Потом Пьер развернул их ладонями, показав пустые руки.

— Оп-ля! — воскликнул он и обессиленный рухнул на стул.

Он был весь в поту. Одетта, закрыв лицо руками, разрыдалась. Пьер удивленно взглянул на мать. Наконец Одетта открыла свое лицо, искаженное горем, гневом и страхом.

— Извини... Но я так боюсь тебя потерять.

— Потерять... — повторил Дутр. — Не понимаю.

— Лучше оставить эту затею.

— Тебе что, не понравилось?

— Да нет же! Это... потрясающе. Но как бы тебе объяснить?... — Одетта подошла к сыну и погладила его по щеке. — Будет грандиозный успех. Но все это плохо кончится.

— Почему?

— Я чувствую, что этот номер тебя разрушит.

— А если мне того и надо?

— Пьер, я тебя умоляю.

Дутр вскочил на ноги и нервно прошелся по комнате, позвякивая монетками в карманах.

— Я уже не в счет? — спросила Одетта.

Пьер заиграл желваками.

— А на кого я пашу?! — крикнул он. — Тебе что, деньги уже не нужны?

— Чем я перед тобой виновата? Все из-за этих девок! Ты и сейчас не можешь от них отвязаться. Они нас преследуют.

Пьер повернулся к матери.

— Я тебе запрещаю... — начал он.

— Ты мне рот не заткнешь! Если б мы имели мужество откровенно поговорить, ты бы сейчас не был в таком состоянии. Пьер, ты погубишь нас обоих.

— Никого я не собираюсь губить, — устало пробормотал Дутр.

— Тогда зачем тебе этот номер? Хочешь свободы... От всего и от всех. Мстишь... себе самому, мне... Что, не так? Да не бойся ты меня, Пьер, малыш!

Дутр с застывшим взглядом оперся о камин. Он думал о Грете. Одетта подошла к сыну и вцепилась в лацканы его пиджака.

— Пьер, не уходи... Остайся со мной...

Одетта уверяла, что все делала только для его блага, что очень жалеет, что была так сурова с Хильдой и Гретой... Дутр смотрел мимо матери, он не видел ее и не слышал. Жалобный голос этой женщины не доносился до его мира, где царила тоска — все, что осталось от погибшей любви.

Осторожно отстранив Одетту, Пьер вышел в другую комнату и затворил за собой дверь. Теперь он знает, что уже превзошел в мастерстве профессора Альберто. Но это еще далеко не предел. Пьер сел перед зеркалом и начал отрабатывать манипуляции с долларом.

Вечером, перед самым выходом на сцену, он сообщил Одетте:

— Сегодня попробую.

Одетта хотела возразить.

— Я все знаю, — отрезал Пьер. — Номер еще сыроват. Но хочу испытать свои силы.

Поднялся занавес. На сцене появился манекен. Публика приветствовала его появление дружным хохотом, столь забавны были его механические движения. Но постепенно смех затихал, и, наконец, в зале воцарилась гробовая тишина. Каждый шаг робота отдавался эхом. Зрителям были знакомы эти шаги, хотя бы раз каждому из них чудился неведомый преследователь, который рано или поздно настигнет свою жертву. Он являлся из глубины лет, из тьмы, спокойный и непреклонный. Пьер ступил в световой круг. У Одетты, наблюдавшей из-за кулис, задрожали колени. Робот остановился, обращая то направо, то налево свое бледно-розовое лицо. Лица зрителей поворачивались вслед за ним. "Он победил!" — подумала Одетта. В руках у артиста появились шарики, растянувшиеся лентой от одной руки к другой. Когда они вдруг пропали, публика не решалась аплодировать. Все ждали, что будет дальше. Вдруг из кармана артиста выпал белый шарик, словно робот потерял какую-то деталь. Он покотился по полу, скатился по лестнице в зал и, все ускоряя движение, покотился по проходу. Дутр тоже спустился по лестнице в зал, медленно, медленно... Он вспоминал белокурую девушку, привязанную к стулу, как он ее целует... Пьер подошел к женщине в первом ряду, движением робота наклонился к ее сумочке и достал оттуда колоду карт. Все это с застывшим лицом. Колода растянулась между его руками, как мехи аккордеона. Карты исчезли. Взамен в его руке появился доллар. Зрители замерли, казалось, что робот выступает перед роботами. Только монетка в руке Пьера вертелась, как живая. Она подпрыгивала, вдруг залетала под манжет и неким таинственным образом оказывалась в кармане. Наконец Пьер зажал ее в кулаке. "Решка, — подумал он, разжав руку, — точно, решка!" Он подбросил доллар высоко вверх, потом поймал и тут же показал публике пустую руку.

Дутр подождал пять секунд, десять, пятнадцать. Он видел напряженные лица зрителей. Затем, небрежно кивнув, Пьер поднялся на сцену и скрылся за кулисами. Раздался гром аплодисментов. "Бис! Бис!" — скандировали зрители, в такт стуча ногами.

— Победа, малыш, — сказала ему Одетта. — Выйди на поклоны.

Пожав плечами, Пьер отправился в гримуборную. Он обливался потом, голова была пустая. До него доносился звук аплодисментов. Появился директор.

— Потрясающе! Грандиозно! — восклицал он. — Предлагаю бессрочный контракт!

— В конце недели мы уезжаем, — сообщил Дутр.
Директор с протестующим видом обернулся к Одетте.

— Пусть убирается, — буркнул Пьер. — Он мне действует на нервы. Да и ты тоже.

Откинувшись на стуле, он принялся разглядывать свои длинные дрожащие пальцы. Никогда он еще не испытывал такого счастья и одновременно горя.

Одетта перестала ему перечить. Отныне Пьер был волен поступать, как считает нужным. Именно он принял решение продать все оборудование Виллори. И он лично подписал контракт на трехнедельные выступления в кабаре на Елисейских Полях. Он сам выбрал гостиницу. На долю Одетты оставались лишь технические мелочи. Пока Пьер репетировал, она отправлялась пропустить рюмочку в соседнее с гостиницей кафе. Она часто плакала безо всякой причины или из-за пустяка, к примеру, поглядевшись в зеркало или взглянув на часы, показывающие всего два, что сулило целых девять бессмысленных часов, оставшихся до начала спектакля. Выступлений Пьера она дожидалась с каким-то болезненным нетерпением. Прежде такая резкая, острая на язык, она полностью покорила сына — носила за ним чемодан, убиралась в уборной, ставила стакан сахарной воды, где Пьер растворял таблетку от головной боли — теперь его постоянно мучила мигрень.

— Брюки! — командовал он.

Переодевался Пьер прямо перед Одеттой, нисколько не стесняясь матери, которая стыдливо отворачивалась. Потом она отдавала ему свою косметику — пудру, румяна, карандаши для бровей — и завороченно смотрела, как сын, стоя перед зеркалом, раскрашивал свое лицо, словно заправский живописец. Затем Дутр фиксировал взгляд, как осветитель фиксирует прожектор. Глаза становились неподвижными.

— Мой мальчик, мой несчастный малыш, — горестно бормотала Одетта.

Начинал Пьер с небольшой разминки — пару минут работал с картами или долларом. Затем репетировал номер. Одетта уже знала, что при этом он не выносит чужого присутствия. Она выходила из уборной, но оставалась стоять под дверью, прислушиваясь. Какая мука! Одетта корила себя. Это она во всем виновата, она была обязана почувствовать, насколько ранит ее мальчик. Но еще не поздно. Она поговорит с ним. Поговорит... С кем, с роботом?

Репетиция окончена. Обессиленный Пьер предоставлял Одетте стереть краски со своего лица. Мать не осмеливалась с ним заговорить, терпеливо дожидаясь, пока он выйдет из образа. Наконец она решалась задать вопрос.

— Ну как ты? — спрашивала Одетта со смущенной улыбкой.

- Все в порядке, спасибо.
— Ты себя изводишь, малыш.
— Нисколько.

И Пьер тут же замыкался в себе — веки падали, как занавес, пальцы начинали выстукивать дробь по столу. Раньше Одетта пришла бы в ярость и сумела бы сорвать с него эту маску, теперь же она робела перед сыном.

Когда они возвращались в гостиницу, Пьер сразу запирался у себя. Одетта прислушивалась к звукам, доносящимся из-за стенки. Когда она слышала, что сын бродит из угла в угол, то начинала метаться по комнате в такт его шагам.

Газеты писали о Пьере все более восторженно. Дутр продолжал совершенствовать свой номер. Он научился манипулировать с недостижимой для других иллюзионистов быстротой. Более того — он заговорил голосом, соответствующим образу, механическим, обрывистым.

— Ты себя убиваешь, — сказала ему однажды Одетта.

Пьер отмахнулся.

— Погляди на себя, — настаивала мать. — Ты совсем отошел, ничего не ешь. Ты заболеешь. И все ради того... того...

Взгляд Пьера остановился. Он смотрел словно сквозь Одетту, будто за ее спиной прозрел смутный образ. Она сжала его руку.

— Послушай, Пьер, малыш... Я много думала... — Одетта справилась с волнением и закончила почти шепотом: — Если хочешь, я уеду... Ты будешь совсем свободен.

Казалось, Пьер окончательно превратился в манекен, даже перестал дышать. Однако мать настаивала:

— Ты ведь этого хочешь, признайся? Отвечай! Хочешь полной свободы? Ты меня боишься, я знаю. Тебе не нравится, когда я на тебя смотрю, но не могу же я на тебя вообще не смотреть. Малыш, ты думаешь, что я тебя не люблю...

Слова отлетали от него, как от стенки. Яркие-красные губы сложились в улыбку, бездушную и одновременно таинственную, как улыбка статуи. Одетта разрыдалась.

— Ну, хорошо. Пора с этим кончать.

Одетта пошла к двери. На пороге она оглянулась, ожидая от сына какого-нибудь слова, движения, взгляда. Пьер стоял, прислонившись к стене, неподвижный, отрешенный, с бессмысленным взглядом манекена.

Одетта погрузилась в невероятную тоску. Теперь она была даже непрочь, чтобы он заболел. Однако Пьер оказался достаточно крепок. Правда, выглядел он ужасно. Казалось, пудра и румяна въелись в кожу его лица. Бледный, с красными щеками, он походил на чахоточного. Когда Пьер пил вино, стаканчик слегка подрагивал в его руке. Тогда он украдкой бросал взгляд на Одетту.

Вскоре из кабаре он переключался в мюзик-холл. Тут Пьер познал настоящий успех, далеко превзошедший номер с двой-

няшками. Одетта робко забивалась в глубь зала. Проектор высвечивал в глубине сцены странное существо, которое в световом круге приближалось к авансцене. Одетта вытирала слезы. Если бы Пьер не был ее сыном, Одетта так же шумно выражала бы восторг, как другие зрители. Но она-то знала, каким потом дался роботу каждый его шаг. В этой гротескной и жуткой фигуре она узнавала повадку профессора Альберто. Оба они, и отец, и сын, из породы людей, которые не прощают. Публика бесновалась. Раздавались выкрики: "Великолепно! Потрясающе!" Когда Пьер покидал сцену, зрители устраивали овацию. Не дожидаясь, пока стихнут аплодисменты, Одетта выскальзывала из зала, чувствуя себя на грани обморока.

После мюзик-холла — "Медрано", высшая честь, трамплин. Круглая арена, оркестр наигрывает негромкие мелодии. Публика с замиранием следит за каждым его движением. На лицах зрителей постепенно появляется изумление. Артист поворачивается вокруг своей оси, как на невидимом цоколе. Карты, цветы, шарики появляются в его руках, словно из воздуха. А лицо при этом сохраняет маску трагической отрешенности. Вдруг артист останавливается на полдвижении, как механизм, у которого кончился завод. К нему подбегает служитель манежа и делает вид, что взводит пружину. Робот вновь оживает, но теперь его движения неритмичны, он роняет шарики. Мальчуган шарит по его спине, отыскивая регулятор. Наконец находит, и тут Пьер начинает вытворять нечто невообразимое. Вот доллар скользит по рукаву. Он должен упасть, подхватить его невозможно. Оркестр смолк. Монетка падает... Нет, она словно на миг замирает в воздухе и падает в подставленную артистом ладонь. Потрясенная публика не может оторвать взгляд от застывшего, как манекен, человека с нелепой этикеткой на пуговице: "23 000 франков". Не поклонившись, Пьер покидает арену. За кулисами уже столпились клоуны, эквилибристы, гимнасты, чтобы поглазеть на этого хрупкого юношу, восходящую звезду.

Но в тот же вечер Пьер слег. Доктор долго осматривал больного с озабоченным видом.

— Это серьезно? — шепотом спросила его Одетта.

— Переутомление, — сообщил доктор. — Невероятное переутомление. Необходим длительный отдых, иначе...

Одетта самоотверженно ухаживала за сыном — кормила его, причесывала, брила. Сломленный усталостью Пьер не противился. Она старалась не отходить от сына, даже ела, стоя рядом с его кроватью. Постепенно Пьер привык к ее постоянному молчаливому присутствию. Одетта понимала, что он предписал ей молчание. Она не обращалась к Пьеру ни с единым словом, только иногда беззвучно шевелила губами. Или,

случалось, в конце бессонной ночи, рухнув без сил на кровать рядом со спящим сыном, она шептала:

— Пьер, мой малыш... Моя крошка...

13

Ближе к вечеру у Пьера начинался озноб. Тогда он чувствовал себя совсем беспомощным и позволял Одетте касаться своего лба, рук. В пижаме, обнажавшей его тощую шею, Пьер казался совсем ребенком. Матери страстно хотелось прижать его к груди, укачать. Но она понимала, что тогда потеряет его безвозвратно. Одетта дожидалась мига, когда, наконец, сможет избавить сына от его наваждений, и заранее подбирала слова. Она надеялась на свой материнский инстинкт. После обеда, когда Одетта уносила поднос и, вернувшись, взбивала подушку и поправляла постель, они обменивались несколькими фразами.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Кажется, пошел на поправку.

— Тебе ничего не нужно?

— Спасибо, ничего.

Одетта, лет тридцать не прикасавшаяся к спицам, любила вязать, сидя рядом с сыном. Пьер дремал. Иногда его тело сводила страшная судорога. Он стонал. Тогда Одетта проводила рукой по его лбу, задерживала ладонь на его веках, словно закрывала глаза покойнику, и шептала сыну на ухо:

— Спи спокойно, малыш.

Черты Пьера разглаживались. Одетта чувствовала, что он уже не чурается матери. Она удвоила свою заботу, ласку. Пьер явно сдавался. Наконец Одетта решилась. Припав к его уху, она шепнула:

— Я знаю, малыш, что это ты убил Хильду.

Пьер ответил лишь глубоким вздохом облегчения. В тот вечер Одетта не стала продолжать разговор. Вскоре Пьер заснул, а она просидела с ним рядом до утра. Наутро они смотрели друг на друга, как любовники после безумной ночи. Оказывается, они всегда понимали друг друга. Мать с сыном ожидали наступления сумерек нетерпеливо, как ждут свидания. Наконец Одетта взялась за спицы.

— Ты ее убил, — начала она, — потому что не мог выбрать из двоих. Ты сам не знал, которую из них любишь...

Пьер лежал, прикрыв глаза, с видом ребенка, увлеченного сказкой.

— Дальше... — попросил он.

— Я не такая умная, но с самого начала поняла, что ты на меня обижен. За все, за одинокое детство, за профессию, которую я тебе навязала. Эти фургоны, Людвиг... я!

Одетта говорила медленно, с расстановкой, спокойно.

— Я так любила жизнь! Долгие годы я о тебе и не вспоминала. Я не догадывалась, что ты такой чувствительный, прости!

Ее голос чуть задрожал. Этот хрипый монотонный голос завораживал Пьера, навевая на него грусть и нежность.

— Я должна бы догадываться, что ты променяешь меня на первую встречную девку. И надо же нарваться на двойняшек!

Когда Одетта подыскивала нужное слово, ее спицы замирали. Воцарялась тишина. От шумной улицы Пьера отделяли несколько номеров, коридоров, лестниц. Он чувствовал себя под защитой хриловатого голоса матери, который о многом способен поведать.

— Должна тебе признаться, — продолжала Одетта, — что я очень ревнивая. Я ведь этих соплячек насквозь видела... Это для тебя лучше них на свете не было, а для меня... Но я во всем виновата. Будь поумнее, сумела бы тебя удержать от...

Мать и сын одновременно вспомнили Хильду, при свете луны поднимающуюся в прицеп.

— Вы сговорились, — произнесла Одетта. — Я уже потом догадалась. Постепенно все поняла. Рассказать?

Пьер выразил согласие движением ресниц.

— Когда Владимир сказал, что невозможно самому удивиться, я подумала... Я тридцать лет работала с иллюзионистом... Умею разгадывать тайны! Когда я в первый раз увидела Хильду с веревкой на шее, она была еще жива. Ты задушил ее, пока я ходила за Владимиром. Той же веревкой. — Одетта отложила вязание. Как профессионал она не могла не восхищаться изобретательностью своего сына.

— Трюк что надо! Но почему Хильда согласилась стать твоей сообщницей? Вопрос... Видимо, она не думала, что станет жертвой. Погоди, лежи... Она завидовала Грете и в конце концов возненавидела сестру. Ты убедил ее, что собираешься убить Грету и попросил помочь. Пообещал задушить ее сестру, которую и похоронят вместо нее. Мол, мы с Владимиром не заметим подмены, ведь шрам почти зажил...

Пьер вновь, моргнув, выразил согласие. Да, Хильда была готова на все. Они оба с нетерпением ждали удобного случая. А теперь он бы все отдал, чтобы забыть... Чтобы никогда не вспоминать о Хильде, такой наивной, на все согласной... Она сама сунула голову в петлю. Ему только и осталось стянуть ее со всей силой... Впрочем, у него до последней минуты оставался выбор...

— Как ты решился? — спросила Одетта. — Почему Хильду?

Дутр пожал плечами. Как объяснить безумие? Как явить на свет темные страсти, копошащиеся в глубинах сознания? Хильда застигла его готовым предаться страсти с Гретой. Значит, она враг! И она была третьей лишней...

Дутр повернулся на бок, чтобы Одетта не увидела, что он плачет. Истинная причина... Он и сам-то не знает. Да, собственно, какой он убийца? Веревка была уже стянута на шее. Ему осталась совсем ерунда. И кто такая Хильда? Двойник, зеркальное отражение, призрак, который он отправил обратно в ночь. Но тогда почему она постоянно стоит у него перед глазами? Пьер судорожно зарыдал. Одетта подошла к сыну и взяла его за руку.

— Теперь все кончено, малыш. Спи! Я знаю, что ты ни в чем не виноват.

Пьер заснул, а Одетта просидела с ним рядом до самого утра. На рассвете, когда он раскрыл глаза, мать улыбнулась ему, впервые за долгое время.

— Видишь, — шепнула она, — тебе стало получше. Ты признался и из тебя словно вышел яд.

Пьер улыбнулся ей в ответ смущенной улыбкой нашкодившего ребенка.

— А Грету я не убивал, — сказал Пьер. — Она сама... Она очень страдала... Она боялась... Я ее нашел...

Одетта обняла сына за плечи.

— Пьер, говори все до конца. Ничего не таи.

— Но это правда. Ты же знаешь, что она была мертва уже несколько часов. Грета повесилась. Висела на крюке... Но я решил сделать, как у Хильды... Тот же узел... Я подумал, что если и Грету найдут так же, как сестру, вы меня не будете подозревать в убийстве Хильды.

— Значит, это было самоубийство, — кивнула Одетта.

— Конечно. Я снял ее с крюка... Чтобы вы с Влади ничего...

— Но я и не высказывала никаких подозрений.

— А Влади подозревал. Потому и ушел.

— И в наказание ты приговорил себя стать автоматом?

— Возможно. И чтобы стать похожим на них.

— На кого?

— На Хильду... На Грету...

Этого Одетта не могла понять. Зато прекрасно понимала, что, стремясь превратиться в робота, сын хотел тем самым избавиться от всех человеческих чувств, от воспоминаний, от своей тоски.

— И еще, — предположила Одетта, — чтобы отгородиться от меня. Ты ведь мне не доверяешь.

— Тебе-то доверяю! — воскликнул Пьер.

— А кому нет?

— Всем остальным!.. Всему миру!..

— Теперь будет по-другому, малыш. Забудь о прошлом, думай о будущем...

После полудня в дверь постучались. Одетта куда-то ушла. Дверь распахнулась. На пороге стояли двое мужчин в габарди-

---

новых пальто и надвинутых на глаза фетровых шляпах, с правой рукой в кармане.

— Вы Пьер Дутр?

— Да.

Они подошли к его кровати, точно такие, как являлись ему в ночных кошмарах. Они вовсе не казались злыми, скорее, были деловиты. У одного из мужчин Дутр заметил шрам через всю щеку. Они принесли запах улицы, реального мира. Пьер улыбнулся.

— Я вас ждал, — прошептал он. — Как долго я вас ждал!..

Пьер не договорил, но он больше не чувствовал страха. Он жаждал вернуться в мир людей. ■

Сокращенный перевод с французского
Александра ДАВЫДОВА.

Разбитая жизнь,

ИЛИ

Роза и крест Александра Блока

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет,
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так, исхода нет.*

*Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Александр Блок
“Пляски смерти”

Геннадий ЕВГРАФОВ

И вновь наступила зима, холодная и полуголодная зима 21-го года, и он вдруг отчетливо, без малейшей душевной боли, понял, что этот падающий снег, и это замороженное солнце, и эти оголенные ветви деревьев в заиндевевшем окне он видит в последний раз.

Вечерами все кружилось в безумном вихре и исчезало во вьюжной пелене. Когда он забывался в коротком тревожном сне, его обступали маски и тянули в разные стороны. Он не сопротивлялся, давал вовлечь себя в игру, прекрасно сознавая, что под одной из них прчется Наталья...

Снежная маска

Бог ты мой, как давно все это было!..

Театр Комиссаржевской открылся на Офицерской 10 ноября 1906 года. Давали “Гедду Габлер” Ибсена. Несмотря на дороговизну, билеты были раскуплены, их спрашивали задолго до под-

А. Блок. 1907 г.

хода к театру. Комиссаржевскую знали и любили, от нее много ждали. Но Блоку спектакль не понравился, он нашел, что режиссер не понял Ибсена, а актеры поэтому не смогли его верно сыграть. Потом давали “Сестру Беатрис”, “Вечную сказку”, “Нору”. Комиссаржевская пригласила Мейерхольда, тот начал осуществлять свои идеи нового, условного театра. Блок отдал своего “Короля на площади” Вере Федоровне. Его пригласили прочесть пьесу. Он откликнулся и пришел. Чтение приняли хорошо, Вера Федоровна улыбалась, его окружили молодые оживленные актрисы. Среди них была стройная, смуглая, черноволосая Волохова...

Всю осень он ходил в театр на Офицерской — когда “Короля” запретила цензура, Мейерхольд начал репетировать “Балаганчик”. В “Балаганчике” играла Наташа. Сейчас для него это было главное. То, что казалось обычным увлечением, оказалось страстным влечением. 30 декабря давали премьеру. Зал был перепол-

Н. Н. Волохова. 1909 г.

нен. Наслышанная богемная публика ожидала скандала. Модернизм пьесы соединился с модернизмом режиссера, занавес, оформленный Бакстом, раздвинулся, и на сцене начали разыгрывать вечную драму на тему любви и смерти, где низкое сливалось с высоким, где трагедия, как и в жизни, мешалась с балаганом. Когда все кончилось, в зале раздались аплодисменты, топот, улюлюканье. Кто-то кричал «браво!», кто-то — «позор!», это был несомненный успех — спектакль не оставил публику равнодушной. Успех решили отпраздновать в дружеском кругу. Устроили «бумажный бал», дамы были в маскарадных костюмах, мужчины — в черных полумасках. Блок пришел с Любой, Михаил Кузмин с

племянником, начинающим прозаиком Сергеем Ауслендером. В числе приглашенных были Чулков и Городецкий. Все пили, пели, танцевали и объяснялись друг другу в любви. Люба всю кокетничала с Чулковым, Блок ни на шаг не отходил от Волоховой. На ней было длинное со шлейфом светло-лиловое платье, он все время наступал ей на подол, она неловко пыталась освободиться. Они отпускали друг другу ироничные реплики, но что-то в этой иронии таилось неопределенное, волнующее, ускользающее... Они балансировали на грани, и оба знали это, и оба в тот вечер не решились через эту грань переступить. Когда под утро расставались, она попросила его написать для нее стихи, которые бы она могла читать со сцены.

На Новый, 1907 год, он прислал ей коробку роз и стихи: «Я в дольний мир вошла, как в ложу». За десять дней, с 3 по 13 января, он написал цикл из 30 стихотворений — «Снежную маску». Всю зиму, как юные влюбленные, они то бродили, не замечая времени, по заснеженному Петербургу, то гнали сквозь беспросветную ночь и метель на лихаче. Он открывал ей заново «Петра творенье». Вот здесь за сумасшедшим Евгением скакал по гулким мостовым «медный всадник». Вот здесь, в этом доме, Раскольников убил старуху-процентщицу. Вот здесь, на этом мосту, поэту явилась Незнакомка... Жизнь переплеталась с литературой, действительность с фантазией, все было зыбко, призрачно и похоже

на сон и обман — и эта пришитая к черному небосводу луна, и эти холодные мерцающие звезды, и этот исчезающий во тьме свет газовых фонарей. И предчувствие гибели и обреченности граничило со всепоглощающей страстью и неотвратимостью разлуки...

В апреле “Снежная маска” вышла в свет, он подарил ей изящно изданный томик. Она раскрыла книгу и прочитала:

“Посвящаю эти стихи ТЕБЕ, высокая женщина в черном с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города”.

Роман длился два года и был для него мучительным и нерадостным. На людях он всегда оставался легким, вдохновленным и стремительным. Но любовь к Волоховой его томила, она не несла желанного успокоения, нервы были напряжены, он был готов в любую минуту взорваться. Наталья манила его за собой, тащила в омут, он пытался сопротивляться, но все было тщетно. Он еще не хотел погибать, а чувствовал, что гибнет. За “снежной маской” таились силы и упорство, стремление подчинить его себе, желание властвовать. Этого он боялся больше всего. Временами у него не было сил сопротивляться, он терялся, робел перед ее не терпящим возражений тоном. Она была бледна, тонка и высока. Казалось, что ее сжигает какой-то внутренний огонь. Он чувствовал, что в этом огне они могли сгореть оба. Белый, его друг, кузен и тоже поэт, единственный, кто разглядел в нем, в его показной легкости и веселости, глубоко таившуюся душевную боль; в его отношениях с Волоховой — веселье трагедии, полет над бездной. Долго так продолжаться не могло. Надо было либо решительно рвать с Любой и жениться на Наталье, либо рвать с Натальей и возвращаться к Любе. Он не мог решиться ни на то, ни на другое. Люба нервничала, их семейная жизнь давно была на изломе. Она легко увлекалась, влюблялась, расходилась, но в конце концов всегда возвращалась к нему — все свои “дрейфы” в сторону считала несущественными. Он сам был не ангел и вел себя в этой ситуации не лучшим образом, ничем не помогая ей, не удерживая ее в той “гавани”, из которой она временами уходила. Считал, что не имел на это права, если сам был увлечен и так много времени уделял Наталье. Любу это задевало, атмосфера в доме становилась все невыносимей. А он ничего не мог поделать, потому что любил Любу и любил Волохову. И, загнав себя в ловушку, разрывался между двумя женщинами — женой и любовницей, и не находил выхода. Он всегда придавал своим возлюбленным запретельные мистические черты, а они всегда оставались женщинами из плоти и крови и были от мира сего. Когда он понял, что и Наталья из их числа, наступило прозрение, за которым последовала первая размолвка.

Мейерхольд собирался везти трупку на гастроли, к тому времени в нее была зачислена и Люба, и Блок собирался поехать с театром. Наталья возражала, упрекала, бросила ему в лицо, что недостойно поэту ездить за лицедеями. Может, в ней говорила рев-

ность, но он замкнулся, обиделся. Постепенно он начал освобождаться от зависимости от нее, они все чаще и чаще ссорились. Развязка наступила весной 1908 года. 1 марта Наташа укатила в Москву. На следующий день он напился до бесчувствия, а когда пришел в себя, бросился за нею. Нервы у обоих были натянуты, объяснение в гостиничном номере привело не к примирению, а к окончательному разрыву...

Снежная маска растаяла, все кончилось, прошло, как наваждение, остались только стихи: "Я помню длительные муки..."

В дневнике он записал: "НЕ БЫЛО ЛЮБВИ, была влюбленность". Влюбленность кончилась, все остальное сгорело, он вернулся к разбитому семейному очагу — к Любе...

Прекрасная дама

Белый пронесся по их только-только начавшейся семейной жизни разрушительным смерчем. Но сейчас он понимал, что в случившемся были виноваты все трое, и из троих, может быть, больше всех он сам...

В те годы он находился под сильным влиянием Владимира Соловьева, философа, богослова, поэта-мистика. В светских салонах он проповедовал на новый лад платоновские идеи, горячо утверждал, что земная жизнь всего лишь слабое неверное отражение потустороннего мира, что потусторонний мир можно постигнуть только сверхчеловеческой верой, которой наделен только поэт. Соловьев много писал о любви, вернее, о ее метафизике, его строки —

Смерть и время царят на земле —

Ты владыками их не зови;

Все, кружась, исчезает во мгле,

Неподвижно лишь солнце любви —

завораживали, рождали какое-то смутное необъяснимое чувство.

В философских сочинениях он рассуждал о Прекрасной Даме, Вечной Женственности. Все это было близко ему, соответствовало его представлениям о любви — возвышенной, устремленной в вечность. Люба была его Прекрасной Дамой в стихах, она стала Прекрасной Дамой и в жизни и продолжала оставаться таковой после свадьбы — небесным созданием, образом, скорее лишенным телесной оболочки, нежели женщиной с земными чувствами и страстями.

А ей не хотелось быть отвлеченной эстетической категорией. Ей хотелось жить и быть любимой самой что ни на есть обыкновенной, земной, плотской любовью. Со всеми страстями и порывами, что сопутствуют этому чувству.

Но его плотское влечение к ней было похоже на вспышку, которая быстро угасла. Она делала все, чтобы нормальные супружеские отношения возобновились, но они продлились недолго и вскоре вовсе сошли на нет. Он продолжал истово верить, что

данная ему Богом Невеста, а потом и Жена — всего лишь земное воплощение божественного начала. Человеческое в его случае столкнулось со сверхчеловеческим. Такое отношение к возлюбленной не допускало общепринятых форм любви.

Трезвомыслящая, далекая от мистических философствований и построений Люба хотела любить и быть любимой, как обычная женщина, но была брошена на произвол любого, кто стал бы за ней настойчиво ухаживать. Ухаживать стал Андрей Белый. В 1905 году он вместе с химиком и богословом Алексеем Петровским приехал в Шахматово. Позже к ним присоединился Сергей Соловьев. Стояли прекрасные, блаженные дни великоколесного подмосковного лета. Им бы купаться в близлежащей речке, загорать, веселиться, дурачиться, а они все дни проводили за спорами: Христос, Антихрист, Прекрасная Дама, в роли которой, естественно, пребывала она, Люба. Белый, издавна поклонявшийся стихотворной блоковской Прекрасной Даме, узрев ее наяву, сразу же отбросил мистическую заумь и темь и влюбился в Любовь Дмитриевну как

здоровый молодой мужчина в здоровую молодую женщину. Не рискнув объясниться наедине, он передал через Сергея записку с признанием в любви. Ей было приятно, и только, но носить эту тайну в себе она долго не могла и, поддавшись вечному женскому порыву — тщеславию затмило благоразумие, — рассказала об этой записке не кому-нибудь, а его матери. Так в драму вовлеклись, помимо его воли, самые близкие ему люди.

После Шахматова Белый забросал их письмами. Ему он писал одно, Любе — другое. Люба была в смятении, она разрывалась между чувством долга и нахлынувшим на нее кружением сердца. Неистовый поклонник забрасывал ее письмами и цветами. Цветы были свежи, прекрасны и дышали неземным ароматом; письма взвинченны, нервны и дышали неподдельной страстью. Но иногда Белый впадал в патетику, ложный пафос и почему-то призывал спасать его и Россию. Что касалось "его", ей все было понятно, но она не понимала, от кого и от чего надо спасать Россию...

Они подолгу гуляли по Петербургу, любовались невскими закатами, а в Эрмитаже полотнами Кранаха. Белый был готов про-

Л. Д. Блок. 1915 г.

дать оставшееся от отца имение (оно могло принести большие деньги — целых 30 тысяч) и уехать с ней за границу. Люба же порой доводила его до умоиступления — то признавалась, что любит его и мужа, то не любит обоих, то любит Блока как сестра, а его Белого, “по-земному”, потом наоборот. У Белого шла голова кругом, но он ничего не мог поделать с этой женщиной. А она продолжала его мучить и все никак не могла переступить через запретную черту. Однажды он повез ее на квартиру. Они медленно поднимались по скрипучей деревянной лестнице. Она шла как на Голгофу и молила Бога, чтобы лестница быстрее кончилась, но лестница все не кончалась. Она оступилась, и Белый поддержал ее за талию. Она благодарно оперлась на его руку, и так вдвоем, полуобнявшись, они наконец-то добрались до комнаты. Он поторопился, совершил неловкость, она моментально собралась (“Бог ты мой, что же я делаю?”) — шпильки в волосы, шарфик на шею, застегнулась на все пуговицы и превратилась из готовой на все женщины в неприступную крепость, окинула своего спутника холодным змеиным взглядом ...и бросилась к мужу. И все рассказала. Без лжи, без умолчаний, а как было на самом деле, потому что еще не отошла от происшедшего, от того, что не случилось, но могло случиться. А он, верный своему “я”, замкнутому в броню холода и одиночества, отнесся ко всему спокойно и беспристрастно. И опять между нею и Белым все закрутилось по новой. Он страстно, как всегда сумбурно и яростно, убеждал ее, что она должна уйти от Блока. Что должна связать свою жизнь с ним. Потому что ее брак с Блоком — ложь. А с ложью надо кончать. И как можно скорей. Так будет легче всем троем...

В его словах была доля истины. Ему удалось вновь задеть ее сердце. Но она колебалась, нервничала, мучительно искала выход. И не находила его.

Через некоторое время отношения между всеми тремя запутались настолько, что надо было немедленно что-то делать, хотя бы объясниться с безучастно наблюдавшим за происходящим и ни во что не вмешивающимся Блоком. Объяснение состоялось, Белый и Люба решили ехать в Италию.

Он не сделал ни единого шага, чтобы воспрепятствовать этой затее. Белый бросился в Москву за деньгами. Но у Любы вдруг резко переменилось настроение. Она металась по дому и говорила, что любит обоих, что не знает, что делать, как поступить. Она страдала от безысходности три дня. Затем Белому полетело письмо, в котором Люба писала, что между ними все кончено, она остается с Блоком. Но все же это был еще не конец. Окончательный разрыв произошел несколько позже, после того, как Белый сообщил Мережковским, что она все же готова уйти к нему от Блока. Зинаида Гиппиус и ее сестра, художница Тата, деятельно вмешались в чужую семейную драму и начали активно устраивать судьбу Белого. Любе все это показалось оскорбительным и чрезмер-

ным. Она возмутилась и объявила Белому, что их любовь была всего лишь вздором. Белый стал писать сумасшедшие письма обоим. Он хотел увести от него жену, и он же искал у него сочувствия, оправдания своих поступков, обвинял его в черствости. Он то хотел покончить с собой, то вызвать его на дуэль, но в конце концов уехал в Москву, а затем за границу. Но семейный круг распался, начались многочисленные Любины увлечения, а Блок, оставшись один, все чаще и чаще возвращался в воспоминаниях к своей первой, юношеской любви, ничем не замутненному первому чувству...

К. М. С.

В Бад Наугейм он приехал гимназистом 8-го класса. Вместе с теткой сопровождал мать для лечения на водах. Курортный немецкий городок пользовался популярностью у зажиточных русских — здесь принимали ванны, лечили сердце, успокаивали нервы. Вечерами слушали музыку в местном курзале или фланировали по центральной улочке. Окруженных терпкими ароматами дам сопровождали буржуазного вида господа в накрахмаленных манишках и отутюженных сюртуках. Стоял блаженный май 1897 года. Было горько и тошно, он умирал от праздности и скуки и уже готов был сбежать из этого невыносимого “рая”, но появилась ОНА. Статная, с четко вылепленным профилем и завораживающим голосом. Ксения Михайловна Садовская тоже томилась от благочинной и благопристойной атмосферы провинциального немецкого городка и была не прочь немного поразвлечься. Знакомство было случайным, ни к чему не обязывающим. “Рай” был взорван, он ощутил биение сердца, первое нахлынувшее чувство туманило разум. Она не удержалась от кокетства, завязался легкий флирт, он, гимназист, был польщен вниманием зрелой женщины, а ей было приятно и забавно, что за нею ухаживает юноша, почти мальчик. Ксении было уже 38, ему еще 18. Он годился ей в сыновья, она была ровесницей его матери. Судьба столкнула недоучившегося гимназиста и жену действительного статского советника. У него все еще впереди, он чист и юн, но порой разыгрывает из себя покорителя женских сердец, хотя ни разу ни в кого еще по-настоящему не влюблялся и готов пасть жертвой первой распахнувшейся юбки. У нее двое детей, но она сохранила живость характера и красоту тела и пока еще обращает на себя внимание мужчин. Проходит совсем немного времени и опытная, зрелая женщина и неискушенный, совсем еще зеленый юнец потянулись друг к другу.

Знакомство закончилось тем, чем и должно было закончиться. Он потерял голову, забыл про тетку и мать. По утрам бежал покупать для нее только что срезанные торговцами благоухающие розы, провожал на процедуры, старался ни на шаг не отлучаться от возлюбленной. Затем была ее комната, хоралы, чай по

вечерам, ее надушенный платок... Придя в себя, она стала помыкать им как пажом, заставляла ревновать и отнеслась к случившемуся как к пикантному, щекочущему нервы приключению. Для него же все было похоже на какой-то волшебный чудесный сон. Сон прошел, когда надо было и ей, и ему возвращаться в Петербург...

Казалось, что после отъезда все прекратится, но в Петербурге их встречи продолжились. Теперь потеряла голову она, поняв, что полюбила на излете, может быть, последней отпущенной ей любовью. В этом мальчике было нечто такое (она сама себе не могла объяснить — что), что тянуло ее к нему. Она испытывала сильное чувство, после скупой, однообразной замужней жизни, давно превратившейся в рутинную привычку, в ней проснулась чувственность. С мужем было — как почистить зубы. А с этим юношей все было взрыв, кипение. И она позабыла обо всем на свете — и сколько ей лет, и про пожилого мужа, и про двоих не чаявших в ней души детей, и отдалась нахлынувшей страсти всем существом, понимая, что такого в ее жизни больше не будет, что это в последний раз. Она чувствовала, что сгорает в огне, и ничего не боялась...

Но через год мальчик повзрослел, а повзрослев, охладел и начал взывать к ее благоразумию. Встречи становятся редки, он отговаривался занятостью в гимназии, она настаивала, он поддавался и вновь в закрытой карете поджидал ее в условленном месте и увозил в меблированные комнаты на окраине города... Через некоторое время у нее, очнувшейся от этого угара, наступило раскаяние, и теперь уже она начала взывать к его благоразумию, ссылаясь то на свой супружеский долг, то на чувство вины перед детьми, а он выговаривал ей, как провинившейся школьнице, и все начиналось сначала, и продолжалось до тех пор, пока в его жизни не появилась Люба...

Первая любовь остыла так же внезапно, как и началась. Он вдруг увидел перед собой не прекрасную женщину, готовую бежать к нему по первому зову, а истершуюся, с увядшими чертами лица, рано постаревшую 40-летнюю даму и не мог понять, что привлекло его в ней в Наугейме. Конечно, он был тогда другим, и она была таинственной, манящей, неразгаданной. У него только все начиналось, он влюбился бы и не в Ксению, не сделай она ему шаг навстречу. Но она этот шаг сделала. Уже когда его чувство к ней угасло, она по-прежнему хваталась за него, как за соломинку, и продолжала любить его. Было больно, было жалко ее, но он ничего не мог с собой поделать. Он уже тогда знал, что любая боль проходит, и был уверен, что Ксения смирится с потерей. К ее упрекам он относился равнодушно. К ее слезам — безучастно. В июле 1900 года он отослал ей письмо. Последнее. Это была попытка с его стороны объяснить случившееся. Он был умен, но все-таки еще наивен. Женщина, даже сильно любящая, таких писем не прощает. Они расстались...

Во второй раз он приехал в Наугейм в 1903 году. Он не был здесь целых шесть лет, с того момента, как встретился с Ксенией. Провинциальный бюргерский городок встретил его все той же тишиной, ухоженностью и скукой. Он знал наизусть все парки и улочки, где происходили их свидания, он хорошо помнил озеро, где они катались на лодке, но сейчас ничто не вызывало у него никаких чувств — все мысли были заняты Любой, предстоящей женитьбой. Все, что произошло здесь с ним в уже далеком 1897 году, казалось, произошло с другим человеком. Все, что было связано с К. М. С., развеялось, улеглось, остались только пылкие юношеские стихи, навеянные первой любовной горячкой.

Он пробыл с матерью на водах до конца июня, а в августе в Таракановской церкви состоялось его венчание с Любой. Но семейная жизнь не задалась, все пошло вкривь и вкось. Потом у нее появились Белый, Чулков, у него Волохова и вот теперь Дельмас...

Кармен

Ах, как она была хороша, эта медноволосая, крепко сбитая, русская Кармен! Как божественно пела, как держалась на сцене! Она околдовала его, и он влюбился в оперную диву, забыв все на свете. В новый, только что открывшийся театр Музыкальной драмы он приходил только на "Кармен", только на Андрееву-Дельмас. Андреевой она была по мужу, потом взяла сценический псевдоним Дельмас. Она пела в "Аиде", "Каменном госте", "Пиковой даме", но его влекла только "Кармен". Он написал ей анонимное письмо, в котором признался в любви. Он писал, что неизбежно влюбится в нее, как только она появляется на сцене. Что не влюбится, глядя на нее, невозможно. Во всяком случае, ему. Что он не мальчик и знает адскую музыку влюбленности, от которой нет никакого исхода. Но он скрыл, что при виде ее испытывает робость и неуверенность. 35-летний поэт, он вел себя как вчерашний гимназист, покупал ее карточки, бродил вокруг ее дома и все никак не решался познакомиться с нею.

2 марта он вновь пришел в театр. Но пела не она, а какая-то другая актриса. Ему, влюбленному, показалось, что это жалкое подражание его Кармен. Сама Андреева была в зале. Он пересел на другой ряд, чтобы быть поближе к ней, и неотрывно смотрел на нее. В этом взгляде было столько страсти и любви, что она не могла не почувствовать его всем своим существом. И она обернулась. А потом оборачивалась все чаще и чаще... После второго акта он не нашел ее в зале. Швейцар подтвердил, да, Андреева только-только ушла из театра. Он бросился вслед и не нагнал ее. Метель сбивала с ног, все таяло в мокром слепящем снеге, свет фонарей был трескуч и зыбок... Они жили рядом, на Офицерской, но он сбился с пути и вышел к другому дому. Дворник удивленно развел руками: "Андреева-Дельмас? Не имею чести знать-с". Обеску-

Л. А. Дельмас. 1913 г.

раженный, он кружным путем вернулся домой и сразу же сел за другое письмо. Он спешил, строчки налезали одна на другую, буквам было тесно. И опять... "я не мальчик, я много любил и много влюблялся... когда я увидел вас без грима и совершенно не похожей на вашу Кармен, я потерял голову еще больше, чем когда я видел вас на сцене... я совершенно не знаю, что мне делать теперь"... Отчаянный любовный вздор, бред, желание выговориться, выплеснуть по привычке сжигавшие душу чувства на бумагу...

Его взялись представить Любви Александровне, тем более что она уже давно догадалась, кто ее необычный поклонник. Но он как мальчишка, сбегавший с уроков, опять не решился на знакомство и убежал из театра. Однако на следующий день послал ей розы, затем через швейцара передал первые

посвященные ей стихи. Когда "Кармен" шла в сезоне последний раз, оставил для нее номер своего телефона и просьбу позвонить. Она позвонила во втором часу ночи...

Сначала он услышал этот сводящий его с ума смех, затем увидел ее открытые плечи, ощутил запах каких-то необычных, чересчур терпких духов. К груди были приколоты розы. Его не его, какая разница, ему показалось, что, конечно, его, она хотела сделать ему приятное. Петербург был пуст, город вымер, они были одни не только в этом каменном мешке — во всем мире. За их объятиями безучастно наблюдала темная Нева, с которой уже сошел лед. Они целовались долго и страстно, она смеялась, он падал в бездну, может быть, это была одна из самых лучших ночей в его жизни. На следующее утро, очнувшись от наваждения, он сел за стихи. Одно начиналось: "Ты как отзвук забытого гимна", другое: "О да, любовь вольна, как птица".

В марте 1914-го стихи, обращенные к Дельмас, сложились в цикл "Кармен". Но некоторые были написаны еще до той сумасшедшей ночи — роман был придуман и сначала пережит им в стихах. Два месяца они почти не расставались, он сходил с ума — от ее плеч, губ, колен. Стояли белые ночи, они ездили в театр, в ночные рестораны, увлеклись входившим в моду кинематографом. Она вернула его к жизни. Все стало музыкой и светом, он купался в этой стихии. И искренне пытался наладить с

ней “земное” счастье. Страсть будоражила душу, волновала кровь, будила воображение. Он окунулся в нее, как в воду, и она накрыла его с головой. Он был заморожен своей Кармен, и она пыталась быть такой, какой он ее видел, но у нее это плохо получалось. А он сходил с ума и был готов на безрассудные поступки. Но она не могла любить так, как он. Все время пребывать в его “любвонной горячке” было больно, порою невыносимо. В его орбите сгорали все, женщины не выдерживали силы его чувства...

Вскоре им овладели беспокойство, тревога, тоска. Он искренне мечтал о счастье, самом обычном человеческом счастье, но у него по-прежнему ничего не получалось. В одном из писем к Л. А. он признался, что до встречи с ней в его жизни зияла огромная пустота, она сумела на какое-то время эту пустоту заполнить, но — всего лишь на какое-то время, потому что жизнь его представлялась ему рядом спутанных до чрезвычайности личных отношений, рядом крушений многих надежд. Она сумела продержаться в плену у счастья, но только в плену, потому что само счастье ему, художнику, недоступно. Искусство всегда там, где потери, страдания, холод...

7 июня он уехал в Шахматово, она в Чернигов. Они прощались в Таврическом саду. Прощание затянулось. В саду в этот день гуляло мало людей, безумствовала сирень и на удивление было много цветов-“пятерок”. Потом, как обычно, все это отозвалось у него стихами. Там были и “я помню нежность ваших плеч”, и “сирени темной в час разлуки пятиконечную звезду”, но самым главным там будет “тайна верности твоей”...

Разлуку он перенес тяжело, рвался в Петербург, в июле вернулся. Потому что должна была приехать она. Но за первые десять дней августа все кануло в небытие. Он отказался от нее и вернулся к Любе. Окончательно он простился с нею в стихах. Стихи начинались: “Та жизнь прошла...” и заканчивались: “И странно вспомнить, что был пожар”. Опять, как и с Натальей, все сгорело. Остались зола, пепел...

Пляска смерти

...Он перестал слышать музыку окружающего мира. Связь времен прервалась, мир потерял устойчивость, человек — точку опоры. В 19-м году в разговоре с Горьким он обронил: “Как опора жизни и веры существует только Бог и я”. Но в то же время: “...мы стали слишком умны для того, чтобы верить в Бога, и недостаточно сильны, чтобы верить в себя”. Оставалось еще человечество, но в его разумность он уже не верил давно.

Его все больше и больше угнетало чувство непомерной усталости. Взвалив на себя все беды мира и человека, он надорвался от непосильного груза.

Все чаще болело сердце, еле ходили ноги, но он продолжал бороться с установившимся после революции ужасным бытом и ни на что не жаловался. Как и подавляющее большинство петер-

буржцев, продолжал добывать обледенелые дрова, мерзлую капусту и ржавую селедку. Но силы его иссякали. Почти прекратились стихи. В последнее время они приходили так редко, что можно было пересчитать по пальцам. Вместе с поэзией уходила жизнь.

Год назад его пригласили выступить в Доме печати. Он согласился. После чтения на сцену взобрался некогда обиженный им Александр Струве. Мелкий стихотворец стал доказывать, что как поэт Блок давно умер. У него это не вызвало никаких возражений. Наклонившись к сидевшему рядом Чуковскому, подтвердил: "Он говорит правду: я умер".

По инерции он еще продолжал таскаться с Офицерской, где жил, на Моховую, где служил. В издательстве редактировал переводы зарубежных поэтов. По привычке писал рецензии даже на самых незначительных собратьев по цеху. И... продолжал двигаться навстречу гибели.

В феврале 21-го по случаю скорбной пушкинской годовщины он выступил в Доме литераторов с речью "О назначении поэта". Сказал, что Пушкина убила вовсе не пуля Дантеса — его убило отсутствие воздуха. Когда у поэта отнимают творческую тайную свободу, он умирает, — жизнь теряет смысл. Многим тогда показалось, что он говорит и о себе. И еще он сказал, что поэт — сын гармонии, и называется поэтом не потому, что пишет стихами, а потому, что приводит в гармонию слова и звуки.

Для него все кончилось задолго до этой речи. Он не мог больше освобождать звуки из хаоса, придавать им форму и осуществлять предназначенье поэта — преодолевать хаос и нести гармонию в мир. И поэтому после смерти творческой он готов был умереть физически. Жить без божества, без вдохновенья он не мог.

Весной навалилась безумная слабость, бессонница, усилились боли в руках и ногах. Он исхудал, стал раздражительным, внутренний огонь сжигал его. В конце мая он написал Чуковскому: "...сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается, и все всегда болит". Летом он разобрал архив, сжег некоторые записные книжки и письма от некоторых женщин.

Быть стало больше немого.

В первую неделю августа он впал в забытие, бредил ночами и страшно кричал.

Ему кололи морфий, но ничего не помогало.

7-го утром он умер.

10-го его похоронили на Смоленском кладбище возле могилы деда под старым развесистым кленом.

Печальная процессия растянулась почти по всей Офицерской улице, близкие и друзья от дома до кладбища несли открытый гроб, засыпанный цветами, на руках.

"Жизнь уже давно сожжена и рассказана..."

День в середине недели

Что это был за октябрь! Еще середина. Еще бы роце отряхивать последние листья, журча бежать ручью, а тут уж снег от Москвы до Перми и до Чусового, куда я ехал повидать друзей, просто побыть на некогда родной земле, где прошло детство. Так хотел застать этот ликующий уральский пир, когда золото особенно жарко горит в оправе наливающихся глубинной тьмой елей и пихт, и вот — снег и снег... И будто связанные с ним совсем не лицейские мысли, хотя день 19 октября я провел в поезде, где обыкновенно так уютно думается о скорых встречах ("Кто долго жил в глуши печальной, друзья, тот верно знает сам..."), где предчувствия заставляют торопить часы и подгонять расписание.

А тут вдруг стеснило сердце пронзительное чувство тоски и любви к еще не украшенному снегом, а только чуть прибеленному им, чтобы не так ранило глаз, миру — будто впервые увидел этот без конца поворачивающийся перед окном вагона бедный простор, эти полустанки, эти скудные деревни, эти поселки, выходящие к железной дороге самой нищей своей стороной, эти старые города. В Галиче я вспомнил, как много лет назад, загоревшись бунинской "Жизнью Арсеньева", которую читал тогда в поезде также по дороге на Урал, вдруг взял и вышел здесь, и сутки ходил, радовался странному одиночеству, древности обойденного временем городка, где стояла в торговых рядах, тесных улицах, покое озера, обнимающего город, вполне

кустодиевская живописная середина XIX века. Потом под горячую руку остановился еще в Глазове. И теперь, минуя их, я тайком киваю вокзалам, как друзьям юности, и отвожу глаза от их бедности, чтобы не заслонять прежних впечатлений.

Теперь я читал "Веселого солдата" Астафьева и "Знаки жизни" Корякиной-Астафьевой — книги мучительные, сумеречные, под стать дню за окном. Обе о Чусовом, куда я ехал, где Виктор Петрович и Мария Семеновна прожили полтора тяжелых послевоенных десятилетия. И вот странность — мы жили там в одну пору, в одинаковой нищете, тесноте, горькой беде вокруг, а будто в разных землях и разных столетиях. Мне сияли милые реки и леса за ними — за Чусовой, Усьвой, Вильвой, вязала рот черемуха и сладил схваченный морозом шиповник, слепили снега, грели сердце дружество и детские влюбленности, чья нешуточная глубина так страшно схвачена шекспировским Ромео, а им все загораживал труд, бездомье, зло жизни.

Все-таки дети живут на другой земле, где историческое время теряет свою власть, и где они легко узнают заботы и радости друг друга через столетия, сословия и границы, где у них свое летосчисление, свои парламенты, свое законодательство и, увы, своя жесткая пограничная и таможенная служба — оттуда ничего не вывезешь и туда ни с какими визами не въедешь, в чем мне предстояло убедиться уже на другой день.

Поезд пришел рано. На пустынной привокзальной площади, так же как и полстолетия назад, мерз с непокрытой головой Ленин, очевидно, помнивший молодого солдата, который приветствовал его тогда с испуганной бодростью: "Здравствуй, товарищ Ленин, единственный знакомый мне здесь человек!" Я поклонился этому давнему астафьевскому знакомцу. Бюст пренебрег моим поклоном и астафьевским приветом — неинтересный мы ему были народ.

Город был совершенно таким, каким мы его покинули, потому что новой частью перебрался за Чусовую, оставив старую доживать свой век, как мы оставляем доживать стариков. Однако были и новости — домик Астафьева, чье строительство в читанных мною в поезде книгах описали и Виктор Петрович, и Мария Семеновна, посмеиваясь над тем, как молодой строитель то пел во всю ивановскую, то матерился с такой же широтой, пугая будущих соседей просторным характером. Домик этот помолодел, оделся нарядной оградкой и готовился стать музеем В.П. Астафьева.

Денег, как всюду, нет, дело тормозится, и пока Виктор Петрович демократически соседствует в музее реки Чусовой с остальными чусовскими писателями, в разное время жившими тут волею (Василий Каменский, Михаил Голубков, Юрий Беликов) или неволею, — отбывая срок в Чусовской зоне (Борис Черных, Леонид Бородин). Материал оказался огромен и сей-

час задыхается в тесноте, торопя открытие музея Астафьева, чтобы разойтись посвободнее.

Грустно, что город гордится-то музеем гордится, а помочь не умеет и в единственном, наверно, на Россию тут же рядом с писательским стоящем музее Ермака погибает от перепадов температур в неотапливаемом помещении цикл живописных композиций на тему сибирского похода Ермака Тимофеевича, писанный несколько лет тому назад художником Павлом Шардаковым. Цикл этот так прекрасен, так по-русски традиционен, окликаая строгановские лицевые подлинники или изображение Куликовской битвы на житийной иконе Сергия Радонежского, так живописно точен и исторически умен, что может быть отнесен к значительным достижениям русского монументализма последних десятилетий, а вот крошится, сыпется, уходит на глазах под отчаянные, но безрезультатные призывы директора музея Леонарда Постникова к городским культурным властям об отоплении, реставрации, наконец, просто о внимании и полноценной строке в бюджете.

В подошедшую субботу я увидел, как течет неостановимый ручеек в Дом культуры на спектакль соседнего Лысьвенского театра, как ждет город приезда уже объявившего себя в заманчивой афише Московского театра с Плющихи со спектаклем "Все о любви" "с элементами эротического приключения" при билетах в сто рублей. Оно, может, так и надо — что же Чусовому отставать в "эротических приключениях" от столичной Плющихи и что же ему лишать себя своего Рериховского центра, раз у других есть, а как-то и обидно, что все мы чудес "за морем" ищем, оставляя свое великое в забвении для более прозорливых потомков.

Все это очень старинно, очень по-русски, а все не привыкнешь. Но, однако, что-то есть в этом славном, всю историю тяжело работавшем городе, что хранит его поэтическую интонацию, что вывело отсюда в разное время плеяду хороших писателей и что все сквозит в Постникове, иногда отряжающем друзьям стихотворные приветы, в пушкинских выставках и встречах городской библиотеки, в музее родной моей школы, прививающей своим детям память о лучшем, да даже и в домашних хрониках.

Лежит уже несколько лет на чусовском кладбище мой школьный товарищ — дантист, рыбак Володя Шитов, с которым бывало так хорошо в редкие мои приезды, а только теперь посмотрел я бережно хранимый дочерью старый любительский фильм о его экологических хлопотах на реке Усьве, только тут разглядел отличную библиотеку и прочитал стихотворение местного поэта Виктора Хорошавцева, посвященное моему другу и так неожиданно открывающее его — о том, как, оказывается, он часто читал друзьям стихи: *"...Потом Луконина читал, с любовью — Домовитова и чем-то мне напоминал арти-*

ста знаменитого. Что там Качалов или Царев, или другие личности, ты смаковал значение слов с врожденной артистичностью. Негромко голос твой звучал, неспешно, ненавязчиво, иные строки повторял для осмысленья вящего...”

Вообще поэзия будет преследовать меня в этой поездке, и я впервые, наверное, остро почувствую, что уходит именно пушкинский год России и что Пушкиным, как тайным заветом, прощается она с уходящим столетием, да и тысячелетием, загораясь от суда времени как лучшим своим сыном. Это естественно было слышать в майские и июньские дни, но насколько дороже этот дух поэзии в будние дни, в суете “житейского волнения” — как он просветил культурную повседневность провинции в самых как будто не пушкинских краях.

Хотя, может быть, Чусовой-то и в стороне, а Пермь — как же не пушкинская, если поэт проходил там по Сибирской улице, очевидно, по дороге в Оренбург, такой молодой и любопытный, торопясь наглядеться вперед, набраться впечатлений на всю, еще не написанную “Капитанскую дочку”. И ему было куда завернуть. Везде будто только его и ждали. В картинной галерее главный хранитель Н.В. Скоморовская вздохнет: “Ах, что бы вам приехать на недельку пораньше! Что у нас была за пушкинская экспозиция! Время, портреты, жанр, вещи, современники. Не наглядеться — хоть навсегда оставляй!” Я увижу сменившую ее в тех же залах выставку Египта и Греции из фондов и только ахну и легко представлю, какова была та, если эта так умна, эффектна, европейски аристократична — тоже будет жаль прощаться. Ну, об этой, вероятно, богатейшей русской провинциальной галерее с ее авторитетом только заговоры — выставки, международные проекты, высококлассные конференции — довольно вспомнить недавнюю, посвященную Ангелу-хранителю этой земли Стефану Пермскому с выпущенным по ее итогам двухтомником трудов — тут уровня не роняют.

И Пермская опера всю осень будет держать пушкинскую афишу: “Онегин”, “Маленькие трагедии”, “Пир во время чумы” Ц. Кюи, “Каменный гость” А. Даргомыжского, “Моцарт и Сальери” Н. Римского-Корсакова, “Скупой рыцарь” С. Рахманинова — высокая классика. Тут знают, как прочитать классику, чтоб ее услышали и тонкий меломан, и придирчивый пушкинист, и школьник, ибо оперная пушкиниана введена в программу пермского школьного и вузовского образования: кто вернее Пушкина удержит камертон молодой души?

И как бы хорошо тут же сразу сказать и о знаменитом здешнем балете Евгения Панфилова, но только он больше теперь по европейским сценам — и не он просится, а сами ищут, зовут, смотрят и не находят аналогов отваги (чего стоит хотя бы его “балет толстых”, где толстые на сцене и счастливы, и легки, и пленительны, и очаровывают зрителя не менее худых). И все

это одновременно к радости и смятению не поспевающего всюду пермского зрителя, вовлеченного в этот пушкинский хорвод.

А в соседнем с галереей выставочном зале в день моего приезда откроется экспозиция, посвященная 60-летию Пермского отделения Союза художников. Там прекрасные пушкинские акварели Олега Коровина (которому 85, но чьи иллюстрации и станковые работы не только свежи, а еще и молодо экспериментальны, пушкински легкокрылы) тревожно сменит Пушкин Александра Филимонова. И куда денутся счастье и молодость! У Филимонова поэт пойдет на венчание в Большое Вознесение так обреченно, как идут на погребение, со смятением будет глядеть, как Сальери бросает яд в стакан Моцарта, и с печалью разделит вечер с Рембрандтом, чья Саския на коленях будет встречена и смущена, видя, как молодое, такое знакомое нам по этому счастливому автопортрету лицо ее великого мужа опадает, как маска, и из-под нее глядит на Пушкина, как в зеркало, одинокое лицо человека, знающего пушкинскую правду, что "на свете счастья нет" и что "ты царь — живи один". Удивительно редкая по тону и смыслу, горькая и пронизательная и совершенно нынешняя по драматизму отношений общества и художника серия.

Впрочем, я шел на выставку, чтобы повидать народного художника СССР Евгения Широкова, которого и застал у давно писанного им портрета покойного пермского издательского и писательского Дон Кихота Б.Н. Назаровского. Я уже знал из писем Евгения Николаевича и пермской прессы, что он в этом году впервые выпустил свой курс, тотчас названный "великолепной семеркой". Все это были девушки. Но можно представить, каково было изумление московских специалистов, приехавших принимать выпуск, когда они увидели работы этих "барышень". Властной закваски реализм, послуживший таким же недевичьим сюжетам: у Вики Желниной выходят в историю России молодые уверенные Строгановы в сухой и стремительной трехчастной "фреске", где еще и Ермак Тимофеевич отправляется из Чусовских Городков в свой победительный, в свой последний поход, где Воронихин гордо прячется у своего Казанского собора; у Вали Соловьевой молодой Демидов закладывает крепкие уральские заводы, у Оксаны Щербы теснятся на мраморной лестнице Парижской оперы С. Дягилев и Ф. Шаляпин, В. Нижинский и А. Павлова, К. Сомов и А. Головин, всех не сочтешь — кумиры "Русских сезонов", не забывшие России, а С. Дягилев — и своей родной Перми. Ира Пимурзина пишет "Крещение", как "Русь возвращающуюся", оглядываясь на Павла Корина, но всматриваясь в лица пермского священства. И все это огромные холсты сложнейшей композиции и уверенной цветовой гармонии. А сколько работ написал с ними сам мастер, дав им вжиться в свою живопись, услышать волю и руку,

найти верный тон и скрыться в чужом замысле — один из лучших уроков послушания и верной старинной “школьной” меры. И как благодарно, с улыбкой и нежностью, вобравшей все шесть лет их совместной работы-учебы, написал их Евгений Николаевич среди персонажей большого холста — “моментальной фотографии” счастливого и печального мгновения, когда молодой Петр Андреевич Вяземский встречается в 1808 году на балу у пермского генерал-губернатора Модераха прекрасную его дочь, которая уже не может ответить на порыв молодого князя, ибо “другому отдана”, что не помешает этому сюжету долго жить в сердце поэта и вот дотянуться до наших дней.

Я раз позировал в этой студии (найди-ка теперь натурщиков, без копейки-то), читая того же любимого Бунина, и что это были за благословенные часы — как “умело” студийцы слушали, не забывая о работе, и как сразу была видна школа, уверенная рука, хваткий глаз. Это было странно — чувствовать, как тебя весело и ловко растаскивают по холстам, и потом глядеть в эти неожиданные зеркала и узнавать в себе то, о чем и не хотелось бы проговариваться. Потом я увижу один из тех этюдов в картине Оксаны Завальнюк “Чусовляне”, где мне будет оказана высокая честь разделить общество Л. Постникова, В. Астафьева и М. Корякиной-Астафьевой в несколько принужденной, но и с самого начала не ищущей жанрового оправдания композиции, где всяк на особицу и держатся разве только единством мысли и тайной внутренней общностью судьбы.

“Великолепная семерка” собралась в тот вечер в мастерской Евгения Широкова — все уже самостоятельные, уже узнавшие горечь потребительского отношения к их дару. Но в них светило “братство” высокой школы, выучка родной истории, заковка героев, которых они писали и у которых учились отваге и умению крепко стоять на ногах. Что до поражений (а куда художнику без них?), то они не следствие удаленности от столицы, а лишь отголосок общей болезни, отличающейся от столичной разве формами, а не существом.

Мы говорили об этом с пермским поэтом Юрием Беликовым, создателем группы “Монарх” и составителем сборника этой группы “Семь самозванцев”, в котором при вызове названия и настойчивом подчеркивании независимости, при запоздалом для немолодых “самозванцев” андерграунде, стихи чисты, высоко традиционны и живодневны (если не у всех, то у Анатолия Субботина, Елены Медведевой, Юрия Беликова). Я спросил у Юрия о культурном камертоне города — все-таки он тут не набегом, как я, он — в середине этой подвижной художественной жизни. Он очень верно сказал, что вся художественная жизнь — выставки, балетные, оперные и драматические спектакли — все это может давать и дает представление о “температуре” жизни, общем состоянии организма, но что настоящее существо и глубинное течение процессов обнаруживает все-таки

только слово, что настоящее зеркало всегда там. Поверхность может быть как угодно обманчиво богата, но если немеет слово, этого ничем не загородишь. Вступление было тревожно. И я убедился в обоснованности этой тревоги тотчас, как только мы дошли с Беликовым до Союза писателей. “О-о, — встретили его коллеги, — смотрите, кто к нам пришел! Не побрезговал нами, простыми, не интеллектуальными”. И я сразу понял, почему Юрий и остальные “самозванцы”, принятые по этому сборнику в Союз писателей, собираются создавать внутри пока целого в Перми Союза писателей России отделение Союза российских писателей (не знающему тонкостей доброму читателю и не объяснишь, в чем различие этих так похожих названиями, но взаимоисключающих союзов). Слово “отделение” вдруг наполнилось всем своим первоначальным семантическим смыслом: вот Бог, а вот порог — живите отдельно.

Это уже, кажется, порча всеобщая и мы рвем русское слово на части, опять торопливо делясь на “почвенников” и “западников”, но уже без прежнего единого сердца, пуская по ветру Родину с одинаковой нечистотой, — одни — загоняя ее в тесноту собственной провинции, другие — провинция европейской, но и те и другие — в провинцию. И здесь пермякам как будто некогда было заглянуть в светлые и печальные мемуары у них же изданного земляка Михаила Осоргина, который в парижском предместье бережно пересыпал в ладонях землю с берега Камы и находил в центре мира русским-русские слова любви к оставленному здесь единству, которое дороже всех тонкостей хотя бы и очень обольстительного художественного разделения: “Я тебя люблю, земля, меня родившая, и признаю тебя моей величайшей святыней. И никакая скептическая философия, никакой умный космополитизм не заставят меня устыдиться моей чувствительности, потому что руководит мною любовь, а она не подчинена разуму и расчету”.

Да ведь и слово-то, если в нем слышать не себя, а собственное его сердце, само лучше всего и покажет, где настоящая жизнь. Ведь мы и в писательский Союз пришли тогда по горькому поводу — на сороковины по убитому поэту Николаю Бурашникову, который вернее всего и доказывал неделимость слова, ибо был одинаково близок или одинаково далек пермским “интеллектуалам” и “простецам” от поэзии, потому что всегда умел слышать главное.

Мне неловко признаться, что я узнавал дивного этого поэта только сейчас. И дело было не в бережных словах его друзей, не в искренних слезах, не в блестящей импровизации редактора его прежних и Бог даст будущей книги Нины Гашевой, а в самих стихах, которые пленяли сразу той святой чистотой, которую мы, кажется, последний раз все сразу узнавали у Рубцова — эту свежую легкость дыхания, эту прозрачность слова, сквозь которую сам собою виден мир и страдающее челове-

ское сердце, как будто слово надо только протереть, как стекло, чтобы мир посмотрел на нас сам. Поэт, как и следовало ждать по такому доверчиво открытому слову, был несчастен, одинок и вот кончил, как часто кончают эти светлейшие голоса: смерть гонялась за ним, пока не настигла — “Стихи, стихи, вы не даётся даром...”

И будь моя воля, я бы сейчас пустился повторять стихотворение за стихотворением, хватать читателя за руку: послушай! а вот это! а это! пока не закипят у нас обоих глаза слезами и мы не поймем что-то родное, важное, забываемое нами, без чего жизнь не в жизнь и что так верно хранят поэты.

Мне, русскому, мало простора

На этом российском холме:

И поля мне мало, и моря,

И неба...

Нормален вполне:

Нормально курю сигарету,

И в дали нормально гляжу.

И мыслью блуждаю по свету,

И всюду предел нахожу.

Тогда я глаза закрываю,

Чтоб в душу поглубже взглянуть.

А там — ни конца нет, ни краю.

И в этом вся, видимо, суть...

Вполне понимаю друзей его на тризне, которые все норавли прочитав его стихи, сполоснуться их живой водой. И было грустно увидеть на стене список “мероприятий” писательского Союза, где чаще мелькают вечера памяти, и грустно было, что дом уже разгорожен фирмами и они теснят и издательство (такое некогда знаменитое), и сам Союз, не замечая, что выталкивают русское слово, без которого сами будут только звуком пустым и голосами смерти.

...А со стены зала, где мы поминали Бурашникова, глядят стареющие фотографии тех, кто был славой этого союза и его тогдашней, да и нынешней совестью — Борис Назаровский, Владимир Радкевич, Николай Домовитов, Виктор Астафьев.

...А герои дягилевских “Русских сезонов” Оксаны Щербы глядят из своего бессмертного далека на своих коллег по пермской сцене и знают в небесной России, что слава и честь их удержаны здесь на достойной высоте.

...А балет Евгения Панфилова (крестьянского архангельского мальчика, до 23-х лет в глаза не видевшего балета) очаровывает Европу отвагой, иронией и свободой и тоскует по родной Перми, по своему зрителю, благодарнее которого нет, и ждет-не дождетса окончания контракта, чтобы воротиться домой, хоть на вечно арендуемую, а все-таки свою сцену.

...А пермский фонд “Юртин” приглашает новых московских реалистов Павла Басинского, Алексея Варламова и Олега

Павлова для необходимого разговора о перспективах национальной традиции и русского реализма, и разговор выходит требовательный и хорошо определяющий границы “экспортной” и родной литературы.

...А в Чусовом Леонард Постников прибавляет к все растущему, как живая деревня, музею реки Чусовой музей деревянной игрушки — опять без копейки, мучая культурное начальство неиссякаемостью фантазии и беспокойной неутомимостью. Теперь детей оттуда не вытащишь. По себе знаю — играл...

Конечно, из этих малых осколков не сложишь зеркала культуры Перми, как не мог бедный Кай из знаменитой сказки одним усилием ума сложить слово “вечность”, но любовь видит иначе и слышит полнее. Мне казалось нужнее для души увидеть эти внешние случайности, чем выпытывать у большого начальства стройную картину культурных процессов. Там всегда все значительно и размахивается на пол-России, а простое сердце строит свой день из малых событий и в них оно все как-то виднее и естественнее.

Я уезжал из Перми воскресным утром 28 октября. По всем, пока немногим, храмам звенели колокола. В кафедральном соборе архиерейским чином начиналась Божественная Литургия — Пермская епархия встречала свое двухсотлетие (“Все же красная звезда, Сколькo раем ни манила, Древней святости креста Для души не заменила” — А. Гребнев). В этом был какой-то счастливый завершающий знак, необходимая, все примиряющая и небесно освящающая точка, благословляющий жест.

Снег, встречавший меня в начале дороги, сошел. Воздух был стыл и неуютен. Но прежней, томившей по пути сюда тоски не было. Поезд долго катил по бесконечному мосту через Каму и город разворачивался, ширился, выходил к реке, торопился показаться весь, запомниться, чтобы болело сердце, чтобы скорее хотелось вернуться снова, набиться в живой укрепляющей атмосфере, не забывающей себя, несуетливой, отчетливо молодой, никуда не торопящейся культуры большого рабочего города. ■

Дмитрий ШЕВАРОВ

Девочка, освещенная солнцем

Эти снимки привез прошлым летом из города Галича мой товарищ, фотограф Владимир Чейшвили. В своей лаборатории он показал мне целую коробку крохотных снимков, которые фотографы называют "контрольными", и в этом ворохе я увидел портрет счастливой девочки.

Я сразу стал теребить Володю: "Отпечатай мне скорее вот этот...".

Мы погасили свет, и Володя тут же стал печатать. Красный фонарь горел скупо, все предметы отодвинулись или вовсе исчезли в темноте, и стало почему-то казаться, что мы едем в товарном или почтовом вагоне. Володя рассказывал о том, какое в Галиче красивое озеро, какие вкусные огурцы и чудесные сады...

— А где же ты нашел эту девочку? — спросил я.

— Собрался уезжать, стоял на остановке. И вот из магазина вы-

шел ее папа, а она его ждала на скамейке.

— А как зовут девочку, ты не узнал?

— Зачем? Мы просто улыбнулись друг другу и разошлись...

И правда, зачем? Разве не довольно нам этой улыбки, этих объятий, этого лукавства и простодушия, солнечных пятен, бьющих сквозь листву? Мы просто будем знать, что в Галиче живут два счастливых человека. Двадцать одна тысяча жителей — и двое счастливых.

В горькую минуту своей жизни Марина Цветаева записала: "Счастливому человеку жизнь должна радоваться, поощрять его в этом редном даре. Потому что от счастливого идет счастье..." А мы все никак не научимся беречь счастливых.

В недавно опубликованных записных книжках Александра Вам-

фото Владимира Чейшвили

пилова есть точное наблюдение: "Счастливым человек всегда в чем-нибудь виноват. Перед многими людьми он виноват уже в том, что счастлив..."

Я почему-то вспомнил декабрь, вечер... Люди сошли с электрички на темной станции, торопятся домой, обгоняя друг друга на узкой тропинке. Дома мы будем и ласковы, и добры, и словоохотливы, а пока мы угрюмы и молчаливы — слишком темно над нами и вокруг нас, и холодно, и узкая тропинка между зимними дачами. И вот тут маленькая девочка, которой никто и не замечал, вдруг сказала: "Какое счастье!.." Все заоглядывались на детский голос — так это было неожиданно, и так странно было услышать про счастье вдали от домашних огней, у глухого забора. Где, где счастье?

Угрюмая цепочка людей, доселе согласно шагавшая по тропинке, смешалась. Кто-то по инерции забрел в сугроб, кто-то растерянно остановился и поставил на снег сумки. Все это произошло в одну секунду, а в другую все заметили фонарь, на который, очевидно, и показывала девочка. Фонарь стоял на обочине, свет его был так слаб, что даже вокруг себя он не рассеивал тьму, не достигал земли.

— Мама, вот счастье...

— Смотри под ноги!

"Мама, вот счастье..." Где, где счастье?

Какая была радость просто услышать это слово. Без всякого приложения к своей жизни, без всякого отзвука в памяти, просто услышать это морозное "ща" и как свист полозьев — "стье"...

Видно, что-то случилось со счастьем в нашем веке, если са-

мо слово того и гляди получит в словарях помету "устар".

Мы еще помним, как о счастье и смысле жизни спорили на кухнях, школьных диспутах и на страницах "Литературки". И это было вместе: смысл жизни и счастье. В одном из своих очерков 70-х годов Инна Руденко цитирует детское сочинение: "...Я не мечтаю о большой квартире, о коврах, о золоте, я думаю, не в этом счастье. Счастье, по-моему, в том, чтобы быть полезной людям..."

Почти тридцать лет назад в московском издательстве "Прогресс" вышел фотоальбом "Мгновения счастья". Там были собраны снимки лучших советских фотографов, и каждый снимок — о счастье. Можно, конечно, с нынешней привычной жесткостью сказать, что альбом этот сделан по идеологическому заказу. Конечно, других заказов тогда не было.

Но лица, светлые лица на снимках, кто посмеет сказать, что они — заказные?.. Быть может, только сейчас этот фотоальбом, будь он переиздан, стал бы существенно необходим людям. Когда его листаешь, когда вглядываешься в незнакомые, но милые лица, не ностальгия хватает за сердце, а какая-то свежая, сегодняшняя боль.

Начинаешь думать: отчего же сейчас невозможно издать альбом "Мгновения счастья-2000"? И дело даже не в том, что жизнь стала несравненно трагичнее, а в том, что мы разошлись в понимании счастья, раздробились. Иногда кажется, что мы поделили не только общую собственность, но и представления о счастье и несчастье, о радости и тоске, о смысле и бессмысленности жизни.

Русские классики давно заметили, что способность к сочувствию и способность к счастью неразрывно связаны. "И отдаленное страдание как тень опять бежит ко мне..." Телевидение сделало это страдание таким отдаленным, что многие потеряли чувство реальности, неотрывное от живой, немедленной реакции на чужое горе. Вместе с порогом ранимости отодвинулось куда-то и счастье.

На обложках нынешних журналов блестят игривые, уверенные лица, только счастливых среди них не заметно. Нам демонстрируют успех, богатство и везение, но что-то свыше подсказывает нам: это не счастье. Это маскарад. Мелькают образы бездушных людей. Приличьем стянутые маски..."

В предисловии к старому фотоальбому я прочитал: "Счастье — это когда ты строишь самое светлое и справедливое общество на земле..." Не будем насмешливы: верилось в счастье для всех, хотелось верить. Это была далекая от всякой идеологии детская вера.

Сейчас же нас все чаще мучит мысль, что когда столько несчастья вокруг, счастье невозможно вообще. Так много трагического, так тяжелы бывают будни.

Но счастье несообразно с веком, оно вспыхивает и там, где его не ждут.

"Мама, вот счастье..." Где, где оно? И прислушиваемся к себе, и

смотрим на небо, и ждем писем, и оглядываемся по сторонам, и перебираем кнопки телевизора, и забываем, чего ищем. А вспоминаем случайно, открыв старую книгу, знакомую с детства. Почему так много в ней о счастье и почему я раньше не замечал этого?

"...Я счастлив только, что имел случай познакомиться с вами. Прощайте, княжна, желаю вам счастья и утешения и желаю встретиться с вами при более счастливых условиях..."

Николай Ростов прощается с княжной Марьей, а мы все думаем о них, о том, как это, очевидно, важно — говорить о счастье, даже когда никакого счастья вообще нет, а идет война и вокруг смерть. И нас уже не изумляет, когда мы читаем дальше у Толстого о том, как Пьер чувствовал, что катастрофа 12-го года "приведет его к великому счастью"...

Вспоминая о минутах счастья, мы в смущении видим скромные домашние мгновения, далекие всем бурям и сенсациям эпохи. Эти краткие вспышки длятся в нас, как что-то долгое. Промельк снега, трепет страницы, касание любимых рук — все медлит, стоит только закрыть глаза.

Нынче мы часто повторяем про себя вслед за Пушкиным: "На свете счастья нет, но есть покой и воля..." И есть еще эта девочка из Галича.

поцелуй ДЖУШЬЕТТЫ

Агон МЕЛКОНЯН

Генеральному Секретарю
Организации Объединенных Наций
Господин Генеральный Секретарь!

Я осмелился написать Вам, хотя убежден: послание мое в Ваши руки не попадет. Вероятнее всего, оно затеряется в ящиках стола одного из Ваших многочисленных (и, как правило, крайне безответственных) референтов. И никогда Вы не узнаете, что я, пилот первого класса Фонда "Space Rizarh" Альфред Медухов, обвиняю Вас и Вам подобных, все человечество и, в первую очередь, себя лично, в неотвратимо надвигающейся — и очень скорой! — гибели нашей цивилизации. Увы, Вы никогда так и не узнаете, что над Землей нависло страшное проклятие, но на этот раз имя ему не чума и даже не термоядерный апокалипсис, не рак и не энергетический голод. Имя у этого проклятия куда страшнее, имя Вашей и нашей гибели — Альфред Медухов...

Ничто здесь не принадлежит ему: ни просторный светло-желтый особняк с большими окнами на южную сторону, ни аккуратно подстриженные газоны и лужайки, любовно взрыленные кротами, ни даже бассейн. Ничто. Решение Фонда в протоколе звучало категорично и до цинизма ясно: "Предоставить Альфреду Медухову, пилоту экстра-класса, в пожизненное пользование". "А чем, собственно говоря, мож-

но пользоваться, перейдя границу жизни? Мертвый человек весьма неприхотлив”, — с видом самодовольного восточного философа изрек по окончании церемонии Фанг Чжао.

Альфред Медухов уже тогда понял все: подарок этот — отнюдь не проявление заботы и благодарности. Красивая усадьба — всего лишь деликатная форма пожизненного заточения, золотая клетка для соловья! И потому поселился он здесь, на территории площадью 1500 квадратных метров, обнесенных забором, с чувством полной обреченности и страха перед окружающим миром — тем, что за забором, неведомым и пугающим. Отныне и навсегда. Время от времени он вдруг начинает переставлять мебель, по-своему изменять окружающее пространство — не ради комфорта, а просто так, чтобы чем-то занять себя, чтобы создать хотя бы иллюзию каких-то перемен, но зоркий глаз Антонию тут же подмечает противную ей перемену: сдвинутую с места вещь, жирное пятнышко на ковре, искривившийся стебель розы. Тогда она обиженно поджимает губки и несколько дней ходит напряженная, нервная, пока ее педантизм не возьмет верх в молчаливом поединке с Альфредом и не положит конец его самовольству. А потом все продолжается снова, как вчера и позавчера. Потому что ей невыносимо ощущение хода времени, и, стремясь хоть как-то оградить от него Альфреда, она даже попрятала в доме все часы. Время убивает.

Вспомнился тот день в Гринфилде, когда водяной поток унес конуру Джека; собака долго скулила, беспомощно суча лапами, но вдруг водоворот разом всосал ее — рыжую мордочку, стекленеющие глаза, вислые уши. Вода, заглотив теплое рыжее тело Джека, удовлетворенно вспучилась, сыто рыгнув несколькими большими пузырями, — и все. Разложившийся трупик нашли у берега реки; мальчуган руками выкопал могилку, поплакал, целую неделю он не желал никого видеть, бродил где-то, не появляясь дома, но потом смирился с утратой друга, потому как человеку не впервой свыкаться с потерями: он роет могилы, плачет, потом привыкает. И так всегда.

...Господин Секретарь!

Вероятнее всего, вы подумаете, что я, мягко говоря, сгущаю краски, преувеличиваю. Тем паче, что Вы, полагаю, уже успели ознакомиться с моим личным делом и в особенности с медицинской справкой, подколотой к нему. Там ведь черным по белому написано, что я-де неизлечимо болен, что у меня "глубокая регрессия мозга".

Но я болен не более Вас и прочих существ, являющих заплывшее жиром человечество. Простите за банальность, но наша с Вами (я говорю обо всех нас) болезнь называется просто — самонадеянность, помноженная на пресыщенность.

Вы взгляните на то, что представляет собой сегодняшнее человечество! Гигантская колония супербактерий, осуществляющая одну единственную функцию — метаболизм. Она поглощает, переваривает, испражняет. Потребляет, перерабатывает и — выбрасывает. Эдакая перерабатывающая машина с минимальным коэффициентом полезного действия, в награду которой полагается честно "заработанный" подкожный жир.

Впрочем, у этой массы есть и еще одна функция — размножение, создание себе подобных.

Вы, должно быть, знакомы с законом биологического насыщения: как только популяция, занимающая определенную экологическую нишу, разрастается сверх нормы, отдельные индивиды автоматически лишаются возможности свободного развития. И вот тогда наступает время покаяний. Должен Вас заверить, господин Секретарь, это время уже наступило!

Может быть, Вам вздумается упрекать меня в том, что я апеллирую к обобщенному, а не конкретному, тем более, что на Земле немало стран, в которых ситуация обстоит иначе. Но не в моей стране. А Вы ведь за нее в ответе, не так ли?..

Двадцать лет прошло с того дня, когда он, беззащитный и голый, как Адам, стоял перед женщиной-врачом, стыдливо прикрываясь ладонями, и зябко переминался с ноги на ногу. Доктор быстрым движением сняла очки и выдала, наконец, свой вердикт:

— Никаких отклонений от нормы.

— Значит, я могу вернуться в Космос?

— Фонд считает это невозможным. Стресс, перенесенный вами, аукнулся на вашей психике.

— Послушайте, как же так! У меня же контракт еще на пять лет!

— Не волнуйтесь, мы дадим вам солидную пенсию.

— Только бы избавиться от меня, так, что ли?

— Послушайте, Медухов! Я врач, и интриги внутри Фонда меня совсем не касаются. И вообще, долго вы еще собираетесь выкобениваться передо мной нагишом?

И все это время в ее глазах — насмешливая жалость.

Ее холодная логика тебя почему-то испугала, когда она с педантичностью судебного эксперта обследовала каждый сантиметр твоего тела, когда с ловкостью массажиста ощупывала каждый мускул, почти вплотную надвинувшись на твое лицо своей шикарной грудью, ничем не стесненной под ослепительно белым, пахнущим стиральным порошком халатом (ты без особого усердия еще пытался побороть — и, разумеется, не смог — желание заглянуть туда, где колыхались

эти обворожительные бутоны с удивительно крупными темными кружочками сосков); а самыми ласковыми словами, слетевшими с ее тонких губ, были: “Завидная кондиция”. И только!

Вы называли ее Коброй-хранительницей, потому что она и в самом деле была добросовестным стражем вашего здоровья, знала все шестеренки, гаечки и болтики вашего организма и наизусть помнила уйму не понятных простому смертному таблиц: пэ-аш, систола и диастола, осмотическое давление плазмы крови, адреналин, процентное содержание секрета предстательной железы и еще массу всяческой белиберды, от которой, однако, зависело, будете вы летать дальше, или же пора вам подумать о пенсионном времяпрепровождении.

Каждый раз по возвращении на Землю были банкеты, коктейли, торжественные тосты, объятия, воспоминания (“А помнишь?”) и слезы в глазах. И только Кобра-хранительница стояла в сторонке, неловко пыталась включиться в разговор или искренне улыбнуться (честно говоря, улыбка ей совсем не к лицу), то и дело смешно указательным пальчиком поправляя очки на переносице, а потом вдруг подходила и, глядя на тебя в упор, говорила хорошо знакомым тоном:

— Медухов, не забудьте ко мне завтра зайти, нужно замерить альбумин.

Ну, разумеется, альбумин всего лишь повод для того, чтобы начать все сначала: пэ-аш, систола, диастола и так далее, пока не дойдет до самого ужасного: “Повернитесь спиной и нагнитесь”, до той самой что ни на есть неджентльменской позы... После такого пилоты уходили в глубокий запой как минимум на два дня, глуша алкоголем отвращение к самим себе, испытанное в кабинете Кобры унижение...

...И вот что удивительно, господин Секретарь: это самое человечество осмеливается величать себя разумными существами, хомо сапиенс, тудыт-растудыт. И даже не испытывает при этом никаких колебаний и, тем более, угрызений совести. Только потому, что оно, видите ли, несколько умнее других биологических сообществ, среди которых существует. Но ведь эти сообщества настолько интеллигентны, что не могут служить критерием, претендовать на роль эталона, не так ли?

И вот что еще: это человечество настаивает, чтобы и другие не просто величали его разумным, но и считали таковым. Смешно, об этих других оно не имеет ни малейшего понятия, однако со знанием дела называет их “братьями по разуму”! Ну, надо же — братья! Да еще по разуму!

Получается, что любое существо, сообразительнее вола, черепахи или обезьяны, — разумно? Да к тому же в метагалактических масштабах.

Я астронавт и привык мыслить в масштабах космических. Я не случайно акцентирую на этом. Я, Альфред Медухов, заявляю Вам со всей ответственностью, что ДРУГИЕ не считают нас ни братьями, ни разумными существами...

Большой ярко-желтый особняк в ста сорока километрах от ближайшего населенного пункта, бассейн, теннисный корт, аккуратно стриженные лужайки с рыхлыми кротовинами. Ну как? Суперлюкс, Альфред, спору нет! Двенадцать роскошных комнат — вполне хватит, чтобы окончательно рехнуться, правда?

— Стало быть, здесь я и буду жить до конца своих дней?

— Четыреста “кусков”, Альфред! Чем тебе не дворец! — гадливо ухмыльнулся Фанг Чжао.

— С удовольствием поменяюсь с вами.

— Да что вы в самом деле, Медухов! Это же жест благодарности Фонда. Знаете, у нас на Востоке говорят...

После обеда он впервые услышал проклятие тропического дождя и поспешил убрать алюминиевые козырьки над окнами — это металлическое тремоло выводило его из себя. Казалось, будто некто тяжело ступает в соседней комнате, вот-вот откроет дверь и войдет. Но медлит. Что же он, почему не входит, черт побери, чего выжидает!..

Когда стемнело, он понял — ОНО придет опять, потому что сейчас самое удобное время тихо подкрасться и вперить в него свой единственный глаз — холодный и удивленный. Точно так, как это было в пилотском модуле, когда Альфред внутренне похолодел, ощутив рядом с собой его горячее присутствие, его дыхание. ОНО парализовало его, гипнотизируя медленным, ритмичным колыханием тела, а потом — прильнуло к его щеке скользким, отвратительным поцелуем. Его глаза успели выхватить немного: желтые желваки челюстей, изобретенное сетью капилляров гноящееся око в самом центре чешуйчатого лба, потрескавшиеся губы с зеленоватыми пятнами засохшей слизи да белесые струпья на морде. ОНО нагнулось на него, принюхиваясь и сладострастно шевеля губами, готовое облизывать его щеку жадным, как укус, поцелуем. Потом студенистый животик скользнул по его шее, он чувствовал учащенный пульс, размеренные толчки смрадного дыхания; где-то рядом со склизкими бугорками (должно быть, это груди) шевельнулись влажные присоски и пучок тонких щупалец, они сладострастно впились в шею у сонной артерии — и все; быстрый укол, и его понесла, закружила медленная и прохладная волна блаженного беспомыслия...

Он знал: все повторится снова. Обязательно. Сегодня вечером ОНО придет к нему. ОНО снова поцелует тебя, Альфред, и ты умиротворенно уснешь в его объятиях; ты ведь знаешь, этот эйфорийный сон принесет тебе удовлетворение и покой-

ствие, как и тогда, в минуты вашей неземной любви. О да, тебя пугает это, и потому ты нервно запираешь входную дверь, баррикадируешь ее мебелью, включаешь блокировку и электронную сигнализацию, лихорадочно сжимаешь вспотевшей ладонью пистолет, и так ты прстоишь до утра на своем посту, потому что тебе страшно, потому что знаешь — это может повториться: влажный поцелуй (но признайся себе, в том поцелуе было столько нежности!), склизкие шупальца, высасывающие твои жизненные силы. ОНО обнимет тебя, едва ты расслабишься; как уличная девка будет бесстыже тереться о твое тело холодными чешуйками, обовьется вокруг шеи, скользнет к уху и в тот самый момент, когда ты окончательно погрузишься в сладостную нирвану, ОНО захочет...

Ну, нетушки! Стой! Стрелять буду, падла! Раз и навсегда разнесу твою гадкую рожу! Вдрызг! Растопчу в мокрую лепешку, как жабу...

Я забуду тебя! Выпотрошу твой мерзкий образ из своей памяти! Я должен забыть! Даже если для этого мне потребуется вывернуть себя наизнанку. Ведь так нельзя жить, не могу же я все время не спать! Слышишь, я уже не боюсь тебя! Почти. В самом деле, я же на Земле, здесь тебе не достать меня. Боже, как ты мне противно, блевать хочется! Разве ты женщина? Ну зачем ты меня поцеловала? Зачем?! Бог ты мой, ну неужели найдутся на свете столь безумные поэты, готовые воспеть в сонетах такую гадость! Нет, ты не женщина. Но кто? Наверное, ты долго блуждала в Пространстве, ты была так одинока, что тебе нестерпимо захотелось кого-нибудь поцеловать, тебе это было просто необходимо... И вот ты увидела мой корабль, проникла в пилотскую, а там — батюшки! — то, что надо: ничего не подозревающий Альфред Медухов, существо МУЖСКОГО пола. Но ты такая застенчивая, ты впервые целуешь землянина, поэтому облобызала меня исподтишка, втихаря, когда я и сообразить ничего не успел, гадкая моя. Ты даже не поздоровалась, не объяснилась в любви, только и успел заметить засохшую слизь на твоих губах, да острые зубки... Моя гадкая неземная Джульетта!..

Поменьше спиртного и побольше свежего воздуха — сказала Кобра-хранительница. Медленно, но уже прихожу в себя. Это поначалу страхи преследовали меня, каждый вечер я ждал твоего прихода, держал под подушкой заряженный пистолет... Хотя, конечно, ничего плохого ты не сделала. Что тут такого — кого-нибудь поцеловать. Ведь, в конце концов, это проявление любви. Любви?! Какая, к черту, любовь! Ведь ты не женщина!!!

Но я уже привыкаю, даже поспать иногда удается. И все вы увидите: я еще стану прежним Альфредом Медуховым, космическим волком с железными нервами, который никогда не потеет, запросто выдерживает девятикратные перегрузки и

способен развить комплекс неполноценности даже у самой красивой женщины. Вот каким был Альфред Медухов... пока моей неземной Джульетте не взбрело в голову флиртануть со мной.

...Потом он завалил задание и был признан "высокой комиссией" непригодным к работе в Космосе и вообще чокнутым; потом доктор Веселова (она же Кобра-хранительница) долго объясняла, как и почему у него ролики заходят за шарики; а под конец славный своей щедростью Фонд отправил его в пожизненную ссылку в эти ужасные своей красотой двенадцать комнат. И после всего этого он стал тем, чем является сегодня — не вполне нормальным мужчиной средних лет, с рассеянным взглядом, капризным мочевым пузырем, приступами тахикардии — приговоренный к одиночеству на весь тот обрубок жизни, что ему отпустил всепрощающий, всебезразличный Бог...

... И я отвечаю за свои слова, ибо я — единственный землянин, видевший их воочию. Но не думайте, господин Секретарь, что имел место взаимополезный Контакт. Земная наука ничегошеньки не знает о НИХ, зато обожает козырять заумной терминологией по этой теме, даже не подозревая, что тем самым как раз углубляет пропасть наших заблуждений.

Я видел ИХ. Точнее сказать: я понял, почувствовал, что это — ОНИ. Никаких сомнений в том, что встреча была случайной — подобная случайность выводит в лесу охотника на добычу. Он не может предугадать эту встречу, но после того, как она состоялась, принимает ее как должное, как факт, и дальше действует сообразно обстановке.

Возможно, вы будете несколько удивлены моим сравнением. Однако факт остается фактом: ОНИ не стремятся к встрече с нами, потому как даже не представляют, что мы есть такое и с чем нас кушают (извините за фривольную фигуральность). Более того — ОНИ и не хотят этого знать. Для НИХ мы — всего лишь случайность, явление маловероятное, но теоретически возможное. Они хотят найти СВОИХ братьев по разуму, точно так же, как и мы мечтаем встретить СВОИХ.

Наша встреча — игра случая. И разве осознаешь, что перед тобой находка, если ты ничего подобного не искал и даже не собирался? Любая разумная деятельность начинается с вопроса: "Что это такое?" Следовательно, перво-наперво необходимо сформулировать вопрос, а уж затем только пытаться найти ответ на него. Но опять же: чтобы возник такой вопрос, "это" должно привлечь твое внимание. Так вот, мы НЕ ПРИВЛЕКАЕМ их внимания, господин Секретарь. Они вообще не задаются вопросами в отношении нас.

Они нашли меня, но не искали. А когда обнаруживаешь что-то такое, чего не искал, то, как правило, и не знаешь, что с этим делать, ведь правда? Так и ОНИ не знали, что делать со мной. Потому как я не был целью их возможных поисков (если таковые вообще имели место), а значит, никакой стратегии в отношении меня (как единицы некоей жизни) выработано у них не было. Они даже не подозревают, что я представлял собой нечто, способное их заинтересовать, что я существо разумное. Да ОНИ вообще не предполагали, что я **ТО САМОЕ НЕЧТО**, о чем они, наверное, давно думают и пишут. Их критерии "полезности/бесполезности", очевидно, совсем иные и не совпадают с нашими.

Итак, когда ты нашел нечто, чего не искал, когда не знаешь, что же это ты нашел, когда не знаешь, что делать с находкой, потому что не знаешь, что оно такое, и, наконец, когда не понимаешь, что "нечто" представляет из себя что-то ценное, что тогда происходит, господин Секретарь? Вот тогда обязательно и случается что-то неразумное, не так ли?..

Однажды он повстречал ее у реки: неуклюже согнувшись, она сидела на маленьком пластиковом стульчике, внимательно следя за неподвижным поплавком. Она не заметила его, и он, бесшумно ступая по мягкой траве, приблизился к ней почти вплотную и долго смотрел на нее, любуясь волосами, сверкающими на закатном солнце, и мягким окатом плеч.

— Доброй рыбалки вам, доктор Веселова! — наконец проронил он.

Она вздрогнула (впрочем, несколько наигранно, ведь она ожидала его встретить) и, повернувшись в его сторону, неуверенно улыбнулась (нет, честное слово, не к лицу ей улыбка!). А потом с воодушевлением принялась хвастать своим рыболовным опытом, с гордостью демонстрировала сегодняшний улов — несколько форелин с удивленно разинутыми ротиками.

— А я и не знала, Медухов, что вы живете в этих краях. Никогда не предполагала... Честное слово, совершенно случайно...

Потом они брели вдоль реки, болтая о всякой всячине. Иногда она забывалась и начинала говорить на профессиональную тему — о все тех же проклятых систолах и диастолах и еще черт знает о чем.

Они шли рядом — мужчина и женщина, и главное, что женщина была самая настоящая, а не одноглазая чешуйчатая Джульетта. Женщина, у которой все на месте — даже с избытком, ее хотелось трогать, хотелось прижаться к ней, утонуть в ее шикарном мягком теле.

Теперь он, пожалуй, уже и не вспомнит, как все произошло, как поведал ей о томительном желании одинокого мужчины. Что же она ему тогда ответила? Кажется, что-то насчет

породистых самцов. Он пропустил эту колкость мимо ушей, и его рука как бы невзначай коснулась ее плеча, а потом соскользнула на талию. Нагретое солнцем тело вдруг обожгло, горячая волна желаний подхватила и понесла куда-то в неведомость... Потом он помнит смутно: все закружилось — верхушка дуба... вдруг оказавшаяся совсем близко мягкая душистая трава и — непривычно, неестественно нежные глаза доктора Веселовой, еще минутой назад холодные и официальные... очаровательный белесый пушок над верхней губой, а сами губы — возбуждающе горькие от какой-то травы. Жадно вцепившись друг в друга, они падали в сладостное, безмозглое небытие, лихорадочно сдирая одежду. Он ликовал, ощущая, как животное пробуждается в нем, завладевает его сознанием, рука скользнула под юбку... И в этот самый момент она с силой оттолкнула его, резко вскочила, нервно оправляя помявшуюся юбку. Раскрасневшаяся, возбужденная, испуганная, негодующая. Она почти выкрикнула, и в голосе ее зазвела холодная сталь:

— Не смейте, слышите! Держите себя в руках, Альфред. Вы... Вы — не мужчина.

— Что значит — не мужчина?! — неосознанная обида заставила дрогнуть голос.

Веселова некоторое время молчала, прежде чем нанести новый удар:

— Это правда, Альфред. Я ваш лечащий врач и потому знаю, о чем говорю.

Теперь уже не имело смысла продолжать играть в молчанку. И она рассказала о крохотном, почти незаметном рубчике в паху. Она обнаружила его случайно во время осмотра. Очень тонкая работа. Нейтроскопия подтвердила тогда еще смутные подозрения — кем-то неизвестным Альфред был подвергнут хирургической операции. Очень странной операции — удаление одного из производителей андрогенов.

— Понимаете теперь, почему я поверила вашей истории про космическое чудовище, Альфред? Это не могло быть галлюцинацией, потому что... потому что такую операцию не смог бы проделать земной хирург...

Альфред ничего не ответил. Они закурили и медленно побрели обратно, к ее машине. Ни один из них не решился нарушить это испуганное молчание. Лишь раз она попыталась было взять его за руку, но он решительно отстранился. Так они и шли — ставшие вдруг снова чужими друг для друга. А у самой машины она деловито поцеловала его и, прежде чем повернуть ключ зажигания, как бы невзначай бросила — равнодушно и официально:

— Через три дня приеду. Насовсем.

Помнишь, каким бешеным галопом ты кинулся к дому, как яростно пинал двери — все эти чертовы девять дверей на

пути к ванной комнате? Ты помнишь, как долго стоял перед зеркалом, всматриваясь в тонкий, почти незаметный бледный шрамик — свидетельство любви твоей неземной Джульетты, клятва вечной верности тебе?..

А спустя три дня приехала доктор Веселова и стала просто Антонией.

... Ни к чему лишний раз повторять мою историю встречи с НИМИ и вспоминать о ее последствиях. Она зафиксирована в анналах Фонда. И на моем теле. Куда важнее вопрос иного порядка: а вправе ли я обвинять их? Для меня ответ очевиден, господин Секретарь: не имею я такого права. И потому не осуждаю ИХ действия. Мы не можем этого сделать, потому что нам не доступна ИХ логика. Чтобы понять ИХ намерения, я должен научиться думать, как ОНИ.

Я могу лишь безрезультатно блуждать в догадках, подобно дереву, в которое вгрызаются зубчики пилы. Но пользы-то от этих предположений ровным счетом никакой. Спеленное дерево утешает себя мыслью, что оно погибло не зря — может, из него сделают скульптуру или, на худой конец, бумагу. Оно и предположить не может, что его спилили просто потому, что оно мешает, что оно стало ненужным ...

Звонкоголосая моя Мортилия, милый мой колобочек. Ты тянешь свои пухлые ручки к Солнцу, хочешь его потрогать, но ножки заплетаются в траве, и ты падаешь. Не плачь, крошка, все впереди — и солнце, и звезды будут твоими. Ой, не ходи туда, говорушка моя ненаглядная, упадешь в бассейн. Ухватись-ка лучше за мою руку, и давай погуляем с тобой. Рядом — как и положено отцу с дочерью. Знаешь, рядом с тобой я становлюсь совсем другим — сильным и уверенным в себе, меня просто распирает гордость. Такое чувство, будто за мою руку держится весь мир, и я его веду туда — в Будущее, где все по-другому. И я готов боготворить Фонд. Да-да, в самом деле; подумай сама, кабы меня не вышвырнули, то и не было бы тебя, моя любовь. Вот смотри, дочурка, все это — все-все! — принадлежит на самом деле дядям из Фонда, у меня же нет ничегошеньки. Но это пустяки, потому что у меня есть ты, моя синичка. А это гораздо больше и важнее... Да перестань же ты плакать, солнышко, видишь — маме некогда. А я и рад бы тебя покормить, да не умею. Но зато как я тебя люблю! Ах, глупышка моя, ты еще этого не понимаешь.

Представляешь, Мортилия, твоя мама сказала, что я не мужчина! Ха, это я-то не мужчина! Глупости! Ах, не прикасайтесь ко мне, Альфред Медухов, вы не мужчина. Так сказала твоя мама когда-то. Дескать, есть там у вас в паху какой-то не такой шрамик, оставленный чудовищем, так что ваша песенка спета, сказала она, и даже не пытайтесь, все равно ниче-

гошеньки у вас не выйдет. Как жестоко, Мортилия, правда? Она брезговала мною и ложилась со мной в постель, даже не пытаясь скрыть своего отвращения, всегда отворачивалась... Боже, что за глупости я несу собственной дочери!

Потом-то я узнал, что ее подослали ко мне люди из Фонда. Есть там такой Институт перспективных исследований. Ничего себе исследование, верно говорю, Мортилия? Представляешь, как все это низко и грязно: под тебя подсовывают красивую женщину, чтобы проверить, остался ли ты мужиком после поцелуя Джульетты. Идиоты! Они еще сомневались! Как они офонарели, когда оказалось, что я не просто по-прежнему мужчина, но очень даже неплохой образец! И уж получше многих из них. Уж тут ты не сомневайся.

А видела бы ты, как твоя мама бежала потом ко мне: лицо в слезах, нос красный, глаза сверкают. И как кинется мне на шею! Я беременна, Альфред, в самом деле! Ребенок... у меня будет ребенок! Радость так и сочилась из нее, Мортилия.

Впрочем, тебе всего этого еще не понять, зайчик мой. Но это ничего.

А потом у твоей мамы начал расти живот. Не догадываешься, почему он вдруг стал расти? Да потому, что там внутри была ты, Мортилия! Представляешь! Вот оно — настоящее чудо, черт побери! Чудо, которое ни один мужчина не в состоянии осмыслить до конца. Вот сначала, значит, живот растет. А потом прижмешься к нему ухом и вдруг чувствуешь: что-то в этом животе шевелится, толкается. Живет! А угадай-ка, кто это там шевелится? Не догадываешься, шалунья моя? А ведь это ты была там в животике у мамы. Такие вот дела, дочурка.

И вот однажды ты появилась на свет — маленький сморщенный комочек. Ох, и прожорлива же ты была, да к тому же вечно мокрая... Эй-эй, чем это ты недовольна, тоже мне примадонна! Да, мокрая, ну и что — так всегда бывает. Как же все-таки здорово, что у меня есть ты! Видимо, не посмело чудовище учинить надо мною самое страшное. Ух, и страху же я натерпелся из-за одного-то поцелуйчика этой отвратительной липкой Джульетты со звезд! Зря, выходит, боялся...

... Дано ли дереву понять нас, господин Секретарь? Дано ли нам понять дерево? Вопрос, конечно, риторический. Потому как и дураку понятно: не смогут понять друг друга стоящие на разных ступенях. Разным не дано понимание. Их представления о вершинах разума, о границах эволюции различны. Каждый мир выстраивает свою лестницу, в соответствии со своими представлениями об эстетике. И последнюю ступень каждая цивилизация определяет для себя сама.

Возможно, мои рассуждения страдают непоследовательностью и выглядят сумбурными. Что ж, я не писатель, гос-

---

подин Секретарь. И все же: любой из миров имеет такую модель цивилизации, разумной жизни, какую он заслуживает!..

Не спеша испить после обеда чашечку горячего кофе — истинное блаженство. Сидишь себе у большого окна гостиной, лениво поглядывая на серую пелену, застлавшую небо, на светлые ручейки, вымывающие себе тропки на аллеях, на пенистые кляксы луж. Все часы на этой широте тикают в унисон, но его это не касается. Потому что в его доме нет часов, он давно привык к этому безвременью — время для него остановилось навсегда.

Но вот Антония тряхнула головой, распуская волосы. Теперь можно и поговорить.

— Вот так же было в Гринфилде, — неспешно начинает Альфред. — Как-то раз точно в такую же погоду водяной поток унес конуру Джека. Знаешь, я долго плакал тогда. Я так любил Джека... Он был ну совсем как человек, разве что в школу не ходил...

— Надоел ты мне со своим Джеком, — сварливо прерывает Антония. — Ты эту историю рассказываешь каждую среду. Неужели так трудно придумать что-нибудь новенькое?

— Да не мастак я на выдумку. Вот был среди нас один навигатор — Рене. Тот бы порассказал. Умел он это. А я... Много уже позабылось за давностью лет. А вспомни, каким я был парнем! А? Чудо, а не пилот! С лучшим осмотическим давлением плазмы, с самым высоким процентным содержанием...

— Перестань, Альфред!

Еще целых два дня до счастливой пятницы, когда воспитанниц пансиона отпускают на уик-энд, и Мортилия возвращается домой. Сначала где-то вдали зарокочет мотор еще невидимой машины, потом она вынырнет из-за тополей на открытую часть шоссе, свернет на бетонную дорожку, ведущую к дому, по-стариковски чихнет пару раз и, наконец, остановится. А потом в прихожей послышится быстрый и легкий перестук каблучков. Затем этот обворожительный звук переметнется на лестницу, в коридор, и вот уже дверь шумно распахивается: “А вот и я!” Бросив сумку с вещами прямо у дверей, она, сияющая, весело подлетит к ним, расцелует и, не давая опомниться, защебечет о жизни в пансионе, выливая на них поток городских новостей, школьных сплетен — во всех подробностях, день за днем, час за часом. А они будут молча вкушать ее голос, радуясь своему счастью. Потом Антония накроет стол белой скатертью, достанет бокалы для вина и любовно расправит цветы в вазе. За ужином они будут не спеша и чинно вести разговор на семейные темы. “Как твое сердце, папа? Ты слишком много пьешь кофе, сколько раз я тебя предупреждала...”. “Что ты, милая, кофе для меня — единственная радость. Ведь сердце дано человеку для радостей. И каждое

сердце требует свою порцию удовольствий...". "А как у тебя с давлением, мама? Ты мало бываешь на воздухе, тебе двигаться побольше надо.". "Вот тебе на! Яйца курицу взялись учить! Я же врач, Мортилия. И прекрасно знаю, когда движения приносят действительную пользу, а когда это всего лишь указания доктора"...

— Альфред, я сегодня листала семейный альбом. Когда ты успел сделать фотографии Мортилии?

— Это не Мортилия, дорогая. Это моя мать.

— М-да, стареешь, дорогуша. Склерозец? Или зрение шалит?

— Да нет же, у меня все в полном порядке.

— Неужели? Что же это ты не узнаешь собственную дочь, уважаемый пилот экстра-класса? Бравуруешь безупречностью своей предстательной железы, а про мозги, как всегда, позабыл. Но я-то не слепая — на снимке Мортилия! Голову даю на отсечение.

— Ошибаешься, дорогая. Этой фотографии больше сорока лет. Это действительно моя мать, Антония. Снимок сделан в Гринфилде, во дворике дома, где я родился. Я очень хорошо помню этот день. Было воскресенье, мама собиралась на танцы, и ей захотелось сфотографироваться в своем лучшем платье...

— Вот зануда! Да говорю же тебе — это Мортилия!

Так все и началось — с обыкновенной цветной фотографии сорокалетней давности. Еще не осознанное до конца недоброе предчувствие поселилось в нем.

Вот и пятница. Пару раз чихнув, автомобиль притормозил у дома. Звонкие каблучки беззаботно взлетели по лестнице и впорхнули в коридор.

— Мама, папа! Ку-ку, я приехала!

Обнимая и целуя родителей, она не перестает щебетать, изливая из себя накопившиеся за неделю новости. Все как обычно. Ужин, свечи, разговоры, семейный уют. Все как обычно. И все не так. Для Альфреда.

— Папочка, как твое сердце? Все-таки ты слишком много пьешь кофе. Нельзя так.

Альфред рассеянно кивает, силясь вспомнить, где и когда он видел эту юную женщину.

"Наталия, ты же знаешь, я терпеть не могу, когда меня отрывают от работы!" — раздраженно скрипит папа Гарольд Медухов. "А мне осточертели твои спичечные храмы и крепости! Ты даже в церковь перестал ходить. Вот что, милый, пойдем сегодня на танцы, а?" "Хорошо, дорогая, а теперь не мешай мне". "Гарольд, ты сфотографируешь меня в новом платье? Вон там, во дворе"...

... Выходные превратились для Альфреда в ад. Мортилия все такая же беззаботная, а он молча бродит по комнатам, цепко следит за каждым ее движением, вслушивается в интонации голоса. Порой спрячется за портьерой или ходит за ней по пятам, чтобы вдруг сорваться на крик:

— Мортилия, почему ты так делаешь?!

— Как, папочка?

— Ну... вот этот жест — руку вперед.

— Папочка, это же всего лишь жест. Почему ты так разволновался?

Но Альфред-то знал: этот жест не ее. Как и все остальное в ней. Мортилия звонко смеется над глупостью отцовских вопросов, подшучивает над ним. Этот смех пробуждает сонные деревья, заставляет их радостно шелестеть листвой. Этот смех врывается в домик в Гринфилде, где воскресным утром мама Наталия, вернувшись из церкви, рассказывает о людях, которых там встретила. А папа Гарольд усердно мастерит спичечный Нотр-Дам. Но как же это может быть, Альфред, чтобы чистый, как горный ручей, смех Мортилии, зарождаясь в твоём помпезном склепе, подаренном Фондом, терялся где-то в деревянном домике в Гринфилде? В прошлом!

... Впрочем, все это лирические отступления; важно другое: над человечеством нависла серьезнейшая опасность, равной которой история нашей цивилизации еще не знала. Я отдаю себе отчет в том, что Вы, господин Секретарь, вероятнее всего, пропустите мимо ушей предупреждение сбрендившего астронавта. Что ж, тем хуже для Вас и всего человечества.

Видите ли, весь ужас трагического положения Земли заключается в том, что угроза исходит не ИЗВНЕ, а ИЗНУТРИ; она — в нас самих. И это не болезнь. Эта опасность куда более коварна и непредсказуема. Она невидима, но у нее есть имя. Поймите, господин Секретарь: судьба цивилизации теперь в руках ОДНОГО человека. И этот человек — я, пилот Альфред Медухов, способный одним ударом, не оставляя шансов на спасение, сбить все кегли человеческой цивилизации.

И все это дьявольское могущество досталось одному единственному идиоту, господин Секретарь...

— Антония, ты уже спишь?

— Нет. Давление опять подскочило, голова просто раскалывается.

— Я хотел бы поговорить с тобой.

— Извини, милый, но сейчас мне меньше всего хочется говорить... Впрочем, если тебе невмоготу...

— Да, невмоготу! Мне просто необходимо кое-что рассказать тебе. Не знаю, с чего начать... Понимаешь, я все время наблюдаю за Мортилией...

— Я заметила. Только не пойму, зачем ты это делаешь? Может...

— Нет-нет, что ты! Я... я наблюдаю за ее жестами, поведением и... это мучает меня, Антония. Погоди, не перебивай, я и сам знаю, что выгляжу глупо...

— Но почему, Альфред? Что тревожит тебя?

— Хорошо, я скажу, обязательно скажу. Постарайся только понять. Иногда мне и самому кажется, что все это бред, плод моего больного воображения. Но могу поклясться, что я знал Мортилию задолго до ее рождения!

— Что за глупости, дорогой! Ты просто много пьешь кофе.

— Может, ты и права, глупости все это. Но я говорю правду. Я знаю каждый ее шаг, каждый жест, каждое слово наперед. Знаю, как и почему она поступит в следующую минуту.

— Это всего лишь иллюзия, милый. Мы это называем галлюцинативной ретроскопией.

— Мне ваши термины до фени, для меня Мортилия — часть моего прошлого. Моего прошлого в Гринфилде. Я знаю о ней все. Скажи, ведь вы с ней тайком от меня переписываетесь?

— Да. А что плохого в том? Это, как говорится, между нами, девочками...

— И она написала тебе, что у нее появился парень, так ведь?

— Ну да. Это же нормально, Альфред, девочке восемнадцать лет.

— И этот ее приятель — служащий банка?

— Хм, верно. Я одобряю ее выбор: банковские служащие хорошо обеспечены и имеют удобное положение в обществе. Разве в этом есть что-то предосудительное?

— А скажи, парня этого, часом, не Гарольд зовут?

— Гарольд. Вот что, Альфред, тебе никогда не говорили, что читать чужие письма некрасиво?

— В том-то и дело, Антония, что я не читал этих писем! У Гарольда будет странное хобби — мастерить спичечные дворцы. Он рано облысеет, будет страдать диабетом, потом сопьется и умрет в сорок лет...

— Прекрати! Все это твои выдумки, вот что это такое! Я спать хочу.

— Погоди, дорогая. Я говорю правду. Видишь ли, все, о чем я только что рассказал, уже случилось. Много лет назад. Все это я видел собственными глазами. А теперь... теперь каким-то странным образом прошлое повторяется. Оно словно бы воссоздает себя.

— О чем это ты?

— Помнишь, ту фотографию, мы не могли решить, кто на ней изображен, моя мать или Мортилия. Спор оказался бессмысленным: это действительно моя мать... но и Мортилия

одновременно. Они — одно и то же, один человек, понимаешь? Мама родила меня, а потом случилось обратное. Это кажется бредом, но я произвел на свет собственную мать.

...Я мог бы и не писать Вам об этом. В конце концов, какое мне дело до судьбы цивилизации, отказавшейся от меня! Кто я такой, чтобы взваливать на себя непосильную ношу Спасителя? Да и по силам ли одному человеку нести на своих плечах будущую драму всех людей?

Я не герой, господин Секретарь. Я не умею быть героем. И не хочу. Герои вправе бросать в толпу громкие слова и красиво умирать. А я — Альфред Медухов, забытый всеми пилот экстра-класса, который не умел быть героем. Даже ОНИ поняли, что Альфред Медухов — ничто в этом мире.

Просто так получилось, что их мишенью стал именно я.

Господин Секретарь, приходилось ли вам когда-нибудь травить мышей? Это очень просто: чтобы уничтожить всех, достаточно выловить одну. Присыпаете ее отравой и отпускаете — пусть бежит к себе в норку. Об остальных можно уже и не думать — тью-тью. Так и ОНИ поступили со мной. Так могу поступить и я со всем человечеством.

Я жил независимо, не желая выделяться на фоне других, но случай, вопреки моей воле, произвел меня в герои. И это ужасно. Я не хочу быть Мессией! Бог жаждет твоего распятия во искупление чужих грехов! А теперь и Природа рассчитывает только на тебя! То есть — на меня, на Альфреда Медухова. И как же мне быть, господин Секретарь?

Повторяю, я не вправе никого обвинять. Так уж сложились обстоятельства, которые выше нас и не зависят от наших желаний и устремлений.

Впрочем, навряд ли это письмо попадет в Ваши руки. Так тому и быть.

С уважением, Альфред Медухов.

Как стремительно мчится река времени! Еще совсем недавно ты была пухленькой куколкой, а вот уже наливаешься соком, со дня на день готовая подарить миру новую жизнь. Твой Гарольд сильно нервничает, то и дело осторожно касается твоего живота, словно бы оберегая его от внешнего мира... Да, это чудо, Мортилия, которое мужчина никогда не сможет постигнуть до конца. Сначала живот почему-то начинает расти. Потом...

В эти ужасно длинные и беспокойные ночи я рядом с тобой, птенчик мой. А ты так сладко, так умиротворенно спишь. Твое дыхание спокойно и равномерно — так и должно быть, ведь той крохотульке, что внутри тебя, необходим спокойный сон. Она (а может, это он) спит в тебе, Мортилия, но еще не видит снов...

Кто спит в тебе, Мортилия?..

Шрамик, птенчик мой, всего лишь маленький шрамик! Кто бы мог подумать! Кто бы мог предположить! Я просто летел на базу "Сатурн-IV", как летал и прежде — десятки раз. Я никогда ничего не боялся. До тех пор, пока не почувствовал чужое присутствие. Ты замечала: человек всегда чувствует, когда он не один? А потом вдруг этот глаз — холодный и удивленный... Что-то мерзкое и липкое коснулось моей щеки... Понимаешь, мышонок, Оно меня поцеловало! Я не виноват, солнышко, я впал в беспамятство. Вот тогда-то Оно и вспороло мое тело, ловко манипулируя удивительно тонкими щупальцами, проникло в меня, в самую заветную область, туда, где у каждого человека хранится наследие сотен поколений, где сокрыт мой, медуховский, генетический код.

А потом? А вот этого как раз я и не знаю, любовь моя. Вот так-то. Гены, хромосомы, ДНК — я в этом ничего не смыслю. Это и не главное. Главное то, что эта тварь вывернула все наизнанку. Мы ведь как устроены: каждый из нас дает жизнь следующему, и этот следующий должен быть в чем-то совершеннее предыдущего. Но моя космическая Джульетта, похоже, была иного мнения. Она приперлась на свидание, опьянила неземной любовью и враз вывернула все мои медуховские гены наизнанку... И вот что получается теперь: последующее стало предыдущим, а предыдущее — последующим... Черт голову сломит, правда? Выходит так, доченька, что я породил мать, чтобы та, в свою очередь, родила...

Кто спит в тебе, Мортилия?

И кто же теперь мне ответит, воробышек мой, почему так вышло? Почему это случилось именно со мной? Я в жизни никого не обидел. А старушка Судьба в личине космического монстра избрала меня. Но ведь это несправедливо, Мортилия!

Впрочем, что толку теперь в отчаянии и безответных вопросах? Let it be. Ты родишь моего деда или бабуку, а может, обоих сразу, а они, в свою очередь, дадут жизнь своим родителям, а те произведут на свет своих... До бесконечности! Процесс разветвится, никто даже понять не успеет, что произошло. Это, Мортилия, как цепная реакция: стрела, пущенная нами в обратном направлении, будет поражать все большее число людей; десятки, сотни, тысячи с изумлением будут узнавать на выцветших фото до невероятности знакомые лица и с ужасом взирать на порожденное ими прошлое; каждый окажется вдруг заново рожденным отцом или матерью, дедом или бабушкой и, ничего не поняв, по инерции будет производить на свет собственных родителей. Не сразу подозрение обретет законченную форму страшного понимания: каждый человек порождает свое прошлое, человечество враз лишилось своего законного будущего и этот путь вспять не оборвать уже никогда... Вперед — к Прошлому! Цивилизации придется запла-

---

тить эту цену за один единственный поцелуй пилота экстра-класса Альфреда Медухова с его случайной любовницей, от-вратительной Джульеттой! И на веки вечные каждый из жи-вущих на планете Земля будет помечен крохотным шрамом в паху. Это не моя воля. Поверь мне, так захотела Она. А зна-чит — так будет.

Может, права Антония, и я схожу с ума? Ответь мне, Мор-тилия, умоляю! Как бы я хотел верить в то, что и впрямь сбрендил. Тогда ведь все просто...

Порой я думаю, что лучше дождаться рождения твоего ре-бенка, и тогда все само собой разрешится: может, у него и не окажется проклятой отметины?.. Но понимаешь, доченька, нельзя ждать, никак нельзя. Твой ребенок — это твой ребе-нок. Я не смогу. Ты только постарайся понять: будет уже поздно, когда нас окажется трое!

Вот что спит в твоём чреве, любовь моя: ужасное, изощрен-ное орудие убийства всего человечества. В эти кошмарные но-чи я сижу рядом с тобой, сжимая во влажной ладони холод-ную рукоятку. А ты спишь, и твое дыхание так спокойно и безмятежно. Спи, мой зайчик, твой папа любит тебя, очень-очень. Сегодня я пришел в последний раз. Я поцелую тебя, чтобы в следующую секунду... И кого же я убью? Свою мать или свою дочь? А может быть, себя?.. Но то, что обретает жизнь в тебе, не должно появиться на свет. Оно не имеет тако-го права.

Спи покойно, доченька, твой папа уже идет к тебе... я люб-лю тебя. ■

Перевод с болгарского
Евгения ХАРИТОНОВА.

О мои предки !

Какое влияние на нашу жизнь способен оказать далекий предок? Можно ли в судьбе прадеда или бабушки найти ключ к решению сегодняшних личных проблем или хотя бы к пониманию их? Об этом — беседа с кандидатом психологических наук, ведущим специалистом Института групповой и семейной психотерапии Екатериной МИХАЙЛОВОЙ.

Мы знаем не так мало, как нам кажется

— Как вы думаете, о чем обратившиеся к нам люди говорили с психологами после кризиса 17-го августа? Не догадаетесь — о смысле жизни. Звонит, например, владелец небольшого биз-

неса: "Мои ребята в растерянности — кто запил, кто в стенку смотрит остановившимся взглядом, но мы же все равно будем жить дальше, может, поработаете с командой, пока народ гречку запасает?" Начинаю расспрашивать. Выясняется, что сам-то коммерсант не запил и мыло с макаронами не скупает, а почему-то очень захотелось ему в этот тревожный момент... собрать всю родню. Ему вдруг вспомнились какие-то дальние тетки из Кинешмы, которым с тоской, по обязанности раз в год писал открытки. В свою очередь, и тетки вострепнулись: "Ну, как там у вас, в Москве?" Причем речь шла не о какой-то прантической помощи дальним родственникам, а "просто захотелось их всех увидеть". Резкое выдергивание стула из-под человека заставляет его хвататься за что-то, чтобы удержаться — он вспоминает, что не один на белом свете. Кандому из нас очень важно ощущать себя частью чего-то большего, принадлежать к какой-то группе. Отсюда — желание собрать всех родственников, почувствовать себя членом клана. Особенно это желание обостряется, когда ломается уклад жизни. И когда меняется что-то в обществе. Казалось бы, ставки уже сделаны — освоена профессия, есть семья, работа, завоевано некое социальное положение...

— Но тут времена переменились и все затрещало по швам.

— "Трещат" многие переговоры между сложившимися группами людей, привычные отношения. И неожиданно возникает вопрос "А кто я вообще такой?" — в смысле профессио-

нальном, семейном, социальном? Как говорят психологи, нарушается ощущение самоидентичности. А когда у человека возникает неясность в его горизонтали, тогда опору можно найти в вертикали — в своем роду, у своих предков.

— О чем вы говорите, Екатерина! Нание "предки"? Нам так мало известно о них...

— И для нас само по себе незнание семейной истории — уже травма. Мы же прекрасно понимаем, почему так мало знаем — потому что уничтожались документы, скрывались сведения о людях, родство с которыми было опасно, потому что кидало с места на место войнами, ссылками... А человек хочет знать, какого он рода-племени. Люди, не имеющие отца, придумывают его себе. Отсутствие родни всегда считалось большим несчастьем. "Вот умру я, умру я, похоронят меня, и никто не узнает, где могила моя..." Вот это сиротство в широком смысле, ощущение "ничейности", оно у нас очень глубокое, болезненное. А когда болит все время и у многих, то это уже и болью-то не считается, а на самом деле она...

— Как заноза? Вроде и не болит, а ноет, не отпускает.

— И тем не менее мы знаем значительно больше, чем нам кажется. Во-первых, в каждой семье существует некая легенда, миф, причем и по отцовской, и по материнской линиям. Вспомните эти вечные разговоры о том, на кого похож ребенок, о том, где жили раньше ("...до того, как мы переехали с Сокольников на Ленинский"), кто как помер, кто чего достиг, кто как

боролся, как выживал. Вспомните альбомы с фотографиями ("А это кто? — А это дядя Коля, который..."). Если собрать обрывки детских воспоминаний, каких-то разговоров, клочки, лоскутки, случайные детали, запавшие в память, то много всего понаберется. В памяти оседают порой малопонятные бабкины присказки, фрагменты назавшихся когда-то занудными рассказов. Крупицы информации об истории рода разбросаны в многочисленных бытовых разговорах, начиная с выбора работы и кончая выбором постельного белья, еды (и здесь есть версии материнские, отцовские, бабушкинские...).

— Снажем, мама любит пельмени, потому что она из Сибири, но варит папе борщи, потому что он с Украины...

— Да, "там" принято так, а "у нас" — этак. Бабушки даже не задумываются о том, что рассказывают внукам нечто об отношениях двух ветвей рода, — они просто бухтят себе, занимаясь какими-то домашними делами, а на самом деле по капельке, между прочим, фактически передают семейные традиции. Хотя у нас это так и не называют. ("Ну, какие там традиции? Что, у нас шашка прадеда висит на стене или прабабушкины драгоценности хранятся в шкатулке?") Более того, очень многое передается вообще не словами. Ребенок узнает, что машины опасны, не потому, что ему читают лекцию о правилах уличного движения, а потому, что когда его через дорогу переводят, у взрослого рука напрягается. Очень важно не только то, о чем дома говорят, но и то, о чем не разговаривают или

замолкают, меняя тему, что упорно не замечают, от чего отворачиваются. Такие напряженные "дырки" в общении четко указывают на то, что мы в семейной терапии называем "скелетом в шкафу" (если он был похоронен с должными почестями и оплакан, то уже не скребется из шкафа).

— То есть речь идет о неких семейных тайнах?

— Это могут быть самые разные вещи. Например, до рождения ребенка был, оназывается, еще один, который умер, о чем сыну никогда не говорили, но почему-то он это знает. Или, допустим, что-то о голоде. Замечали, в России детей перекутьвают и перенармливают? Как нам передается вот это ощущение, что в ребенка надо впихнуть побольше и сейчас, пока есть? Причем, заметьте, лишнюю ложечку ему обычно кладет бабушка.

— Так — не словами — она передает некую информацию? И мы усваиваем ее так же, как понимаем, что дорога опасна?

— Психологи называют это "сообщением". В данном случае бабушка нам без слов передает сообщение об отмеренности продуктов в пережитой ею эвакуации, о том, что детям нужно лучший кусок отдать... Порой подобная информация о том, что — хорошо, что — плохо, что — можно, а что — нельзя, передается нам очень смутными сообщениями. Иногда такого рода послания, назовем это так, бывают очень-очень изданы.

Они нас... предостерегают

— Вы имеете в виду "послания" от очень далеких предков?

— Да. Часто к нам обращаются люди, которые от своего старшего родственника знают о чем-то повторяющемся в их роду из поколения в поколение (в романтизированном варианте говорят о семейном "проклятии"). Это может быть вражда сестер, или, допустим, то, что старший сын в определенном возрасте обязательно налечится, либо героически погибает. Я вам расскажу историю, с которой столкнулась Анна Шутценбергер — мой учитель. Это клиницист с мировым именем из Ниццы. Она блестяще говорит по-русски, потому что у нее мать русская. Анна работает с семейными проблемами. Здесь, конечно, веет мистическим ветерком, но мы, психологи, не имеем дело с духами, аурами, нармами и так далее. Мы можем достоверно сказать только то, что какая-то связь нашей судьбы с судьбами предков есть, но какова она, как передается информация "оттуда", — не знаем. Так вот в конце пятидесятых некий парижанин пережил травматическую ситуацию, связанную с лифтом. Едва выздоровев, он пришел на прием к Анне. Что же заставило его обратиться к психотерапевту? Оказалось, что отец пострадавшего еще до войны погиб в аварии, связанной с лифтом. И пациент Анны, и его отец — старшие сыновья в своих семьях. У пациента старший ребенок — тоже сын. Короче, что-то во всем этом французам не нравилось, вроде как "лифты преследуют нашу семью". Конечно, говорил он это со смехом. Анна стала выяснять, давно ли в их роду старшие дети — мальчики,

что означает для него лифт... А он для того человека означал нечто страшное, то, что падает сверху "вот так" — он медленно проводил перед лицом ладонью сверху вниз. Докопались они и до родоначальника. (Часто это фигура мифологическая, потому что на самом деле это просто тот, кого запомнили как основателя рода.) Он тоже был старшим сыном в своей семье. Попробуйте угадать, как он погиб?

— Сверху что-то на него упало?

— Конечно. Что же на него упало? "Вот так" упало...

— Что бы это могло быть...

Боже мой! Неужели гильотина?

— Этот легендарный предок, основатель рода, дворянин, конечно же, во время великого террора погиб на гильотине. Семья рассеялась в эмиграции, какая-то ее часть скрывалась, потом все мучительно собирались вместе. И история про гильотину передавалась из поколения в поколение, потому что казненный был герой и, что очень важно, носитель фамилии. Какое-то время он был "скелетом в шкафу". Его имя нельзя было произносить, чтобы не обнаружить родство с ним. Поэтому и передавался жест, намекающий на способ казни. Так что драматические события в истории рода долго не забываются.

— И что же делать, если кто-то полагает, что в его собственном роду тоже есть "что-то этаное"?

— Если мы не можем дистанцироваться от предка, спокойно рассуждать о нем, когда все в прошлом слишком смутно, непроговорено, тогда мы можем стать получателями "нехорошего"

бессознательного родового послания.

— Значит, чем больше родители скрывают от ребенка, тем сильнее на него действует тайна?

— Если угодно, да. Потому что там, где темное пятно, где какая-то тень, — там простор для фантазии. В темноте очертания всех предметов кажутся страшными. Лишне говорить, сколь травматична история нашей страны, сколько много в ней насилия, несправедливостей, темных пятен, теней. У нас в прошлом осталось очень много неоплаканного горя.

Они... просят у нас сострадания

— И это горе, не выплананное бабушками, скребется в нас? Наним образом?

— Одна из женщин, назовем ее Светлана, на семинаре по семейной истории рассказала о том, что все ее детство отравила суровость бабушки. Да и мама, говорит, какая-то деревянная, бесчувственная. Пятерых Светланиных братьев и сестер в трудное время рассовали по интернатам где-то на востоке. Одно из потрясений детства — смерть брата. "Мне так буднично об этом сазали, как будто деньги потерялись. Я хорошо помню похороны. Мне плакать хотелось, а родственники... Деревянные все". Идем дальше. Выясняется, что у бабушки было одиннадцать детей, из которых выжила только Светина мама. Еще у бабушки был веселый гуляна-дедушка, который считался в семье паршивой овцой, потому что вечно гулял и песни пел, а она

вечно беременная ходила. Рожала — хоронила, рожала — хоронила...

Мы используем психодраматический метод — ролевою игру. Люди пытаются "влезть в шкуру" своих родственников. Это завораживающе интересно, увлекательно, возникают совершенно потрясающие догадки, "отыгрываются" застарелые эмоции, застрявшие в душе. Что Света хотела бы узнать у бабушки? "Я, — говорит, — хочу у нее спросить, как это так вообще можно жить?" Ладно. Спрашивай. Вошла она в роль бабушки. Поставили мы перед ней одиннадцать стульчиков. И отвечает "бабушка": "Над первым — убивалась..." И руки беспомощно повисли, как плети. Деревянные уже руки. И — горький, надрывный плач. Когда отплакалась она (а вместе с ней и половина группы), спрашиваю, что Света теперь хочет. "Как что? — С братиком попрощаться".

— То есть выпланать то, что тридцать лет назад номом в горле застряло?

— Конечно! Что передается в этой семье из поколения в поколение как послание из прошлого, о котором мы только что говорили? Передается очень сильное горе (выпланать его одному человеку было не под силу). Отсюда это окаменение Светланиной мамы. У Светы, в сущности, благополучная жизнь, но не отпускает ощущение ноющей боли в душе.

— Это ноет невыплананное горе ее бабушки?

— Совершенно верно. Страданий было так много, что только на Светином поколении идет

некоторое исцеление, восстанавливается чувствительность. Это довольно типичная картина: бабушка, суровая женщина, оставшаяся без мужа, онаменевшая от горя, не могла научить дочь быть матерью, потому что у нее самой вся жизнь как бы остановилась. Да, такие женщины могли спасти детей физически, обуть-одеть, увести в безопасное место, но вот лишний раз подержать их на руках, пошутунуться с ними — уже не получалось. И вот уже внучка вырастает с ощущением, что ей ужасно не хватало мамы и она ищет ее в... мужчинах (а кто еще может взять взрослую тетю на ручки?). А потом разочаровывается в них, потому что хочет удовлетворения своей недонормленной детской потребности в ласке, а не отношений взрослых людей. Кстати, бабушки, не наевшиеся материнства и выхватывающие внуков, — это часть той же картины. Сама бабушкина судьба — со своими травмой, опасностями, угрозами жизни, страданиями — это как бы ее послание, которое она транслирует потомкам через дочь: "жизнь тяжела и опасна", "жизнь особенно тяжела и опасна, когда есть дети", "дети — это очень тяжело", "лучше ничего не чувствовать". Вы не задумывались над тем, почему так много людей сначала утверждают, что они построят свою семью совершенно иначе, чем было заведено в родительском доме...

— ...А потом спохватываются — батюшки-светы! — нагородили все то же самое? Почему?

— Потому что вот эти "послания" из далекого или недалекого прошлого, о которых мы говорим

("жизнь тяжела и опасна" и так далее), семейные предания, мифы усваиваются нами и "работают" на бессознательном уровне: просто нам что-то нравится, а что-то — нет, чего-то нам хочется, а чего-то — нет, что-то человек делает "сам не знаю почему". Это действует внутри нас — вот и все. И уже у внучки "почему-то" не получается быть ласковой матерью.

— Ее сковывает горе, пережитое... бабушкой? И освободиться от него можно лишь выплавив страдание — не свое личное, а предков?

— Или наоборот — получить их благословение и поддержку.

Они... благословляют и охраняют нас

— Шведские коллеги рассказывали мне, как они работают с топ-менеджерами больших компаний, в частности, концерна "Вольво". Швеция эмансипированная страна и поэтому там много женщин даже в автомобильной отрасли. Они работают в очень конкурентной ситуации, терпят подруг, поднимаясь по служебной лестнице, находятся в довольно жестких отношениях с коллегами-мужчинами, а потому очень нуждаются в опоре на родовые корни, особенно на женские корни. Шведские коллеги утверждают, и я им верю, что практически у каждой из этих успешных дам в роду есть очень успешная женщина — по понятиям того времени, разумеется. Снажем, какая-нибудь пра-пра-прабабка корчму при дороге держала. Шведки, копнув семейные архивы, удивляются: "А ведь и

правда!" Когда они расспрашивают старших родственников, делают выписки из церковных книг, начинают рассказывать о своих предках, у них, сегодняшних, возникает ощущение гордости, в том числе и за то, что они — женщины. Вот это послание издалека в данном случае называется разрешением на успешность. Вообще всю завораживающую семейную историю в какой-то момент можно рассматривать как систему запретов и разрешений, которые даются не словами, а жизнью наших предков. Знакомишься с их судьбами и возникает ощущение, что жить — можно, спастись — можно. Кто-то когда-то в вашем роду разбогател — вот его совершенно правдивое сообщение, что вполне реально изменить жизнь к лучшему. Можно быть женщиной и держать корчму при дороге.

— Но кроме благодарности предкам может возникнуть и обида на них, снажем, если кто-то уверен, что наследует... семейное проклятие?

— Бывают и такие загадочные сюжеты. Чаще всего источником "проклятия" называются соседка или сестра (там, в глубине веков). Действительно ли это "проклятие" или фантазия, действует ли здесь внушение или "что-то еще", мы не знаем. Но какая разница, как "оно" действует, важно, что "проклятый" человек начинает ломать ноги. В таких случаях можно поискать помощь в других ветвях рода. У одной женщины было древо "с проклятием", как она полагала, а оказалось, что по боковой линии у нее есть троюродная бабушка-монахиня, кото-

рая успела умереть в 17-ом году, и ее успели отпеть утром того дня, когда солдаты и матросы пришли грабить монастырь. А по народному верованию, у кого в роду есть монах, там семь поколений отмолены. Так что всегда можно найти защитника, он обязательно есть. Кто-то говорит: "У меня в роду одни самоубийцы и алкоголики". А потом оказывается, что там наряду с тремя действительно самоубийцами семеро тех, кого иначе, как святыми, не назовешь.

— Наверное, если в роду есть какие-то истории со счастливым концом, их надо тщательно беречь, пересказывая детям?

— Обязательно.

Они нас... любят

— Есть очень поучительные истории про чудесное избавление. Мой дед, рассказывает женщина (назовем ее Натальей), в начале тридцатых отправился в командировку в Бану с инспекцией, а работал он "большим начальником" в наркомате финансов. Контора, в которую он приехал с проверкой, оказалась полупустой — почти всех посадили. Дед все понял. Вернувшись в Москву, он в тот же день уволился из наркомата. Короче, способом выживания дед выбрал социальное понижение. К началу войны он работал уже мелким страховым агентом. Зато выжил, вернулся с фронта и дотянул до девяностолетия. Другой Наташин дед работал на МТС. Однажды в распутицу он поехал по делам в дальнюю деревню, а в это время за ним пришли. Бабушка собрала тюремный узелок и, стуча зубами, сидела с "дорогими

гостями". Они сидели-сидели, курили-курили, решили, что дед, может, через неделю вернется — "вишь каная раскисшая дорога". Ушли. И больше не вернулись.

Наташа полагает, поскольку ее собственная биологическая жизнь является, если угодно, чудом (один дед выжил "по смекалке", другой — "по погоде"), то этим подарком следует дорожить, а предков — благодарить. Спрашиваю ее, что ей говорят оба ее деда. "Надо вовремя смыться, — отвечает, — надо уметь вовремя почуять момент..." Она уверена, что могла бы начать жить в другом месте и "с нуля". Спрашиваю, не собирается ли менять страну. Нет, говорит, но уже поменяла... профессию, занялась рекламным бизнесом тогда, когда этим еще никто не занимался.

— А если бы Наташа не знала тех историй?

— "А если бы он вез патроны?" Важно, что их ей по-доброму рассказали бабушки, причем та, у которой муж работал в наркомате, развелась с ним, однако внучке, "в какие времена мы жили", поведала.

— И семейная жизнь Наташи как-то зависит от этих историй?

— А как же не зависит? У женщины, которая говорит, что оба ее деда умели смываться, конечно, есть ощущение, что муж в любой момент поднимется на крыло. Более того, она уверена, что умные мужики всегда смываются.

— Получается, мы — заложники своих ближайших и дальних предков? У тысяч деды не успели "смыться"...

— Конечно, мы все заложники. Мы заложники пятого и четырнадцатого годов, семнадцатого и двадцать девятого, тридцать седьмого и сорок первого... Дальше продолжать? Но я полагаю, наша личная ответственность состоит в том, **что** мы с нашими мифами делаем. Это можно сравнить с наследственностью: мы не несем ответственности за врожденный дефект, но мы ответственны за выбор профессии и образа жизни. Однажды у нас на семинаре женщина "разговаривала" со своими дедами, один из которых воевал за "красных", а другой — за "белых". Она тогда замечательно сказала: "Я знаю, что гражданская война была и я не могу это отменить, но я могу прекратить эту войну вот здесь", — и она прижала руки к груди.

— Вы как-то рассказывали о девочке, которая в двенадцатилетнем возрасте узнала, что мама не хотела ее рожать, едва не сделала аборт. Как жить с таким знанием? Она — не заложница ситуации?

— У каждого есть выбор. В конце концов есть то, что никакая семейная история не отменяет: все мы умрем, все мы абсолютно одиноки в этой жизни, мы свободны распоряжаться ею, как захотим, и никакого готового смысла в жизни нет, мы его можем только создать. И если женщина, которая знает, что мать хотела ее убить в своем чреве, воспитывает сироток, то это ее выбор. И я полагаю, что в этом есть некая связь. А ведь могла бы стать злобной теткой, ненавидящей весь мир.

— Многие опасаются заглядывать в прошлое своего рода —

уж больно мрачные тени мельнают там.

— Мне приходилось с этим сталкиваться очень часто. Даже если кому-то кажется, что в его роду не было светлых фигур, я совершенно точно могу сказать, что, скорее всего, до него дошли не все послания. Потому что в каждом роду есть свой сумасшедший и свой злодей, свои святые и свои шалопутные, красавицы и герои, люди кротости неизъяснимой... Род — это очень много. Я часто советую людям: если в вашей семейной истории совсем уж душераздирающие сюжеты, если думать о своих реальных предках очень тяжело, а расспросить уже не у кого, почитайте историю чужого рода — и в вашем сердце обязательно что-то отзовется, могут даже исцелиться какие-то раны. Это одна из причин популярности мыльных опер, в которых

разворачиваются волнующие, загадочные судьбы нескольких поколений одной семьи.

Человек, который старается узнать побольше о прадеде, на самом деле делает что-то, наверняка отвечающее желанию этого предка. Религиозные люди утверждают, что поминовение усопшего меняет засмертную судьбу его души. Если отойти от буквального религиозного толкования, то в каком-то смысле не только предки на нас влияют, но и мы на них. Познакомившись со своими пращурами — достойными или страшными — лишний раз понимаешь, какое чудо то, что мы есть, мы живы, и как много всего могло случиться, чтобы этого не произошло. А если это произошло, может, это не случайно и, может, стоит отнестись к факту нашей жизни, как к подарку. ■

ЗЕМФИРА: "Никогда"

На горизонте эстрады замаячило новое экзотическое имя. Уроженка Башкирии — Земфира грозит "порвать всех в клочья" и стать певицей номер один. Такое смелое заявление уфимской девушки внесло некоторое раздражение в эстрадную среду. Тусовка затаилась в ожидании...

— Тебя часто называют истеричной певицей, с которой лучше не иметь никаких дел. Пример тому — скандал с организаторами "Золотого граммофона". Но тем не менее ряды твоих поклонников ширятся...

— Хотела бы сразу прояснить ситуацию с "граммофоном". В аэропорту и в машине по радио услышала, что я и моя группа "Земфира" принимаем участие в этом действии. Удивившись, стала ждать приглашения, но оно так и не поступило. Позже выяснилось, что по нашей, российской расхлябанности — один понадеялся на другого, третий на четвертого — официальное приглашение просто до меня не дошло.

фото Анатолия Мелихова и Максима Горелика

Не буду петь "Мурку"

— Восточное имя и происхождение никоим образом не вяжутся с твоим поведением... Скажи, пожалуйста, ты воспитывалась в мусульманских традициях?

— Мои родители воспитывались в эпоху социализма, и ни о каком мусульманстве не могло быть и речи. Когда же пошло повальное увлечение религией, мои предки не стали метаться в угоду кому-то, что могло бы негативно отразиться на нас, детях. И потом, в юности я увлекалась спор-

том и музыкой, обременять себя еще и религией мне не хотелось.

— Ты и в спорте достигла каких-то результатов?

— О, еще каних! Я доросла до капитана женской команды Башкирии по баскетболу.

— Судя по твоему разбитному характеру, в детстве ты, по меньшей мере, возглавляла дворовую шайну.

— Вынуждена тебя огорчить. Я не принадлежала к категории трудных детей и росла очень прилежной девочкой на радость родителям. Дворовые шайны обходила стороной, опасаясь их "тлетворного влияния", да и некогда было с ними водиться. Соседи ставили меня в пример своим отпрыскам, и дружить со мной они считали за честь.

— Тебя практически невозможно увидеть в платье. Чем вызвано такое пренебрежение чисто женским атрибутом?

— Ну, почему же? Иногда облачаюсь в "мешки" (смеется).

— Это происходит по собственному желанию или по рекомендации твоего имиджмейкера?

— Что значит, по чьей-то рекомендации? Сама решаю, во что мне облачаться. К тому же, у меня имиджмейкера нет. В группе вместе со мной десять человек, и у нас иная тусовка, нежели у поп-проектов, за которых продумывают каждый шаг. Платья мне нравятся менее, чем брюки. Как-то у меня завелось любимое платье — веселое, синее в цветочек, но быстро исстиралось, и поэтому в последние месяцы я проездила в дырявых штанишках.

— Говорят, ты безумно одаренный музыкант, влюбленный в музыку аж с четырех лет. Почему же таной самородок долгое время прозябал в провинции, не пытаясь заявить о себе в столице?

— И вовсе не прозябала. Все случилось так, как случилось. Я

восемь лет проучилась в музыкальной школе в родной Уфе, затем с красным дипломом окончила училище искусств. Далее — четыре года работы в ресторане и сейчас — Москва.

— Ты пела в ресторане?

— Да, а что ты так удивляешься. Нормальная практика для начинающей певицы.

— С твоими амбициями не унизительно петь для пьюще-жующей публики?

— Нисколько. И потом, я же не пела в вонзальных кабаках. Мы работали в частных, дорогих и закрытых клубах. Для меня это была нехилая тренировка. Мы не играли "Мурку", я пела блюзы... Все проходило нормально, и лишь однажды какой-то идиот выстрелил в потолок, потому что я отказалась петь то, что пожелал принавивший на грудь посетитель.

— Твое поведение на сцене нехарактерно для нашей "полусонной" попсы. Это стремление выделяться?

— А я уже выделяюсь тем, что, в отличие от многих, пою исключительно живьем. Согласитесь, это сегодня под силу не каждому эстраднему артисту. Поп-концерты — 80 процентов фанеры. Потому-то так весело скачут наши звезды по сцене, не заботясь, что голос собьется с ритма.

— Что может растрогать тебя до глубины души?

— Душевные фильмы или прорывающийся сквозь асфальт зеленый росток. Очень трогательная картина, поверь. Но более всего трогает, точнее, становится тоскливо при виде бабушки на улице, продающей шерстяные носки в тридцатиградусный мороз.

— Не подумываешь перебраться в Москву окончательно?

— Я не собираюсь понидать Уфу. Более того, когда накоплю много денег, куплю там дом, переоборудую его под студию и стану работать, не выезжая в Москву.

— А в Москве ты обустроила свой быт?

— Снимаю однокомнатную квартиру. Комфортную и просторную. В ней лишь диван и компьютер.

— Ты "рождаешь" альбомы один за другим, словно боишься не успеть. Такое буйство надолго?

— Навсегда. А если серьезно, материала предостаточно. В каждом альбоме по 15 песен.

— Как ты считаешь, сегодня для достижения успеха достаточно таланта, или все же необходимо протекле?

— Сложно сказать. Я сидела у себя в Уфе на радиостанции и не жунонала. Днем писала рекламные ролики, а ночью делала свою песню. Просто ночью использовала студию и кучу компьютеров. На сегодняшний день я востребована и, слава Богу, без чьей-либо поддержки. Лишь бесталанный мечется в поисках спонсора.

— Твой вокал часто сравнивают с вокалом Жанны Агузаровой. Как считаешь, насколько удачна параллель?

— Я очень уважаю и люблю Жанну Хасановну и считаю ее лучшим голосом России. В детстве даже пела ее "Желтые ботинки" под баян на школьных вечерах. Мне приятно, что меня сравнивают с ней. Но я не согласна с этим.

— Подтверди или опровергни слухи о твоей помолвке с музыкантом группы "Танцы минус".

— Ой, умора! Мы со Славой Петкуном сидели-болтали и буквально через три часа услышали по радио о том, что мы помолвлены. Полная неожиданность. Отнекиваться нет смысла, потому что друзья и знакомые уже подарки присылают. Ну, есть, конечно, какие-то взаимные чувства, но говорить о свадьбе еще рано. Мы знакомы-то всего полгода.

— У тебя есть нумеры.

— Элтон Джон и Джордж Майкл.

— Тебе приходилось платить за теле-и радиозферы?

— Я лично ни за что не платила. Есть человек, который координирует мое творчество. Он, видимо, и старается, чтобы я не знала каких-то неприятных моментов. Может, оплата и происходит, но сей процесс проходит мимо моего взора.

— Земфира, с приходом популярности число желающих разделить твое общество растет?

— Еще как. Но цели-то у них корыстные. Где же вы раньше были, милые?

— А родные не пользуются твоей известностью?

— У меня есть два племянника в Уфе, которых уже просто "достали" в школе. Просят принести мою фотографию, медиатор или струну. Они, бедолаги, постоянно стесняются. Я-то для них как была тетей Земфирой, так ею и осталась. Им по десять лет, и они не могут понять, почему предлагают за фото тети деньги, когда они готовы отдать их "за так". ■

Беседовал

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Мы привыкли считать Первомай праздником общественно-политическим, и только. Это неверно. Рабочий праздник, день международной солидарности трудящихся, впервые отмечавшийся в 1889 году, был, по-видимому, сознательно приурочен к старинному народному празднику, весьма популярному у всех народов Европы — Первому мая, любимому празднику весны, зелени, цветов. В этот день повсюду шли веселые гулянья, горожане выезжали "на природу". Центральное ритуальное действие праздника заключалось в обряде "майского дерева", вокруг него водили хороводы и плясали. У некоторых народов (венгров, западных и южных славян) до сих пор жив обычай: юноши ставят перед домом люби-

мой девушки украшенное "майское" деревце в любое время года. Оно — знак радости и надежды, а все это необходимо людям не только в мае.

В народе май называли травнем. Примечали: "Даст Бог дождя — уродится рожь. Молодые грачата кричат — "сей овес!" говорят".

2 мая. Весне новина.

По древнему обычаю одевали весну в новину. Крестьяне развешивали на кустах вытканые холсты. И холсты брали силу первой зелени, вешней водицы. Глядя на майское солнце, думали наши предки и радовались, что передается сила красного солнца роду человеческому. А весна, наряженная в новину, в этот день красуется и людям себя показывает.

— не хочу?

Май

6 мая. Егорий вешний.

Егорий (Георгий) — скотопас, водопас; начало выгона скота на пастбища, половодье и разлив рек. Теплый Егорий весну начинает. А Илья Пророк (2 августа) лето кончает. Поутру хозяйка идет к скотине, бьет вербой, говоря: "Как верба не сохнет, так и вы не сохните, Богом данные скотинки". Гонят детей босыми на росную траву, наставляя нацдого: "Будь здоров, как Егорьева роса!"

7 мая. Красная горка.

Этот праздник в христианстве называется Антипасха и отмечается ровно через неделю после Пасхи. А Красная Горка — это чисто народное название. Означает оно возвышенное место, куда приходили гулять, радоваться весне. А еще по

древнему поверью, ухидившему корнями в языческие времена, Красная Горка — это место, где обитают души наших предков. В этот день открывалась земля и вылетали души умерших. И можно было свидеться с ними. Приносили на Красную Горку пироги, только что вынутые из печи. Вспоминали давно ушедших предков, свои родовые корни. А еще на Красную Горку начиналось заклинание весны, игры в горелки и вождение хороводов. Радовались теплу, ведь не за горами жаркое лето.

9 мая Радунца.

Насаясь истории древнерусских праздников, нельзя не отметить старинный обычай славян поминать своих умерших родственников. Этот день носит название Ра-

рисунок Виктора Ковали

дуницы, или навий день. Слово это происходит от древнерусского "навь", что значит "покойник". Обычай помянуть родных существовал у многих народов, как западных, так и восточных. Истоки происхождения Радуницы теряются в языческой культуре, где обрядам поминовения усопших придавалось огромное значение. По древней традиции и в Радуницу на могилах родителей и близких родственников совершались ритуальные трапезы. На Руси в этот день народ приходил на погосты и кладбища, принося с собой лепешки, пироги. При этом женщины с плачем и причитаниями вспоминали своих родных. Нужно сказать, что причитания эти представляли собой целое искусство и совершались по особой традиции. Этот плач был не просто истеричным безмолвным припадком, а скорее всего печальной песней потери, лишения. Авторами таких причитаний преимущественно были деревенские женщины. Они, обливаясь горячими слезами об умерших родственниках, падали на могилу и распевным причитанием в форме старинных песен выражали все, что имели на душе.

В старинные времена в день Радуницы на кладбищах вместе с родственниками присутствовали и сноморохи. Сноморохи происходят от сноморов или сномаров — народа, жившего на нижнем Дунае в V и VI веках. По мнению некоторых историков этот народ отличался бродяжным образом жизни. Скорее всего сноморохи вели бездомный и беспутный образ жизни, они ходили по селам и деревням, пели, плясали, тешили, как могли, народ и этим кормились. Поэтому им перепало и от поминовения родственников, так как родные

покойного были настроены в Радуницу миролюбиво и старались быть добрыми ко всем окружающим.

В христианстве Радуница как день поминовения совершается на первой неделе после Светлой седмицы (недели), после Пасхи. В церквах по этому поводу проходят специальные поминальные службы, верующие идут на кладбища посетить могилы своих близких. Служится особый молебен, читаются поминальные молитвы. В храмы верующие приносят всякую еду и кладут ее на общее специальное место, которое называется кануном. При этом на канун необходимо поставить и традиционную свечу.

Радуница в православии всегда достаточно активно отмечалась верующими, а в наше время все большее число людей стало соблюдать этот старинный обычай. Как и другие народные праздники, Радуница явила собой смесь язычества и христианства и прочно вошла в жизнь и быт русского народа.

13 мая. Яков теплый.

Если день был теплый, да и ночь выдавалась звездной, то крестьяне говорили: "К хорошему урожаю". Теплый день с дождем предвещал на полях обильные хлеба.

14 мая. Еремей-запрягальник.

В этот день обычно начиналась вспашка и засев полей яровым хлебом. На Еремея непогода — всю зиму промаешься. На Еремея и ленивая соха в поле выезжает. Если накануне солнце взошло ясно, то быть и всему лету ясным.

17 мая. Пелагея — воронья заступница.

В этот день Пелагея, по поверью, оберегает малых воронят, учит их уму-разуму.

18 мая. Орина (Ирина)-рас- садница.

В этот день обычно приступают к посеву напусты в рассадку. Говорили при этом: "Не будь голенаста, будь пузата, не будь пустая, будь тугая".

20 мая. Купальница.

Прогоняют в этот день лошадей по речной воде. С утра полные ведра воды выставляют на мостки, а в полдень окатываются согретой солнцем водой. Это жаркое время сева. Надо не упустить времени, да и силы не растерять.

22 мая. Никола-весенний.

К этому времени чаще всего появляется первая зелень на лугах. От Николы остается 12 холодных утренников.

24 мая. Мокий Мокрый.

В этот день о лете гадали: "Солнечный восход багрян — лето с грозами идет". А когда на Мокия было мокро — то и лето, считали, будет мокрым.

25 мая. Рябиновка.

Зацветает рябина. Женщина, рожденная в этот день, надевала красный сарафан. Она слыла доброй хозяйкой, была голосистой, вела хороводы. В каждом доме заклинали рябину уберечь избу от молнии, от пожарного лета.

26 мая. Лукерья-комарница.

В это время появляются первые весенние комары, а значит, по приметам, пора сеять рожь. Много комаров — к хорошему овсу. Комар покоя не дает — вечером со двора гонит, пастуху заботы прибавляет.

27 мая. Сидор с ветрами.

Во второй половине мая начинают дуть холодные, северные ветры, которые продолжаются две недели. Славен Сидор северными ветрами, не отпуская их от себя. За-

морозни ходили повсюду до этого дня. В старину говорили: "Не плошай, сей, поспешай!"

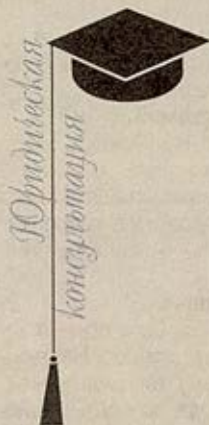
28 мая. Пахомий.

С этого дня начинаются по-настоящему теплые дни. В воздухе чувствуется дыхание предстоящего лета. Ведь недаром же говорили: "Пришел Пахом — запахло теплом".

31 мая. Федот.

В этот день на селе обычно завершали посадку огурцов. Наступили по-настоящему теплые, солнечные дни. Природа полностью ожила, и все растения уже распустились. Отсюда поговорка: "Придет Федот — последний дуб листья развернет".

В народном и церковном календаре мая есть еще одна дата, напрямую никак не связанная с народными праздниками. Но значение этой даты чрезвычайно велико в истории Руси. Это 14 мая. В этот день православная церковь отмечает память Кирилла и Мефодия, учителей славянских. Выдающийся византийский ученый Константин (в монашестве Кирилл) и его брат Мефодий прославились тем, что впервые создали славянскую азбуку и перевели с греческого на славянский язык книги Священного писания и основные богослужебные тексты. С принятием христианства Русь получила свою письменность, что положило начало развитию просвещения и грамотности. В частности, благодаря появлению письменности устное народное творчество было перенесено на бумагу. Записанные народные приметы, пословицы, поговорки, сказки, праздники, обряды и обычаи, таким образом, не затерялись в глубине веков, а сохранились и дошли до наших дней. ■

Превышение скорости — не основание

"Собираюсь приобрести газовый пистолет. Слышал, что лицензию на него могут не выдать, если есть административное взыскание. Месяц назад я был оштрафован за превышение скорости. Является ли это основанием для отказа в выдаче разрешения?"

В.Петров, Московская обл.

Названное вами правонарушение основанием к отказу в выдаче лицензии на приобретение оружия не является. Согласно перечню, содержащемуся в ст.13 Федерального закона "Об оружии" от 13.12.96 г., лицензия не выдается, в числе прочих, в случае совершения административного правонарушения повторно в течение года. При этом Закон указывает не на любое административное правонарушение, а только посягающее на общественный порядок или установленный порядок управления. К таким Кодекс об административных правонарушениях относит, например, мелкое хулиганство, злостное неповиновение работнику милиции, стрель-

бу из огнестрельного оружия в не отведенных для этого местах и ряд других, предусмотренных главами 13 и 14 КоАП. Превышение скорости является транспортным правонарушением и даже повторное его совершение в течение года не является основанием к отказу в выдаче лицензии на приобретение оружия гражданином.

Время имеет значение

"В начале 1990 года умерла родственница, завещавшая мне кооперативную квартиру, за которую она полностью выплатила пай. Я вовремя приняла наследство и уехала в длительную командировку. Недавно вернулась, а правление кооператива отказывается мне в праве на квартиру. Законно ли это?"

А.Васильева,

Краснодарский край

Да, действия правления жилищно-строительного кооператива соответствуют закону. До введения в действие Закона "О собственности в СССР", а именно до 1 июля 1990 г., гражданин не мог передать по наследству квартиру в ЖСК, даже при полностью выплаченном пая за нее. Существует специальное указание Верховного Суда в Постановлении Пленума от 11.10.91 г. "О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел по спорам между гражданами и ЖСК", в соответствии с которым наследодатель, умерший до 1.07.90 г. мог передать только паенакопление, но не квартиру в ЖСК. Вместе с тем, если квартира не была заселена кооперативом, право на нее имеет наследник, не проживавший с наследодателем.

Воспользуйтесь правом преимущества

"Я много лет проработал на одном предприятии в местности, приравненной к району Крайнего Севера. В этом году меня уволили по сокращению штатов. После этого я узнал, что на моем месте был оставлен работник с меньшим стажем. Мне 51 год, и я единственный работник в семье. Законно ли мое увольнение и куда следует обращаться для восстановления на работе?"

Г.Д. Кадышева, Татарстан

Действительно, в вашем случае администрацией не были в полной мере соблюдены требования трудового законодательства, а именно Кодекса законов о труде РФ. КЗоТ РФ устанавливает довольно строгие правила для работодателей в случае сокращения штатов и высвобождения работников. В общем виде процедура такого увольнения выглядит следующим образом.

Прежде всего, администрация предприятия должна письменно предупредить работника о предстоящем сокращении не менее чем за два месяца. Одновременно с этим предупреждением работнику предлагается другая подходящая работа на этом же предприятии. Только в случае отказа продолжить работу на предложенном месте работник может быть уволен. При этом согласно ст. 35 КЗоТ РФ, увольнение по сокращению штатов производится только с предварительного согласия профсоюзного органа.

Далее нужно учесть то, что при сокращении работников

должна применяться ст. 34 КЗоТ о преимущественном праве на оставление на работе некоторых категорий работников. К таким лицам в числе прочих относятся работники, имеющие длительный стаж работы на данном предприятии, а также являющиеся единственными работниками в семье. При этом наличие сразу двух преимуществ дает больше оснований для оставления на работе.

Кроме того, судебной практикой выработано положение о том, что предпочтение должно даваться также лицам, которые вскоре должны уйти на пенсию.

Таким образом, у вас есть все основания для заявления требования о восстановлении на работе, так как даже несоблюдение одной ст. 34 КЗоТ является серьезным нарушением трудового законодательства.

Для защиты ваших нарушенных прав следует обращаться непосредственно в суд с иском о восстановлении на работе. При этом администрация предприятия должна будет предъявить доказательства того, что вам предлагалась подходящая работа или того, что возможность предоставления такой работы объективно отсутствует, а также подтверждения выполнения требований об учете преимущественного права на оставление на работе. ■

Ольга КОРЫТКО,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

49. В. ШУМАРИН
 Москва

Се2 # 2

50. В. КОНОВАЛОВ
 Туанце

2

51. Л. ЛЕБЕДЕВ
 Бобруйск, Беларусь

2

52. С. ДЕМИДЮК
 Брест, Беларусь

3

53. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

3

54. В. СОНИН
 г. Рузаевка, Мордовия

б) - Cf6 # 3

55. В. КОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень
 Приморского края

4

56. Ю. СУШКОВ
 Санкт-Петербург

5

57. Н. ЗИНОВЬЕВ
 Усть-Каменогорск,
 Казахстан

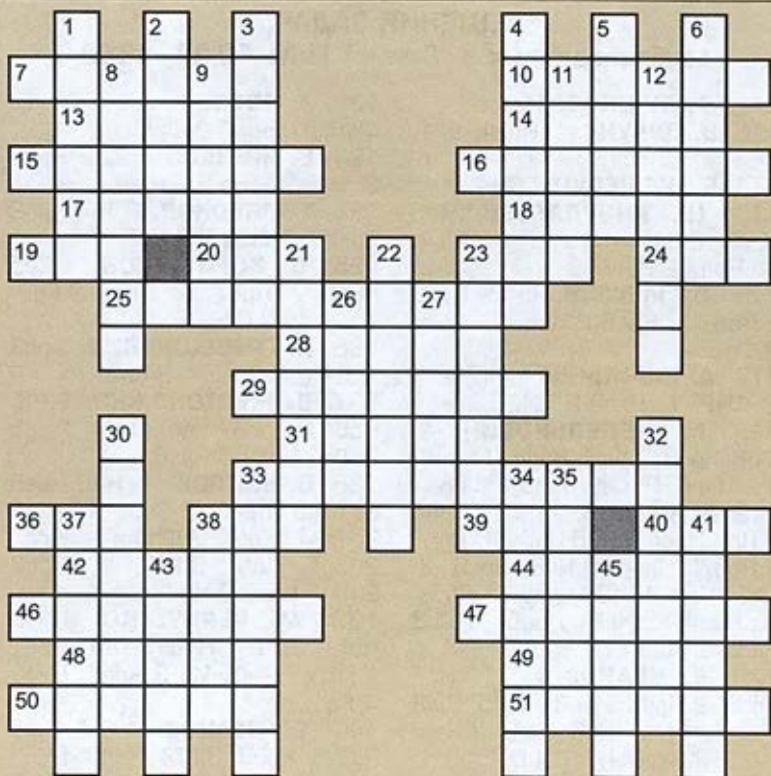
б) Kh1-h2 # 6

**РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,
опубликованных в "Смене" №№ 10-11, 1999**

112. **Ю. СУШКОВ.** 1. Фе5
113. **В. ДЯЧУК.** а) 1. Кре4, б) 1. Фb3, в) 1. Фс1
114. **Б. ЖЕЖЕРУН.** 1. Фа4
115. **Ш. АКБУЛАТОВ.** 1. Кd5 Кpd6 2. e4, 1...Крb5 2. Фb4, 1...Крb7 2. Крb6
116. **В. ЖЕГЛОВ.** 1. Кf5 Кре6 2. Ке5, 1...Крс8 2. Кb8, 1...Кре8 2. Фg8
117. **А. ВАРИЦКИЙ.** 1. Фf7 a1К 2. Фа2, 1...Крс2 2. Фf2
118. **М. НЕДЕЛЬКОВИЧ.** 1. Фh6 Крс3 2. Фс1 Кpd4 3. Кре6, 1... Кре4, 2. Фf6 Кpd5 3. Фе6
119. **В. ЖЕГЛОВ.** (-5)! 1...Кpd4 2. Кb6 Кре4 3. Кd5 Кpd4 4. Лf4x; 1.Кpd7! Кpd4 2. Кd6 Крс5 3. Лb3 Кр- 4. Кf3 Кpd5 5. Лb5x, 2...Крс4 3. Кс2 Крс5 4. Лb3 Кpd5 5. Лb5x
120. **В. ИВАНОВ.** а) 1. Ке7 Кpd8 2. Кpd6 Кре8 3. Кf5 Крf8 4. Се7; б) 1. Кb6 Крf8 2. Крf6 Кре8 3. Крг6 Крf8 4. Cf7; в) 1. Кf7 Крf8 2. Ch6 Крг8 3. Крf6 Крh7 4. Сg7
121. **Л. ЛЕБЕДЕВ.** 1. Фh8
122. **В. ПИЛЬЧЕНКО.** а) 1. Кb1, б) 1. Крh5, в) 1. Фf6
123. **В. ГРЕБЕШКОВ.** 1. Кра5
124. **Н. АКИМОВ.** 1. Cf7
125. **Е. МАРКОВ.** 1. Кh4
126. **Б. ЖЕЖЕРУН.** 1. Фh5
127. **Ш. АКБУЛАТОВ.** 1. Ке3
128. **В. ДЯЧУК, Н. ЧЕРНЯВСКИЙ, С. ВЕСЕЛЕНЧУК.** а) 1. Кpd2, б) 1. Крf3
129. **В. КОВАЛЕНКО.** 1. Се3
130. **Л. ПРОНИН.** (Бел. Фg4) 1. Фh4 Кре6 2. Фg5, 1...Крf5 2. Крf7
131. **Л. ЛЕБЕДЕВ.** 1. Са7 Кра7 2. Крс7, 1...Крb7 2. Фс7
132. **А. АЗОВ.** 1. Се5 Кре4 2. Фе6, 1...Крг5 2. Фf7
133. **В. ЖЕГЛОВ.** 1. Се6 Кре6 2. Лg7, 1...Крf8 2. Кpd6
134. **А. МИРОНОВ.** 1. Кf4 Кре8 2. Ке6, 1...Крг8 2. Кg6
135. **С. БОЛОТБЕКОВ.** 1. Се5 Кре5 2. Кpd7, 1...Кре7 2. Cd6, 1...Кpd5 2. Cd6
136. **В. ГРЕБЕШКОВ.** 1. Крb3 Крh1 2. Са3 Кра1 3. Сb2
137. **В. ЖЕЛТОНОЖКО.** 1. Кf5 Крb4 2. Крb6 Кра4 3. Кd4, 1...d5 2. Фа3 Крс4 3. Крс6
138. **В. ЖЕГЛОВ.** 1. Ке5 Кре5 2. Фf8 Кре6 3. Ch3, 1...Крf5 2. Кpd4 Крf4 3. Фh4, 1...Крг3 2. Фg5 Крf2 3. Кf3, 1...Кре3 2. Фd4 Крс2 3. Кс4
139. **М. ЧЕРНУШКО.** 1. Кf2 Крf2 2. Ке1 Кре13. Лf8 Кpd1 4. Лf1x, 2...Крf1 3. Кре3 Кре1 4. Лg1x
140. **В. ИВАНОВ.** 1. Cf7 Крf5 2. Ch5 Кре5 3. Cf3 Крf5 4. Ch5 Кре5 5. Сg6 Кpd5 6. Се4 Кре5 7. f4x
141. **А. ОГАНЕСЯН.** 1. Сb5 Крс1 2. Cd2 Крb1 3. Кре2 Крс2 4. Са4 Крb1 5. Сb4 Крс1 6. Са3 Крb1 7. Кре3 Крс1 8. Кpd3 Крb1 9. Сb4 Крс1 10. Cd2 Крb1 11. Сс2x

Правильные ответы на все задания прислали: **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск), **Г. ПОПОВ** (Якутск), **А. РОГАНИН** (пос. Строитель Белгородской обл.), **В. СИМОНОВ** (Самара), **В. ШУМАРИН** (Москва). Одну задачу не решил **Г. КАРМАНОВ** (Сыктывкар).

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. "Скелет", прочитанный по-арабски. 10. Крючок, придирина (по В. Далю). 13. Отверстие в улье с крылечком. 14. "Месяц снегов" в республиканском календаре Франции. 15. Протопоп, чья проза, по мнению Ф. Достоевского, непереводаима на другие языки. 16. Воск из овечьей шерсти. 17. Добрая кухарка в "Королевстве кривых зеркал" В. Губарева. 18. Азиатский опытный зверь, возможный поставщик золотого руна. 19. Группа островов в Японском море. 20. Главный враг Ринни-Тинки-Тави в сказке Р. Киплинга. 23. Близкий родственник фасоли. 24. Защитная земляная насыпь в старину. 25. Звание Ромашова в "Поединке" А. Куприна. 28. Самоцвет, янобы умножающий разум и честь. 29. Летний православный праздник. 31. Нубисты разделили мир на цилиндр, шар и... 33. Начальница заведения, предприятия. 36. Рыба, блюда из которой вполне съедобны под соусами на основе

сметаны. 38. Насылатель ночных кошмаров у древних славян. 39. Лех, ... и Чех — легендарные славянские князья. 40. Сделать на ... (очень хорошо). 42. Последняя новелла П. Мериме. 44. Желтый сахарный песок, который гораздо полезнее рафинированного. 46. Аптечное растение, отпугивающее мышей. 47. Житель одной из закавказских столиц. 48. "Судилище царей; победы и поражения — это его приговоры" (А. де Ривароль). 49. Командир космического корабля "Союз-6". 50. Слово, обозначающее понятие в искусстве, науке, технике. 51. Член секты трясун в Англии и США.

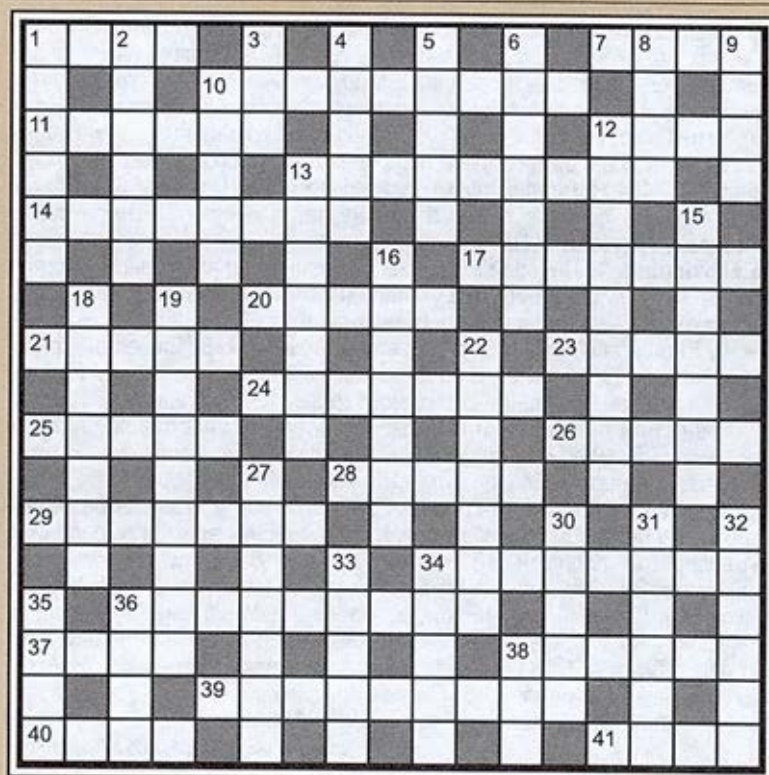
По вертикали. 1. Лицевой мускул. 2. Дорожная шляпа греков, атрибут Гермеса. 3. И римский бог, и шутовское название врача. 4. Голая скала, выступающая над ледником (в Гренландии). 5. Оплошность шахматиста. 6. Внешняя оболочка зерна цветочной пыльцы. 8. Греческий философ, учитель Демокрита. 9. Узбекский город, родина поэта Хамзы. 11. Техническое название оловянной золы. 12. Увлажнение грядок. 21. Советский танцовщик и балетмейстер, первым поставивший оперу на балет. 22. Колокольчик с дробинкой внутри. 23. Должность С. Витте, совершившего "рублевое чудо". 26. Ручной аппарат оратора. 27. Ветер, дующий на восточных склонах Снаклистых гор в США, образно называемый снегоедом. 30. Известная с библейских времен смоковница со съедобными плодами. 32. Часовой "стукач". 33. Высокий мальчишеский голос. 34. Она есть и у игральная карты, и у луковицы. 35. Петербургский издатель "Классной библиотеки". 37. Украшение или отличительный знак на шлеме или шишане. 38. Герой известной песни поет: "Не для тебя ли в садах наших ... рано так начали зреть?" 41. Наставник спортивной команды. 43. Полоса по краю занавески, обоев, поля. 45. Крымский сорт красивых, но жестких яблок. ■

*Составил А. ЯДЫКИН, Климовск
Московской области*

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4.

По горизонтали. 5 Монокль. 7. Эфир. 8. Жезл. 10. Циновка. 11. Гомон. 13. Алиса. 14. Перестройка. 19. Короленко. 22. Бондарь. 23. Ильин. 24. Стадион. 25. Досмотр. 26. Аврал. 28. Юморист. 29. Романтика. 33. Филантропия. 36. Торий. 37. Ярлы. 38. Хоровод. 39. Дума. 40. Енка. 41. Шелоник.

По вертикали. 1. Посиделки. 2. Торонто. 3. Блоннот. 4. Сироп. 6. Ветла. 7. Эзол. 9. Лист. 12. Неверовский. 13. Анномодация. 15. Кортома. 16. Волдырь. 17. Одометр. 18. Критина. 20. Олива. 21. Динар. 27. Локомотив. 30. Чародей. 31. Утнонос. 32. Зонд. 33. Фирма. 34. Ярина. 35. Мыза.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Возвышенный объект особого почитания у язычников. 7. Существо, ради которого в Румынии в грозу открывали окна — чтобы оно вышло наружу. 10. Древнесирийский астроном и математик, разделивший земной шар на девять географических поясов. 11. Немецкий авиаконструктор и промышленник, создавший первый цельнометаллический самолет. 12. Нидерландский художник, чья подчас демоническая фантазия — явление неповторимое в истории искусства. 13. Джебель-ат-Тарик (современное название залива). 14. Животное, в виде которого делали окованный бронзой таран на носу греческой триеры. 17. Бронзовый предмет, один из трех символов императорской власти в Японии. 20. "Враг, полтора года стареющий увлечь Россию на путь гибели" (Н. Ансаков). 21. Королева на доске. 23. Многократная литературная кража. 24. Олень с клыками и волосами, поль-

ми внутри. 25. Чад в Чаде. 26. Скандинавская дева судьбы, соответствующая славянской роженице или судице. 28. Один из двух летчиков, ставших Героями Советского Союза в первый день войны. 29. Французский выговор. 34. Английский гидрограф, исследовавший Австралию и предложивший так назвать континент. 36. Почва, на которой, по Я. Проппу, возникает эпос. 37. Впереди арбы. 38. Грузовой теплоход с откидной кормой. 39. Пористый, как туф, камень, из которого построен Колизей. 40. Журнал, чьим редактором был М.Таль. 41. Обыватель, ослепленный модой высшего света.

По вертикали. 1. Свинский эвфемизм. 2. Роль С. Филиппова в фильме "Нарнавальная ночь". 3. Начало второй песни "Одиссеи": "Вышла из мрака младая с перстами пурпурными...". 4. Южный плодовой кустарник, способный расти даже на сальной крутизне. 5. Ближневосточный и среднеазиатский ударный инструмент, часто входящий в состав народных оркестров. 6. Город, где родился Иисус Христос. 8. Бурятская хоропроводная песня по случаю удачной охоты. 9. Форменный разиня. 10. Должностное лицо в духовно-рыцарском ордено, стоявшее ступенью ниже великого магистра. 12. Самый близкий, по мнению знатоков, к балету вид спорта. 13. Горы, выше которых, по признанию Эдисона, он не позволял улетать своим мыслям. 15. "Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она ... весьма сильный" (Песнь песней). 16. Возмутитель спокойствия, падкий на сплетни. 18. Надзор, установленный в России в 1799 году. 19. Мужчина как жертва Яриле. 22. Каждое из двух связующих звеньев между колесами и копытами. 27. Государственная малютка в колыбели Европы. 30. Насад водопада Игуасу с бразильской стороны. 31. Жук, плодящий проволочников. 32. Птица, по которой названы Азорские острова. 33. Рыба, до сих пор в сушеном виде заменяющая части эскимосов хлеб. 34. Каждая из частей души, которыми она любит, ненавидит, трепещет. 35. Оброк продуктами или деньгами, наной в средневековой Европе платили феодалу. 36. Немецкий путешественник, открывший в джунглях Зимбабве величественные развалины — башни и стены. 38. "... плюс рыба" — прежняя формула питания японцев. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4.

По горизонтали. 1. Маска. 7. Люффа. 10. Трезвон. 11. Штурман. 12. Стерх. 13. Знамя. 14. ...грабежи. 15. Энион. 16. Жук. 19. Винклер. 20. Повар. 23. Ежан. 25. Нума... 26. Ясновидец. 27. Боец. 29. Инок. 30. Харач. 31. "Рамаяна". 33. ...бес. 35. Фальк. 37. Корелли. 38. Серсо. 39. Угорь. 40. Старуха. 41. ...оторопь. 42. Гирда. 43. Алмаз.

По вертикали. 2. Алтарь. 3. Нораблин. 4. Эрн. 5. Азенкур. 6. Долма. 8. Юстиниан. 9. Фарфор. 10. Таджикистан. 16. Жером. 17. Побежалость. 18. Щерба. 19. Вазех. 21. Руина. 22. Ласни. 24. Мидас. 28. Царьград. 29. Интеграл. 31. Рессора. 32. Галгаи. 34. Плахта. 36. ...честь... 40. Спа.

ЕВРОЭКСПОМЕБЕЛЬ 2000

8-ая Московская
международная
специализированная
выставка-ярмарка мебели

ОККОЗ
ВЫСТАВОК
И ЯРМАРОК

Россия, Москва,
Культурно-выставочный центр
"Сokolniki"
15-20 мая 2000

Министерство Экономики Российской Федерации, Департамент экономики лесного комплекса

Культурно-выставочный центр "Сokolniki"

Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России

Источник красоты и здоровья

Наступают теплые дни, всем хочется поскорее освежить лицо, оздоровить кожу, что не так-то просто при весеннем авитаминозе. Но не огорчайтесь! Косметика "Лита-Цвет" на основе эсколина справится с этой проблемой. Ведь именно эсколин усиливает обменные процессы, обеспечивает глубокое увлажнение кожи, ускоряет восстановление клеток. Уникальная косметика обеспечивает упругость и эластичность кожи, так как увеличивает проницаемость биологически активных веществ через кожный барьер. Кроме того, эсколин абсолютно нетоксичен и гипоаллергенен. Мы продолжаем знакомить вас с уникальной косметикой "Лита-Цвет".

Замечательная крем-маска с голубой глиной, с фруктовой кислотой, экстрактом прополиса и кукурузным маслом увлажнит, успокоит вашу кожу, снимет воспаление, шелушение, сделает кожу упругой, придаст ей матовый оттенок.

Крем-гель против морщин, содержащий витамины А и Е, тыквеол, масло кукурузное, льняное, оливковое, масло виноградной косточки и ромашки идеально омолаживает кожу, разглаживает мелкие морщинки и предотвращает появление новых, восполняет недостаток питательных и увлажняющих элементов, улучшает контуры и цвет лица.

А крем-гель для век, в состав которого входит гиалуроновая кислота, витамин F, масло жожоба и виноградной косточки, масляный экстракт ромашки и эфирное масло лимона, очень эффективен для укрепления контура глаз.

Он не только питает, увлажняет и успокаивает чувствительную кожу, но и помогает устранить "гусиные лапки", более глубокие морщины вокруг глаз. Крем-гель уменьшает отечность, мешки и круги под глазами, оказывает отбеливающий эффект.

Приглашаем оптовых покупателей:

**Москва,
ул. 9-я Парковая, дом 37, корп.1.**

Телефоны:

(095) 965-20-38, (095) 467-18-80,

(095) 466-68-40, (095) 165-90-01.

МЕБЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

МЕБЕЛЬ МАССИВ

Предприятие "Мебель Массив" — это российский производитель высококачественной мебели из экологически чистых древесных материалов. Здесь на современном оборудовании мастерами своего дела создается комфорт и уют для вашего дома. Обеденные и журнальные столы — важнейшие предметы интерьера — главенствуют в производстве. Благодаря использованию твердых ценных пород дерева изделия от "Мебель Массив" поражают красотой и элегантностью. Гармоничную атмосферу без существенных финансовых затрат позволит вам создать мебель из MDF, покрытая натуральным шпоном.

**Наш адрес
в Москве**

Москва,
ул. Ивана
Бабушкина,
д. 5, к. 3
(095)
125-1701,
125-6805,
125-6351
E-mail:
[moscow@
deol.ru](mailto:moscow@deol.ru)

**Наш адрес
в Туле**

Тула,
ул. Курская,
д. 14
(0872) 34-1604
34-1544,
34-1533
E-mail:
[sales@
mebelmassiv.
tula.ru](mailto:sales@mebelmassiv.tula.ru)

**Береженого
Бог
бережет**

Вы сделаете правильный шаг, приобретя цифровой детектор радиации "КВАРТЕКС РД 8901". В наше время, когда экологическая безопасность стала одной из важнейших проблем, он необходим в каждой семье. В продуктах питания и воде, в почве и атмосферных осадках, в строительных материалах и денежных купюрах, в любых предметах, используемых в повседневной жизни, к сожалению, могут присутствовать следы радиоактивного загрязнения. Пользуясь нашим детектором, вы всегда можете проконтролировать радиационное состояние любого материала в своей квартире или загородном доме.

Слава Богу, если при измерениях не обнаружится никаких источников радиации — значит вы живете в нормальной радиационной обстановке и используете чистые продукты. Но это не должно вас успокаивать — мы настоятельно рекомендуем регулярно использовать наш детектор при покупке продовольствия или предметов быта. Действуйте в соответствии со старинной русской поговоркой: "Береженого Бог бережет".

Если же вы живете в современном загородном малоэтажном доме, пользуетесь артезианской водой и приборами на сжиженном газе, то у вас должен вызвать интерес и другой наш прибор — "КВАРТЕКС РД 5400". Он определяет возможность появления в воздухе вашего дома радиоактивного газа радона, выделяющегося из-под земли, из воды, взятой с большой глубины, из природного газа и из стройматериалов.

Если наш прибор покажет, что в вашем жилище возможно накопление радона, то пользуясь рекомендациями специалистов, вы сможете устранить эту проблему и атмосфера вашего дома будет не только уютной, но и безопасной для вас и вашей семьи.

Мы, специалисты в области атомной физики из Московского инженерно-физического института, советуем вам, вашим друзьям и вашим знакомым всегда иметь под рукой удобные и простые в обращении детекторы "КВАРТЕКС" — надежные защитники от контакта с невидимым, но смертельно опасным явлением современной цивилизации — радиоактивной грязью.

Все наши приборы сертифицированы и снабжены подробной инструкцией. Каждый покупатель бесплатно получает брошюру с популярным объяснением о мнимой и реальной опасности радиации.

Фирма "КВАРТА"
Москва, 115409,
Каширское шоссе, дом 31, корп. 44 "А"
Тел. 323-91-14, факс 324-54-62
Email: QUARTA-RAD@mtu-net.ru

“МУРОМЕЦ”: МЕБЕЛЬ, КОТОРАЯ ПОМОГАЕТ ХОРОШО ЖИТЬ

ООО “Муромец” из Йошкар-Олы — предприятие, производящее разнообразную, в том числе и корпусную мебель, сегодня ощущает себя законодателем мод. И это вполне обоснованно.

Пять лет назад нескольких специалистов предприятий военно-промышленного комплекса объединила идея выпуска оригинальной мебели, не уступающей зарубежным аналогам. Конечно, мебель — это не космический корабль, но “муромцы” взялись производить важнейшие предметы быта так же начественно, как раньше — космическую продукцию. Именно это определило конкурентоспособность мебели “Муромца”. Изготовленная в соответствии с европейскими стандартами, она успешно замещает продукцию солидных итальянских и польских фирм во многих регионах страны.

Добротная, красивая мебель ООО “Муромец” незаменима в библиотеках, барах, домах культуры, офисах. Она долго прослужит в институте, школе, детском саду, где столы и стулья подвергаются, как всем известно, серьезным испытаниям.

Гамма рабочих кресел, — как регулируемых по высоте на пятилучевой крестовине с колесными опорами, так и на регулируемой опоре, — предназначены для руководителей, операторов ЭВМ, банковских работников и т.д. Вся эта комфортная офисная мебель выполнена на базе каркасных труб с гальваническим или полимерным покрытием. Отделочный материал мягких элементов — специальная мебельная ткань, кожа, гобелен, напровелюр. Предприятие выполняет сегодня любые пожелания заказчиков — хотите обивку из особо выделанной натуральной кожи — пожалуйста!

Желающие украсить свой дом могут подобрать стулья, табуреты для своих чад любого возраста, а для себя — столы, мебельные секции, диваны, вешалки в прихожую и т.д. И все это — отличного качества, изготовлено в соответствии с европейскими стандартами.

Мебель с маркой “Муромца” хорошо знают не только в самой республике и в Костроме, Ярославле, Вологде, Перми, Уфе, Инжевске, Нижнем Новгороде, Чебоксарах, Казани, Самаре, Тольятти, Ульяновске, но и в златоглавой Москве.

ООО “Муромец” предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам:

**424006, Россия, республика Марий Эл,
Йошкар-Ола, ул.Строителей, 95
Телефон: (8362) 73-09 73 Директор
(8362) 12-29-52 Отдел сбыта
Тел./факс: (8362) 63-50-77**

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 2000 года цена за один номер журнала — 30 руб., за три — 90 руб., полугодичная подписка — 180 руб. (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)   (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ   место   ли-тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов
	пере-адресовки	руб.	

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ - МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Полотна Сергея Сидоренко словно бы залиты солнечным светом, потому и кажется, что солнце — главный герой всех работ художника. Знойное, раскаленное, оно заполняет крымские пейзажи, зыбким дрожащим маревом окутывает горные ландшафты Греции, ласковым светом озаряет венецианские улицы. Любовь к лету, к экзотической природе, жаркому небу у Сергея не случайна, ведь он родился и вырос в Крыму. Его отец оформлял интерьеры, делал витражи, лепнину, а, заметив у сына склонность к рисованию, определил его в изостудию. Затем Сергей окончил художественное училище в Симферополе, а после — московский Суриковский институт. Учился в мастерской Ильи Глазунова. Правда, с перерывом — два года отслужил в армии под Архангельском, о чем совершенно не жалеет. Конечно, суровому северному краю, с его скупыми приглушенными красками, далеко до экзотического многоцветия Крыма, но во всем своя прелесть. Да и разнообразие, как известно, никогда не бывает лишним для творческого человека. Поэтому в каждую свободную от службы минуту Сергей рисовал не только однополчан, но и северную природу.

Полдень в Греции.

Сергей Сидоренко

По возвращении в Москву Сергей перевелся в Академию художеств, созданную к тому времени Глазуновым. И еще на три года солнцу на его полотнах пришлось временно “закатиться”. Он писал огромные картины на мифологические сюжеты, копировал работы мастеров эпохи Возрождения. Первую поездку в Италию, устроенную мэтром своим студентам, воспринял как подарок судьбы. “Художнику, — считает Сергей, — постоянно нужны новые впечатления, потому что любой импульс извне влияет на творчество”.

И действительно, Сергею трудно усидеть на одном месте. Россию, кажется, исколесил “вдоль и поперек”, в Бонне провел первую персональную выставку, из Парижа привез множество этюдов, в Венеции писал дворец Дожей, внутренние дворики с аркадами, фонтанами, знаменитые каналы с отраженными в воде домами. Но более всего художника привлекает, помимо родного Крыма, Греция. Где еще встретишь такое жаркое солнце, такой яркий чистый свет, слепящую голубизну неба и моря, бесценные руины и горы, на которых когда-то обитали боги. Сказочная страна! Афины, Коринф, остров Гидра... Из этих мест Сергей привез столько работ, что их хватило на три персональные выставки, которые прошли в ЦДХ, ЦДРИ и в зале “Творчество” на Таганке.

Сидоренко пишет в традиционной реалистической манере с некоторыми элементами импрессионизма. “Но в какой бы манере ни работал художник, какому бы течению ни отдавал предпочтение, — говорит Сергей, — главное — находить необычное в обыденном и раскрывать нечто затаенное в привычном”.

Людмила КАНДАЛОВА

Венецианская мелодия.

Помпейский дворик.

Глициния.

ЗАО "ВасКо"

Мебель
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерные
и письменные
столы.

Все товары со склада в Москве. Оптовикам скидки

ЗАО "ВасКо" –
крутосерийное
производство мебели
для теле-, видео-,
аудиоаппаратуры,
компьютерных
и письменных столов,
тумб для аудио.
Поточная технология
в сочетании
с применением
высокотехнологичного
оборудования
ведущих фирм мира
позволяет выпускать
качественные
и дешевые по
конкурентоспособным
ценам.

Москва,
ул. Академика Янгеля,
дом 1, строение 17.
Телефон (095) 388-4525,
факс: (095) 388-2096
E-mail: vasko_mebel@mtu-net.ru

